

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

М. И. РАДОВСКИЙ

М. В.

ЛОМОНОСОВ

И

ПЕТЕРБУРГСКАЯ

АКАДЕМИЯ

НАУК

М. И. РАДОВСКИЙ

М. В.

ЛОМОНОСОВ

И

ПЕТЕРБУРГСКАЯ

АКАДЕМИЯ

НАУК

Портрет М. В. Ломоносова работы И. И. Бермилеева (1854).

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ

М. И. РАДОВСКИЙ

М. В.
ЛОМОНОСОВ
И
ПЕТЕРБУРГСКАЯ
АКАДЕМИЯ
НАУК

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЭБ "Научное наследие России"
МОСКВА • 1961 • ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор
А. В. ПРЕДТЕЧЕНСКИЙ

Памяти
СЕРГЕЯ ИВАНОВИЧА ВАВИЛОВА,
организатора всестороннего
изучения деятельности
М. В. Ломоносова и Академии наук

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга посвящена памяти выдающегося советского ученого, покойного Президента Академии наук СССР, Сергея Ивановича Вавилова. В марте 1961 года исполняется 70 лет со дня его рождения.

Многогранная и целеустремленная деятельность С. И. Вавилова оставила глубокий след в истории советской науки и в истории Академии наук и явилась заметной вехой в развитии советской культуры. С. И. Вавилов, питомец Московского университета, носящего имя М. В. Ломоносова, был одним из создателей советской оптики, организатором научных исследований и в то же время авторитетным общественным деятелем, положившим все силы на благо нашей Родины. Отличаясь широким научным и философским кругозором, С. И. Вавилов сыграл выдающуюся роль в популяризации науки среди широких народных масс как первый председатель Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. Вся его жизнь и творчество близки по духу к деятельности М. В. Ломоносова.

Придавая важное значение истории науки, С. И. Вавилов посвятил много труда изучению наследия Ломоносова и сумел привлечь к этому многочисленных специалистов разнообразного профиля, организовав вместе с Т. П. Кравцем коллективную работу и наметив тематику по дальнейшим исследованиям творчества великого ученого. Эта работа продолжается и ныне.

Автор настоящей книги принимал участие в изысканиях по истории науки, проводившихся под руководством С. И. Вавилова. Деятельность Ломоносова в стенах нашей Академии рас-

смотрена автором в значительной мере на основе документов, либо впервые привлекаемых к исследованию, либо освещенных по-новому.

Всестороннее изучение эпохи Ломоносова и той исторической обстановки, в которой он трудился, является в настоящее время одной из наиболее важных и ответственных задач. Давно уже пройдена та стадия изучения наследства великого ученого, когда приходилось заново «открывать» Ломоносова, извлекая из архивов его исследовательские работы. На очереди — далеко не исчерпанная тема «Ломоносов и его современники». Разработка ее во всех деталях позволит, с одной стороны, более глубоко раскрыть величие Ломоносова на фоне его эпохи, с другой — показать те связи, без которых непонятно историческое своеобразие деятельности родоначальника русской науки.

Ленинград
18/II 1961 г.

Акад. А. Топчиев

НА ПУТИ К ПРОФЕССОРСКОМУ ЗВАНИЮ

Петровские реформы выдвинули ряд острых государственных проблем, требовавших неотложного разрешения. Одной из самых важных была проблема подготовки отечественных специалистов.

До Петра, да и им самим вначале, вопрос о высококвалифицированных специалистах решался весьма просто — их выписывали из-за границы.¹ Не говоря уже о том, что это не соответствовало потребностям страны, приглашение иностранных специалистов было сопряжено с большими техническими трудностями и во многом зависело от характера взаимоотношений Московского государства с западными соседями. Например, в XVI в. были приглашены свыше ста зарубежных специалистов — врачей, аптекарей, архитекторов и др. Но неприязненные отношения с Ганзой и Ливонским орденом привели к тому, что в Россию не пропустили ни одного из них.²

Необходимость иметь в стране собственных специалистов была ясна передовым русским государственным деятелям давно, и уже в начале XVII в. были приняты действенные шаги в этом направлении. При Борисе Годунове правительство намеревалось даже создать для подготовки русских специалистов высшее учебное заведение и для начала послать несколько молодых людей учиться в заграничных университетах. Эта попытка успеха не имела. Развернувшиеся события, связанные с польско-шведской интервенцией, привели к тому, что о посланных за границу (в английские университеты) юношах забыли, а когда — уже в царствование Михаила Федоровича — о них вспомнили, то их следы совершенно затерялись.³

Тем не менее попытки московских царей посылать молодых людей учиться за границу не прекращались. Наибольший размах они приняли в конце XVII — начале XVIII в. Петр I, как выразился Ломоносов в одном из своих публичных выступле-

ний, «во все европейские государства и города, академиями (университетами, — *М. Р.*), гимназиями, военными училищами и художников искусством славные, избранных юношей пчелам подобное множество рассыпал».⁴

Однако эти меры общую проблему подготовки специалистов не разрешали, что прекрасно понимали передовые люди не только внутри страны, но и за границей. Лейбниц, например, в своих многочисленных проектах распространения просвещения, поданных Петру I и его ближайшим помощникам, неоднократно указывал на необходимость организовать в России сеть учебных заведений — средних и высших, задачей которых была бы подготовка специалистов для всевозможных областей государственного строительства.⁵

Эта глубоко продуманная идея нашла в некоторой степени отражение в утвержденном Петром I проекте устава Петербургской Академии.⁶ Ей с самого начала вменялось в обязанность наряду с научными изысканиями вести и педагогическую работу, что существенно отличало нашу Академию от подобных научных корпораций в западных странах, где уже в течение многих столетий существовали высшие учебные заведения — университеты, история которых восходит к XII в.

В России же до основания Академии наук не было ни средних, ни высших учебных заведений, за исключением духовных и военных. На Академию и было возложено восполнить этот пробел. Упомянутый здесь проект устава⁷ датирован январем 1724 г. В том же году начались переговоры с иностранными учеными, которые приглашались на работу в Россию. Уже в середине следующего года они начали съезжаться в Петербург, Академия наук была открыта, и при ней вскоре начали функционировать университет⁸ и гимназия. По заключенным контрактам академики должны были, помимо научных исследований, также преподавать в этих учебных заведениях. Следить за выполнением этого было одной из основных обязанностей президента Академии.⁹

Для прохождения курса высшего образования требовалась значительная подготовка. Ею в России обладало весьма ограниченное число молодых людей. Приехавшие академики, которые уже преподавали до того в зарубежных университетах,¹⁰ привезли с собой несколько своих студентов, чтобы они завершили свое образование в Петербурге.¹¹ Из первых академических студентов необходимо назвать такие имена, как Майер,¹² Гросс¹³ и Миллер,¹⁴ которые сами вскоре стали профессорами — так в первые десятилетия существования Петербургской Академии назывались действительные ее члены.

В списках академических студентов «иноземцы» значились еще долго. В перечне за 1727 г. из двенадцати учащихся мы находим всего четыре русских фамилии,¹⁵ и только один из них, Василий Адодуров, достиг положения адъюнкта (первая академическая ступень), но и он вскоре покинул Академию.¹⁶ Иными словами, подготовка отечественных специалистов в первые годы существования Петербургской Академии наук была далеко не удовлетворительна. Положение осложнялось еще и тем, что вскоре некоторые крупные ученые, имевшие неоспоримые заслуги в истории Академического университета, покинули Академию по причинам, о которых речь будет ниже.

Оживление в деятельности Академии наук наступило после того, как во главе ее стал И.-А. Корф, именовавшийся «главным командиром».¹⁷ Отдавая больше внимания возглавляемому им учреждению, чем его предшественники, он серьезно занялся и Академическим университетом. В Петербургской Академии даже после отъезда ряда крупных ученых оставалось еще достаточно сил, чтобы она могла занять видное место среди мировых научных корпораций. Достаточно назвать имя Леонарда Эйлера,¹⁸ который пользовался заслуженной славой авторитетнейшего ученого не только в России, но и во всем мире.

Одной из труднейших задач, с которыми столкнулся Корф, был подбор учащихся для Академического университета. Вначале он пытался решить эту проблему в порядке обычного набора. В апреле 1735 г. он обратился в Правительствующий сенат с ходатайством, «дабы соблаговолено было приказать сначала 30 человек шляхетных юношей доброго нрава и довольных надежды при Академии воспитать и содержать, и не толико в приличных к украшению, но и вышних науках, по намерению е. и. в. Петра Великого, так обучать, чтоб они со временем государству полезные услуги показывать могли».¹⁹

Эта попытка была обречена на неудачу. Для «шляхетных юношей» привлекательней были военные учебные заведения, предоставлявшие своим питомцам значительно больше привилегий, чем Академический университет. Поэтому менее чем через месяц Корф обратился в Сенат с новым ходатайством и просил приказать «из монастырей, гимназий и школ в здешнем государстве двадцать человек, чрез означенных к тому от Академии людей, выбрать, которые столько научились, чтоб они с нынешнего времени у профессоров сея Академии лекции слушать и в вышних науках с пользою производить могли».²⁰

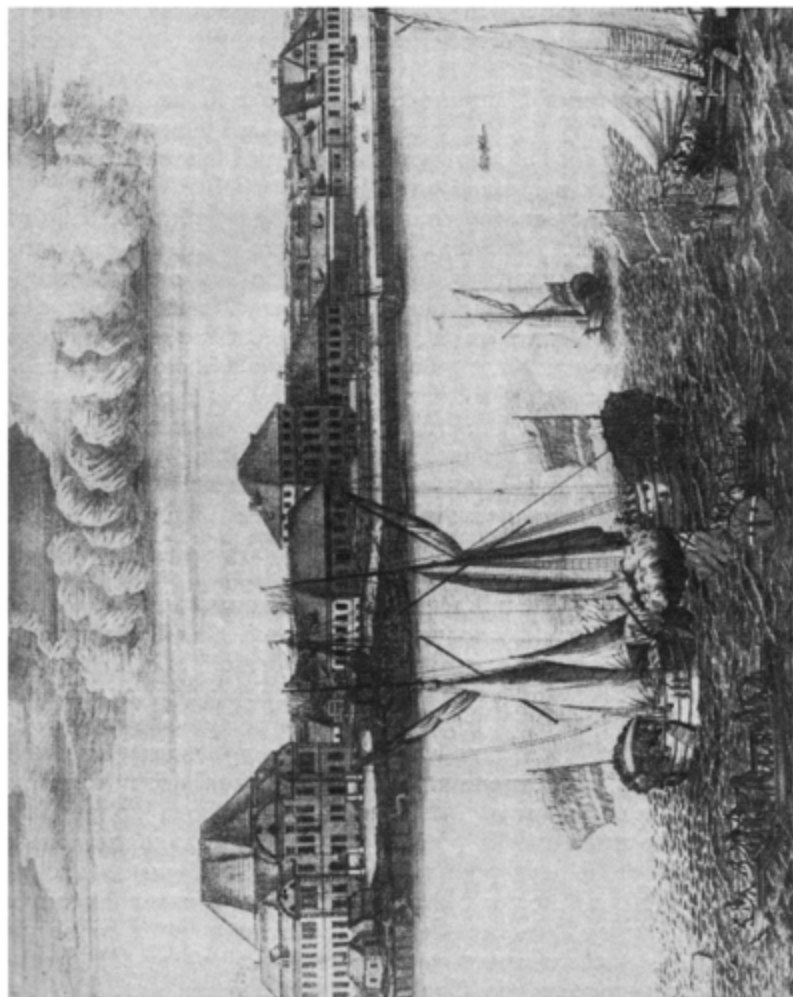
Представление Корфа было рассмотрено лишь полгода спустя — 15 октября 1735 г. В Академии был получен из Пра-

вительствующего сената указ, согласно которому Славяно-греко-латинской академии²¹ предписывалось выбрать из учащихся наиболее способных и успевающих («в науках достойных») двадцать человек и, по установлению их знаний, удостоверенному ректором и преподавателями, отправить их в Петербург в Академию наук.²²

Нельзя сказать, чтобы распоряжение высшей власти было охотно выполнено Московской духовной академией,²³ заботившейся естественно о подготовке служителей культа, а не о специалистах для замещения светских должностей. Между тем уже в течение целого ряда лет значительное число ее питомцев, пренебрегая духовным саном, предпочитало гражданскую службу церковной. Многие из них, не окончив Академии, поступили в Медико-хирургическое училище,²⁴ открытое в 1706 г. К тому же в 1732 г., по ходатайству Академии, из старших классов Славяно-греко-латинской академии были отобраны двенадцать лучших учеников для отправки в Камчатскую экспедицию.²⁵

За выполнением указа Правительствующего сената должен был следить Синод, обязавший ректора архимандрита Стефана неукоснительно «представить тех школьников в конторе Правительствующего сената немедленно».²⁶ Тем не менее это распоряжение было выполнено немногим больше, чем наполовину. Вместо двадцати в декабре месяце было отобрано всего двенадцать учащихся. Они и были присланы в Академию наук. Сообщая об этом Сенату, Корф вынужден был просить, «дабы повелено было означенных учеников полное число двадцать человек в Академию выслать. А буде в Спасском монастыре не имеется, то б повелено было из других училищных монастырей выслать же».²⁷

Двенадцать учеников Славяно-греко-латинской академии были отобраны из старших классов, называвшихся не по порядковым номерам, а по предметам, которые там изучались, — это были классы богословия, философии, риторики и пиитики. Сохранился список всех двенадцати учеников: Василий Лебедев, Яков Виноградов, Яков Несмеянов, Александр Чадов, Дмитрий Виноградов, Иван Голубцов, Михайло Ломоносов, Прокофей Шишкарёв, Семен Старков, Алексей Барсов, Михайло Коврин и Никита Попов.²⁸ О многих в литературе сохранились биографические данные, которые свидетельствуют о том, что выбор студентов для Академии был вполне удачен. Четвертая часть из них достигла видного положения в науке и технике. Кроме Ломоносова, действительным членом Академии стал Никита Попов,²⁹ а Дмитрий Иванович Виноградов (1717—1758), создатель русского фар-

Первое здание Академии наук.

фора, прославился как выдающийся химик-технолог.³⁰ Большинство остальных заняли более скромные места, требовавшие тем не менее высокой квалификации. Это были переводчики, корректоры академической типографии, помощники академиков, занимавшихся экспериментальными работами; один из них, Яков Несмеянов, был назначен преподавателем Академической гимназии.³¹

Из Москвы ученики Славяно-греко-латинской академии выехали 23 декабря 1735 г., как это видно из донесения сопровождавшего их отставного прапорщика Василия Попова,³² и через десять дней прибыли в Петербург.³³

История Академического университета разработана слабо; сохранилось очень мало материалов о том, как жили и чему учились приехавшие в Петербург москвичи. Но из одного документа, о котором речь будет ниже, видно, что Ломоносов и Виноградов вскоре обратили на себя внимание. В это время для Камчатской экспедиции³⁴ потребовался химик, знакомый с горным делом.³⁵ Такого специалиста в Академии не оказалось. Здесь не было тогда и отдельной кафедры химии; эта дисциплина входила в кафедру естественной истории. В Академии решили обратиться к известному тогда специалисту по горному делу И. Ф. Генкелю, автору ряда трудов, переведенных на французский и английский языки,³⁶ жившему в Фрейберге, крупном горнозаводском центре Саксонии.³⁷ Тот ответил, что нужного Академии специалиста не найдется и в Германии,³⁸ и предложил послать в Фрейберг несколько молодых людей, которые изучили бы там горное дело и металлургию.³⁹ В Академии с этим согласились, и Корф предложил правительству отправить трех студентов в Германию, в г. Фрейберг к «берг-физику» Генкелю для обучения. Через два месяца после приезда москвичей в Петербург Корф представил правительству доклад, в котором говорилось: «Ежели по моему 23 февраля сего года поданному докладу все милостивейше повелено будет несколько молодых людей в Фрейберг, к берг-физику Генкелю для обучения металлургии отправить, то могут выбраны быть из нижеозначенных учеников: 1) Густав Ульрих Рейзер, советника Берг-коллегии сын, рожден в Москве и имеет от роду семнадцать лет. 2) Дмитрий Виноградов, попович из Суздаля, шестнадцати лет. 3) Михайло Ломоносов, крестьянский сын из Архангелогородской губернии, Двиницкого уезда, Куростровской волости, двадцати двух лет.⁴⁰

«Понеже они все те свойства в себе имеют, каких помянутый берг-физикус требует, то надеяться можно, что и они со временем изученные берг-физику будут».⁴¹

Обучение в Германии для питомцев Славяно-греко-латинской академии было связано с большими затруднениями, так как они не знали немецкого языка. Но это не считалось препятствием для отправки их за границу. Насколько ценили в Академии способности Ломоносова и Виноградова, видно из следующих слов Корфа: «Хотя Дмитрий Виноградов с Михайлом Ломоносовым немецкого языка и не знают, однако еще в бытность свою здесь чрез три месяца столько научиться могут, сколько им надобно».⁴²

Правительство согласилось с мнением президента Академии наук и ассигновало необходимые средства для отправки и содержания академических студентов в Фрейберге, «чтоб могли себя содержать без излишества». В резолюции кабинета е. и. в., датированной 13 марта, предусматривалась еще командировка их, по окончании курса в Фрейберге, в другие страны Западной Европы: «А как они, будучи в Фрейберге, науку примут и потребно им будет ехать для окончания тех своих наук и смотра славнейших химических лабораторий в Англию, Голландию и во Францию, тогда им для тамошней бытности и возвращения в Россию учинить прибавку».⁴³

Однако план этот подвергся существенному изменению. Отец студента Райзера, горный советник Райзер,⁴⁴ написал Корфу письмо, в котором предложил другую программу обучения русских студентов химии и металлургии. Он считал, что, для того чтобы Россия получила действительно высококвалифицированных специалистов, учащимся необходимо дать солидную подготовку по естествознанию, включающую основательное изучение ряда дисциплин; их должно быть не менее десяти, а именно: физика, химия, физическая география, минералогия, механика, гидравлика, гидротехника, литейное дело, маркшейдерское дело и графика. Кроме того, будущие ученые горные офицеры должны хорошо усвоить иностранные языки, по крайней мере немецкий, французский, английский и латинский. Иными словами, речь шла о фундаментальном университетском курсе, который должен был предшествовать углубленному изучению горнозаводского дела.⁴⁵

Академия с этим согласилась. Из германских университетов был избран Марбургский, основанный еще в XVI в.⁴⁶ и выдавший в своих стенах Джордано Бруно еще за полтора года до приезда русских студентов.⁴⁷ В университете уже свыше десяти лет преподавал знаменитый ученый-энциклопедист Христиан Вольф.⁴⁸ Он был хорошо известен в России, так как с его именем связан начальный период организации Академии наук и он значится первым в списке ее почетных членов.⁴⁹⁵⁰

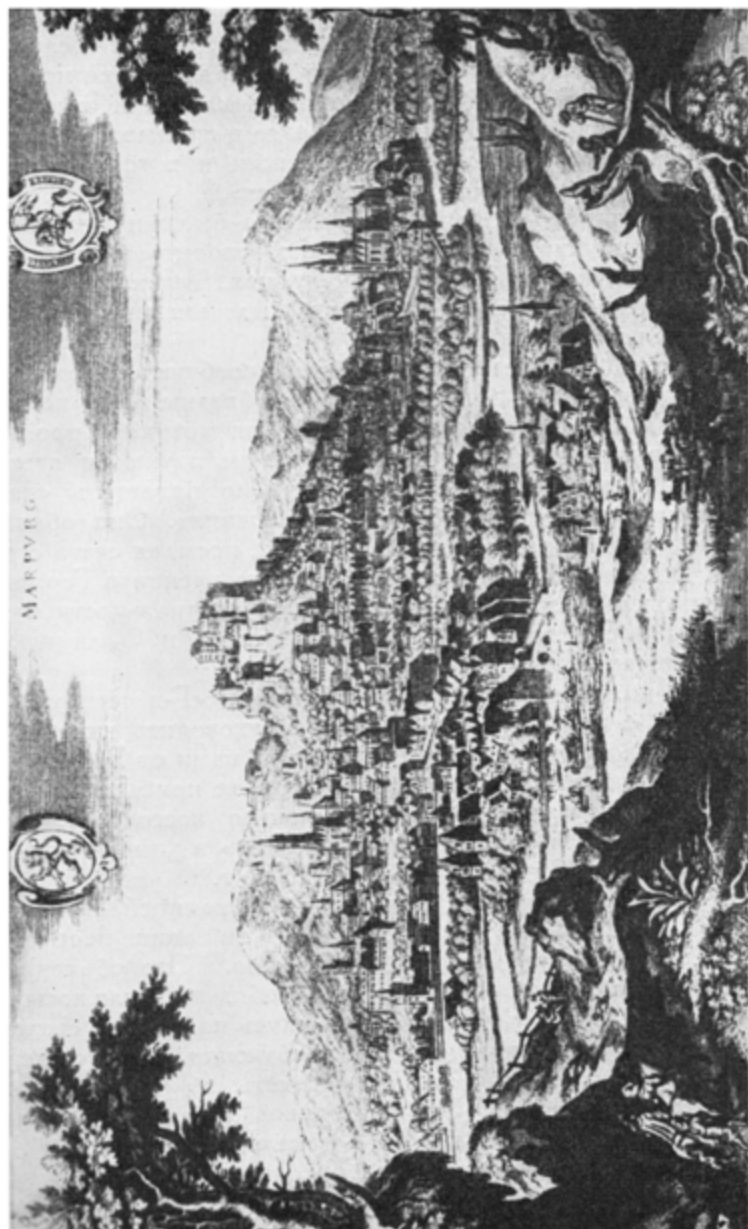
В изданном 15 июня 1736 г. распоряжении Корфа указано: «Имеют оные три студента прежде в Марбург, в Гессию ехать, чтоб там в металлургии и в прочих науках положить основание и продолжать оные под смотрением профессора Волфа, к которому о том особливо писать, дабы он их по той инструкции, которая им дана будет, таким порядком содержал, чтоб они по прошествии двух лет в состоянии были к исполнению всемилостивейшего намерения е. и. в. в Фрейберг и в другие горные места, во Францию, Голландию и Англию ездить, для получения там большей способности в практике».⁵¹

Прошло около двух месяцев, пока вопрос о посылке студентов за границу был окончательно решен. 7 августа президент Академии наук обратился в Коллегию иностранных дел с ходатайством о выдаче Райзеру, Виноградову и Ломоносову паспортов на срок «по окончании их наук».⁵²

Наиболее удобным путем в Германию тогда был морской. Студенты не избежали некоторых приключений, которые кратко изложены в письме Райзера к президенту Академии.⁵³ 3 ноября они прибыли в Марбург⁵⁴ и сразу же направились к Вольфу, которому вручили следующее письмо президента Академии наук: «Особенно рекомандую Вашему высокоблагородию... студентов Райзера, Ломоносова и Виноградова, которым ее имп. величество всемилостивейше повелеть соизволила усовершенствоваться за границею в металлургии и прочих науках, относящихся к горной части. Инструкция их покажет Вам, что они обязаны делать, а в самом непродолжительном времени я сам буду иметь честь уведомить Вас обо всем остальном».⁵⁵

Инструкция — в ней нашли отражение высказанные отцом Райзера соображения — подробно определяла круг обязанностей и линию поведения посланных за границу студентов.⁵⁶ Прежде всего им надлежало везде и во всем «показывать пристойные нравы и поступки» и усердно и прилежно овладевать изучаемыми предметами. На первый план ставились дисциплины, относящиеся к области химии и горного дела. Большое внимание студенты должны были уделять и общим курсам — естественной истории, физике, геометрии, тригонометрии, механике, и гидротехнике. Всем этим предметам они должны были учиться у Вольфа, требуя «при всех случаях совета», о чем ему Академия уже сообщила, и по этому делу она и впредь будет с ним в переписке.

От студентов требовали, чтобы они не только знакомились с горнозаводским делом непосредственно на производстве, но и сами, не гнушаясь никакой работой, на практике овладевали будущей своей профессией. «Положивши основание в теории, —

Вид г. Марбурга.

гласит следующий пункт, — должен он⁵⁷ при осматривании рудокопных мест различные свойства гор и руд, так же и случающуюся при том работу и прочие к тому принадлежащие машины и строения прилежно примечать, а при плавлении и отделении руд в лабораториях сам трудиться, и везде в практике ничего не пренебрегать, чем он свое знание в химии и в горных делах в возможное совершенство привести может».⁵⁸

По окончании курса студенты должны были научиться не только свободно читать, но и свободно говорить и писать на немецком, латинском и французском языках. Так как они готовились к инженерной деятельности, им было вменено в обязанность учиться и рисованию.

Об успехах и поведении студентов сообщать президенту Академии должен был Вольф. Сами они обязаны были не реже чем два раза в год посылать Академии «известия» о пройденных дисциплинах, сообщая отдельно, каким наукам и языкам обучаются. При этом студентам надлежало прилагать «нечто из своих трудов в свидетельство прилежания». Они обязаны были отчитываться в понесенных расходах, посылая счета с расписками. В случае если по окончании курса учения в Германии они для усовершенствования в избранной специальности будут направлены в Саксонию, Голландию, Англию и Францию, то им была обещана новая инструкция.

В одном из писем к Корфу Райзер писал: «Г-н регирунгсрат Вольф хочет сам принять на себя труд руководить нашими занятиями, согласно инструкции, полученной нами от Вашего превосходительства».⁵⁹ Уже через три дня после прибытия в Марбург русские студенты начали аккуратно посещать лекции. Запись о вступлении «петербургских руссов» в университетской книге датирована 17 ноября (нов. ст.) 1736 г.⁶⁰

Почти пять лет пробыл Ломоносов за границей, и, как отметил его биограф Б. Н. Меншуткин,⁶¹ ни один период его жизни не известен так хорошо и подробно.⁶² Это объясняется тем, что, согласно инструкции, студенты обязаны были посылать в Академию отчеты, в которых содержались подробные сведения не только о прохождении ими курса обучения, но и сведения, относящиеся к их личной жизни, и отчеты об израсходовании отпущенных им средств. Эти источники дополняются еще и письмами Ломоносова и Райзера, а также сообщениями в Академию их наставников Вольфа и Генкеля.⁶³

В Академии были уверены, что взятые на себя обязательства Вольф выполнит лучшим образом и что академические студенты попали в верные руки, тем не менее считали необходимым следить за ними с неослабевающим вниманием. Когда полу-

чение первого отчета студентов задержалось, Корф обратился к Вольфу с просьбой «понудить их к исполнению этого».⁶⁴ В тот же день (8 августа 1737 г.) он написал и студентам в вежливой форме, но решительно потребовал, чтобы они строго придерживались данной им инструкции и выслали сообщения «в наискорейшем времени о ходе своих занятий и об употреблении отпущенных денег».⁶⁵

Хотя студенты были поручены надзору Вольфа и ему надлежало сообщать Академии об их успехах, от них требовали еще так сказать «вещественные доказательства», по которым Академия будет судить об их усердии и прилежании. «Из пробных диссертаций, которые вами будут приложены, — писал Корф в заключение, — я увижу, какие успехи вы сделали в науках».

Письмо президента Академии наук звучало если не как выговор, то как строгое внушение, которого, надо сказать, студенты не заслужили. Они еще в июне месяце послали общий отчет,⁶⁶ написанный рукою Райзера, так как Ломоносов и Виноградов не овладели еще немецким языком настолько, чтобы самим писать на этом языке президенту Академии наук. Из этого документа видно, что и Ломоносов, и Виноградов за время пребывания в Марбурге брали уроки немецкого языка, арифметики, геометрии, тригонометрии, а с мая месяца начали учиться французскому языку и рисованию. Отчет этот был получен Академией лишь в конце сентября 1737 г. Отсутствие в Академии в течение столь длительного времени сведений от ее питомцев вызвало большое беспокойство: 14 августа состоялось определение Канцелярии Академии, в котором читаем: «Академия наук определила за моря в Марбурх писать на немецком языке к ученикам Михайле Ломоносову, Дмитрию Виноградову, к Рейзеру с требованием о присылке от них о науках, что обучили и обучаются... репортов немедленно, також о присылке счетов о издержанных на них деньгах; також профессору Вольфу в Марбурх писать и о имении над ними крепкого смотра и о репортировании о их состоянии».⁶⁷

Большой интерес представляет сообщение Вольфа об успехах русских студентов в немецком языке, на котором, по его словам, они уже начинают говорить и хорошо понимают немецкую речь. Надо сказать, что Вольф был слишком сдержан, говоря об успехах в немецком языке, по крайней мере в отношении Ломоносова. В тот же день, что и Вольф, Ломоносов послал письмо Корфу, и оно было написано по-немецки.

Как мы видели. Райзер, прибыв в Германию, стал писать Корфу (и довольно часто). Ломоносов же почти в течение года

не давал о себе знать, но вовсе не по своей нерадивости. Дело в том, что в первые годы существования Академии наук на русском языке велось лишь делопроизводство; протоколы же и корреспонденции писались по-латыни, а затем на немецком языке. Райзер, немец по происхождению, вполне владел родным языком. Ломоносову же и Виноградову этот язык предстояло изучить. Письма и отчеты являлись, таким образом, свидетельством об успехах не только в изучаемых науках, но и в овладении иностранным языком, столь важным для будущих специалистов.

В Марбурге русские студенты были обставлены материально гораздо лучше, чем в течение тех девяти месяцев, когда они жили в Петербурге, не говоря уже о годах учения в Славяно-греко-латинской академии, когда им буквально приходилось перебиваться с хлеба на квас.⁶⁸

Марбургский университет состоял из четырех факультетов: теологического, юридического, медицинского и философского (естественнонаучного). На последнем преподавал и занимал ведущее положение Вольф, к которому Ломоносов на всю жизнь сохранил чувство глубокого уважения и благодарности. Об их взаимных отношениях придется говорить еще не раз. Здесь же заметим, что Ломоносов слушал лекции не только на философском факультете, но и на медицинском, получив там солидную подготовку по биологии и химии. Ломоносов высоко ценил представившиеся ему большие возможности пополнить свое образование. Он знал о той роли, которую сыграл Корф как в деле вызова учеников Славяно-греко-латинской академии в Петербург, так и в отправке его за границу, и в письме к «главному командиру», выражая ему благодарность, писал: «Я навеки посвящаю Вам свое признательное сердце, которое на всю жизнь сохранит в благоговейной памяти Ваше неогценное благоволение».⁶⁹

В том же сентябре месяце 1737 г. Ломоносов представил отчет об израсходовании отпущенных ему средств. Из них ему приходилось тратить не только на личные нужды, как например на одежду, но и платить некоторым учителям: рисования, французского языка, фехтования и танцев. Плата была, правда, невысокой, но эти расходы составляли более десяти процентов его бюджета (26 талеров из общей суммы 209, включая сюда проезд из Петербурга в Марбург). Из отчета явствует, что почти одну треть своих средств Ломоносов тратил на приобретение книг.⁷⁰

Отчеты и счета студентов в Академию наук читались самим президентом, со вниманием, граничившим с придирчивостью, что в данном случае преследовало назидательные цели. Студ-

SERENISSIMO PRINCIPE AC DOMINO;

DN. FRIDERICO,

HASSIÆ LANDGRAVIO, PRINCIPE HERSFELDIAE, COMITE
CATTIMELIBOCI, DECIAE, ZIEGENHAINÆ, NIDDAE ET
SCHAVMBVRGI, Reliq.

ACADEMIÆ MARBURGENSIS

RECTORE MAGNIFICENTISSIMO,
PRO - RECTORE

J. CASPARO SANTOROC,

POESIOS, LOGIC. ET METAPHYSIC. PROFESSORE, ac PÆDAGOGÆARCHA.

Nomen profesus, & in Academia al-
bum relatus est *M. Demetrius*
Winogradov, Petropoliano Russus,
postquam sanctis Academiae Legibus obedi-
entiam stipulata manu promississet, anno
cio 10ccxxxvi, Mensis *Novemb.* die *xvii* teste
sigillo nostro Academico.

Legum vero tenor, quarum observan-
tiam in se recepit, hic est:

L. I. Qui Marburgum, Studiorum causa, missus fuerit, vel sponte vene-
rit, intra octavum diem, nomen Rectori edito, quod si non fecerit, statim
per Pedellum admonetur. Cui si non paruerit monitus, in eum Rectori
multæ, vel notæ, perinde atque in studii & Magistratus contemptorem,
jus esto.

L. II. Quicumque nomen inter Studiosos Academiae nostræ profesus
est, ejusque privilegiis uti & frui optat, principium sapientiæ, timorem Dei
constituito, singulisque diebus sua Studia a pia precatione auspicator.

L. III. Nomen Dei ne in vanum usurpato, vel Epicuræos sermones
spargendo, vel corruptelas veræ doctrinæ pertinaciter defendendo, vel
magicis præstigiis & incantationibus, aut temerariis execrationibus &
perjuriis studendo.

L. IV. Pietatem Studiosus, velut verum omnium scientiarum funda-
mentum, cum audiendo consuetis diebus sacras conciones, & utilito
sacramento, tum fide in Deum, & dilectione tam proximi, quam Dei
exercendo, religiose colito. Pietas enim ad omnia utilis est, habens
promissionem præsentis & futuræ vitæ.

L. V. Diebus igitur Dominicis, ac cultus publici exercitiis destinatis
caveto, ne sub concione vel domo aliud, quam quod sacrum est, agendo
latitet, vel per urbem circumvolitando, aut in cœmiterio deambulando
scandalum præbeat, vel extra urbem exspatiando avibus, vel hortorum
opibus insidiatur. In deprehensum Rectori animadversionis cura esto.

L. VI.

денты, например, на посланном отчете (рапорте) не поставили своих подписей, а на счетах — дат, и за это Корф, правда, в весьма вежливой форме, но внушительно им выговаривал: «Господа, я получил Ваш счет без означения числа и рапорт без подписи. Прошу Вас впредь быть аккуратней».⁷¹

За этими мелкими упущениями Корф не терял из виду серьезного отношения студентов к своим учебным обязанностям. Как из их отчета, так и из письма Вольфа можно было заключить, что их учебная нагрузка была не малой. Тем не менее они пожелали изучать еще и естественную историю, о чем Вольф сообщил Корфу. Последний одобрил это желание студентов и поручил академикам Крафту⁷² и Амману⁷³ разработать инструкцию (программу), предусматривающую круг дисциплин, которыми студентам следует заняться.⁷⁴

Под естественной историей тогда разумелись биология и минералогия. В наставлении, разработанном Крафтом и Амманом, было указано, как изучать эти две области знания. Что касается минералов, то от русских студентов требовалось, чтоб они безошибочно могли узнавать и отличать все породы камней, руд и вообще «все естественные тела, находящиеся в земле». Студентам предлагалось основательно ознакомиться с литературой по этому вопросу, особенно с теми руководствами, в которых «все эти предметы по хорошей методе распределены на известные классы, роды и виды с означением их характеристических отличий». В инструкции названы и авторы таких пособий.

В те времена дифференциация наук находилась еще в зачаточном состоянии, и учебные заведения готовили, как мы бы теперь сказали, специалистов весьма широкого профиля. Горные инженеры были широкообразованными натуралистами, превосходно разбирающимися и в ботанике, и в механике, и в других областях знания. Именно таких специалистов хотела иметь в своем составе Академия наук, учитывая цели организуемых ею экспедиций. Крафт и Амман подчеркивали: «Знакомство с растениями может им принести пользу и удовольствие при путешествиях, которые им по возвращении, может быть, придется совершить по России и Сибири к рудникам, а Академии может доставить повод к новым открытиям».⁷⁵

Студентам рекомендовалось изучить литературу о животных, отдельно о зверях, птицах, рыбах, насекомых, и не упускать ни одного случая, когда окажется возможным ознакомиться с образцами в музеях, или, как тогда говорили, в кунсткамерах и кабинетах. Все для них новое студенты должны были отметить, составив краткое описание, с тем чтобы впоследствии было легче припомнить увиденное.

Подчеркивая важность изучения минералогии и биологии, авторы наставления в заключении напоминают студентам, что они ни в коей мере не должны забывать того, что является их главной специальностью: «Само собою разумеется, что господа студенты должны заняться этим весьма обширным предметом естественной истории настолько, насколько это возможно будет сделать без ущерба главной предписанной им цели, т. е. упражнению в горном искусстве и систематической химии».⁷⁶

Наставление (инструкция) датировано 30 августа (11 сентября) 1737 г.; оно дошло в Марбург вовремя, и Ломоносов в письме к Корфу от 9 (20) ноября обещал «всеми силами следовать как данной нам с собою, так и недавно полученной нами инструкции».⁷⁷ Однако точно следовать указаниям из Петербурга не представлялось возможным. Хотя Марбург и был университетским городом, тем не менее книжная торговля была налажена там далеко не удовлетворительно: необходимые издания можно было приобретать лишь во время ярмарок.⁷⁸

Обстоятельный отчет о своих занятиях Ломоносов послал в Академию 15 октября 1738 г.⁷⁹ В нем было отмечено, что после прослушания лекций, упомянутых в предыдущем донесении, он изучал у Вольфа экспериментальную и теоретическую физику, логику, метафизику и химию.

Значительный интерес представляют сведения о сделанных им расходах из 200 рублей (240 талеров), которые отпускались в год каждому студенту. Здесь указаны не только относительно крупные траты на стол и квартиру, но и мелкие расходы, вплоть до уплаты цирюльнику за бритье и кровопускание, а также приведен «реестр купленным доселе книгам». Стоимость последних в полтора раза превышала все указанные выше расходы. Главная ценность реестра для нас заключается в том, что он является источником для объективной оценки быстрого умственного развития Ломоносова. За каких-нибудь полгода он приобрел около шестидесяти книг по самым различным естественнонаучным и научно-прикладным дисциплинам, и даже по художественной литературе. Тут были перечислены и дорогостоящие издания, некоторые стоимостью свыше десяти флоринов, и небольшие книжки ценой в несколько крейцеров.

В книжном собрании Ломоносова мы находим и учебные пособия (руководства), и объемистые трактаты по математике, физике, химии, географии, медицине, грамматике (в том числе грамматике итальянского языка), сочинения выдающихся философов и мыслителей, словари и справочники, изданные на латинском, немецком и французском языках в Лейпциге, Франкфурте,

Лейдене, Виттенберге, Иене, Галле, Нюренберге, Ульме, Амстердаме, Берлине, Бреславле, Гамбурге, Геттингене.⁸⁰

Было бы, однако, неправильно полагать, что русские студенты жили как затворники, углубившись лишь в академические занятия. Не надо забывать, что учились они в немецком университете, а своеобразные и часто буйные нравы немецких буршей были известны во всем мире. Академик М. И. Сухомлинов, так много сделавший для изучения творчества Ломоносова, специально изучал по архивным материалам жизнь и окружение Ломоносова в Марбурге. В цитированном уже очерке он нарисовал яркую картину буйной жизни марбургских студентов.

Поведение учащихся, например, на праздновавшемся лет за десять до приезда русских студентов двухсотлетнем юбилее Марбургского университета считалось по тому времени достаточно благопристойным. Между тем вот что записал очевидец об этом торжестве: «В зале обедало около пятисот человек; господа студенты веселились вдоволь, но не произошло ни малейшего несчастья, ни даже беспорядка, за исключением только того, что все стаканы, бутылки, столы, скамьи и окна были разбиты вдребезги, что сделало убытку на двести талеров».⁸¹

Обычно никто из учащихся высших учебных заведений не жил по своим средствам; считалось нормальным, что почти каждый из них постоянно, не стесняясь, делал долги. Русские студенты не избежали влияния окружающей обстановки и в значительной мере восприняли нравы немецкой учащейся молодежи.

Правда, до громких скандалов, нередко случавшихся и в Марбурге, где бывали потасовки, кончавшиеся смертоубийствами, дело не дошло, тем не менее и наши студенты стали жить не по средствам и наделали немало долгов. Корф сам учился в немецком университете (Иенском)⁸² и хорошо был знаком с нравами немецкой молодежи. Поэтому, посылая деньги на содержание академических питомцев, он предлагал Вольфу по усмотрению выдавать их студентам или держать у себя, отпуская им средства строго по надобности.⁸³ Вольф так и поступал, но присылаемых из Петербурга денег хватало только на покрытие долгов, а затем студенты вынуждены были снова делать долги. В августе 1738 г. в письме к Корфу Вольф отмечал: «Вся ошибка происходит от первого начала. Деньги, привезенные ими с собой, они прокутили, не заплатив того, что следовало, а потом, добыв себе кредит, наделали долгов».⁸⁴

Нетрудно себе представить, какое впечатление произвело в Академии наук это сообщение Вольфа. Корф послал приказ

в котором строго порицал студентов за то, что они «стали вести распутную жизнь и наделали долгов».⁸⁵

Нет сомнения в том, что меры, принятые наставником русских студентов и президентом Академии наук, диктовались суровой необходимостью. Из истории Академического университета известно немало случаев, даже в Петербурге, когда некоторые наиболее одаренные его питомцы, успехи которых возбуждали самые радужные надежды, погибали вследствие своей беспорядочной жизни, не успев проявить во всю мощь своих замечательных способностей.

В этих условиях следует особо подчеркнуть в качестве одной из заслуг Корфа перед возглавляемым им учреждением его постоянную заботу о подготовке отечественных специалистов.

Как видно из цитированных строк из письма Корфа к Вольфу, успехами самих учебных занятий русских студентов Академия была вполне довольна. Вольф мог гордиться своими учениками. В том же письме, где речь идет о разгульной жизни студентов, Вольф отмечал: «...у г. Ломоносова, по-видимому, самая светлая голова между ними; при хорошем прилежании он мог бы и научиться многому, выказывая большую охоту и желание учиться».⁸⁶ А в другом письме, датированном 13 января 1739 г., мы читаем: «Более всего я еще полагаюсь на успехи г-на Ломоносова: он, по-видимому, и раскаивается в сделанных долгах».⁸⁷

Успехи Ломоносова были действительно незаурядными, в чем Академия постоянно убеждалась из тех «специменов» (образцов), которые свидетельствовали о достижениях как в науке, так и в литературе. В цитированном письме к Вольфу (октябрь 1738 г.) Корф, отвечая на вопрос, в чем должны состоять образчики успехов его учеников, писал: «Упомянутые образчики, по моему мнению, могли бы состоять из какой-нибудь диссертации или экспромта, или вообще сочинения, написанного, но не печатанного, на заданную Вами тему. Они должны быть представляемы по полугодно, но начало им следует положить теперь же».⁸⁸ Еще до получения этого письма в Марбурге у Ломоносова была уже готова написанная им по-латыни «Работа по физике о превращении твердого тела в жидкое в зависимости от движения предсуществующей жидкости».⁸⁹ Исследователь творчества Ломоносова Б. Н. Меншуткин писал об этом первом его опыте: «Работа интересна не по самой теме, но по разработке этой темы: все выводы построены строго логично, можно сказать вполне безупречно. Доказательство правильности основного положения Ломоносов ведет просто, но точно».⁹⁰

Еще в Славяно-греко-латинской академии Ломоносов проявил большой интерес к художественной литературе и сам начал писать стихи. Первый известный нам опыт относится к 1734 г.⁹¹ Насколько велик был его интерес к поэзии, свидетельствует то, что в первый месяц пребывания в Петербурге он приобрел сочинение В. К. Тредиаковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов». Экземпляр этой книги сохранился, и на нем имеется немало замечаний, сделанных Ломоносовым. За границей его интерес к поэтическому творчеству не погас, и при всей насыщенности программы обучения естественнонаучными предметами Ломоносов писать стихи не переставал.

Инструкция требовала от студентов, чтобы они преуспевали в языках столько же, как и в изучаемых научных дисциплинах. Письма и отчеты Ломоносова свидетельствовали об овладении немецким языком. Образчик работы по физике написан на латинском языке. О степени знания французского языка указывал выполненный им перевод популярной тогда оды французского поэта Ф. Фенелона.⁹² Эту работу, названную им «Ода, которую сочинил господин Франциск де Салиньяк де ля Мотта Фенелон, архиепископ дюк Камбрейский, священника Римския империи принц»,⁹³ вместе со «специменом» по физике Ломоносов послал в Академию, приложив их к уже упоминавшемуся рапорту от 15 октября 1738 г.

Следуя инструкции, Ломоносов и следующий специмен послал в срок. В апреле месяце 1739 г. в Академии была получена «Физическая диссертация о различии смешанных тел, состоящем в сцеплении корпускул».⁹⁴ Как и первая работа, «Физическая диссертация» относилась к области атомистической теории вещества. В отличие от первой работы, о которой в Архиве Академии, кроме самой рукописи, никаких материалов обнаружить не удалось,⁹⁵ о «Физической диссертации» имеются сведения в протоколах Конференции. 30 апреля президент Академии на очередном заседании показал собравшимся работу Ломоносова. С ней ознакомились академики Г. Крафт, И. Вейтбрехт⁹⁶ и Л. Эйлер, их пометки имеются на последней странице рукописи.⁹⁷

В том же году Ломоносов написал оду на взятие Хотина и послал ее в Академию при письме «О правилах российского стихотворства». Это произведение свидетельствует о том, как он, живя за границей, пристально следил за событиями, происходящими на родине, которая вела войну с турками и с татарами. О победе, одержанной русскими войсками при взятии турецкой крепости, в Саксонии узнали раньше, чем в Петербурге.⁹⁸ Это был самый большой успех русского оружия

после петровских побед, и Ломоносов воспел ее в своем стихотворении. «Ода, которую вашему рассуждению вручить ныне высокую честь имею, — писал Ломоносов петербургским академикам, — не что иное есть, как только превеликие оные радости плод, которую... преславная над неприятелями победа в верном и ревностном моем сердце возбудила».⁹⁹

Ода и письмо Ломоносова указывали на то, что его успехи в литературе были не меньше, чем в науке, хотя в Академии тогда и не сумели оценить их по достоинству.¹⁰⁰ Тем не менее, как отметил В. Г. Белинский, эта ода Ломоносова положила начало новому направлению в русской литературе.¹⁰¹ Сам же Ломоносов, как и его учитель Вольф, считал, что главные успехи были сделаны им в области естественных наук, хотя прошло менее трех лет с тех пор, как он приехал в Марбург. До этого его подготовка ограничивалась лишь прохождением курса в духовном учебном заведении, в котором преподавались между прочим и некоторые естественнонаучные дисциплины, но в весьма незначительном объеме.¹⁰² Несколько месяцев обучения в Петербурге в Академическом университете не могли значительно повысить уровень образования, достигнутый ранее — так, приехавшие вместе с ним из Москвы другие ученики Славяно-греко-латинской академии в октябре 1736 г. (Ломоносов тогда уже покинул Петербург) жаловались, что «и доньше как без учения, так и без определения находимся».¹⁰³

Тем более были поразительны успехи студентов, посланных в Марбург. Вольф считал, что за исключением курса математики, который слушают у него Ломоносов и Райзер, русским студентам в университете больше делать нечего. В настоящее время, сообщал Вольф, они занимаются только самостоятельно и пишут свои диссертации¹⁰⁴ (дипломные работы). Полученная подготовка, по мнению Вольфа, была вполне достаточна для того, чтобы начать специализироваться в будущей профессии, т. е. начать серьезно заниматься у ученого химика, что, помимо всего прочего, будет иметь благотворное влияние на их поведение, так как они будут изолированы от пагубной университетской среды. «Лучше всего будет, конечно, — указывал Вольф, — если они оставят университет и поступят к химику, потому что у него они не будут иметь той свободы, которой их в университете никак нельзя лишить. В немецком языке они уже настолько успели, что не только понимают все, о чем говорят, но и сами могут объясняться по-немецки».¹⁰⁵

Академия согласилась с мнением Вольфа. Но перед отъездом из Марбурга, студентам надлежало расплатиться с долгами. Корф писал Вольфу: «Оказывается, что молодые люди наделали

долгов на 1371 рейхсталер,¹⁰⁶ из которых, однакоже, меньше всего употребили на полезные для них вещи. Собственно, следовало бы их немедленно отозвать сюда и подвергнуть заслуженному наказанию, но во внимание того, что они по своим занятиям имеют от Вас хорошие аттестаты, положено отсрочить это, хотя им в свое время придется тяжело ответить за все. За тем в Академии наук теперь решено отправить их, для изучения металлургии, в Фрейберг к г. Генкелю, от которого, по прибытии их туда, будут ожидать сведения, все ли они способны и годны к этим занятиям; в противном случае неспособные будут отозваны назад и заменены другими».¹⁰⁷

Кончился марбургский период жизни Ломоносова. Итоги двухлетнего с небольшим пребывания его в университете были весьма удовлетворительными. Об этом свидетельствуют отзывы, которые дали декан Медицинского факультета профессор Ю. Г. Дуйзинг¹⁰⁸ и Хр. Вольф, бывший тогда проректором университета. Эти документы как нельзя лучше аттестуют незаурядного студента, успехи которого позволяли отзываться о нем самым похвальным образом. Профессор Дуйзинг свидетельствовал: «Что весьма достойный и даровитый юноша Михаил Ломоносов, студент философии, отличный воспитанник е.и.в. государыни императрицы всероссийской, с неутомимым прилежанием слушал лекции химии, читанные мною в течение 1737 г., и что, по моему убеждению, он извлек из них немалую пользу, в том я, согласно желанию его, сим свидетельствую».¹⁰⁹

Этот документ датирован 18 июля 1739 г. Через два дня свой отзыв дал Вольф. Он знал Ломоносова гораздо ближе, общался с ним ежедневно, активно содействуя успехам своего ученика. Поэтому в отзыве Вольфа говорится не только об успехах Ломоносова, но и о его задатках, безошибочно разгаданных знаменитым ученым.¹¹⁰

Нечего говорить о том, насколько эти отзывы были ценны для Ломоносова. Много лет спустя, в 1760 г., уже будучи прославленным ученым и занимая видное положение в Академии наук, он взял из ее Архива подлинник отзыва Вольфа, с которого была снята копия, дошедшая до нас.¹¹¹

Во Фрейберг Ломоносов и его товарищи прибыли в конце июля 1739 г.¹¹² Еще 13 июля от Академии наук им был послан «ордер», в котором указывалось, что во избежание «беспорядочной жизни»¹¹³ размер содержания каждого студента сокращается вдвое, причем отпускаемые средства им на руки выдаваться не будут, а расходы будет производить их новый наставник. «Самим же студентам на карманные деньги и мелочные расходы, как-то: на письменные материалы, пудру, мыло и т. п.

выдавать каждому не более 1 талера в месяц». Так же подробно указывалось, что им надлежит во всем слушаться Генкеля, которому поручается надзор за их поведением, что они всячески должны избегать тех ошибок и проступков, которыми была омрачена их марбургская жизнь, стараясь своим усердием их загладить.

Впечатление, произведенное студентами на Генкеля и на почетного члена Петербургской Академии наук Г. Ф. Юнкера, который с 1731 по 1737 г. состоял действительным ее членом и теперь еще находился на русской службе,¹¹⁴ было благоприятным. Узнав о прибытии студентов, Юнкер, находившийся в то время во Фрейберге, не замедлил с ними познакомиться. Как и Генкель, Юнкер сразу же заметил, что академические питомцы получили основательную общую подготовку. Он присутствовал на лекциях, которые студенты слушали у Генкеля, и на занятиях их в лаборатории, и не мог не отметить их стремления глубоко вникнуть в изучаемый предмет. Приглядевшись к молодым людям, Юнкер нашел необходимым написать Корфу: «Считаю полезным и соответствующим высокой цели Вашей, чтобы каждый из студентов, сверх усвоения общих понятий о горной части, особенно изучил один из главных ее отделов, т. е. чтобы один занялся преимущественно изучением руд и других минералов, другой — разработкой рудников и устройством машин, а третий горнозаводским плавильным искусством. Сколько я мог предварительно судить по сношению и разговорам с ними, то на первое дело способнее всех был бы Райзер, на второе — Ломоносов, на третье — Виноградов. Чтобы достигнуть этой цели и чтобы дать им возможность узнать настоящие свойства и выгоды их предприятия, я рекомендую их разным лицам, так как они в противном случае могли бы лишиться этого знакомства».¹¹⁵

В Академии согласились с предложением Юнкера. Там решили, что к молодым людям при этом должно быть проявлено снисходительное отношение, но постарались, чтобы оно ни в коей мере не было понято как попустительство, а тем более как поощрение своеволия. В марте 1741 г. студентам был послан новый «ордер»,¹¹⁶ в котором указывалось, что, уступая ходатайству Генкеля, столь одобрительно отзывавшегося о своих учениках, Академия решила не подвергать их «заслуженному наказанию». Студентам было обещано, что если допущенные «бесчинства» не будут повторяться, то Академия готова всячески заботиться о своих питомцах, оказывая им «всевозможное добро». В противном случае по отношению к ним будут приняты самые решительные меры.

Сначала все шло хорошо. Генкель в своих сообщениях отмечал, что занятия металлургией идут успешно, и ходатайствовал об увеличении ассигнований на содержание студентов. Он их называл «своими любезными учениками» и подчеркивал, что назначенная им сумма — 200 талеров (150 рублей) не дает им возможности «изворачиваться» и обрекает их на отказ от некоторых необходимых предметов.¹¹⁷

Но вскоре отношения между Генкелем и его учениками, особенно Ломоносовым, стали ухудшаться и привели в конце концов к тому, что Ломоносов покинул Фрейберг. Были и другие причины его отъезда: в Марбурге жила невеста Ломоносова Елизавета Цильх,¹¹⁸ к которой он и уехал. Несомненно, он оставался бы в Фрейберге до тех пор, пока не завершил курса обучения у Генкеля, если бы этот последний оказался на должной высоте в науке, но в этом отношении Генкель резко отличался от Вольфа. Если тот будил у своих учеников пытливость и стремление к глубокому уяснению изучаемых явлений, то Генкель, по словам Ломоносова, был совсем не таков; типичный схоласт, он часто издевался над таким методом обучения молодежи.¹¹⁹ Ломоносов рассказывает о нем: «Он презирал всю разумную философию, и когда я однажды, по его приказанию, начал излагать химические явления, то он тотчас же, ибо это было сделано не по его перипатетическому концепту, а на основе принципов механики и гидростатики, велел мне замолчать, и с обычным своим умничанием поднял мои объяснения на смех, как пустую причуду».¹²⁰

Несмотря на проявленное к Ломоносову недружелюбие, Генкель не мог не признать его успехов. Он писал:

«По моему мнению, г. Ломоносов, довольно хорошо усвоивший себе теоретически и практически химию, преимущественно металлургическую, а в особенности пробирное дело, равно как и маркшейдерское искусство, распознавание руд, рудных жил, земель, камней, солей и вод, способен основательно преподавать механику, в которой он, по отзыву знатоков, очень сведущ».¹²¹

Покинув Фрейберг, Ломоносов предполагал вернуться на родину. Для этого он искал содействия вначале у русского посла в Саксонии, а затем обратился в русское посольство в Голландии. Однако его постигла неудача, и он 16 (5) ноября 1740 г. написал обстоятельное письмо Шумахеру,¹²² фактически управлявшему Академией (Корфа в это время в Академии уже не было).

Ломоносов признавал, что Академия имела более чем достаточно оснований негодовать на него, хотя бы уже за то, что он без ее разрешения оставил Фрейберг, тем более что его жалоба на Генкеля, посланная им еще в мае месяце, как он полагал, до

Фрейберг. Дом, в котором жил Ломоносов.

Академии не дошла. Таким образом, о поступке Ломоносова она могла иметь лишь одностороннее суждение, составленное по докладу Генкеля, которому такое стечение обстоятельств было на руку. Ломоносов подчеркивал в своем письме, что «этим временем воспользовались, чтобы при помощи лжи возбудить против меня ненависть Академии».¹²³

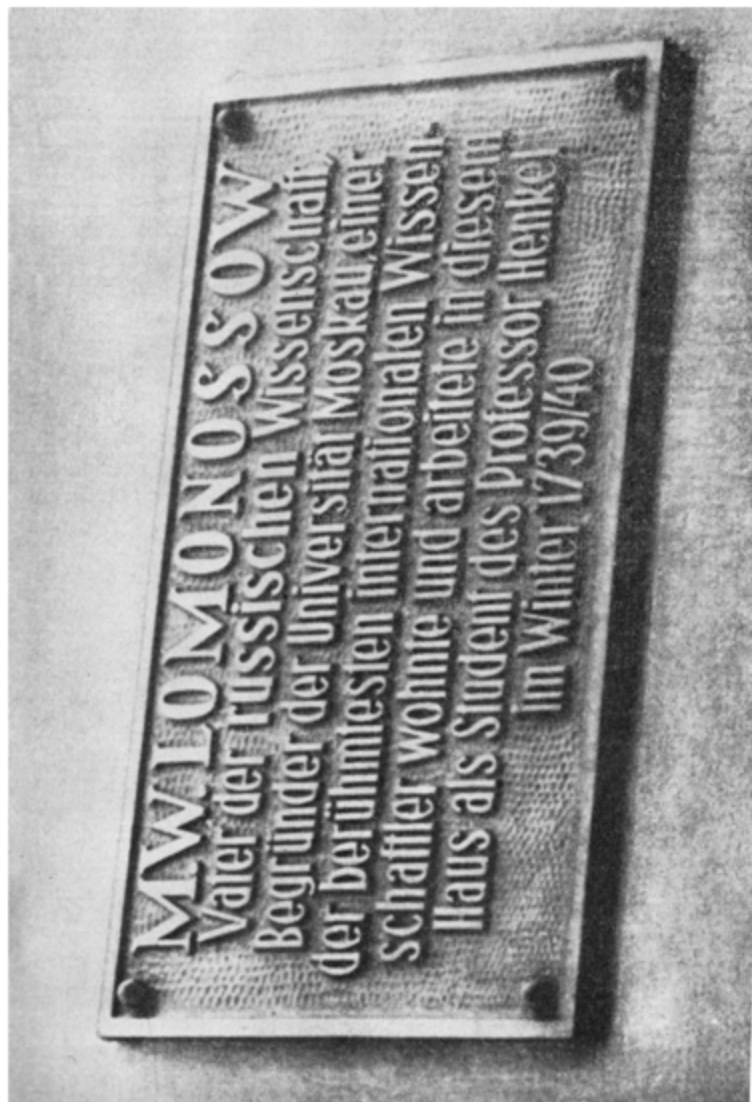
На протяжении всего письма Ломоносов не отрицает своей вины и не старается оправдаться, а объясняет мотивы своего поступка и подробно сообщает об условиях, в которых он оказался, занимаясь у Генкеля. Это была обстановка зависти, притеснения и презрения. Если бы, указывал Ломоносов, Академия знала, сколько несчастья и нужды ему пришлось перенести, она сочла бы его гораздо более заслуживающим сострадания, чем наказания. Конечно, явное нарушение дисциплины не может быть не наказуемо, но осуждение его, подчеркивал Ломоносов, будет безвинным, если не учесть того, что его проступок совершен вследствие тягостного стечения обстоятельств.

Сокращение содержания ухудшило материальное положение студентов, а Генкель оказался прижимистым человеком. «Мы принуждены были раз по десять к нему ходить, — писал Ломоносов Шумахеру, — чтобы хоть что-нибудь себе выклянчить. При этом он каждый раз по полчаса читал нам проповедь, с кислым лицом говоря, что у него денег нет».¹²⁴

Столь обнаженная погоня за барышами — Ломоносов употребляет именно этот термин, — разумеется, не могла не отразиться на отношениях между Генкелем и его учениками. Вольф тоже отнюдь не отличался бескорыстием,¹²⁵ но он был прежде всего ученым. Именно эта сторона его характера произвела на Ломоносова наиболее яркое впечатление. Впрочем, конечно, то уважение, которое Ломоносов на всю жизнь сохранил к Вольфу, было вызвано еще и личным доброжелательным отношением к нему его учителя, проявлявшего поистине отеческую любовь к своим питомцам и заботу об их судьбе.

Понятно поэтому, что, встретив у Генкеля совсем иное отношение, Ломоносов не мог уже чувствовать к нему доверия и уважения, хотя вначале искренне пытался поладить с ним. «Я, — писал Ломоносов Шумахеру, — со времени прибытия в Фрейберг с охотой и прилежанием обучался горному делу и химии, оказывал горному советнику Генкелю должное почтение и послушание и при том вел пристойную жизнь».¹²⁶ Ломоносов при этом ссылается на отзывы академика Юнкера и самого Генкеля, указывая, что они могут это подтвердить.

Разлады начались после того, как студенты приступили к занятиям. Хотя бывшие питомцы духовного учебного заведения и

Фрейберг. Мемориальная доска на доме, в котором жил Ломоносов (надпись гласит: «М. В. Ломоносов, отец русской науки, основатель Московского университета, один из знаменитейших мировых ученых жил и работал в этом доме как студент профессора Генкеля зимой 1739/40 г.»).

были воспитаны на схоластических методах обучения, но Ломоносову, проучившемуся около трех лет в подлинно научном центре, каким был тогда Марбургский университет, не могла не претить система обучения «перипатетика», как он называл Генкеля. Получая высокий гонорар, последний был заинтересован в возможно более длительном курсе обучения своих студентов и, как писал Ломоносов, непомерно растягивал продолжительность прохождения изучаемых дисциплин. «Что касается до курса химии, — читаем мы в письме к Шумахеру, — то он первые четыре месяца едва успел пройти учение о солях, на что было бы достаточно одного месяца; остального времени должно было хватить для всех главнейших предметов, как-то: металлов, полуметаллов, земель, камней и серы».

«Самые обыкновенные процессы, — писал Ломоносов, — о которых говорится почти во всех химических книгах, он держит в секрете и вытягивать их приходится из него арканом».¹²⁷ Это особенно раздражало Ломоносова.

Недовольство Генкелем усугублялось еще тем, что и как экспериментатор он оставлял желать много лучшего. Ломоносов сообщает, что большая часть опытов была неудачной.

Были еще и другие причины к недовольству. У Генкеля, кроме русских студентов, были еще и другие ученики; от них он получал значительно меньшее вознаграждение. «Я, — рассказывал Ломоносов, — тайно пожаловался некоему лицу на то, что горный советник берет с нас несправедливую цену, мы же вследствие этого должны терпеть нужду и отказываться от некоторых вещей, полезных при изучении химии и металлургии. Слова мои, однако, не остались в тайне, а были ему переданы, на что он сказал: царица богата и может заплатить еще столько же. После того я приметил, что злость его не имеет пределов».¹²⁸

Отношения между Ломоносовым и Генкелем ухудшились, но Ломоносов отнюдь не желал доводить дело до окончательного разрыва и тем самым поставить под угрозу главную цель — завершение горнозаводского образования. Он нашел в себе силы, чтобы написать Генкелю следующие строки, свидетельствующие о независимом его характере и о внутреннем достоинстве, от которого он никогда не отступался: «Так как вы мне косвенными словами намекнули, чтобы я вашу химическую лабораторию оставил, то я два дня и не ходил к вам. Повинуясь, однако, воле всемилостивейшей монархини, я должен при занятиях присутствовать; поэтому я желал бы знать, навсегда ли вы мне отказываете в обществе своем и любви, и пребывает ли все еще глубоко в вашем сердце гнев, возбужденный ничтожной причиной. Что

касается меня, то я готов предать все забвению, повинувшись естественной моей склонности. Вот чувства мои, которые чистосердечно обнажаю перед вами. Помня вашу прежнюю ко мне благосклонность, желаю, чтобы случившееся как бы никогда не было или не вспоминалось, ибо я уверен, что вы видеть желаете в учениках своих скорее друзей, нежели врагов».¹²⁹

Но Генкель не захотел восстановить доброжелательные взаимоотношения. Ломоносов терпел еще около полугода и в конце концов бежал из Фрейберга, так как отношения между ним и Генкелем обострились до крайности. В 1740 г. он обратился в Академию с просьбой, чтобы ему разрешили завершить образование по горному делу где-нибудь в другом месте, например в Гарце.

Для Академии стало ясно, что о дальнейшем обучении Ломоносова у Генкеля не может быть и речи, и было решено вызвать его в Петербург и определить на работу в самой Академии. Так решил Шумахер, который на начальном этапе своих взаимоотношений с Ломоносовым явно оказывал ему покровительство, имея на него, разумеется, свои виды. Академию покинули лучшие ее силы в значительной мере из-за его самовластия. Академия существовала уже пятнадцать лет, а одну из ее главных задач — подготовку отечественных кадров — нельзя было считать решенной в какой-либо мере удовлетворительно. Степени адъюнкта, как уже отмечалось, достиг лишь один В. Е. Адодуров. Дальновидному начальнику Канцелярии было ясно, как важна поддержка со стороны многообещающего молодого русского ученого.

В своем донесении Генкель указывал, что, по его сведениям, Ломоносов находится в Лейпциге, и Шумахер обратился к рускому послу в Саксонии Г. К. Кейзерлингу, занимавшему в 1733 г. пост президента Академии наук, с просьбой оказать содействие Ломоносову в выезде его в Россию. Шумахер писал: «Вследствие представления г. берграта Генкеля в Фрейберге, имп. Академия наук признала необходимым: студента Михаила Ломоносова, который четыре года тому назад вместе с двумя другими студентами, по высочайшему е.и.в. повелению, послан был за границу для изучения металлургии и с этой целью посещал в Марбурге лекции г. регирунгсрата Вольфа, а потом в Фрейберге у г. берграта Генкеля не без успеха обучался практической металлургии, вызвать опять назад и сообразно способностям его употребить на другое дело».¹³⁰ Вместе с письмом к Кейзерлингу Шумахер послал распоряжение Ломоносову, предписывая ему «поспешить своей поездкой, так чтобы прибыть сюда без малейшей остановки на пути».¹³¹

Распоряжения Шумахера Ломоносов не получил, так как, не застав Кейзерлинга в Лейпциге, он оттуда уехал в Голландию искать покровительства русского посла А. Г. Головкина.¹³² Когда же на основании письма Ломоносова из Марбурга было установлено, что он находится там, то Шумахер обратился к Вольфу с просьбой передать Ломоносову посылаемые ему на дорогу сто рублей и, если этого окажется недостаточно, то выдать ему «заимообразно небольшую сумму». Почти в течение года Ломоносов ничего не получал на содержание и, разумеется, не мог обойтись без долгов. Шумахер это предвидел и просил Вольфа «убедить кредиторов, чтобы они удовольствовались высылкою денег отсюда».¹³³

Одновременно Шумахер послал Ломоносову новый «ордер» о возвращении в Петербург, приложив к нему письмо, которое буквально окрылило Ломоносова как своим содержанием, так и формой обращения к нему. «Милостивый государь, — говорилось в этом послании, — так как Ваше благородие в отправленном ко мне из Марбурга письме своем не упоминаете о приказе, посланном Вам Академией наук через г. тайного советника фон Кайзерлинга, то должно полагать, что Вы его не получили. Он был такого же содержания как и этот. Вашему благородию, следовательно, надлежит, не медля ни минуты, его выполнить. Я имел также честь писать о Вас г. тайному советнику Вольфу. Не сомневаюсь, что он поможет Вам и словом и делом».¹³⁴

Вольфа в это время уже не было в Марбурге. Он вернулся в Галле, откуда и написал Ломоносову. Письмо это до нас не дошло, о нем имеется лишь упоминание в письме Ломоносова к Виноградову, оставшемуся в Фрейберге. Ломоносов сообщал своему однокашнику: «Я получил приказ из С.-Петербурга отправиться туда; на мое путешествие я получил вексель на 100 рублей, долги же будут оплачены особо. Письма, полученные мной от господина тайного советника Вольфа из Галле и от господина Шумахера, сильно обнадеживают меня в отношении моего производства. Через три недели я отправляюсь через Ганновер в Любек».¹³⁵

Так окончился зарубежный период жизни Ломоносова. Цель, для которой он был послан за границу, не была достигнута — горным инженером он не стал. Да это и не соответствовало его склонностям и природным дарованиям, которые могли полностью проявиться не на руднике или шахте, а лишь в лаборатории Академии наук.

В Петербург Ломоносов прибыл 8 июня 1741 г.,¹³⁶ и Академия выдала ему на текущие расходы пятьдесят рублей.¹³⁷ В штате Академии он числился студентом. 10 же июня 1741 г.

Канцелярия Академии наук распорядилась: «Оного студента Ломоносова отослать к дохтору Аману при письме, дабы оный дохтор его, Ломоносова, обучал натуральной истории, а наипаче минералам, или что до оной науки касается, с прилежанием».¹³⁸ Таким образом, участь Ломоносова была решена в первые же дни по возвращении его в Петербург.

Выбор учителя Ломоносову оказался удачным, хотя Шумахер руководствовался, как и во всех своих делах, личными интересами. И. Амман был женат на дочери начальника Канцелярии Академии, который не переставал сколачивать группу из близких и верных ему людей. В отличие от второго зятя Шумахера, И. И. Тауберта, о котором придется говорить не раз, как об одном из заправил Академической канцелярии, Амман был человеком науки и в академических дразгах участия не принимал.

Недолго, однако, пришлось Ломоносову учиться, вернее работать у Аммана. Менее чем через полгода последний умер, но, несомненно, и за это короткое время он сыграл заметную роль в жизни Ломоносова. У Аммана было чему поучиться. Прожив всего тридцать четыре года, он успел выдвинуться как видный исследователь природы. Питомец Лейденского университета, Амман, по рекомендации знаменитого голландского ученого Бургава, поступил на службу в созданный президентом Лондонского Королевского общества Г. Слоаном кабинет редкостей, составивший впоследствии основу Британского музея. Натуралист в широком смысле слова, Амман проявил себя особенно как ботаник и двадцати четырех лет уже был избран в члены Лондонского Королевского общества. Академик Г.-Ф. Миллер, будучи в Англии, обратил внимание на одаренного молодого ученого, и его пригласили в Петербургскую Академию наук, где в 1733 г. он занял кафедру ботаники и натуральной истории.¹³⁹

Результатом работы у Аммана явился составленный Ломоносовым «Каталог камней и окаменелостей Минерального кабинета Кунсткамеры Академии наук».¹⁴⁰ Работу по составлению минерального каталога начал еще в 1731 г. академик И.-Г. Гмелин,¹⁴¹ занимавший кафедру химии и естественной истории, но не закончил, так как в 1733 г. уехал в Камчатскую экспедицию, откуда вернулся лишь через десять лет. Подготовка Ломоносова, солидные знания в химии и естественной истории позволили ему завершить то, что не успел сделать Гмелин. Через восемь лет Ломоносов мог написать В. Н. Татищеву: «Главное мое дело суть горная наука, для которой я был нарочно в Саксонию посылан, также химия и физика».¹⁴²

В выполненной Ломоносовым работе Академия тогда очень нуждалась. В то время было предпринято издание описания академических коллекций, увидевшее свет в 1742 г.¹⁴³ С своим заданием Ломоносов справился вполне удовлетворительно, и академик Амман 10 ноября 1741 г. (менее чем за месяц до своей кончины) писал: «Я уже просмотрел все каталоги минералов, составленные г. Ломоносовым, за исключением каталога янтарей, в котором не нахожу нужным делать изменения, тем более, что он переписан начисто».¹⁴⁴

Петербургская Академия наук уже в первые годы существования уделяла немало внимания популяризации знаний. Для этого печатались календари (они назывались Месяцословами), издававшиеся в течение около ста пятидесяти лет. Здесь, кроме астрономических сведений, публиковались рассчитанные на широкие круги читателей статьи по различным областям науки. Наряду с этим в Академии существовал еще и специальный научно-популярный орган — приложение к издававшимся ею С.-Петербургским ведомостям (упоминавшиеся «Примечания на Ведомости»). Впоследствии стал выходить и популярный журнал — «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие».

Вначале авторами статей, печатавшихся в «Примечаниях», были академики. Почти все они русского языка не знали, и во многих случаях их работы переводили академические студенты, для которых это была прекрасная практика не только в переводах, но и в научной популяризации. Такие поручения давались Ломоносову в бытность его студентом и потом, когда он сделался адъюнктом. Выполненные Ломоносовым работы подписаны инициалами Л и К — первые буквы фамилий переводчика и автора, которым был академик Крафт.

Первая работа Крафта (о которой достоверно известно, что ее перевел Ломоносов) посвящена вопросам медицины. Это был, собственно, реферат трех книг профессора университета в г. Галле Ф. Гофмана на темы: *De Medico sui ipsius* («О том, как всякому самому себя лечить»), *De Aqua medicina universali* («О воде, как о общем всех болезней лекарстве») и *De animo sanitatis et morborum fabro* («О уме, как он тело здоровым и немощным чинит»).

Легко себе представить, какое важное значение имели тогда подобные статьи. В России в то время не было не только сколько-нибудь разветвленной сети врачебных учреждений, но и подготовка собственных медицинских кадров едва лишь началась.¹⁴⁵

Прошло более двух веков с тех пор, как были написаны эти статьи, но многие из них не утратили своего поучительного значения, пожалуй, и теперь.¹⁴⁶

Крафт возглавлял в Академии кафедру физики, которая в те времена занималась гораздо более широким кругом вопросов, чем в наши дни. Поэтому ему не были чужды и вопросы химической технологии. Для «Примечаний» он написал статью «О варении селитры»,¹⁴⁷ переведенную также Ломоносовым.

В 1739 г., когда Ломоносов жил еще за границей, Крафт подготовил для «Примечаний» «Краткое описание разных машин», что представляло собой реферат выпущенного Парижской Академией наук в 1735 г. издания «Machines approuvées par l'Académie Royale des Sciences». Только часть этой работы была напечатана в 1739 г.¹⁴⁸ Начиная с № 15 «Примечаний» за 1742 г. «Описание разных машин» стало печататься в переводе Ломоносова. Эта работа заслуживает внимания историков техники и в наши дни. В ней не только дано описание, но и указано, кто является изобретателем каждого приспособления и когда оно предложено. Все это давало любознательным читателям целую энциклопедию технических знаний и содействовало расширению научно-технического кругозора Ломоносова.

23 августа 1741 г. Ломоносов и три других студента — Виноградов, Райзер и Теплов¹⁴⁹ подали в Академию свои работы, причем Ломоносов представил две работы, из которых сохранилась только одна: «Рассуждение о катоптрико-диоптрическом зажигательном инструменте». В обращении Ломоносов от своего имени и от имени товарищей просил дать отзыв о представленных работах, чтобы авторы «тем основательнее могли сделать улучшения в их содержании». Эти работы обсуждались на ряде заседаний Конференции, причем Шумахер поддержал студентов, которые, получив апробации представленных работ, смогут «сделать соображения касательно их положения в жизни».¹⁵⁰

В начале января 1741 г. Ломоносов подал на «высочайшее имя» прошение об определении его на штатную научную должность в Академии.¹⁵¹ В этом документе, содержащем ценные биографические данные, между прочим отмечено, что еще до отъезда Ломоносова в Марбург имелось в виду готовить его к научной деятельности. «По определению Академии наук, — писал Ломоносов, — послан был я, нижайший, в Марбургский университет для научения Математики и Философии с таким обнадежением, что ежели я, нижайший, мне указанные науки приму, то определить меня, нижайшего, здесь экстраординар-

ным профессором, также и впредь по достоинству производить».¹⁵²

К такой деятельности Ломоносов считал себя вполне подготовленным. Он ссылается на отзывы, которые ему дали иностранные профессора, и представленные им в течение пребывания за рубежом образцы (специмены) выполненных им работ. За студенческие годы, отмечал Ломоносов, он изучил ряд предметов, и, как свидетельствуют упомянутые отзывы, равно как и представленные им Академии специмены, он считает, что «в физике, химии, и натуральной истории горных дел так произошел, что оным других учить и к тому принадлежащие полезные книги с новыми инвенциями (изобретениями, — *М. Р.*) писать могу».¹⁵³

Из прошения Ломоносова явствует, что он уже многократно обращался в Академию с просьбой об «определении», но до сих пор никакого решения не было принято, и «я, — писал он, — в таком оставлении будучи, принужден быть в печали и огорчении». Как и полагалось, прошение было подано по инстанции, т. е. в Канцелярию Академии наук, которая должна была его представить в Правительствующий сенат, решавший такие дела. Но Канцелярия вынесла решение, которое Ломоносов впоследствии рассматривал как первый шаг, принятый против него Шумахером.

В «Краткой истории о поведении Академической канцелярии в рассуждении ученых людей и дел с начала сего корпуса до нынешнего времени», содержащей много автобиографических сведений, Ломоносов, говоря о возвращении из-за границы, писал: «Подав добрые свидетельства о своих успехах и специмены в Академию, кои весьма от Собрания одобрены. Но произведен не так, как обещано ему при отъезде, в экстраординарные профессоры, но по прошествии полугода в адъюнкты, а профессорства ждал он здесь четыре года».¹⁵⁴

Внешне резолюция Канцелярии выглядела вполне пристойно. В ней подтверждалось, что представленный Ломоносовым «специмен» был не только одобрен Конференцией (общим собранием) академиков, но и рекомендован ею к печати. Было указано также, что Амман перед смертью, оценив знания и дарования, «его, Ломоносова, Канцелярии рекомендовал». В резолюции отмечалось, что Ломоносов и «в переводах с немецкого и латинского языков на российский язык довольно трудился». Несмотря на это, читаем мы далее в резолюции, «жалования и места» Ломоносову не определено. Все, что Шумахер мог сделать сам — назначить молодого ученого в адъюнкты, — он сделал, причем тут же оговорил, что это определе-

ние — «быть ему Ломоносову адъюнктом физического класса» — является предварительным, окончательное же решение, надо полагать, более благоприятное для Ломоносова, вынесет Сенат и, разумеется, общее собрание академиков.¹⁵⁵

Нетрудно было разглядеть замысел Шумахера, который все делал для того, чтобы держать в зависимости от себя всех работавших в Академии, делать же это удавалось легче по отношению к тем, кто занимал более низкое место в академической иерархии. Надо сказать, что во многих случаях такая политика приносила плоды, желательные Шумахеру. Не один «из малых сил» заискивал перед могущественным начальником Канцелярии, оказывая ему, когда это требовалось, нужные услуги. Опытный царедворец, Шумахер превосходно понимал, какие выгоды можно извлечь из политики, основанной на принципе «разделяй и властвуй». Борьба с выдающимися и заслуженными учеными, в которую он вступил, была трудной и рискованной. Конечно, Шумахер искал опору прежде всего среди «великих мира сего». Различными услугами ему удалось расположить к себе всех президентов, которые были в Академии в течение того времени, когда Шумахер возглавлял Канцелярию. При дворе он тоже нашел себе покровителей. Тем не менее он прекрасно понимал, насколько важно иметь поддержку в самой Академии, и обеспечивал себе ее среди тех, кто от него наиболее зависел.

Хорошо известно, что в первые годы и даже десятилетия существования Академии наук между ее действительными членами, даже и среди наиболее выдающихся из них, были столкновения, доходившие иногда до громких скандалов, что, впрочем, было в нравах того времени. Одна такая распря произошла между одним из старейших академиков И. Вейтбрехтом, приехавшим в Петербург в год открытия Академии, и упоминавшимся уже выше Юнкером, вступившим в Академию значительно позже и плохо знавшим латынь. Изобличая политику начальника Канцелярии, Ломоносов писал: «Шумахер, слыша, что Вейтбрехт говорит о Юнкере презренно, яко о неученом, поднял его на досаду, отчего произошла в Конференции драка, и Вейтбрехт признан виноватым, хотя Юнкер ударил его палкою и расшиб зеркало.¹⁵⁶ Примечания достойно, что прежде сего Шумахер, как и ныне наследник его — Тауберт, в таковых распрях стоит за молодых, затем, чтоб ими старших унижить, а молодых поднять. Но тоже и с сими делалось, когда они несколько усилились, и чрез то, кроме других доводов, на себя доказывают, что они таковых ссор причиною, чтобы ловить в мутной воде». Ломоносов, уже успевший зарекомендовать себя зре-

лым исследователем, имел все основания быть недовольным тем, что его в течение длительного времени заставляют занимать должность адъюнкта.

Уже в письме к Шумахеру, написанном из Марбурга, Ломоносов сообщал, что занимается математикой, имея в виду приложить ее к теоретической химии и физике. Этот замысел был им осуществлен в работе «Элементы математической химии», на которой имеется пометка рукою Ломоносова, датированная 1741 г. Работа представляет собою вводную часть к задуманному большому труду, который так и не был выполнен. Как и предыдущие его произведения, «Элементы химии» написаны по-латыни. В оригинале они увидели свет лишь в 1934 г.¹⁵⁸ Русский перевод был сделан в 1904 г. Б. Н. Меншуткиным,¹⁵⁹ который, внимательно изучив все физико-химические работы Ломоносова, указывал, что «нельзя не отметить здесь широты взглядов его: ведь программа математической химии по существу охватывает всю физику и всю химию того времени. Если бы этот труд был им доведен до конца, то мы имели бы величественный памятник его научного творчества. Но и то, что им было осуществлено, как оно обрисовывается перед нами в дальнейшем, вызывает чувство удивления перед громадностью выполненного».¹⁶⁰

Наиболее зрелой работой Ломоносова из выполненных им в 1741 г. было написанное также по-латыни «Рассуждение о катоптрико-диоптрическом зажигательном инструменте».¹⁶¹ Работа была представлена Академии через два месяца после возвращения его в Петербург. О ней впервые упоминается в протоколе Конференции 24 августа 1741 г.¹⁶² 9 и 12 октября ее огласил академик Г. Ф. Крафт, занимавший кафедру физики и ведавший Физическим кабинетом, после чего работа была передана в Архив. Какие были на нее отзывы, записей не сохранилось. Через семнадцать лет эти работы Ломоносова вновь стали предметом внимания Академии. К рукописи приложена следующая записка академика Г. Ф. Миллера, занимавшего тогда пост конференц-секретаря Академии: «Уважаемого М. Ломоносова „Рассуждение о катоптрико-диоптрическом зажигательном инструменте“, представленное Академии в 1741 г., вновь сообщается почтенным коллегам для прочтения дома. 4 мая 1758 года».¹⁶³ После этого прошло, однако, свыше четырех месяцев, пока в протоколах Конференции появилась следующая запись: «Собранию была представлена диссертация Ломоносова о зажигательном инструменте... Бюшинство решило, что следует попробовать, не может ли предложенная автором машина быть практически выполнен-

ной. Поэтому следует обязать содержащихся Академией мастеров сделать ее, после этого не будет никого, кто бы не признал пользу этого изобретения». ¹⁶⁴ Как указывают современные исследователи, работа Ломоносова по прикладной оптике была совершенно оригинальной; до него никто не предлагал зажигательных инструментов, состоящих из большого числа собирательных линз в комбинации с плоскими зеркалами. ¹⁶⁵ Труд Ломоносова пролежал в Архиве почти два века, пока не был опубликован, ¹⁶⁶ и лишь в 1951 г. Т. П. Кравец ¹⁶⁷ напечатал перевод «Рассуждения». ¹⁶⁸

Не менее активна была и литературная деятельность Ломоносова. 12 августа 1741 г. «Императору Всероссийскому» Ивану Антоновичу исполнился год. В этот день в печатном органе Академии наук «Санкт-Петербургские ведомости» (в «Примечаниях») появилась «Ода, которую в торжественный праздник высокого рождения всепресветлейшего державнейшего великого государя Иоанна третьего, императора и самодержца Всероссийского, 1741 г. августа 12 дня веселящаяся Россия произносит». ¹⁶⁹ Ода подписана начальной буквой фамилии Ломоносова.

На важнейшее событие того времени — победу над шведами, одержанную русскими войсками в Финляндии, Ломоносов откликнулся новым стихотворением, которое было напечатано в «Примечаниях» к «Санкт-Петербургским ведомостям» 11 сентября (стр. 288—296). Академия выпустила это произведение и отдельным изданием, что явилось несомненно признанием поэтических дарований Ломоносова. Недолго, однако, эти произведения находились на книжном рынке и на полках библиотек. Через два с половиною месяца произошел дворцовый переворот, и на престол взошла Елизавета Петровна. Было строго приказано уничтожить все, что связано с именем Ивана Антоновича и подписано от его имени («пашпорты, абшиты, патенты, також манифесты, печатные указы, регламенты, кои опубликованы в народ»). В составленном Академией реестре материалов, относящихся к этому времени, значится и двенадцать экземпляров «Од или похвальных речей, изданных адъюнктом Ломоносовым». ¹⁷⁰

Среди поэтических произведений Ломоносова того времени имеются и переводы с немецкого од, сочиненных академиком Я. Я. Штелиным и Юнкером по случаю восшествия на престол и коронации Елизаветы Петровны. ¹⁷¹ Наибольший интерес из стихотворений Ломоносова, ученого-поэта, представляют писанные в 1743 г. «Утреннее размышление о Божием величестве» и «Вечернее размышление о Божием величестве

при случае великого северного сияния»,¹⁷² переведенные впоследствии на английский, французский, немецкий и шведский языки.¹⁷³ Второе из названных здесь произведений Ломоносов называл «Одой на северное сияние». В истории его научного творчества оно замечательно тем, что здесь высказаны мысли, которые были им научно разработаны лет через десять, когда он занялся изучением электрических явлений, выдвинув гипотезу, что последние, как и северное сияние, вызываются движением эфира.¹⁷⁴

За первые три-четыре года пребывания Ломоносова в Академии наук он наряду с другими трудами работал и над темами, относящимися к области атомно-молекулярного учения. До нас дошли лишь наброски этих исследований. Они теперь известны под условными названиями: 276 заметок по физике и корпускулярной философии; Опыт теории о нечувствительных частицах тел и вообще о причинах частных качеств; Заметки о тяжести тел; 44 заметки о сцеплении корпускул; О сцеплении и расположении физических монад; О составляющих природные тела нечувствительных физических частицах, в которых заключается достаточное основание частных качеств. Материалы, содержащиеся в этих набросках, частью вошли в последующие труды Ломоносова, в частности в диссертацию «О тепле и холоде», которую он прочитал в Конференции 21 и 25 января 1745 г.¹⁷⁵ Об этом в протоколе записано: «Некоторые из академиков вынесли о ней такое суждение: нужно похвалить охоту и прилежание г-на адъюнкта, занявшегося изучением теории теплоты и холода; но им кажется, что он еще слишком преждевременно взялся за дело, которое, по-видимому, пока находится выше его сил. Во-первых, потому что доводы, которыми он пытался частью утвердить, частью опровергнуть различные внутренние движения тел, совершенно недостаточны — что признает и сам г. адъюнкт, когда ему будет угодно свои доводы вывести частным порядком и представить в форме силлогизма. Затем г. адъюнкту поставили на вид, что он поносит в своем произведении Бойля,¹⁷⁶ столь известного своими трудами: он (Ломоносов) извлек из писаний Бойля те места, в которых этот последний как будто говорит вздор, но обошел молчанием многие другие, в которых Бойль дал образчики глубокой учености. Г-н адъюнкт отрицал преднамеренность своего поступка».¹⁷⁷

В обязанности профессоров — действительных членов Академии наук — входило чтение публичных лекций. Уже в 1742 г. Ломоносов показал, что вполне может выполнять эти обязанности. В Программе публичных лекций, которые должны были

начаться 1 сентября 1742 г. для «учеников, которые избираются и производятся из Академической гимназии для слушания публичных наставлений», указано, что Ломоносов будет обучать ряду предметов: географии, химии, натуральной истории о рудах, а также «стихотворству и штилю Российского языка».¹⁷⁸

Вместе с тем Ломоносов вскоре сделался известным и как авторитетный химик, и к нему стали обращаться как к эксперту. Так, когда правительство прислало в 1744 г. в Академию наук «пробы солей», то изучение их было поручено Ломоносову.¹⁷⁹ С соляным делом он был знаком с малых лет, когда помогал отцу в рыбном промысле. Основательные научные познания в этой области он получил дополнительно в студенческие годы. Когда в Фрейберг приехал Юнкер, с которым Ломоносов близко сошелся, Ломоносов помог ему в возложенном на него задании по ознакомлению с зарубежными соляными промыслами. Об участии Ломоносова в трудах Юнкера по соляному делу в 1739 и 1741 гг.¹⁸⁰ подробно рассказано в записке Ломоносова: «Помянутый Юнкер, — читаем мы, — употреблял его (Ломоносова, — М. Р.) знание российского и немецкого языка и химии, поручая ему переводить с немецкого нужные репорты и экстракты о соляном деле, для подания в Санктпетербурге по возвращении, при коем случае Ломоносов много в четыре месяца от него пользовался в знании соляного дела. А особливо, что он уже прежде того на поморских солеварнях у Белого моря бывал многократно для покупки соли к отцовским рыбным промыслам и имел уже довольное понятие о выварке, которую после с прилежанием и обстоятельно в Саксонии высмотрел. Когда Ломоносов в 1741 г. в Россию возвратился, нашел здесь Юнкера в полном упражнении о исполнении соляного дела в России; в чем он с реченным Ломоносовым имел по тому частное сношение и сверх того поручал переводить на российский язык¹⁸¹ все свои известия и проекты о сем важном деле. Оные его старания где ныне находятся, неизвестно; для того, что Юнкер, не дождав окончания к исполнению своих стараний, скончался. После того призван был в Кабинет Ломоносов 1744 года, где ему покойный барон Черкасов¹⁸² поручил пробовать разных десять солей российских и сверх того испанскую для сравнения в их доброте, что он и учинил; и принято с апробациею».¹⁸³

В апреле месяце 1745 г. Ломоносов вновь подал прошение о назначении его профессором, кратко указав на свои работы в разных областях и упомянув также о своей преподаватель-

ской деятельности. «В бытность мою при Академии трудился я, низжайший, довольно в переводах физических, механических и пиитических с латинского, немецкого и французского языков на российский и сочинил на российском же языке горную книгу и Риторику, и сверх того в чтении славных авторов, в обучении назначенных ко мне студентов, в изобретении новых химических опытов, сколько за неимением лаборатории быть может, и в сочинении новых диссертаций с возможным прилежанием упражняюсь; через что я, низжайший, к вышеупомянутым наукам больше знания присовокупил. Но точию я по силе оного обещания профессором не произведен, от чего к большому произысканию оных наук ободрения не имею».¹⁸⁴

В 1741—1743 гг. власть Шумахера в Академии наук колебалась. Свыше года он находился под следствием, даже был отстранен от Академии и подвергнут домашнему аресту. Ему удалось, однако, выйти сухим из воды и даже получить повышение, продолжая единолично править Академией наук, в которой более четырех лет не было президента. Поскольку все дела шли через него, от него зависело дать ход прошению, поданному в 1741 г. Ломоносовым на высочайшее имя. Как было отмечено, Шумахер, сколько мог, тормозил дело продвижения Ломоносова, внешне соблюдая безупречную пристойность. Дошедшие до нас письма Шумахера и Ломоносова непосвященному человеку могут показаться документами, отражающими самое искреннее и почтительное отношение их друг к другу. Однако за всеми этими условностями скрывалась напряженная борьба. В данном случае могущественный начальник Канцелярии, до того успешно устранявший всех, кого он считал своим недругом,¹⁸⁵ столкнулся с противником, одолеть которого ему было не под силу.

Во враждебном Шумахеру лагере находились многие крупные ученые. Достаточно назвать имена Бернулли¹⁸⁶ и Делиля.¹⁸⁷ Тем не менее никто из них не отличался такой силой воли, как Ломоносов. Нельзя сказать, чтобы среди академиков не было решительных натур; Делиль, например, не мало копий поломал в своей упорной борьбе с узурпировавшим всю власть в Академии правителем Канцелярии. Однако обычно академики дела до конца не доводили, и самым решительным средством их протеста был отъезд за границу, так что поле битвы оставалось за их противником. Большинство приехавших в Россию ученых успевали полюбить эту страну и готовы были искренне служить ее интересам, и тем не менее у каждого была своя родина, куда они и возвращались. Ломоносов же всю жизнь вел борьбу за интересы своей родины. Важ-

ное значение имело и то, что он сумел объединиться с прогрессивными силами, представители которых были и в правительственных кругах.

Это все нашло яркое выражение в письме Ломоносова к Шумахеру по поводу вновь поданного им в 1745 г. прошения о назначении профессором. Как истый бюрократ, Шумахер, не имея возможности прямо отклонить ходатайство Ломоносова — речь шла ведь о первом случае замещения должности академика русским ученым, — и на этот раз выступил в роли защитника интересов «молодых»; он предлагал «повременить», мотивируя откладывание тем, что назначение Ломоносова должно состояться тогда, когда и другие будут повышены в должности. «Ваше благородие, — писал Ломоносов Шумахеру, — изволили дать мне понять, что мне следовало бы повременить вместе с другими, которые тоже добиваются повышения. Однако мое счастье, сдается мне, не так уж крепко связано со счастьем других, чтобы никто из нас не мог опережать друг друга или отставать один от другого».¹⁸⁸

Самое характерное в данном письме Ломоносова — это недвусмысленное напоминание Шумахеру о том, что его власть не беспредельна, что имеются и другие пути — и они вполне доступны для Ломоносова — к достижению его цели. «Вам, — писал он, — принесет более чести, если я достигну своей цели при помощи вашего ходатайства, чем если это произойдет каким-либо другим путем».¹⁸⁹ В русском обществе Ломоносов был уже достаточно известен и как ученый и как поэт. В правительственных сферах, как мы видели, он успел зарекомендовать себя как высокоавторитетный эксперт по научно-прикладным вопросам. Этим объясняется то, что делу о назначении Ломоносова профессором, наконец, был дан быстрый ход.

Его письмо датировано 1 мая 1745 г., а через два дня оно уже рассматривалось в Канцелярии. Ломоносов претендовал на кафедру химии; еще в 1744 г. он возбудил ходатайство об учреждении специальной химической лаборатории. В Академии до того была кафедра химии и естественной истории, которую возглавлял академик И.-Г. Гмелин.¹⁹⁰ Химией он, собственно, не занимался; к тому же он собирался уехать на родину (в Тюбинген). 17 июня состоялось очередное заседание Конференции, на котором и было решено, что Ломоносов вполне заслуживает профессорского звания. Как адъюнкт, Ломоносов обязан был присутствовать на заседаниях Конференции. Когда же дошло до вопроса о его назначении, он оставил зал заседаний, и в § 3 протокола записано: «По выходе г-на адъюнкта Ломоносова из Конференции, советовано о его уче-

нии и успехе в оном, и общим согласием определено, что поданные от г-на адъюнкта учения его specimens достойны профессорского звания. И понеже учению г-на адъюнкта профессия пристойна больше химическая, то почтенный г-н Гмелин в собрании объявил что он означенную профессию г-ну адъюнкту совершенно уступает, тем наипаче что, для всегдашнего упражнения в истории натуральной, химию оставить принужден был, и для того еще, что в прошедшем году декабря 7 дня Канцелярии объявил, что он, оставя Академию, возвратится в отечество свое. К тому ж, дабы иметь когда надежду окончить помянутые в истории натуральной упражнения и в отъезде б его отсюда остановка произойти не могла, тако ж и химии здесь вновь не начинать. Наконец, принято в рассуждение и то, каким образом г-на адъюнкта профессором произвести и объявить и другие подобные ему случаи, чего тогда окончить нельзя было и для того оставлено до другого собрания».¹⁹¹

Следующее заседание состоялось 22 июня, и, как сказано в протоколе, «дело о Ломоносове было решено окончательно».¹⁹² Собственно, окончательно вопрос был решен указом Правительствующего сената. В своем доношении от 18 июля Канцелярия Академии наук писала, что ввиду отсутствия в Академии президента, она «в чины без указа Правительствующего Сената собою определить не смеет» и «того ради требует о сем повеление». Последнее состоялось 7 августа. Одновременно с Ломоносовым был утвержден в звании профессора элоквенции известный русский поэт и филолог В. К. Тредиаковский¹⁹³ и в адъюнкты натуральной истории — С. П. Крашенинников, участник Камчатской экспедиции.

Было бы неправильно думать, что Шумахер провел все это с легким сердцем. Уже когда Ломоносов был утвержден в звании профессора, Шумахер послал Л. Эйлеру, жившему тогда в Берлине, работы Ломоносова в надежде, что знаменитый ученый даст о них отрицательный отзыв и тем дискредитирует Ломоносова. Много лет спустя, в 1765 г., Ломоносов писал Эйлеру: «Плутовское правило Шумахера *divide et imperabis* (разделяй и будешь властвовать) доныне в превеликом ходу у его преемника. Вашему высокородию очень хорошо известно, что Шумахер всегда натравливал молодых профессоров на старых. Кроме всего прочего, сообщаю, что сам я претерпел: 1. Когда Конференция избрала меня в профессеры и аттестовала, и покойная императрица это утвердила, Шумахер послал вам мои, уже одобренные диссертации, надеясь получить дурной отзыв. Но вы поступили тогда как честный человек».¹⁹⁴ Резуль-

Леонард Эйлер (1707—1783).

таты обращения к Эйлеру получились прямо противоположные тем, которых ожидал Шумахер. Отзыв Эйлера превзошел самые пылкие надежды, какие мог себе представить Ломоносов. «Я чрезвычайно восхищен, — писал Эйлер в ответном письме, — что эти диссертации по большей части столь превосходны, что „Комментарии“ (печатный орган Академии, — *М. Р.*) имп. Академии наук станут многим более замечательны и интересны, чем труды других академий».¹⁹⁵ Эйлер дал и официальный отзыв о работах Ломоносова. Отзыв написан по-латыни; в 1764 г. Ломоносов его перевел и приложил к своему письму, адресованному графу М. И. Воронцову.¹⁹⁶

В течение всей жизни Ломоносову и Эйлеру не приходилось встречаться. Ломоносов Эйлера, несомненно, видал в те месяцы 1736 г., когда он жил в Петербурге. Эйлер был уже тогда всемирно признанным ученым, а Ломоносов — начинающим студентом, интересы которого еще не определились. О выдающемся студенте из числа прибывших москвичей Эйлер должен был слышать. Действительных членов Академии — профессоров — было тогда не много, всего тринадцать человек,¹⁹⁷ и каждый из них был хорошо осведомлен обо всем, что делалось в Академии. Хотя Эйлер в основном был занят своим научным изысканием, однако не забывал и о преподавательской деятельности, будучи обязан читать курс логики и высшей математики.¹⁹⁸ Это позволяет заключить, что он не мог не интересоваться студентом, способности которого были столь незаурядными, что он был отправлен за границу; ведь, по словам Ломоносова, в Академии надеялись, что из него выйдет не только горный инженер, а, возможно, ученый-исследователь деятельность которого будет протекать в самой Академии.

Более тесное общение Ломоносова с Эйлером началось тогда, когда Ломоносов уже сложился как зрелый ученый. Ведь аттестат этой зрелости выдал ему в сущности не кто иной, как сам Эйлер, считавшийся тогда самым крупным авторитетом среди мировых ученых. Эйлер написал в своем заключении о присланных ему работах Ломоносова: «Все сии сочинения не токмо хороши, но и превосходны, ибо он изъясняет физические и химические материи, самые нужные и трудные, кои совсем неизвестны и невозможны были к истолкованию самым остроумным ученым людям, с таким основательством, что я совсем уверен о точности его доказательств. При сем случае я должен отдать справедливость г. Ломоносову, что он одарован самым счастливым остроумием для объяснения явлений физических и химических. Желать надобно, чтобы все прочие Академии были в состоянии показать такие изобретения, которые показал г. Ломоносов».¹⁹⁹

Глава II

ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

Ломоносов вернулся в Россию полный широких замыслов. Познакомившись за рубежом с новейшими достижениями в области науки, он задумал организовать на родине исследования в наиболее близкой ему отрасли — химии. Как только он был назначен адъюнктом и получил, таким образом, официальное положение, он обратился к Академии с письменным предложением учредить химическую лабораторию. Это предложение до нас не дошло.¹ Что оно было сделано, стало известно из другого представления Ломоносова, поданного через год, в мае 1743 г. Из этого документа видно, что ходатайство Ломоносова осталось без последствий: оно, как говорится, было положено под сукно. «На оное мое предложение, — писал Ломоносов, — не учинено никакого решения».²

Между тем химия в Петербургской Академии наук влачила жалкое существование. Как уже отмечалось, специальной кафедры химии в Академии не было, и положение с химической наукой было тем более неприглядным, что кафедра физики в то время переживала пору своего расцвета.³ Напомним, что в 30-х годах XVIII в. во главе кафедры физики стоял Л. Эйлер, которого сменил академик Г. Ф. Крафт, создавший лучший тогда в Европе Физический кабинет (лабораторию). Здесь наряду с исследовательской работой он читал и публичные лекции, привлекавшие многих слушателей. К ученикам Крафта принадлежал и Г. Ф. Рихман,⁴ по праву заменивший своего учителя, когда тот уехал на родину. Важное значение имело и то, что по почину Кабинета, богато оснащенного научными инструментами и приборами, началось изготовление физической аппаратуры силами академических мастеров из Инструментальной палаты. Кабинет занял видное место в истории отечественного приборостроения. Школа русских приборостроителей создавалась под влиянием

требований кафедры физики и Астрономической обсерватории.⁵

Г. В. Крафт с полным основанием писал: «Прежде моего в Академии определения в великом беспорядке и в конфузии находящиеся инструменты физические привел я в изрядный порядок. . . По сему порядку помянутые инструменты физические все и каждые порознь по их шкафам и нумерам внесены мною в исправный каталог, который при Академии уже напечатан.⁶ В разные времена представлял Академии, когда деньги в оной были, какие полезные и новоизобретенные инструменты физические из чужестранных земель выписаны быть могут. . . Таким образом, чрез сие корпус здешних физических инструментов вдруг знатнейшим во всей Европе, моим старанием, учинился. Помянутые физические инструменты употреблял я на публичных моих лекциях при обучении в Академии российского юношества, также и всех оных, которые ту науку знать желают. В физике экспериментальной и теоретической со всякою верностию и не похваляясь могу сказать, что я первый профессор, который при Академии наук полный курс экспериментов физических имел и к концу привел».⁷

На кафедре химии в то время в этой области ничего не было сделано. Между тем Академия, которой вменялось в обязанность не упускать из вида научно-прикладные задачи, нуждалась в экспериментальной химии не в меньшей степени, чем в физике. Отдельные лица, входившие в состав правительства, в химии видели новое средство, дающее возможность решения ряда задач государственного масштаба. Это Ломоносов понял еще до того, как правительство стало поручать ему важные экспертизы.

Понимал он также и то, что для создания химической лаборатории, предназначенной удовлетворять всевозможные нужды практической жизни, недостаточно одного только знания химии, но что от организатора такой лаборатории требуется солидная подготовка по естествознанию вообще.

Обладал ли Ломоносов этими данными? В его представлении об учреждении химической лаборатории читаем: «Понеже я, нижайший, в состоянии нахожусь не токмо химические эксперименты для приращения натуральной науки в Российской империи в действо производить и о том журналы и рассуждения на российском и латинском языке сочинять, но притом еще могу других обучать физике, химии и натуральной минеральной истории, и того ради имею я, нижайший, усердное и искреннее желание наукою моею отечеству пользу чинить, в химических трудах беспрепятственно упражняться и как химической практики, так и теории с присовокуплением физики и натуральной мине-

ральной истории других, того желающих, обучать для того, чтобы на мое обучение в Германии издержанная е. и. в. сумма и мои в том положенные труды напрасно не потерялись».⁸

Ломоносов во всех своих начинаниях неизменно имел в виду широкие интересы отечественной науки; он считал важнейшим делом подготовку собственных научных кадров. И в данном случае, выдвигая перед Академией эту актуальную задачу, он указывал на способных академических студентов — упоминавшегося уже Степана Крашенинникова и Алексея Протасова (впоследствии также академика),⁹ которых он брался подготовить к самостоятельной научно-исследовательской деятельности.

Для организации химической лаборатории требовалось специальное здание, на постройку которого в Академии средств не было. Ломоносов предлагал, принимая во внимание важность этой поистине государственной задачи, обратиться с ходатайством в правительство, «дабы высочайшим е. и. в. указом повелено было при Академии наук, в пристойном месте» эту лабораторию построить. Необходимы были еще соответствующие реактивы, материалы и инструменты, на приобретение которых Ломоносов просил ассигновать некоторые средства. Расходы он готов был бы взять на себя, если б материальное положение это ему позволило. При назначении его адъюнктом оклад был определен в 360 рублей, «считая в то число квартиру, дрова и свечи».¹⁰ В те годы к тому же обычно Академия никому не выплачивала причитавшегося жалования своевременно. Ломоносов указывает в своей записке: «Если б в моей возможности было, чтобы мне, нижайшему, на моем коште лабораторию иметь и химические процессы в действие производить можно было, то бы я, нижайший, Академию наук в том утруждать не дерзал. Но понеже от долговременного удержания заслуженного мною жалованья в крайнюю скудость и почти в неоплатные долги пришел, для того не токмо лаборатории и к тому надлежащих инструментов и материалов завести мне невозможно, но с великою нуждою мое пропитание имею».¹¹

Хотя Шумахер был тогда не у дел и Канцелярией Академии управлял А. К. Нартов, содействовавший, насколько мог, Ломоносову в его начинаниях,¹² Академия переживала в то время один из самых критических периодов своей истории; материальное положение было тяжелым, как никогда. Этим и объясняется решение Канцелярии: «Адъюнкту Ломоносову отказать, потому что за неимением при Академии денег, и за неподтверждением штата по сему его доношению ничего сделать не можно».¹³

Об исключительно напряженном состоянии академических финансов Ломоносов знал, но понимая неотложность намечен-

ного плана, продолжал добиваться его осуществления. Он вновь и вновь подавал записки, связанные с предложением об организации химической лаборатории, — семнадцать из них было выявлено еще в прошлом веке.¹⁴ Несмотря на отсутствие оборудованной лаборатории, он упорно продолжал проводить химические изыскания. Это подтверждает поданная в 1744 г. записка, содержащая перечень предметов, потребных для производства химических опытов.¹⁵ Здесь перечислены аппаратура и материалы, необходимые исследователю для его работы, — тигли, банки, азотная кислота, нашатырный спирт, гвоздичное масло, углекислый калий, купоросное масло.

Большой поддержкой для начинаний Ломоносова явилось поручение правительства выполнить пробы солей. Из поданного в феврале 1745 г. рапорта¹⁶ в Канцелярию Академии наук видно, насколько эта работа была важна. Для выполнения ее требовалось значительное количество материалов и аппаратуры. Именно это и побудило Ломоносова снова обратиться в Академию наук с предложением организовать отдельную химическую лабораторию. Не имея лаборатории, писал Ломоносов, он «принужден только одним чтением химических книг и теориею довольствоваться, а практику почти вовсе оставить и для того от ней со временем отвыкнуть».¹⁷ Эти высказывания являлись несомненно весьма важным аргументом. Конечная цель, которую Академия должна была преследовать, по существу состояла в обогащении практики, а это было невозможно без экспериментальных исследований. Ломоносов и выдвигал свои проекты, рассматривая Академию — это высшее научное учреждение — как корпорацию ученых, чутко прислушивающихся к запросам повседневной жизни и решающих важнейшие научно-прикладные задачи.

На этот раз он к своему предложению приложил развернутый план, в котором предусматривалось все, что необходимо для успешного проведения химических исследований, начиная с расположения и размеров проектируемого для лаборатории дома и кончая детальным перечнем необходимых инструментов и материалов.

Ломоносов писал: «Я не токмо в разных авторах усмотрел, но и собственным искусством удостоверен, что химические эксперименты, будучи соединены с физическими, особливые действия показывают». Поэтому он и предлагал: «К химическим опытам присовокуплять, где возможно, оптические, магнитные и электрические опыты, к чему нужные инструменты можно брать на время из Физической палаты или и нарочные к тому сделать».¹⁸

Таким образом, с самого начала Ломоносов, создавая лабораторию, задумал придать ей физико-химический характер, что

Май 1743

• 1.

Многоуважаемаго Александра в Петербург
представилъ пожелавъ и надеяться въ
Кунгсбергоу наставъ надеяться пред-
ставитъ о здравствѣ Императорской
Лабораторіи, въ томъ и наде-
яться, да въ пользу отпущаема
трудитесь въ Императорской
Дисциплинарной, ордену на
оное мое предположеніе и нужное
Кунгсбергоу, гдѣ и нѣдѣ.

† на Кунгсбергоу Императорской
Лабораторіи, въ томъ и наде-
яться, да въ пользу отпущаема
трудитесь въ Императорской

2.

И понеже и надеяться въ состо-
яніи на Кунгсбергоу и нѣдѣ
Императорской Дисциплинарной
для приращенія на туралской
наши въ Россійской Имперіи
въ действіе производить,
и оттомъ Журналы и рассужденія
на Россійской и здѣшней Сидящихъ
къ туралской Имперіи, да въ
объясненіи сродни, Имперіи и на-
туральной Имперіи Имперіи
И того ради и нѣдѣ и надеяться

† и на Имперіи

Страница из представления Ломоносова в Академию наук об учреждении
Химической лаборатории.

явилось принципиально важным шагом в разработке химических проблем и впоследствии выгодно отличало его детище от подобных учреждений на Западе. Обладая солидной подготовкой по физике, он прекрасно понимал, что знания становятся наукой лишь тогда, когда исследуемые явления подвергаются не только качественному, но и количественному изучению.

К этому времени следствие по делу Шумахера кончилось; он вернулся к исполнению прежних своих обязанностей с повышением и, разумеется, не безучастно наблюдал за тем, как выдвигается Ломоносов — ученый и научный организатор. Ломоносов это понимал. Поданный им проект застрял в дебрях Академической канцелярии, и он решил обратиться к самим академикам («Академическому собранию»), подав 25 октября 1745 г. записку. «Возвратясь по окончании учебных занятий в Германии на родину, — писал Ломоносов, — я был зачислен в число адъюнктов нашей славной Академии, причем особенно желал получить возможность усерднейшим образом заниматься химией. Поэтому в январе 1742 г., в мае 1743 г. и затем в марте месяце текущего года я просил Канцелярию Академии озаботиться постройкой Химической лаборатории и приобретением всего необходимого для химической работы. Не получив желаемого, я вынужден по сей день заниматься только чтением химических книг да умозрением. Так как теперь я назначен профессором химии, то вы согласитесь, конечно, что моя обязанность высказать вам свое мнение о необходимости постройки Химической лаборатории и снабжения ее всеми приборами».¹⁹

Академики единогласно поддержали предложение Ломоносова, и проект был отправлен в Академическую канцелярию, которая одна, из-за отсутствия свыше четырех лет президента, сносилась с правительственными учреждениями. Но Шумахер, не имея возможности прямо препятствовать продвижению плана Ломоносова, прибег к испытанному бюрократическому методу — проволочке. Он отослал проект конференц-секретарю Х.-Н. Винсгейму²⁰ для рассмотрения уже рассмотренного в Академическом собрании документа. От этого Винсгейм, конечно, отказался.²¹

Проволочка тянулась бы без конца, если бы Ломоносов не принял соответствующих мер. 13 декабря 1745 г. он выступил в общем собрании Академии и огласил проект непосредственного обращения академиков в Сенат, минуя Академическую канцелярию.²² Предложение Ломоносова встретило одобрение, и доношение в Сенат было подписано всеми академиками, в том числе и Ломоносовым. В этом документе прямо указывалось на многократное обращение Ломоносова в Академическую канце-

лярию, но «на оные его прошения никакого решения не учинилось»,²³ несмотря на то что речь шла об исключительно важном вопросе как для Академии, так и для государства в целом.

Доношение датировано 15 декабря 1745 г., а через пять дней из Сената был уже получен запрос по этому поводу. Но и этот документ представляет собою не что иное, как бюрократическую отписку. В высшей правительственной инстанции заинтересовались не столько существом дела, сколько выяснением того, что формально было принято по прошениям Ломоносова. Сенат запрашивал: «... оной же Академии от профессора химии Михаила Ломоносова какие в прошлых 742 в генваре, 743 в мае и сего 1745 годах в марте месяце о учреждении Химической лаборатории в тое Академию представления были ль и что по оным учинено или и поныне не учинено и для чего».²⁴ Надо сказать, что к этому времени в Сенате накопился целый ряд нерешенных академических дел, в том числе и одна из многих поданных на Шумахера жалоб академиков, ходатайствовавших об «отрешении» его «за непорядочные поступки».²⁵

В мае 1746 г., после пятилетнего перерыва, Академия, наконец, получила президента. Им был назначен К. Г. Разумовский.²⁶ Ему, правда, было тогда восемнадцать лет. Никаких заслуг в науке он, разумеется, не имел. Но все же это назначение возбудило радужные надежды. Близость ко двору (старший его брат Алексей был фаворитом императрицы) могла бы много содействовать тому, чтобы в правительстве были осведомлены о неприглядном положении Академии и она могла успешно добиваться коренного улучшения условий, в которых находилось высшее научное учреждение страны. К этому надо добавить, что Разумовский провел два года за границей, куда был послан для получения образования (в отроческие годы, он, как и его брат, был пастухом). За границей Разумовский учился некоторое время у Л. Эйлера, принимавшего тогда участие в организации физико-математического отделения Берлинской Академии наук, и проявил большое уважение к ученому, который на всю жизнь сохранил с ним дружеские отношения. Разумовский никогда не забывал, насколько он обязан Эйлеру в своем умственном развитии. Одной из первых забот нового президента было добиться возвращения Л. Эйлера в Петербург,²⁷ что осуществилось, однако, лишь почти двадцать лет спустя.

На первом заседании, на котором присутствовал новый президент, он выступил с декларативной речью. Вряд ли кто-нибудь сомневался в том, что она составлена его ментором, но в этой речи содержались фразы, которые не могли не вызвать расположения к тому, кто их громко произнес. Обращаясь

к академикам, Разумовский заявил: «Я во всякое время буду пользоваться вашими добрыми советами и своею главнейшей обязанностью буду считать достижение благоденствия этого учреждения и удовольствие каждого его сочлена... Имею основательную надежду, что вы, милостивые государи, моим усердием, а я вашим содействием будем взаимно довольны».²⁸

Однако Шумахер, накопивший богатый опыт приспособления к предыдущим четырем президентам, быстро вошел в доверие к Разумовскому, и Ломоносов впоследствии с горечью писал: «Нынешний президент, его сиятельство граф Кирила Григорьевич Разумовский, будучи от российского народа, мог бы много успеть, когда бы хотя немного побольше вникал в дела академические, но с самого уже начала вверился тотчас в Шумахера, а особливо, что тогдашний асессор Теплов был ему предводитель».²⁹

Все же в самые трудные времена, когда Ломоносову казалось, что заправили Академии, Шумахер и Теплов, ведут ее к «конечному разорению», он обращался к Разумовскому и просил «сделать конец двадцатилетнему бедному Академии состоянию».³⁰ Зная, какое влияние на Разумовского имеет Коварник (так Ломоносов называл Теплова), Ломоносов не переставал относиться к президенту Академии с искренним уважением. «Президент наш, — писал Ломоносов И. И. Шувалову, — добрый человек, только вверился в Коварника».³¹

Действительно, К. Г. Разумовский обладал неплохими личными качествами и академики относились к нему с большим уважением, и не без основания. Многие, среди них и Ломоносов, в трудные минуты лично обращались к президенту и нередко добивались своего, несмотря на сопротивление Шумахера. О таких случаях речь будет впереди. Тем не менее уже в первые месяцы пребывания Разумовского на посту президента Академии Шумахер обрел почти такую же власть, как и прежде. Это сказалось и на организации химической лаборатории.

Рассмотрение Разумовским порученных ему вопросов пошло на пользу Шумахеру, а не академикам. Когда в Академии еще не было президента, академики добились от Сената того, что принципиальные вопросы — «до наук надлежащие дела» — разрешались в общем собрании академиков (Профессорском собрании). Однако академики торжествовали победу над начальником Канцелярии недолго. «Власть их, — писал Ломоносов, — стояла весьма кратко, затем что вскоре пожалован в Академию президентом его сиятельство граф Кирило Григорьевич Разумовский, которому на рассмотрение отосланы из Сената все перед ним бывшие академические распри, которые так

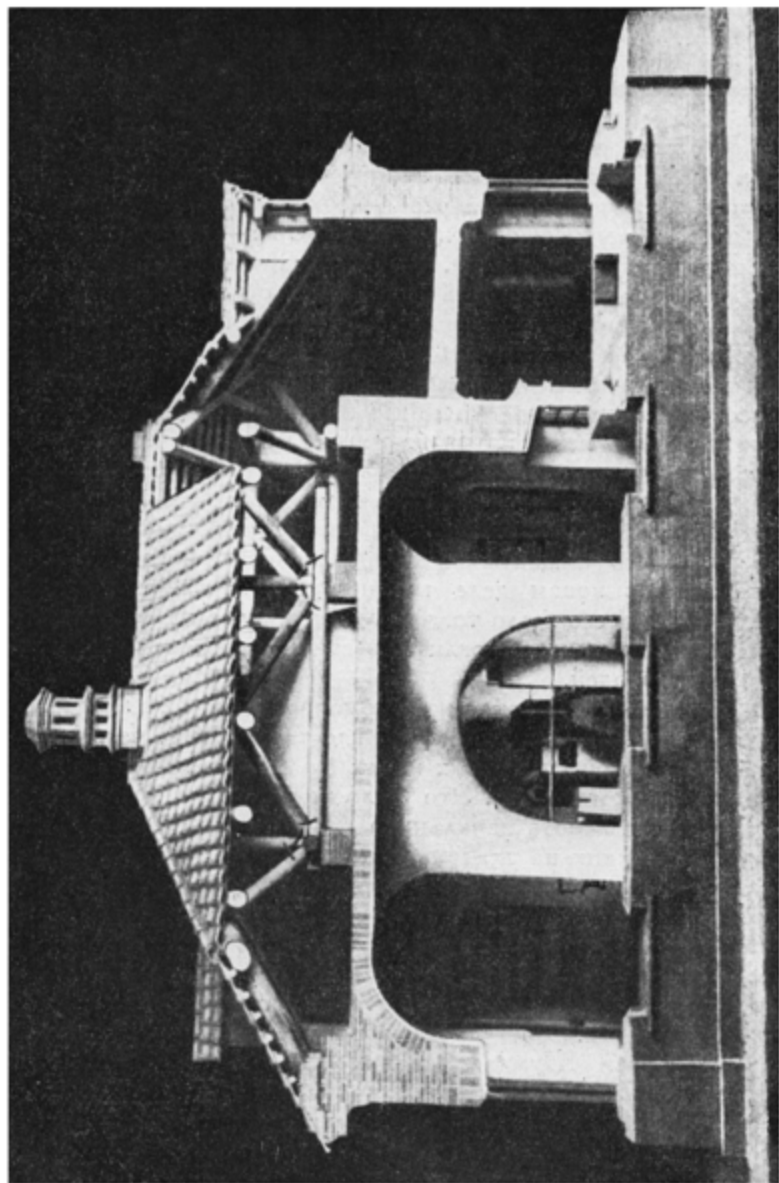
К. Г. Разумовский (1728—1803).

решены, что от всех профессоров взяты сказки порознь, стоит ли кто в своем на Шумахера доносе, на что как ответствовано от каждого, неизвестно, но то ведомо, что Шумахер остался по-прежнему в своей силе и вскоре получил большое подкрепление». ³²

Упрочение положения Шумахера значительно замедлило организацию химической лаборатории. Лишь 1 июля 1746 г. был издан именной указ о постройке химической лаборатории за счет специально ассигнуемых кредитов. ³³ Место для нее было отведено на территории Ботанического сада Академии, занимавшего площадь между Первой и Второй линиями Васильевского острова (близ нынешнего Тучкова моста). Пришлось ждать не менее двух лет, пока она была действительно построена, хотя на эту постройку потребовалось бы всего два месяца. Лишь 12 октября 1748 г. Ломоносов сообщил Канцелярии Академии наук: «Лаборатория, которая прошедшего августа 3-го числа при Ботаническом саду заложена, приведена со всем внешним и внутренним строением к окончанию». ³⁴

Это была первая в России ³⁵ научно-исследовательская и в то же время технологическая лаборатория, послужившая прообразом для возникших впоследствии подобных научно-экспериментальных учреждений. С работ этой лаборатории, собственно, начинается экспериментальная химия в нашей стране и изучение основ химической промышленности. ³⁶ Еще в 1741 г. в наброске «Элементы математической химии» Ломоносов писал: «Истинный химик должен быть теоретиком и практиком». И далее: «Занимающиеся одной практикою — не истинные химики. Но и те, которые услаждают себя одними умозрениями, не могут считаться истинными химиками». ³⁷

Этих воззрений Ломоносов придерживался всю жизнь, ³⁸ ими проникнуты все его начинания. Этим принципом он руководствовался, создавая и развивая свою лабораторию, которую богато оборудовал как химической, так и физической аппаратурой. Опубликованные описи ³⁹ и другие документы позволили воссоздать как вид и инвентарь лаборатории, так и организацию производящихся в ней химических работ. Имея в виду физико-химические исследования, Ломоносов укомплектовал лабораторию немалым количеством физических приборов и первый ввел в химическую практику такие аппараты, как весы, термометр, микроскоп. ⁴⁰ При этом Ломоносов в аппаратуру, которой он пользовался, вносил свои усовершенствования. Историк микроскопии, например, не пройдет мимо предложенной Ломоносовым конструкции микроскопа, который он впервые стал применять в своих химических исследованиях. ⁴¹ Историка же химии пора-

Макет Химической лаборатории Ломоносова.

жает обилие препаратов и реактивов, число наименований которых превышало пятьсот.⁴²

Забываясь о создании экспериментальной базы для своих исследований, Ломоносов имел в виду, что она явится основным рассадником химических знаний в России. Поэтому он еще до открытия лаборатории старался заинтересовать академических студентов химией; он объявил в апреле 1748 г. о чтении им курса химии. «Михайла Ломоносов, — читаем мы в объявлении о расписании академических лекций на 1748 г., — член Академии наук и Исторического собрания, профессор химии, в этом летнем семестре, по пятницам, в восемь часов утра, с целью подготовки студентов к занятиям по химии, будет объяснять химические операции вообще и показывать пользу химии при раскрытии глубоких тайн природы; в зимнем же семестре он будет излагать теоретическую химию в соединении с практикой».⁴³

Из этих строк нетрудно заключить, что Ломоносов имел в виду создать целую школу отечественных химиков. Это была, пожалуй, самая трудная задача из тех, которые он ставил перед собой. Чтобы приготовить высококвалифицированного помощника из числа его слушателей, потребовалось много лет. Конечно, во всяком новом деле трудности и осложнения неизбежны. Но хуже всего было то, что личные качества его помощника — П. Прянишникова могли вывести из терпения и самых хладнокровных людей.

Создавая свою лабораторию, Ломоносов на каждом шагу сталкивался с препонами. Шумахер, где только мог, чинил ему препятствия, и одной из первых помех был служитель, которого он определил к Ломоносову. Это было тем обиднее, что внешне все выглядело как забота начальника Канцелярии об обездоленных людях, попавших на академическую службу.

Ломоносову выделили помощника, от которого было больше вреда, чем пользы. При этом не обошлось без издевки над ученым-исследователем. Когда Ломоносов просил Канцелярию назначить служителя, то Шумахер, докладывая об этом президенту, не преминул добавить от себя ряд ехидных замечаний, изображая Ломоносова неумелым экспериментатором. «Хотя бы, — писал Шумахер Разумовскому, — г-н профессор Ломоносов и никаких других дел, кроме химических, не имел, однако необходимо надобен ему лаборатор или такой человек, который с огнем обходиться умеет, понеже профессор сам того еще не знает, да и упражняясь в теории, столь скоро тому не научится. Ежели ему такой человек придан не будет, то он больше сосудов испортит, нежели сколько жалованья приданный ему человек получит».⁴⁴

Только как насмешку над ученым-исследователем можно рассматривать то, что сделал Шумахер. В качестве помощника Ломоносову он определил Петра Прянишникова, воспитанника гимназии,⁴⁵ работавшего ранее в словолитне академической типографии.⁴⁶ Из гимназии он был взят для обучения «садовому художеству при Ботаническом саду».⁴⁷ Здесь Прянишников показал себя далеко не с лучшей стороны. На запрос Канцелярии: «Имеющийся при огороде ботаническом ученик Прянишников какого состояния и к делу ботанического понятия и надежен ли впредь при той науке оставлен быть»,⁴⁸ С. П. Крашенинников, ведавший тогда Академической гимназией, отвечал: «Помянутый Прянишников хотя несколько уже в садовом деле и разумеет и мог бы при саде не без пользы употреблен быть, токмо по крайней своей лени и нерадению ни малого дела порядочного сделать не может, из чего рассудить можно, что он к означенной науке нисколько охоты не имеет, и для того при садовом деле быть неспособен».⁴⁹

Это, однако, не были самые худшие качества будущего помощника Ломоносова. В конце сентября месяца 1748 г. в Академию поступило отношение из Главной полицеймейстерской канцелярии по экспедиции розыскной. В документе указывалось на кражу, к которой был причастен Прянишников.⁵⁰

Именно Прянишникова Шумахер счел нужным назначить помощником Ломоносову, которому необходим был человек не только безупречного поведения, но и отличающийся примерным старанием и прилежанием. Необычайно требовательный к самому себе, Ломоносов ждал от своих сотрудников такого же отношения к своим обязанностям. Все попытки Ломоносова добиться от Прянишникова толку оказались тщетными, и в феврале месяце 1749 г. он вынужден был обратиться в Академическую канцелярию с рапортом, в котором требовал, «чтоб с ним, Прянишниковым, за его непотребства благоволила канцелярия учинить по рассмотрению, а впредь он, Прянишников, при Лаборатории не надобен, а определить на его место другого».⁵¹

Тем временем работа в лаборатории широко развернулась. Ломоносов предпринял «долговременные опыты», продолжавшиеся по нескольку дней. Сам он не мог быть неотлучно в лаборатории. Как действительный член Академии наук, он обязан был не менее трех раз в неделю присутствовать на Общих собраниях и в Историческом собрании, объединявшем академиков, которые разрабатывали вопросы гуманитарные — филологию и историю. Эти обстоятельства побудили Ломоносова просить о назначении ему квалифицированного помощника-лаборанта, который в его отсутствие мог бы «один при экспериментах быть

и поступать бы с ними настоящим образом, как то при других физического класса профессорах, которых практика велика, имеются спомощники: у ботаника садовник, а у анатомика про-сектор».⁵²

Такого специалиста из академических студентов тогда еще не удалось подготовить. Но вскоре нашелся достойный кандидат. В апреле месяце 1749 г. «прусской нации уроженец города Мекленбурга» И. Манеке подал в Академию прошение о зачислении его на это место. Шумахер направил его к Ломоносову, чтобы тот определил «к лаборантскому делу он способен ли».⁵³ Испытания длились несколько дней, и Ломоносов остался доволен предлагаемым кандидатом. Оказалось, что Манеке в химии «довольно искусен», т. е. настолько подготовлен, что вполне отвечает требованиям, предъявляемым лаборанту.⁵⁴ Через неделю состоялось определение Канцелярии: «Оного просителя, Иоганна Манеке, в академическую службу принять на один год, которому и быть при Химической лаборатории лаборантом при профессоре Ломоносове, за двести рублей, которое начать с сего мая от первого числа».⁵⁵ С Манеке, как и со всеми служащими-иностранцами, был заключен контракт, по которому от него требовалось: «Все, что надлежит до лабораторного дела, оное делать из казенных материалов под смотрением профессора господина Ломоносова, и быть в его послушании». И далее: «В лаборатории в назначенные часы пред полуднем и после полудни со всяким прилежанием дело свое исправлять».⁵⁶

Приход Разумовского в Академию отмечен в ее истории рядом благоприятных последствий; прежде всего ушло в прошлое хроническое безденежье академической казны, тяготевшее над всеми штатными сотрудниками Академии. В 1747 г. были утверждены новые штаты; выплата жалования стала регулярной. Мало того, в ведомости о выплате содержания сотрудникам появился обширный «Список именной находящимся при Академии сверх штата служителям, по которому раздать заслуженное жалованье». Здесь мы находим «химической лаборатории лаборатора Иоганна Манеке».⁵⁷

Получаемое Манеке жалование было действительно заслуженным, и Ломоносов очень дорожил этим своим помощником. За несколько недель до истечения срока действия контракта Ломоносов возбудил ходатайство о его продлении еще на год: «Понеже контракт лаборатора Манеке в последнем числе сего месяца окончится, — писал Ломоносов 10 апреля 1750 г., — а без лаборатора при Академической лаборатории обойтись нельзя, того ради Канцелярию Академии наук прошу, чтобы оного лаборатора Манеке в академическую службу принять, ибо

он быть при помянутой лаборатории желает, и я его искусством, прилежанием и поступками весьма доволен».⁵⁸ Ходатайство Ломоносова было удовлетворено, и он в течение еще одного года пользовался услугами высоко ценимого им помощника.

Однако Ломоносов не переставал думать о подготовке отечественных специалистов, которые могли бы работать в созданной им лаборатории и впоследствии стали бы самостоятельными исследователями. Вот почему он еще в январе 1750 г. обратился к президенту Академии наук с просьбой о назначении в его лабораторию студентов, из которых он подготовил бы квалифицированных химиков.

Кратко изложив историю создания лаборатории и укомплектования ее необходимыми материалами и инструментами, Ломоносов остановился на общих задачах, стоящих перед его детищем. Он напомнил, что по уставу (регламенту) Академии ее члены обязаны «стараться о действительной пользе обществу, а особливо о приращении художеств» не меньше чем развивать теоретические области знания. Наиболее показательной отраслью науки, где теория и практика тесно переплетены, является химия. Лаборатория существовала тогда не более одного года. Но за это время, отмечает Ломоносов, им достигнуты ощутительные результаты.

Одной из важнейших общих задач, которую была призвана решить Академия, было освобождение русской науки от иностранной зависимости. Будучи, в сравнении с западными государствами, экономически отсталой, Россия вынуждена была ввозить всевозможные товары и промышленные изделия. В то время вопрос об активном торговом балансе не был еще таким острым, как впоследствии. Главное, что занимало тогда государственных деятелей и общественное мнение, это организация в России таких новых производств, продукция которых обходилась бы дешевле, чем импортные товары. В упомянутой просьбе к президенту Ломоносов это формулировал следующими словами: «Того ради за благо я рассудил, во-первых, изыскать такие вещи, которые художникам нужны, а выписывают их из других краев и для того покупают дорогою ценою».⁵⁹ Ломоносов указывал, что за этот короткий период ему удалось разработать свой способ изготовления краски для живописи, которая обходится дешевле импортной. Он сообщал, что в настоящее время занят разработкой нового способа изготовления разноцветных стекол, важных для ряда областей искусства, и в том имеет «нарочитые прогрессы». И тут же добавляет: «При всех сих практических опытах записываю и те обстоятельства, которые надлежат до химической теории».⁶⁰

Что Химическая лаборатория, за создание которой Ломоносов так долго боролся, принесла уже ценные плоды, было совершенно ясно. Однако не менее ясно было и то, что в полной мере она будет приносить пользу лишь тогда, когда станет рассадником отечественных кадров специалистов. «А понеже, — подчеркивал Ломоносов, — химии никоим образом научиться невозможно, не видав самой практики и не принимаясь за химические операции, для того весьма нужно и полезно, чтобы определить ко мне двух или трех студентов, которые бы, слушая мои лекции, и в практике могли упражняться; и труды бы мои двоякую приносили пользу, т. е. новыми изобретениями для художеств и наставлением студентов». Он просил выделить именно учащихся Академического университета, чтобы «они впредь могли плоды свои принести отечеству».⁶¹

Предложение Ломоносова было одобрено. В поданных академиком заявках о чтении курса лекций было включено предложение Ломоносова, сообщавшего, что он будет преподавать практическую химию в Химической лаборатории.⁶² Таким образом, задолго до того как за границей были введены так называемые химические практикумы, Ломоносов применил этот метод преподавания, получивший развитие в Западной Европе лишь в XIX в.⁶³ Это признается теперь и в зарубежной литературе.⁶⁴

Еще до того как Ломоносов подал свою заявку, слушать его лекции вызвались три студента Академического университета:⁶⁵ М. Софронов,⁶⁶ И. Федоровский⁶⁷ и В. Клементьев.⁶⁸ 15 февраля 1750 г. они подали следующее прошение в Канцелярию Академии наук: «Понеже химия есть полезная в государстве наука, притом же и мы желаем обучаться оной, — того ради всепокорнейшей просим Канцелярию Академии наук, чтобы соблаговолила дозволить нам ходить оной науки к профессору, его благородию господину Ломоносову, который показывать нам эксперименты и лекции свои начать обещается. Что же касается до лекций, которые мы ныне слушаем, на оные как ходили так и будем ходить, пока генерального развода по наукам всем не воспоследует».⁶⁹

Не сохранилось ни учебного расписания, ни других сколько-нибудь обстоятельных материалов, по которым можно было бы воссоздать полную картину того, чему и как учил Ломоносов своих студентов и какие успехи делал каждый из них, но, бесспорно, Ломоносов пытался серьезно приобщить их к изучаемой области знания. Это ему удалось только в отношении Клементьева.⁷⁰ Остальные после «генерального развода по наукам» занялись другими дисциплинами. Софронов, например, оказался

одаренным математиком и был отослан для усовершенствования к Эйлеру в Берлин.⁷¹

Из одного «доношения» Ломоносова в Академическую канцелярию видно, что приход студентов в Химическую лабораторию значительно осложнил ее работу, и Ломоносов просил о назначении еще одного служителя, необходимого «для умножения черной работы, а особливо для показания химических опытов студентам».⁷² Вместе с тем научная деятельность в самой Лаборатории все время расширялась в связи с тем, что Ломоносов не переставал разрабатывать все новые и новые теоретические и прикладные вопросы.

В рапорте Канцелярии Академии наук от 27 апреля 1750 г. Ломоносов сообщает о производимых в его Лаборатории мозаичных работах, а также об опытах по изготовлению фарфоровых изделий. Он просил построить еще одну печь. В мае месяце того же года он докладывает об успешном освоении производства лазури, импортируемой из-за границы, и отмечает, что имеются все возможности организовать ее производство в таких размерах, что можно будет значительную часть расходов, которые тратятся на Химическую лабораторию, покрыть за счет этого явно прибыльного предприятия.

Рост мануфактурной промышленности в России вызывал спрос на различные заграничные красящие вещества. Заинтересованное в развитии отечественного производства, правительство поощряло каждый шаг, направленный к сокращению ввоза из-за границы промышленных товаров. Это укрепляло положение Лаборатории. Менее чем за два года существования Химическая лаборатория зарекомендовала себя и как учреждение, к которому можно обратиться за авторитетной экспертизой. Принципиально важные предложения направлялись обычно на заключение в Академию наук. Все, что относилось к области химии, передавалось Ломоносову.

Из работ, выполненных им самим, Ломоносов считал наиболее важным изобретение им «мозаичных составов». На их основе он организовал мозаичное производство в больших масштабах, но это уже не было связано с Академией наук.⁷³ Однако начальные работы по мозаичному делу все были выполнены в Академии наук, которой он и сообщал о своих первых шагах, сделанных, в этой области.

Большой интерес представляет его доношение о первой мозаичной работе (она до нас не дошла),⁷⁴ выполненной им собственноручно. Вот что мы здесь читаем: «Всех составных кусков поставлено больше четырех тысяч все моими руками, а для изобретения составов делано две тысячи сто восемьдесят четыре

опыта в стеклянной печи. А чтобы сие дело, будучи мною толь далече произведено при Академии, на том не окончалось, для того Канцелярия Академии наук да соблаговолит дать мне в научение достойного ученика, ибо я изобрел к сему делу все способы и показать могу довольно, но сам всегда в том не могу упражняться, желая служить отечеству другими знаниями и науками».⁷⁵

Всю огромную работу в Лаборатории Ломоносов продолжал выполнять, пользуясь услугами единственного квалифицированного помощника (Манеке, прослужив два года в Академии, уехал на родину). Из учеников Ломоносова никто не был еще подготовлен в полной мере.

Еще до отъезда Манеке, 3 мая 1751 г. в «С.-Петербургских ведомостях» появилось следующее объявление: «Сим объявляется, что в находящуюся при Академии наук Химическую лабораторию потребен лаборатор; того ради ежели кто в оное дело вступить охоту имеет, те б явились в Канцелярию Академии наук».⁷⁶ Это место занял «аптекарский гезель» (ученик) Франц Беттигер, который, как указал Ломоносов, «по свидетельству явился способным быть лаборатором». Но он, хотя и был квалифицированным специалистом, причинял Ломоносову неприятностей еще больше, чем Прянишников. Ломоносов писал Шумахеру 10 мая 1756 г., что он более не может терпеть буйных выходок Беттигера и просит его уволить. Прошло около двух месяцев, пока ходатайство Ломоносова было удовлетворено и на место Беттигера получил назначение Клементьев. Беттигер прослужил пять лет и оставил Лабораторию, лишь к этому времени ученик Ломоносова Клементьев был, наконец, вполне подготовлен занять ставшее вакантным место лаборанта.

Как и многие академические студенты, Клементьев был питомцем Московской славяно-греко-латинской академии, откуда в 1748 г. в шестнадцатилетнем возрасте был отправлен, в числе других воспитанников, в Петербург.⁷⁷ Уже на первом году пребывания в Академическом университете имя Клементьева встречается среди студентов, о которых академики, читавшие лекции, отзывались с похвалой,⁷⁸ а в 1750 г. Клементьев оказался среди тех, коим президент Академии наук «за прилежное обучение и за добрые поступки изволил пожаловать шпаги».

Однако в самый разгар работы в Лаборатории Ломоносов вынужден был ее оставить по предложению И. И. Шувалова.⁷⁹ Основатель Московского университета и Академии художеств, И. И. Шувалов был искренним другом Ломоносова и многих других деятелей русской культуры, которым он, находясь у руля государственного управления, не переставал покровительствовать.

вать. Именно забота о развитии самобытной русской культуры побуждала Шувалова заставлять Ломоносова заниматься русской историей и литературой, где также ярко проявились разносторонние дарования гениального русского ученого.

Передовые русские государственные деятели прекрасно понимали, что как ни важно для страны развитие естественно-научных и научно-прикладных знаний, их одних еще недостаточно для успешного развития национальной культуры. Столь же важную (если не большую) роль играют и успехи в области гуманитарных наук. Конечно, трудно было переоценить значение подготовки отечественных специалистов — ученых математиков, физиков, химиков, геологов, биологов, но таких специалистов все же можно было выписать из-за границы. Тридцатилетний опыт в этом отношении во многих случаях давал ценные плоды. Изучение же русской филологии, литературы и истории представляло для иностранцев исключительные трудности. Правда, для некоторых академиков, например для Г.-Ф. Миллера, эти трудности не оказались непреодолимыми. В русской историографии Г.-Ф. Миллер по праву занимает весьма видное место, особенно своими работами по истории Сибири. Однако прогрессивные деятели того времени имели в виду не только это, а и развитие национального самосознания, поддержание национального достоинства, что, по их убеждению, не находило достаточных оснований в концепции русской истории, которую разрабатывал Миллер. Вот почему поручение Ломоносову написать Русскую историю приобрело значение государственной важности, и сам он охотно за него взялся.⁸⁰

Имелось в виду, что Ломоносов всецело посвятит себя изучению отечественной истории и ничем не будет отвлекаться от этого. Таким образом, встал вопрос о будущем Химической лаборатории, деятельность которой зависела от того, насколько удачным окажется подбор кандидата на остающееся вакантным место профессора (академика) химии.

Сначала на это место пригласили У.-Х. Сальхова,⁸¹ врача по образованию, получившего незадолго до того премию Петербургской Академии наук за решение задачи по «отделению золота от серебра посредством царской водки».⁸² Отзыв о работе Сальхова дал Ломоносов. «Диссертация нынешняя, — писал он, — лучше всех. Жаль, что коротка и пропущены доказательства, которые он за известные полагает у нас и по справедливости, однако для порядка быть им в диссертации должно. Притом и не в форме диссертаций, но как письмо. Ежели еще лучше не будет, то едва ли награждения не достойна. Я бы хотел знать автора — не ради частных обстоятельств, но ради

35 "Научное наследие России"

чести Академии: у меня нет в Германии ни единого знакомого химика».⁸³

Однако вскоре была получена диссертация на ту же тему другого немецкого химика К. Дахрица,⁸⁴ которую Ломоносов нашел лучше всех предыдущих.⁸⁵ Тем не менее И. А. Шлаттер,⁸⁶ занимавший тогда пост директора Монетного двора а впоследствии президент Берг-коллегии, дал резко отрицательный отзыв о работе Дахрица.⁸⁷ Вследствие этого премия была присуждена Сальхову; его же пригласили и на кафедру, тем более что о нем благоприятно отзывался Эйлер.⁸⁸

Кандидатура Сальхова оказалась неудачной. Приехав в Россию, он стал заниматься, как бы теперь сказали, беспредметными темами. Через год после его приезда в Петербург Канцелярия Академии наук, по инициативе Ломоносова (он уже был одним из ее руководителей), приняла решение объявить Сальхову, чтобы он «ученые свои изыскания в химии употреблял больше на такие вещи, кои натура в пределах Российской империи производит и из которых бы народу впредь польза быть могла, нежели какие объявлены в поданной им записке под № 5 и еще в некоторых других».⁸⁹

Кроме того, Сальхов вообще выполнял свои обязанности неаккуратно: он часто не появлялся в Лаборатории и не рачительно относился к лабораторному имуществу. Канцелярия его предупредила, что «за такое его ослушание команды и пренебрежение казенного интереса поступлено будет с ним неотменно по указам и впредь никаких отговорок от него принято не будет».⁹⁰

К тому же оказалось, что, когда ему было поручено подготовить выступление на торжественном собрании Академии, он был уличен в плагиате.⁹¹ По предложению Ломоносова, с Сальховым поступили весьма деликатно — подождали до истечения срока заключенного с ним контракта, предупредив его, что контракт с ним не будет возобновлен.⁹²

Вследствие этого Сальхов подал прошение об увольнении, и 26 июня 1760 г. состоялось определение Канцелярии об удовлетворении его прошения.⁹³

В деле увольнения Сальхова Ломоносов проявил себя как осмотрительный и дальновидный деятель. Именно благодаря ему Сальхову был выдан аттестат о его службе в Академии. Тауберт⁹⁴ и Миллер потребовали этот документ обратно, утверждая, что за границей Сальхов воспользуется им в ущерб Академии. Дело в том, что некоторые из возвратившихся на родину академиков присоединяли свой голос к тем, кто устно и в печати выступали с наговорами на страну, где они ранее

Ломоносов в химической лаборатории. Работа А. И. Васильева (1950).

гостеприимно были приняты. В первой половине XVIII в. Европа буквально была наводнена антирусской литературой, полной злословия и злопыхательства. Подобные издания приносили немало хлопот нашим послам за границей.⁹⁵ Тауберт, который управлял Академической канцелярией вместе с Ломоносовым и Я. Штелином, обратился, без ведома последних, в Адмиралтейств-коллегию с просьбой отобрать у Сальхова выданный ему диплом; но, пока распоряжение дошло до Кронштадта, тот уже покинул русский порт.⁹⁶ Легко себе представить, какое озлобление могла бы вызвать ретивость Тауберта. Ломоносов писал президенту Академии. «Г. Таубертом послана в Адмиралтейскую коллегию одним, без общего согласия, промемория, чтобы, в Кронштадте удержав Салхова, диплом отнять. Сие столько шуму, негодования и смеху в городе сделало, сколько с начала (существования Академии. — М. Р.) не бывало, и Сальхов не преминет уповательно отмщать свою обиду ругательными сочинениями о академическом правлении».⁹⁷

Но Сальхов не переоценивал свои силы и, заняв в Германии скромное положение сельского врача, пытался сохранить добрые отношения с Петербургской Академией и быть ее корреспондентом.⁹⁸ Зная лучше других о степени подготовки и научном уровне Сальхова, Ломоносов не чувствовал к нему неприязни. Те же, кто пытался посеять рознь между ними, обошлись с Сальховым самым неприглядным образом. Говоря об этом, автор Краткой истории о поведении Академической канцелярии писал: «Ломоносов с ним приятельски обходился и не дал себя привести на неповинного Салхова в огорчение».⁹⁹

С отъездом Сальхова из России Химическая лаборатория вновь осталась без руководителя. До недавнего времени считалось, что Ломоносов, уходя из Лаборатории, совсем порвал с ней, однако опубликованные недавно документы свидетельствуют о том, что в течение почти года, пока из-за границы приехал новый профессор химии, Лабораторией управлял Ломоносов. В журнале Академической канцелярии записано: «Коллежский советник Ломоносов объявил, что он для произведения химических операций до выписания из-за моря профессора химии давать будет лаборатору Клемкену¹⁰⁰ работы, и чтоб о том ему, Клемкену, дать знать от Канцелярии. Того ради приказали: оному лаборатору Клемкену, чтоб он во всем чинил по предписанию его, г. советника Ломоносова, дать ордер».¹⁰¹

Еще до официального увольнения Сальхова, 25 мая Канцелярия, по инициативе Ломоносова, обратилась в Академическое собрание с предложением, чтобы ее члены называли кандидатов на освобождающееся место.¹⁰² От представляемых кандидатов

требовалось, чтоб они наряду с отличными знаниями в области химии были компетентны и в металлургии, имея уже ученые труды и пользуясь «славой в ученом свете». Достойным кандидатом был признан прусский горный советник И. Г. Леман.¹⁰³ Немногим более шести лет Леман состоял академиком и за этот короткий срок зарекомендовал себя не только как авторитетный ученый-исследователь, но и как общественный деятель. Он был одним из участников организации «Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства», состоял одно время его секретарем¹⁰⁴ и принимал участие в организационной деятельности Академии. В октябре 1766 г. была упразднена Канцелярия Академии, которая управляла ею свыше сорока лет. Вместо Канцелярии была учреждена Комиссия¹⁰⁵ — орган, сходный с нынешним Президиумом Академии наук. В эту Комиссию вместе с Леонардом Эйлером и другими видными учеными вошел и Леман.

Личное участие Ломоносова в приглашении Лемана занять кафедру химии выразилось в составлении проекта контракта с ним. Основные пункты этого документа бесспорно принадлежат Ломоносову, хотя под проектом подписывались и два других советника Академической канцелярии — Тауберт и Штелин. Первый пункт проекта договора с Леманом гласит: «Обещается он к чести Академии и пользе российского народа приобретенным своим знанием и искусством по своей науке всяким образом споспешествовать и со всяким рачением и верностью исправлять подлежащую ему должность академика».¹⁰⁶

Стремясь сочетать научно-исследовательскую работу с научно-педагогической, Ломоносов отразил это в пунктах 2 и 3 проекта контракта. Леману вменялось в обязанность «наставлять во всех частях своей науки верно и основательно» определенных к нему студентов с тем, чтобы они впоследствии могли принести пользу родной стране на научном или практическом поприще. К обязанностям Лемана относилось далее и составление пособия по минералогии и металлургии, которое должно было послужить руководством не только для академических студентов, но, переведенное на русский язык, и для «российского юношества» вообще. Кроме того, если обстоятельства того потребуют, то он «обещается и впредь труды свои прилагать в таковых российскому народу полезных сочинениях».¹⁰⁷ Проект контракта предусматривал особое вознаграждение Леману за чтение публичных лекций, а также давал ему право «достаток имеющим охотникам читать приватно минералогию и пробирную науку», делая это, впрочем, без ущерба для «академических упражнений».

Занятый множеством других дел, Ломоносов тем не менее не переставал работать в своей домашней лаборатории,¹⁰⁸ уделяя, кроме того, много времени и энергии основанной им мозаичной Усть-Рудицкой фабрике. Даже в последние годы жизни он был озабочен тем, чтобы начатое им мозаичное дело не заглохло после его смерти. Уже прикованный к постели болезнью, которая свела его в могилу, он за несколько недель до кончины не написал, а продиктовал проект обращения к Сенату, где изложил свои соображения о том, кому следует поручить мозаичное дело, «ежели божескою судьбою от настоящей болезни жизнь моя пресечется».¹⁰⁹

Организованное Ломоносовым производство на Усть-Рудицкой фабрике явилось важнейшим в смысле практической пользы результатом исследований, выполнявшихся им в Химической лаборатории. В изданном 14 декабря 1757 г. сенатском указе «О позволении профессору Ломоносову завести фабрику для делания разноцветных стекол бисеру, стеклярусу и других галантерейных вещей» было прямо указано на огромную выгоду, которую принесут его достижения в прикладной химии.¹¹⁰

Свыше десятилетия работало это предприятие — детище Химической лаборатории, созданной Ломоносовым. На смертном одре он не переставал заботиться об его будущем. Однако за несколько дней до кончины он сказал академику Я. Я. Штелину, что после его смерти все сделанное им пойдет прахом. Это предсказание сбылось весьма скоро в отношении мозаичной фабрики. После смерти Ломоносова она захирела, и через три года ее закрыли.¹¹¹ Химическая же лаборатория в течение многих десятилетий продолжала оставаться центром научных исследований.

Здесь проводил свои изыскания известный химик и минералог академик К. Г. Лаксман,¹¹² прославившийся в истории химической технологии рядом оригинальных работ, особенно применением глауберовой соли в стеклоделании. В Химической лаборатории много трудился и академик Н. П. Соколов,¹¹³ участник знаменитой экспедиции П. Палласа.¹¹⁴ Продолжая дело Ломоносова, Соколов, кроме исследований по химии и химической технологии, читал в Лаборатории публичные лекции. С Лабораторией была связана и деятельность академика Я. Д. Захарова,¹¹⁵ разработавшего систему русской химической номенклатуры.

В 1793 г., через сорок пять лет после открытия Химической лаборатории, здание, в котором она помещалась, как и весь участок Ботанического сада, где она находилась, были проданы ^{эб} в частные руки. Здание в перестроенном виде и дом,

в котором жил Ломоносов, сохранялись до Великой Отечественной войны. Во время войны они были разрушены.¹¹⁶

В XIX в. химия в России достигла небывалого расцвета. Среди русских исследователей в этой области выделяются такие всемирно известные ученые, как Н. Н. Зинин, А. М. Бутлеров, Д. И. Менделеев; их деятельность главным образом протекала в стенах университетов. Там, в химических лабораториях, которые они возглавляли, и были выполнены изыскания, прославившие русскую науку. Однако первенство принадлежит Лаборатории Ломоносова.

В 1898 г. русская научная общественность праздновала 150-летие со дня открытия Лаборатории, и организатор этих торжеств, профессор В. В. Марковников,¹¹⁷ во вступительной речи заявил: «Для нас эта лаборатория важна как праматерь всех русских лабораторий».¹¹⁸

Наша страна широко отмечала в 1948 г. 200-летие открытия первой Химической лаборатории Академии наук. В прессе был опубликован целый ряд статей, посвященных этому знаменательному событию.¹¹⁹ По инициативе академика И. В. Гребенщикова¹²⁰ на основе публикаций исследований советских историков науки был изготовлен точный макет Химической лаборатории; его передали на хранение в созданный тогда же мемориальный музей Ломоносова¹²¹ в том здании, где в течение первых десятилетий своего существования протекла деятельность Академии и где изо дня в день на протяжении четверти века трудился Ломоносов.

Глава III

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОБРАНИЕ

Уже в первые годы своего существования Петербургская Академия наук наряду с естествознанием и математикой разрабатывала и гуманитарные дисциплины, и это существенно отличало ее от подобных научных учреждений за рубежом. Старейшая из ныне существующих корпораций — Лондонское Королевское общество (учреждено в 1660 г.) с момента основания и до наших дней стоит в стороне от общественных наук. Парижская Академия наук, насчитывающая теперь одиннадцать отделений,¹ отличалась от Королевского общества только тем, что в ней разрабатывались, кроме того, и некоторые научно-прикладные вопросы² более широкого профиля.

В 1730 г. Петербургская Академия насчитывала всего пятнадцать членов (девять профессоров и шесть адъюнктов),³ четверо из них занимали кафедры гуманитарных наук. На развитие этих наук оказали влияние труды Ломоносова и Тредиаковского по филологии и Миллера по истории и этнографии Сибири.

Работы Миллера, не лишенные многих недостатков (о некоторых из них речь будет ниже), в целом получили высокую оценку как дореволюционных русских, так и советских историков.⁴

Миллер, участник Камчатской экспедиции,⁵ в течение десяти лет собрал огромный материал, составивший десятки фолиантов, хранящихся в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) в Москве и в Архиве АН СССР («портфели Миллера»). В обязанности Г.-Ф. Миллера входило не только изучение и анализ собранных им материалов — ему было поручено также заниматься историей России вообще. По заключенному с ним в 1747 г. контракту на него возлагались почетные обязанности «историографа государства Российского».⁶

Для того чтобы оправдать это высокое звание, необходимо было выполнить огромную предварительную работу и прежде

всего собрать рассеянные по всей стране документы и материалы, относящиеся к истории огромной многонациональной державы. В поданной президенту Академии наук 7 августа 1746 г. записке Миллер перечислил «способы, по которым историю о Российской империи сочинять надлежит».

Миллер предлагал собирать: «1) Все письменные исторические книги, яко: степенные книги, летописцы и хронографы, как о всей России вообще, так и о разных частях оной; 2) письменные книги, содержащие в себе татарскую историю на татарском, турецком и персидском языках; 3) архивы в Москве и в Санкт-Петербурге, также и в прочих знатнейших российских городах обретающиеся; 4) жития святых в церковных книгах, а наипаче тех, которые произошли от крови великих князей и царей, а при том и иных, которые с российской историею участие имеют; 5) письменные ведомости и известия, хранящиеся по разным церквам и монастырям, о заложении таких зданий; 6) надгробные и другие надписи при церквах и в монастырях московских, также и в иных знатнейших городах российских; 7) родословные книги княжеских и знатных шляхетных фамилий и ежели при оных фамилиях другие какие известия находятся, до изъяснения российской истории касающиеся; 8) всякие российские древности, из которых о древних временах и приключениях, хотя не совершенное, однако же не совсем отметное свидетельство получить можно; 9) словесные повести о прежде бывших случаях в России, у простых людей находящиеся в памяти; но понеже в них много баснословного случается, того ради с осторожностью принимать должно; 10) иностранные печатные исторические книги о России, Лифляндии, Курляндии, Пруссии, Польше, Швецкой, Дацкой, Немецкой, Турецкой, Персицкой, Китайской землях и о прочих государствах, где отчасти российская история, сколько о том сочинителям известно было, описана, а паче для тех случаев, по которым соседственные государства чрез войны, трактаты, союзы и чрез прочая с российскою историею сообще-⁷

В записке Миллер пространно обосновывал необходимость предлагаемых им работ по собиранию источников. Историческая наука, писал он, «обыкновенно называется зеркалом человеческих действий, по которому о всех приключениях, нынешних и будущих времен, смотря на прошедшие, рассуждать можно». В западноевропейских странах государственные деятели уже с давних пор были заинтересованы в разработке исторической науки и тратили на это немалые средства. С этой целью при многих западноевропейских дворах учреждены уже штатные должности «историографов».

Помимо чиновников-историографов, в этой области «многие ученые люди в каждой земле от своей охоты в том трудились». Те и другие были заинтересованы в добывании все новых и новых документов и материалов. Предпринимались поиски с целью «государственные архивы и приказные дела, также и находящиеся при церквях и монастырях документы знатнейших городов пересмотреть и все, что в них к истории принадлежащего найдется, с пользою употреблять».

Такую работу Миллер сам провел в Сибири и Приуралье, обследовав архивы ряда городов; результатом ее и явились те привезенные им материалы, о которых речь шла выше. Но это была лишь ничтожная часть того, что еще надлежало собрать по всей России.

К этому времени был уже завершен труд В. Н. Татищева⁸ «История Российская с самых древнейших времен», который он представил в Академию в 1739 г. Однако труд этот явился лишь первым научным опытом обобщения отечественной истории, основанным на солидном фундаменте русских и иностранных источников. Он не мог, разумеется, разрешить все очередные проблемы, стоявшие тогда перед русской исторической наукой, да и к изданию работы Татищева приступили только в 1768 г., а закончилось печатание через восемьдесят лет. Точно так же через много лет после смерти автора было издано произведение предшественника Татищева А. И. Манкиева⁹ «Ядро Российской истории», увидевшее свет в 1784 г. и то под чужим именем.¹⁰

В обиходе в то время были преимущественно рукописные исторические книги и переписанные копии произведений летописцев. Они являлись для историка весьма ценными, а в некоторых случаях и неповторимыми источниками, однако не давали ни правильной, ни достаточно полной картины прошлого. «В них, — писал Миллер, — объявляется только вообще о действиях прежних великих князей и царей российских и о некоторых бывших их войнах, но так необстоятельно, что к получению подлинной пользы в истории, для собрания в пример всяких учений о государственных и народных делах, не остается никакой надежды... Сочинители некоторые описывали только часть российской истории, а именно: некоторые провинции, а не всего государства; не можно ни из чего получить довольного показания, до которых мест в древние времена российские границы распространялись... Не можно сыскать с довольным обстоятельством известия, что учинилось в то время, когда Россия чрез несколько сот лет под татарским игом находилась... Не приобщено истории о знатнейших княжеских и старинных шля-

хетных фамилиях, которые всегда с общею историею государства участие имеют, в небрежении оставлены. Где по благополучном окончании бывшей с соседственными государствами войны желанный мир заключен, при котором упомянуть весьма нужно, на каких статьях договор о том устоялся, того при сочинении таких летописцев ни мало наблюдаемо не было, не упоминая о прочих погрешностях и недостатках, дабы сие предложение не весьма пространном учинить».¹¹

Обстоятельная записка Миллера не оставляла сомнений в том, что для Академии наук изучение отечественной истории является задачей, столь же важной, как и другие актуальные проблемы, которые она разрабатывала. На основании этой записки и других представлений Миллера¹² был учрежден специальный Исторический департамент.¹³ Его возглавил сам Миллер, в помощники ему был определен академик И.-Э. Фишер, также участник Камчатской экспедиции, в которой он заменил Миллера вследствие его болезни.¹⁴

Придавая большое значение разработке исторических вопросов, Академия решила создать коллективный орган. В него должны были войти все члены Академии, которые могли бы принять участие в обсуждении вопросов, связанных с трудами Академии не только по части истории, но и по всем гуманитарным дисциплинам. В этом решении сказано: «Быть для сих необходимых нужд особливому Профессорскому собранию, которое называться должно „Собрание историческое“. В оном все то прочтено и пересмотрено быть имеет, что в департаменте историческом сочинено будет, такожде и сочинения, стихотворения, критические, философские и все гуманиора, а притом и расположение, касающееся до университета и гимназии, а потом общим согласием представлено в Канцелярии для исполнения».¹⁵

Членами «Исторического собрания» были назначены все профессора и адъюнкты, числившиеся по гуманитарным кафедрам. Кроме Миллера и Фишера, сюда вошли: П. А. Леруа, профессор новой истории,¹⁶ Ф. Г. Штрубе де Пирмонт, профессор права,¹⁷ Я. Я. Штелин, профессор элоквенции и поэзии,¹⁸ И. И. Тауберт, адъюнкт истории, В. К. Тредиаковский, профессор элоквенции, Х. Крузиус, профессор древностей и истории латинской,¹⁹ И. А. Браун, профессор философии,²⁰ и М. В. Ломоносов, который хотя и числился по кафедре химии, но со времени вступления в академическую службу не переставал заниматься поэзией, а затем филологией, историей и другими дисциплинами, относившимися к области гуманитарных наук.

Такой состав «Исторического собрания» свидетельствовал о том внимании, какое Академия в то время уделяла вопросам

отечественной культуры, занимавшим в те годы и все влиятельные круги русской общественности.

О значении, которое придавали этому органу, можно судить уже по тому, что Г. Н. Теплов, до того как он попал в наставники к Разумовскому занимавший в Академии место адъюнкта, а после назначения последнего президентом ставший ассессором Академической канцелярии, принял все меры, чтобы войти в состав Исторического собрания в качестве надзирателя. Он воспользовался тем, что ссоры между Миллером и Фишером не прекращались, а наоборот усиливались, так как теперь в них вынуждены были участвовать и другие академики.

Надо сказать, что в академических собраниях споры, и весьма горячие, бывали нередко, а иногда дело доходило даже до рукопашной. Формы, в которые выливались расхождения между академиками, были настолько своеобразны, что в принятом менее чем за год до того Уставе (Регламенте) был вставлен специальный пункт (23), обязывавший членов Академии придерживаться пристойных норм поведения: «Академики противного между собою мнения в деле ученом должны пристойные чести споры иметь и почитать всяким образом то место, где присутствуют; а в противном случае конференц-секретарь, пристойным образом в должности прокурора, запретить может, и о том президенту отрапортовать».²¹ Хотя в это время конференц-секретарем был Ф. Г. Штрубе де Пирмонт, входивший в состав Исторического собрания, но обязанности «прокурора» взял на себя Теплов.

Ломоносов был втянут в полемику по историческим вопросам еще до учреждения Исторического собрания. Историк-любитель П. Н. Крекшин,²² человек сомнительной репутации (в 1714 г. он обвинялся в разных злоупотреблениях²³), занялся составлением ряда произведений на исторические темы. Из его сочинений наибольшую известность приобрела рукописная книга «Краткое описание блаженных дел великого государя императора Петра Великого, самодержца всероссийского, собранное через недостойные труды последнего раба Петра Крекшина дворянина Великого Новгорода» (книга была издана потом, уже в XIX в.).

П. Н. Крекшин, явно стремясь создать себя карьеру,²⁴ вздумал доказать происхождение династии Романовых, а следовательно и царствовавшей в те годы Елизаветы Петровны, по прямой линии от Рюриковичей. В августе 1746 г. он представил в Сенат рукопись: «Родословие великих князей, царей и императоров».²⁵ Рукопись была направлена в Академию наук. Здесь Крекшин был уже известен более чем за десять лет до того.

Еще в 1735 г. он обратился в Академию с «предложением», в котором высказал свои соображения о происхождении славян и россиян,²⁶ а в 1738 г. в Академию был прислан для заключения проект весов Крекшина для взвешивания монет.²⁷

Присланная в Академию рукопись Крекшина по генеалогии царствующего дома была направлена на заключение Миллеру, который отозвался о ней весьма критически.²⁸ Вместе с тем он просил Академию назначить комиссию из двух или трех профессоров, «которые бы как от него, Миллера, так и от комиссара Крекшина все доказательства приняли и о них имели бы рассуждение и свое бы мнение подали» президенту Академии.²⁹ Такая комиссия действительно была назначена, и в нее вошли Ф. Г. Штрубе де Пирмонт, В. К. Тредиаковский и М. В. Ломоносов. Они устроили дискуссию между Миллером и Крекшиным и подали Разумовскому записку под заглавием: «Рассмотрение спорных пунктов между господином профессором Миллером и господином комиссаром Крекшиным».³⁰

Ломоносов и другие члены академической комиссии проявили свойственную ученым независимость в своих суждениях и встали на защиту исторической правды. Крекшин тогда и на них подал донос в Сенат, указав, что Миллер, «не зная истины, заблудил и высочайшую фамилию неправо простою дворянскою дерзнул писать, и профессеры Ломоносов, Тредиаковский и Штрубе в неведении же сию лжу за истину признавали».³¹ Дело еще долго тянулось, пока не было сдано в архив в 1764 г.³²

За год до учреждения Исторического собрания отношения между Миллером и Ломоносовым крайне обострились. Причиной тому было неблагоприятное поведение Миллера по отношению к покинувшему в 1747 г. Петербургскую Академию Делилю. Последний в течение свыше двадцати лет занимал кафедру астрономии и имел признанные заслуги в этой области науки. Как и многие академики, вернувшиеся на родину, Делиль уехал из Петербурга вследствие резкого конфликта с Шумахером. Отъезд Делиля из России нанес Академии явный ущерб, и Ломоносов пятнадцать лет спустя, перечисляя злокозненные поступки Шумахера, указывал: «Делиль, будучи с самого начала Академии старший,³³ по справедливости искал первенства перед Шумахером и, служа двадцать лет на одном жалованье, просил себе прибавки, и как ему отказано, хотел принудить требованием абшида, который ему и дан без изъяснения или уговаривания, ибо Шумахер рад был случаю, чтобы избыть своего старого соперника».³⁴

Вскоре после отъезда Делиля выяснилось, что он, занимаясь наряду с астрономией, и географией, сообщал на свою

родину, во Францию, топографические сведения, не подлежащие оглашению. Он и ранее был заподозрен, но прямых улик ему предъявить не смогли. После его отъезда это было явственно обнаружено. Миллер, сам не мало терпевший от произвола Шумахера, не одобрял решения Делиля, как не одобрял и отъезда Эйлера из Петербурга. Поведение же Делиля во Франции Миллер считал предательством по отношению к России.³⁵ Дело усугублялось еще тем, что как раз в то время отношения России и Франции резко обострились, а впоследствии совсем прекратились и дипломатические сношения, что не могло не влиять на отношение Академии к Делилю, который за границей вел себя вызывающе и заносчиво; между тем он, подобно всем крупным ученым, уехавшим на родину, оставался почетным членом Петербургской Академии, получал установленный оклад (пенсию), обязан был печатать свои работы в Трудах Академии, сообщать ей научные новости и оказывать содействие русским студентам, направлявшимся за границу. Охотно получая пенсию, Делиль не только ничего не сделал для пользы Академии, а наоборот, пытался ей повредить.

Было издано распоряжение по Академии наук, согласно которому всем находящимся на службе в Академии запрещалось иметь какие бы не было сношения с Делилем. Вскоре, обнаружилось, что у Миллера была договоренность с Делилем о хранении материалов последнего. Вследствие этого 18 октября 1748 г. президентом Академии была назначена для расследования этого дела комиссия в составе академиков Штелина, Вингейма, Штрубе, Тредиаковского и Ломоносова. Комиссия вела следствие в течение месяца³⁶ и в результате подала Разумовскому составленный Ломоносовым³⁷ развернутый рапорт. Здесь подробно излагалось все то, что удалось обнаружить во время следствия, подтвердившего переписку Миллера с Делилем, которую Миллер скрыл от Академии. Вина Миллера усугублялась еще и тем, что он принял русское подданство и, согласно присяге, должен был тщательно оберегать государственные интересы. Впоследствии Ломоносов, говоря о действиях Делиля, писал в «Краткой истории о поведении Академической канцелярии»: «Около сего времени перехвачено письмо Делилево к Миллеру об академических обстоятельствах, в котором найдены презрительные речи для Академии, и для того учреждена по именному указу в Академической канцелярии следственная комиссия. Ему не велено выходить из дому, и письма его опечатаны, в коих при разборе найдено нечто непристойное. Однако по негодованиям и просьбам Миллеровых при дворе приятелей без дальностей оставлено».³⁸

Взаимоотношения между Ломоносовым и Миллером чем дальше, тем больше обострялись. Серьезная полемика возникла в Историческом собрании в 1749 г.; она была вызвана произведением Миллера «Происхождение народа и имени российского», приготовленным им в качестве речи на годовичном торжественном собрании Академии. Речи, предназначенные для прочтения на таких собраниях, печатались заблаговременно на русском и на латинском языках. Академики заранее знакомились с текстом и высказывали свои замечания, с тем чтобы докладчик мог их учесть до публичного собрания.

Принимая во внимание серьезность темы, заявленной Миллером, президент распорядился рассмотреть подготовленный текст в соединенном Академическом и Историческом собраниях. При этом автору было указано на ряд мест, подлежащих исправлению. Когда это было выполнено, было вынесено решение, о напечатании работы Миллера.³⁹

Торжественное заседание было назначено на 6 сентября 1749 г. и даже были разосланы приглашения, в которых было указано, что, кроме Миллера, с речью «Похвальное слово императрице Елизавете» выступит Ломоносов.⁴⁰ Однако президент распорядился перенести собрание на 25 ноября — день восшествия Елизаветы на престол. Этой отсрочкой воспользовался Шумахер, чтобы нанести удар Миллеру, с которым он враждовал не менее, чем с Ломоносовым, встречая в нем столь же неукротимого противника.

Необычайно важные результаты, которыми завершились путешествия Миллера по Сибири, а затем назначение его «историографом Российского государства» возбуждали у Шумахера опасения за свою карьеру, а затем и за карьеру своего зятя Тауберта, которому он собирался передать управление делами Академии. В лице Миллера Шумахер тем более видел конкурента, что тот в течение некоторого времени уже выполнял те обязанности, которые были возложены на Шумахера.⁴¹ Такую же настороженность вызывало у Шумахера и возвышение Ломоносова. Говоря об укреплении положения начальника Академической канцелярии после назначения Разумовского президентом, Ломоносов отмечал: «Приведши себя Шумахер в такие обстоятельства и приготовив на свою руку в зятя, в наследники и в преемники тогдашнего асессора (что ныне статский советник) Тауберта, опасался двоих в произведении сего предприятия профессоров: старого своего соперника Миллера и Ломоносова».⁴²

Когда Миллер, разрабатывая источники для истории России, стал составлять родословные таблицы влиятельных вель-

мож того времени, это вызвало тревогу у Шумахера. «Сие, — писал Ломоносов, — казалось Шумахеру во власти опасно, и ради того старался асессору Теплову все об нем внушать и искал удобного случая».⁴³

Полемика с Крекшиным оказалась одним из таких «удобных случаев». Об этом Ломоносов упоминает в «Краткой истории о поведении Академической канцелярии». «После бывшей комиссии в Академии для прекращения споров между Миллером и Крекшиным, о государственной фамилии Романовых происшедших, в которой для рассмотрения посажены были профессора Штруб, Тредиаковский и Ломоносов, впал Миллер в некоторое нелюбие у г. президента и у Теплова». Естественно, что у таких «царедворцев», какими были Разумовский и Теплов, лишение возможности польстить царице представлением ей апробированной Академией наук генеалогии дома Романовых, должны были вызвать резкое недовольство. А тут подвернулся новый «случай». Шумахер дал Крекшину читать текст речи Миллера «Происхождение народа и имени российского» и послал суждения Крекшина Разумовскому, находившемуся тогда вместе с двором в Москве.⁴⁴ Одновременно Шумахер послал некоторым академикам, в том числе и Ломоносову, напечатанный текст речи и потребовал «как наискорее ее освидетельствовать, не сыщется ли во оной для России предсудительного». К 16 сентября 1749 г. в Канцелярию академии поступил отзыв Ломоносова и других академиков, и 27 сентября из Москвы за подписью Теплова (он всюду сопровождал Разумовского) было послано распоряжение изъять из обращения произведение Миллера и хранить ее «до указа».⁴⁵

В своем рапорте Ломоносов указал на ряд неточностей и погрешностей, которые он усмотрел в работе Миллера и которые можно найти почти в любом историческом труде, но сверх того, по его мнению, речь, представленная для произнесения на Торжественном собрании, страдала неисправимым пороком. В ней автор развивал норманскую теорию о происхождении русского народа и само слово Русь считал норманского происхождения. Как доказал Ломоносов впоследствии в собственном труде по отечественной истории, русский народ и Россия начинают свою историю не с призвания варягов, а с незапамятных времен; сам народ и язык простираются в глубокую древность.⁴⁶ Норманская теория, основы которой были положены широко известной статьей Байера,⁴⁷ была, по мнению Ломоносова, лишена «ясности и подлинности», и поэтому он считал, что речь Миллера «весьма недостойна, а российским слушателям и смешна, и досадна». «По моему мнению, — писал Ломоносов, —

отнюдь не может быть так исправлена, чтобы она когда к публичному действию годилась». ⁴⁸

Миллер, властолюбивый, упрямый и вспыльчивый (из-за неуживчивого характера он в Сибири рассорился с возглавлявшим Камчатскую экспедицию В. Берингом), ⁴⁹ упорствовал и не отказывался от своих взглядов. По поводу приостановки его речи он написал президенту, что отзывы были запрошены лишь у членов Исторического собрания, а последние ему «недоброхотствуют». Кроме того, он жаловался, что так как «ему никакой критики никто не показал, то он и оправдаться не мог». ⁵⁰ Вследствие протеста Миллера президент приказал рассмотреть речь в чрезвычайном собрании Академии, с тем чтобы решить, возможно ли ее «заблаговременно поправить». ⁵¹

Работа Миллера обсуждалась на двадцати девяти заседаниях. Полемика была устная, но впоследствии Ломоносов изложил свои воззрения письменно, его соображения вошли в собрание его сочинений под названием «Возражения на диссертацию Миллера». ⁵² Это вылилось в интересное историческое исследование, свидетельствующее о глубоком знании автором и первоисточников, и обширной литературы.

Миллеру возражал не один Ломоносов, а и многие другие академики. Тем не менее он продолжал отстаивать свою точку зрения. Полемика длилась свыше года и принимала, как это и раньше бывало в Академии, весьма острый характер. Об этом Ломоносов рассказывал впоследствии так: «Речь Миллерова отдана на рассмотрение некоторым академическим членам, которые тотчас усмотрели немало неисправностей и сверх того несколько насмешливых выражений в рассуждении российского народа, для чего она и вовсе отставлена. Но Миллер, не довольствуясь тем, требовал, чтобы диссертацию его рассмотреть всем Академическим собранием, что и приказано от президента. Сии собрания продолжались больше года. Каких же не было шумов, браней и почти драк! Миллер заелся со всеми профессорами, многих ругал и бесчестил словесно и письменно, на иных замахивался в Собрании палкою и бил ею по столу конференцскому. И наконец, у президента в доме поступил весьма грубо, а пуще всего асессора Теплова в глаза обесчестил. После сего вскоре следственные профессорские собрания кончились и Миллер штрафован понижением чина в адъюнкты». ⁵³

Столкновения с Миллером у Ломоносова были и в связи с его изложением «Истории Сибири», ⁵⁴ изданной Академией в 1750 г. ⁵⁵

В предисловии автор указал, что с вступлением Разумовского на должность президента Академии одной из первых его

забот было «по приведению в порядок собранных в Камчатской экспедиции известий, оные напечатать для народного знания». В экспедиции участвовали и собрали ценные материалы не одни натуралисты. Поэтому президент распорядился, «чтоб известия до гражданской истории надлежащие, и старанием Академии и господ профессоров Миллера, Фишера и Крашенинникова, адъюнкта Штеллера⁵⁶ и чрез других собранные на русском языке в народ издать и начать сибирскую историю». Добытые же экспедицией сведения по естественным наукам печатались на латинском языке.

Главы из «Истории Сибири» обсуждались на заседаниях Исторического собрания. 3 июня 1748 г. при обсуждении того места из работы Миллера, где речь шла о Ермаке,⁵⁷ возникли споры, в которых участие принял и Ломоносов. Автор «Истории Сибири» — он писал ее по-немецки, — говоря о действиях Ермака, употреблял термин *Räuberey* (разбой, грабеж). Большинство членов Исторического собрания полагало, что автору следует смягчить свои формулировки и вместо *Räuberey* писать *plündern* (обирать). В протоколе записано: «Г-н профессор Миллер обещался оное место о Ермаке переменить, сколько возможно так, чтобы оное оспоривших могло удовольствоваться и оное принести в собрание в следующее заседание или, ежели того учинить нельзя будет, то оное совсем выкинуть».⁵⁸ Ломоносов заявил, что «подлинно неизвестно, для себя ли Ермак воевал на Сибирь, или для Всероссийского самодержца, однако сие правда, что он потом поклонился ею всероссийскому монарху, того ради, буде оные рассуждения, которые об его делах с несколько похулением написаны, не могут быть переменены, лучше их все выключить».⁵⁹

На заседании было подчеркнуто, что основой изучения истории являются достоверные источники. Но к историческим документам следует относиться осторожно, так как во многих из них имеется «явно ложное и негодное». Все согласились с тем, что необходимо критическое отношение к изучаемым источникам, и считали, что, цитируя или ссылаясь на документы, явно не соответствующие исторической действительности, следует «прилежно рассуждать, что достойно внесения». Среди присутствующих, однако, некоторые выразили мнение, что историк обязан привлекать все без исключения источники и в ходе изложения опровергать содержащиеся в них неверные данные.

Одновременно с обсуждением отдельных частей «Истории Сибири» ее переводил на русский язык В. И. Лебедев,⁶⁰ поступивший в Академию вместе с Ломоносовым из Московской Славяно-греко-латинской академии. Лебедев хорошо знал языки

и был неплохим филологом; впоследствии он участвовал в составлении «Словаря русского» и составил «Краткую грамматику латинскую», которая выдержала более десяти изданий (последнее почти через полвека после его смерти). Однако лучше Ломоносова русского языка никто не знал, и ему «для освидетельствования» посылали переведенные Лебедевым части «Истории Сибири».

В Петербургской Академии наук с первых лет ее существования имелся штат переводчиков. Они несомненно имели большие заслуги в деле создания русской научной терминологии. Их работа была весьма сложной и трудоемкой. Она предполагала незаурядную квалификацию исполнителей. Об искусстве перевода Миллер писал в предисловии к своему труду: «Сия история сочинена на немецком языке, с которого переведена ныне по возможности на русский язык от академического переводчика, но перевод просматривал сам сочинитель и сносил с подлинником... [Переводчик] должен... мыслить так, как думал сочинитель, которого он переводит; но таких переводчиков не много, и для той причины бывает и не столь великое изобилие хороших переводов».

Сначала перевод труда Миллера выполнялся И. И. Голубцовым,⁶¹ также однокашником Ломоносова по Славяно-греко-латинской академии. Однако Миллер остался недоволен его работой, и перевод был передан Канцелярией Лебедеву.⁶² Последний оказался более квалифицированным специалистом в своем деле, как это видно из следующего рапорта Ломоносова: «По ордеру, присланному мне из Канцелярии Академии наук, „Сибирской истории“ профессора Миллера первую книгу,⁶³ переведенную с немецкого на русский язык переводчиком Василием Лебедевым, рассматривал, и по оному явилась помянутая книга напечатания достойна. Малые погрешности, которые больше в чистоте штиля состоят, могут им самим легко быть исправлены».⁶⁴

О самой работе Миллера Ломоносов высказал отрицательное мнение. Оно было выражено и в отзыве на подготовленное выступление Миллера в торжественном собрании Академии, о котором речь была выше; при этом Ломоносов критиковал не только содержание, но и изложение, отметив недостаточность знакомства Миллера с латинским и с русским языками: «Что до латинского штиля касается, — писал Ломоносов, — то никому не бесчестнее так худо знать по латине, как историку, которому древних латинских историков необходимо читать должно, а следовательно, и штилю их навикнуть».⁶⁵ И русский перевод, который он по большей части по своему переправлял, исполнен

несносными погрешностями, которые ясно показывают, что он не такой великий знаток русского языка, чтобы он мог поправлять за природными россиянами, как он себе хвастал в кичливом своем, однако опроверженном предисловии к Сибирской истории, которая, как я думаю, едва ли меньше недостатков имеет, как настоящая диссертация».⁶⁶

«Кичливые» места предисловия были убраны: оно вообще было крайне сокращено. Но Миллер игнорировал остальные критические замечания. Об этом произведении Миллера Ломоносов впоследствии писал: «Он в первом томе „Сибирской истории“ положил много мелочных излишеств и, читая оное (в Историческом собрании, — *М. Р.*), спорил и упрямялся, не хотя ничего отменить, со многими профессорами и с самим ассессором Тепловым. Также вместо самого общего государственного исторического дела, больше упражнялся в составлении родословных таблиц в угождение приватным знатым особам».⁶⁷

Спор Ломоносова с Миллером имел принципиальный характер. Но Шумахеру эти разногласия были как нельзя больше на руку. Так как оба они были его противниками, то в поражении любого из них он был прямо заинтересован. Видя, что чаша весов склоняется не в пользу Миллера, Шумахер послал его рукопись к В. Н. Татищеву в надежде, что тот даст отрицательный отзыв. Легко себе представить, каким тяжелым ударом было бы для автора «Истории Сибири», если бы и такой влиятельный тогда человек, как Татищев, выступил против него. Но Татищев, высказав ряд критических замечаний, отозвался с большой похвалой о труде Миллера.⁶⁸

В 1751 г. в Историческом собрании началось обсуждение второго тома «Истории Сибири». Ломоносов на этих заседаниях не присутствовал. Личные отношения его с автором все больше обострялись; он просил Канцелярию посылать ему главы на дом, чтобы письменно изложить свои соображения. Вскоре Ломоносов попросил вообще освободить его от присутствия в Историческом собрании. 4 сентября 1751 г. он подал следующее доношение в Канцелярию Академии наук: «1. С начала учреждения Исторического собрания по определению сиятельного Академии президента велено было мне с прочими профессорами присутствовать в Историческом собрании, что я и исполнял по самое тое время, пока помянутые собрания бывшими в 1749 г. следствиями диссертаций профессора Миллера не прекратились. 2. И как Канцелярии Академии наук известно, коль много принужден я был от помянутого профессора Миллера ругательств и обиды терпеть напрасно, а в нынешних Исторических собраниях читается его же Миллерова „Сибирская история“, и

для того опасаясь, чтобы обыкновенных его досадительных речей не претерпеть напрасно и, беспокоясь принятой от того досадою, в других моих делах не иметь остановки». Далее Ломоносов писал о своих многочисленных заметках и заключал записку так: «Того ради Канцелярию Академии наук прошу, дабы его сиятельству Академии президенту представила о моем увольнении от Исторических собраний и только позволить сочинения профессора Миллера читать на дому и с примечаниями моими отсылать в помянутое Собрание на рассуждение».⁶⁹

Просьба Ломоносова была удовлетворена; в Историческое собрание, просуществовавшее еще около десяти лет,⁷⁰ он больше не ходил. Тем не менее это не означало, что его участие в разработке вопросов, относящихся к области гуманитарных наук, прекратилось. Напротив, эти занятия Ломоносова значительно расширились и углубились. Об этом свидетельствуют и строки из отчета за 1751—52 гг., указывавшие на его работы над «Российской грамматикой» и трагедией «Демофонт», в основу сюжета которой положены древнегреческие мифы. К этому времени относится и начало большой работы над обобщающим трудом по истории России. 1751 годом датируются дошедшие до нас наброски плана русской истории.⁷¹ 10 сентября 1751 г. Ломоносов писал И. И. Шувалову: «Я ныне Демофонта докончать стараюсь и притом делаю план „Российской истории“, который по возвращении вашем в Санктпетербург показать честь иметь буду».⁷² Когда в 1756 г. президент Академии потребовал от всех ее членов отчет об их «трудах и упражнениях» за последние пять лет,⁷³ Ломоносов в своем «рапорте» подробно сообщил о своих работах над историческими вопросами. В течение 1751—1752 г. он собирал и изучал источники к труду по истории России. В отчете за 1751 г. отмечено: «В истории читал книги для собирания материи к сочинению „Российской истории“: Нестора,⁷⁴ законы Ярославля,⁷⁵ большой Летописец, Татищева первый том, Крамера,⁷⁶ Вейселя,⁷⁷ Гелмолда,⁷⁸ Арнолда⁷⁹ и другие, из которых брал нужные экскерпты или выписки и примечания, всех числом 653 статьи на 15 листах». И в отчете за 1752 г.: «Читал Кранца,⁸⁰ Претория,⁸¹ Муратория,⁸² Иорданда,⁸³ Прокопия,⁸⁴ Павла Дьякона,⁸⁵ Зонара,⁸⁶ Феофана Исповедника,⁸⁷ Леона Грамматика⁸⁸ и иных; экскерптов нужных на 5 листах в 161 статье».⁸⁹

В высших правительственных кругах именно к работе по истории проявляли наибольший интерес. И. И. Шувалов всячески побуждал Ломоносова, как это видно из его писем,⁹⁰ продолжать заниматься историей. Ломоносов писал в письме от 4 января 1753 г., что вполне разделяет желание Шувалова видеть

скорее окончание труда по истории России, но это дело «такого есть свойства, что требует времени... Со всякою ревностью в собрании нужных известий стараюсь, без которых отнюдь ничего в истории предпринять невозможно. Могу вас, милостивого государя, уверить в том заподлинно, что первый том в нынешнем году с божиею помощью совершить уповаю».⁴¹

Благожелательное отношение Шувалова к Ломоносову едва не прервало его деятельности в области естественных наук. Придавая большое значение развитию в России гуманитарных наук, особенно истории и литературы, Шувалов настаивал на том, чтобы Ломоносов только ими и занимался. Если в России и до Ломоносова, и наряду с ним были другие поэты и превосходные знатоки родного языка, немало сделавшие для его изучения, то в области изучения истории авторитетных исследователей тогда не было. Татищева уже три года не было в живых, да он и не был профессиональным историком: всю жизнь он занимался государственными делами и целиком посвящать себя научным занятиям никогда не мог, а именно в специалистах историках и филологах особенно нуждалась тогда наша страна. Конечно, И. И. Шувалов при всей широте его образования, не был в состоянии правильно оценить гений Ломоносова, проявившийся в области естественных наук в несравненно большей степени, чем в области наук гуманитарных. Вообще такая оценка была и недоступна современникам Ломоносова. Только его потомки на фоне дальнейшего развития естествознания смогли это сделать. Сам Ломоносов занимался историей и филологией с увлечением, понимая, насколько это важно для развития отечественной культуры, а интересы ее он ставил выше всего.

Однако с еще большим увлечением он продолжал свои физические и химические исследования, которые он не мог и не хотел прервать, считая их не менее важными. Как раз в это время Ломоносов был занят устройством Усть-Рудицкой фабрики, к созданию которой он относился как к одному из главных дел своей жизни; фабрика позволяла применять на практике результаты его исследований в области химии и физики. Шувалов настаивал, чтобы Ломоносов ничем не отвлекался от того, что сам Шувалов считал наиболее важным. Вот почему, благодаря за «ободрение к сочинению Российской истории», Ломоносов в письме от 4 января 1753 г. писал: «Что ж до других моих в физике и химии упражнений касается, чтобы их вовсе покинуть, то нет в том ни нужды, ни же возможности. Всяк человек требует себе от трудов своих упокоения: для того, оставив настоящее дело, ищет себе с гостями или с до-

ЭБ "Научное наследие России"

машинными препровождения времени картами, шашками и другими забавами, а иные и табачным дымом, от чего я уже давно отказался, затем что не нашел в них ничего, кроме скуки. Итак, уповаю, что и мне на успокоение от трудов, которые я на собрание и на сочинение „Российской истории“ и на украшение русского слова полагаю, позволено будет в день несколько часов времени, чтобы их вместо бильяру употребить на физические и химические опыты, которые мне не токмо отменой материи вместо забавы, но и движением вместо лекарства служить имеют и сверх сего пользу и честь отечеству, конечно, принести могут едва меньше ли первой...»⁹²

Ломоносов обладал редкой способностью заниматься одновременно и притом успешно рядом различных дел. Организация Усть-Рудицкой фабрики требовала больших усилий, внимания и времени, и тем не менее, кроме перечисленных выше занятий, в 1752—1752 гг. он не переставал интенсивно работать над исследованиями электрических явлений, требовавших многих опытов и наблюдений над атмосферными разрядами. Мог ли он, естествоиспытатель в широком смысле этого слова, оставаться в стороне от занимавшей весь ученый мир проблемы «естественного электричества», как тогда называли заряды, образующиеся в атмосфере?

Над всем этим нависла угроза пресечения в самый разгар его плодотворных занятий. Понятна поэтому та радость, которую испытывал Ломоносов, получив от Шувалова ответ на цитированное выше письмо. «Полученное вчерашнего числа от 24 мая (1753 г. — *М. Р.*) письмо вашего превосходительства, в котором я чувствую непременный знак особенной вашей ко мне милости, премного меня обрадовало, особенно тем, что вы объявить изволили свое удостоверение о том, что я наук никогда не оставляю».⁹³

Ломоносов был так обрадован возможностью продолжать любимые занятия, что вновь обращается к своей автобиографии и добавляет дополнительные сведения к тем, о которых он сообщил Шувалову в предыдущем письме, где он обрисовал свой жизненный путь, приведший его к вершинам науки. Из этих писем мы узнаем о выпадавших на его долю лишениях, стойко перенесенных им во имя тех жизненных целей, которые он ставил перед собой. Эти цели по существу им давно уже были достигнуты. К этому времени были завершены основные его работы, выдвинувшие его в ряды виднейших ученых. Ему было тогда всего пятьдесят два года, он переживал пору расцвета своих творческих сил и, как в юношеские годы, был полон новых замыслов. Указывая на признание, которое он завоевал

у «знателей и любителей науки», Ломоносов спрашивает: «Могу ли я ныне в моем мужестве дать себя посрамить перед моим детством».⁹⁴

Мыслями об истории своей родины Ломоносов был занят даже тогда, когда разрабатывал конкретные естественнонаучные вопросы. 12 февраля 1754 г. он писал Л. Эйлеру, превосходно отзывавшемуся о произнесенном Ломоносовым на торжественном собрании Академии «Слове о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих»: «Я вынужден здесь быть не только поэтом, оратором, химиком и физиком, но и целиком почти уйти в историю».⁹⁵

Хотя Ломоносов и заверял Шувалова в январе 1753 г., что к концу года он закончит работу над первым томом «Российской истории», но работа эта оказалась гораздо более трудоемкой, чем он себе представлял. В отчетах за 1753 и последующие годы, как и раньше, разделы физики и химии по-прежнему занимали преобладающее место, и в течение четырех лет он все еще занимался лишь изучением источников и частных вопросов литературы, составляя только черновые наброски будущих глав своего труда. Вот что он писал в поданном в конце октября 1756 г. рапорте президенту Академии наук: «1753: 1. Записки из сочиненных прежде авторов приводил под статьи числами; 2. читал российские академические летописцы без записок, чтобы общее понятие иметь пространно о деяниях российских. 1754: Сочинен опыт „Истории Словенского народа до Рурика“: дедикация (посвящение, — *M. P.*), вступление, глава 1 о старобытных жителях в России, глава 2 о величии и поколениях словенского народа, глава 3 о древности словенского народа, всего 8 листов. 1755: Сделан опыт описанием владения первых великих князей российских Рурика, Олга, Игоря. 1756: Собранные мною в нынешнем году российские исторические манускрипты для моей библиотеки, пятнадцать книг, сличал между собою для наблюдения сходства в деяниях российских».⁹⁶

Это были годы не только наиболее интенсивной научной работы Ломоносова, но и годы самой острой борьбы, которую ему пришлось вести в Академии. Порой она доводила его до отчаяния. В одну из таких минут он, считая дальнейшее пребывание в Академии для себя невозможным, просил Шувалова даже о переводе в другое ведомство.⁹⁷

В биографии Ломоносова имеется много неясного; до нас дошли не все документы, о существовании которых мы знаем. Ломоносов в письме к Шувалову от 30 декабря 1754 г. говорит, например, об одном ходатайстве, которое должно было решить дальнейшее его пребывание в Академии. Этот документ до сих

пор разыскать не удалось. По-видимому, речь шла о назначении его советником Канцелярии Академии наук или ее вице-президентом.⁹⁸ Ломоносов добился своего и стал одним из руководителей Академии, будучи назначен в 1757 г. советником Канцелярии. По этой должности он ведал важнейшими участками работы Академии.

Отвлекаемый таким множеством неотложных дел, Ломоносов мог заниматься историей лишь урывками. В действительности получилось не совсем так, как он писал Шувалову: естественные изыскания занимали все его время, а работа над «Российской историей» осуществлялась за счет коротких часов досуга. Только в марте месяце 1757 г. Ломоносов мог считать, что работа над первым томом «Российской истории» им вчерне закончена. Он просил Канцелярию Академии наук выделить ему помощника — «способного и охоту к тому имеющего студента».⁹⁹ В упомянутой просьбе о назначении помощника Ломоносов указал, что, по представлению И. И. Шувалова, императрица еще в марте 1753 г. распорядилась («имел счастье слышать всемилоостивейшее повеление»), «чтобы я приложил старание свое к сочинению „Российской истории“». ¹⁰⁰ Теперь дело близилось уже к концу, и, чтобы завершить взятое на себя обязательство, автору стало необходимо «вспоможение», ибо «как сие дело требует чтения весьма многих разных книг с выписками, то весьма одному мне сего исправить и к концу привести невозможно». Через два месяца просьба Ломоносова была удовлетворена, в помощь ему был командирован студент С. И. Веденский, выполнявший обязанности учителя Академической гимназии.¹⁰¹

Еще 10 января 1757 г. Ломоносов, заявляя на заседании Академического собрания о своих планах на текущий год, указал, что «в печать издавать намерен Историю Российскую», ¹⁰² но лишь в следующем году рукопись первого тома была готова к печати. Она увидела свет через восемь лет под названием «Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава первого или до 1054 года, сочиненная Михайлом Ломоносовым, статским советником, профессором химии и членом Санктпетербургской императорской и королевской Шведской Академий наук».

В Петербургской Академии наук отдавали себе отчет о большом значении труда Ломоносова, как важного средства популяризации необходимых исторических знаний. В то же время побудительной причиной продвигать в печать работу Ломоносова было то, что ею интересовались в высших сферах. Задолго до того как рукопись была сдана в набор, Академическая канцелярия решила: «Для поднесения е. и. в. первого тома „Российской

истории" Ломоносова переплесть оный в алый бархат». ¹⁰³ Разумовский подписал 9 сентября следующее распоряжение Канцелярии: «Российской истории первый том сочинения г-на коллежского советника и профессора Ломоносова печатать в Академической типографии для пользы публики без всякого укоснения, к чему присовокуплять его же примечания и изъяснения под текстом особливыми литерами по его же выбору, а для украшения в Академии художеств изобрести грядорованный лист и пристойные, где надобно, виньеты и оные нагрядоровать». ¹⁰⁴ Вследствие этого распоряжения Канцелярия постановила печатать «два завода», т. е. две тысячи четыреста экземпляров, что по тем временам было не малым тиражом.

Распоряжение Разумовского (он тогда находился на Украине) было получено 15 сентября, а через две недели рукопись была уже в типографии, где 30 октября ее начали набирать. ¹⁰⁵ К началу марта 1759 г. было отпечатано три листа, и на этом издание остановилось. Ломоносов остался недоволен избранной им самим формой примечаний, которая была затруднительна для читателя, и печатные листы были совсем уничтожены. ¹⁰⁶ 28 февраля 1763 г. он подал в Канцелярию Академии записку, в которой мы читаем: «Сию книгу не намерен я печатать, как она начата, с примечаниями и сокращениями на поле, но токмо с одними цитациями авторов, а примечания присовокуплю назаде. Сие для того, что приметил я при печатании от того замешательства, и думаю, что и читателям не лучше будет. Итак, из напечатанных уже трех листов набрать только один текст с цитациями авторов на полях. Таким способом не сомневаюсь сию желаемую в обществе книгу в кратком времени привести печатанием к окончанию». ¹⁰⁷

В марте месяце 1763 г. рукопись Ломоносова начали вновь набирать, и к апрелю 1764 г. было отпечатано 17.5 л. В «Росписи сочинениям и другим трудам советника Ломоносова», приложенной к письму к графу М. И. Воронцову ¹⁰⁸ 19 января 1764 г., имеется следующее указание: «Сочинен первый том „Российской истории“ и печатается, с филологическими изъяснениями». ¹⁰⁹ Ни дальнейшего текста, ни обещанных примечаний Ломоносов не успел представить. ¹¹⁰ Работы по физике и химии и многосторонние административные обязанности в Академии, одним из руководителей которой он теперь стал — ему поручались в «особливое смотрение» дела до наук касающиеся, ¹¹¹ — не давали Ломоносову завершить издание «Российской истории». Она увидела свет лишь в 1766 г.

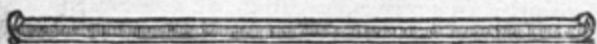
Тексту книги предшествовало предисловие «К читателю», ³⁶ составленное А. Л. Шлецером. ¹¹² В нем читаем: «Сочинитель

сея книги, покойный статский советник Михайло Васильевич Ломоносов, издал уже в 1760 г. Краткий Российский летописец, который был принят здесь с немалым удовольствием. Потом положив намерение сочинить пространную историю Российского народа, собрал с великим прилежанием из иностранных писателей все, что ему полезно казалось к познанию состояния России... Полезный сей труд содержит в себе древние, темные и самые ко изъяснению трудные Российской истории части».

Из записки, поданной Академической канцелярии 28 февраля 1763 г., видно, что Ломоносов намеревался довести содержание первого тома до освобождения Руси от татарского ига. «Следуют, — писал он, — еще две части сего ж тома, первая до Батыева нашествия, то есть до порабощения российского татарами, вторая до великого князя Московского Ивана Васильевича, когда Россия вовсе освободилась от татарского насиловства».¹¹³ Всего этого отыскать не удалось. Но и в том виде, в каком исторический труд Ломоносова увидел свет — не законченным и без научного аппарата, — он явился выдающимся событием в общественной жизни того времени: «Среди строителей нашей науки, — отмечал известный советский историк академик Б. Д. Греков,¹¹⁴ — Ломоносов занимает вполне заслуженное им почетное место».¹¹⁵ Советские историки признают, что в «Древней Российской истории» намечены вопросы, которые и в наши дни занимают внимание исследователей: в ней содержатся мысли, предваряющие позднейшие исследования.¹¹⁶ Она сразу же обратила на себя внимание за рубежом, и ее перевели на немецкий и французский языки.¹¹⁷ В своей «Истории» М. В. Ломоносов заостряет внимание на том, что славяне являются древнейшим народом, имеющим славную и большую историю, — «Множество разных земель славенского племени есть неложное доказательство величества и древности», и далее — «Сравнив тогдашнее состояние могущества и величества славенского с нынешним, едва чувствительное нахожу в нем приращение».¹¹⁸ Обращает на себя внимание и то, что он рассматривал историческое развитие восточных славян не изолированно, а в тесной связи с родственными им племенами западных и южных славян. В этом историческое произведение М. В. Ломоносова коренным образом отличается от капитального исследования В. Н. Татищева. Здесь надо отметить и то, что Ломоносовым для выяснения вопросов русской истории использовано большое количество различных иностранных источников, на основании сравнения которых с летописными известиями он делает определенные выводы. В этом также своеобразие труда М. В. Ломоносова.

КРАТКОЙ
РОССИЙСКОЙ
ЛѢТОПИСЕЦЪ
съ
РОДОСЛОВІЕМЪ.

Сочиненіе
МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ
1760 года

Титульный лист книги Ломоносова «Краткий
Российский летописец».

Другая историческая работа Ломоносова «Краткий Российский летописец с родословием» была издана еще при его жизни. Она вышла в 1760 г. и выдержала фактически три издания.¹¹⁹ Это было краткое руководство для лиц, знакомящихся впервые с отечественной историей, охватывающее ее до Петра I. Это пособие было составлено на основании материалов, накопленных в ходе работы Ломоносова над «Российской историей», а не предшествовало ей, как это указано в предисловии Шлецера.

Хотя Ломоносов в 1751 г. и был освобожден от посещения Исторического собрания, к нему не переставали обращаться с вопросами, относящимися к области истории, считая его наиболее авторитетным консультантом. Так было в 1757 г., когда Вольтер¹²⁰ по заданию русского правительства, точнее по инициативе И. И. Шувалова,¹²¹ занялся составлением «Истории России при Петре Великом». К тому времени знаменитый французский просветитель был давно уже широко известен не только как писатель, но и как историк, труды которого имели отношение к России. Имеется в виду его «История Карла XII, короля шведского», содержащая, однако, не мало ошибок в сведениях о Петре I и о его сподвижниках. На эти ошибки и искажения обратил внимание А. Кантемир (1709—1744), русский посол в Англии, а затем во Франции.¹²² Из переписки между Кантемиром и Вольтером в 1739 г. явствует, что автор «Истории Карла XII» охотно и с благодарностью принял его критические замечания.

Письма к Кантемиру свидетельствуют об интересе, проявленном Вольтером к России и ее прошлому.¹²³ Легко поэтому себе представить, что Вольтер с охотой принялся за работу, в которой он, помимо всего прочего, мог исправить допущенные им исторические ошибки. Задумав поручить Вольтеру написать большой исторический труд о России, Шувалов не замедлил сообщить о своем намерении Ломоносову. Как уже отмечалось эти письма Шувалова к Ломоносову до нас не дошли. Среди них несомненно было одно, в котором шла речь о поручении Вольтеру; это видно из датированного 2 сентября 1757 г. письма Ломоносова к Шувалову.¹²⁴

Выбор автора Ломоносов считал вполне удачным, полагая, что «по правде, господина Волтера никто не может быть способнее». Ведь в те годы шла семилетняя война (1756—1763), и Европа, может быть больше, чем когда-либо, была наводнена антирусской литературой; среди авторов был и прусский король Фридрих II, на службе у которого Вольтер некогда состоял. При таких обстоятельствах авторитет и популярность последнего имели необычайно важное значение.

ДРЕВНЯЯ
РОССИЙСКАЯ
ИСТОРИЯ

ОТЪ НАЧАЛА
РОССИЙСКАГО НАРОДА
ДО КОНЧИНЫ
ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
ЯРОСЛАВА ПЕРВАГО
ИЛИ ДО 1054 ГОДА,

СОЧИНЕННАЯ
МИХАЙЛОМЪ ЛОМОНОСОВЫМЪ

статскимъ Совѣтникомъ, Профессоромъ Химіи,
и Членомъ Санктпетербургской Император-
ской и Королевской Шведской Ака-
демій наукъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
При Императорской Академіи Наукъ 1766.

Титульный лист книги Ломоносова «Древняя Российская история».

С творчеством французского писателя Ломоносов был хорошо знаком. Насколько быстро (принимая, разумеется, во внимание средства сообщения того времени) ему становилось известным все, что выходило из-под пера Вольтера, видно из письма к Шувалову от 3 октября 1752 г.; там содержался отклик на шуточное послание Вольтера прусскому королю Фридриху II.¹²⁵ Ломоносов ценил Вольтера как одного из виднейших классиков французской литературы. Составляя в 1758 г. программу преподавания французского языка, который должны были изучать академические гимназисты, он требовал, чтобы последние знали основные произведения Мольера, Расина и Вольтера.¹²⁶

Ломоносову были известны не только сильные стороны творчества Вольтера; но хотя недостатки исторических работ Вольтера и были ясны, его необычайная популярность как писателя давала достаточные основания для привлечения его к труду большого общественного значения.¹²⁷ Для него работа над историей России была связана еще и с дополнительными трудностями; Вольтер не знал русского языка и, следовательно, не мог в должной мере изучить источники, которые ему были вообще малодоступны. Этим объясняются и те несуразности, которые содержатся в его «Истории Карла XII», где речь идет о Прутском походе Петра I. Первое, что при создавшихся условиях Академия наук могла и должна была сделать для облегчения работы Вольтера, который был ее почетным членом с 1746 г.,¹²⁸ это подобрать выписки из соответствующих источников и в надежном переводе послать их автору. Ломоносов предложил к услугам автора накопившиеся у него материалы и готовые уже работы, связанные с изучением русской истории. «Хотя, — отмечал Ломоносов, — довольно может он получить от нас записок, однако перевод их на язык, ему знаемый, великого труда и времени требует. Что до сего надлежит, то принимаю смелость предложить следующее. Во-первых, должен он себе сделать краткий план, который может сочинен быть из сокращенного описания дел государевых, которое я имею,¹²⁹ к чему он и сочиненный мною панегирик¹³⁰ не без пользы употребить может, ежели на французский язык переведен будет... По сочинении плана и по его сюда сообщению думаю, что лучше к нему посылать переводы с записок по частям, как порядок в плане покажет, а не все вдруг. И как станет он сочинять начало, между тем прочий перевод поспевать может, и так сочинение скорее начаться может и к окончанию приходить имеет».¹³¹

Из написанного через месяц письма к Шувалову видно, что Ломоносов действительно подготовил и послал Вольтеру материалы для его труда. Ломоносов говорил о двух своих рабо-

тах: «Сокращенное описание самозванцев и стрелецких бунтов» и «Сокращение о житии государей царей Михаила, Алексея и Феодора». Первая им завершена, а вторую, — писал он, — «стараюсь привести к окончанию подобным образом».¹³² Из этих работ сохранилась только часть первой во французском переводе (впервые опубликована в собрании сочинений Ломоносова под названием «Описание стрелецких бунтов и правления царевны Софии»).¹³³ Вторая же из названных работ до сих пор не найдена.¹³⁴

В связи с работой над деятельностью Петра I между Вольтером и Шуваловым возникла большая переписка,¹³⁵ из которой, как и из самого опубликованного позднее произведения Вольтера, явствует, что он действительно воспользовался присланными ему материалами Ломоносова.¹³⁶ Однако это не избавило Вольтера, как и в других исторических его работах, от ошибок. Свою работу Вольтер посылал частями Шувалову в рукописи; последний пересылал их Ломоносову, который поспешил сделать ряд критических замечаний.¹³⁷

Совсем неудовлетворительными он считал сообщаемые Вольтером географические сведения. «Просмотрев описание России, — указывал Ломоносов, — вижу, что мои примечания много пространнее быть должны, нежели сочинение само. Для того советую, чтобы г. Вольтер описание России совсем оставил или бы обождал здесь сочиненного, которое моим смотрением скоро быть может готово. Таким образом, как оное есть, не может России быть славным, но больше бесчестным и поносительным».¹³⁸ Замечания Ломоносова были отосланы автору и получены им, как это видно из его письма к Шувалову от 17 июля 1758 г.

Через год в Женеве был напечатан первый том работы Вольтера.¹³⁹ После многих приключений¹⁴⁰ его произведение попало в Россию в 1760 г. Хотя Шувалов и писал Вольтеру: «Прислав вашу работу, вы меня изумили; она намного превосходит даже то, чего следовало ожидать от гения столь плодотворного и просвещенного»,¹⁴¹ но в компетентных кругах работа Вольтера встретила весьма сдержанный, даже холодный прием.¹⁴² Она подверглась критике со стороны Ломоносова и других членов Исторического собрания — Миллера и Тауберта. Оказалось, что Вольтер воспользовался далеко не всеми посланными ему критическими замечаниями, и Ломоносову пришлось часть из них повторить в своем отзыве.¹⁴³

В рукописи Вольтера Ломоносов усмотрел неправильные сведения о лапях (саами, или, как раньше их называли, лапландцах), народности, живущей на Кольском полуострове и

в северных областях Финляндии, Швеции и Норвегии. Присланные замечания не были учтены Вольтером, и в отзыве об изданном труде Ломоносов указывал на многочисленные ошибки.¹⁴⁴ Он должен был вновь отметить, что «описание Санктпетербурга весьма дурно».¹⁴⁵

В письме к Шувалову, где впервые шла речь о работе Вольтера по истории России, Ломоносов указывал на то, что последний в своих сочинениях допускает «худые примеры своего характера». Такой «пример» был допущен и в новом его труде замечанием, что первый царь из династии Романовых был «сын архиепископа ростовского, по имени Филарет, и монахини».¹⁴⁶

В работе Вольтера были и более серьезные дефекты; на часть из них указал Ломоносов, отметив неправильное изложение автором таких важных в истории России событий, как воссоединение Украины с Россией, освобождение от татарского ига, вторая Камчатская экспедиция и роль в ней известного русского мореплавателя А. И. Чирикова.¹⁴⁷

Посылая в Россию первый том своего труда, Вольтер в письме к Шувалову просил его одобрения и в случае надобности обещал перепечатать некоторые страницы. Тем не менее необходимые исправления не были внесены ни в одно из трех изданий, которые появились в 1761 г.¹⁴⁸

За год до смерти Ломоносова, в 1764 г., царствовавшая уже три года Екатерина II задумала украсить покои своего дворца картинами, изображающими знаменательные события из русской истории и портретами выдающихся ее деятелей. Подбор сюжетов был поручен Ломоносову. Он охотно взялся за выполнение этой работы, результатом которой явилось его произведение «Идеи для живописных картин из Российской истории».¹⁴⁹

Это поручение Ломоносов считал очень важным, так как задуманная галерея картин должна была освещать героическое прошлое России. Обращаясь к вице-канцлеру А. М. Голицыну — в его ведении находился архив Коллегии иностранных дел — с просьбой за содействием, Ломоносов указал, что порученное ему дело «служит к чести российских предков».¹⁵⁰

Хотя работа Ломоносова над историей России и не увенчалась такими выдающимися результатами, как его исследования в области естественных наук, тем не менее он признан одним из пионеров в деле глубокого изучения прошлого родной страны.

Глава IV

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ДЕПАРТАМЕНТ

Характерно, что с первых лет существования Петербургской Академии наук в ней стали разрабатываться все области знания, которыми тогда был занят ученый мир. Академик Г. Б. Бюльфингер, выступая в Тюбингене с публичной речью «О петербургских примечательностях» и касаясь деятельности Академии наук, заявил: «Бесполезно говорить, чем там занимаются. Наши печатанные сочинения обнаруживают это ясно. Кто хочет основательно научиться естественным и математическим наукам, тот отправляйся в Париж, Лондон и Петербург. Там ученые мужи по всякой части и запас инструментов».¹

Самой сильной стороной деятельности Петербургской Академии были несомненно математические исследования. После смерти Ньютона математический центр мира явно переместился из Лондона в Петербург, где кафедрой математики в Академии заведовал вначале Д. Бернулли, а после него Л. Эйлер. На протяжении столетий петербургская математическая школа признавалась одним из передовых отрядов в истории мировой науки.

После математики важнейшее место в работе Петербургской Академии занимала география. Академия организовывала многочисленные экспедиции для всестороннего изучения близких и отдаленных областей государства. Достигнутыми результатами восхищались во всем мире.

Одной из важнейших задач, стоявших перед Академией наук, было составление географических карт как всего государства, так и отдельных его районов.

В XVIII в., да и в более поздние времена, картографией занимались главным образом астрономы. Так было и в Петербургской Академии наук. Организатором картографических работ являлся академик Делиль, занимавший кафедру астрономии в Академии с момента ее основания. В 1727 г., представляя Ака-

демии проект работ по занимаемой им кафедре, Делиль особо ставил вопрос о специалистах, необходимых для решения важных и сложных задач, выдвигаемых географической наукой.

Были ли тогда такие специалисты в Петербургской Академии наук?

В 1727 г. в ней числилось двадцать профессоров и адъюнктов, шесть из них были математиками (считая и астронома Делиля и Л. Эйлера, занимавшего вначале место адъюнкта физиологии).² Из всех академиков наиболее близок к географии был Делиль, и не только потому что он занимал кафедру астрономии. По его словам, он как бы был рожден в «занятиях» по географии. Дело в том, что его отец Клод Делиль (1644—1720) и его старший брат Гильом Делиль (1675—1726) были специалистами географами. Последний считался «первым географом короля». Он встречался с Петром I, когда тот посетил в 1717 г. Францию, и впоследствии весьма интересовался географией России.³ Из остальных академиков-математиков вопросами географии наиболее глубоко занимался Л. Эйлер, который вначале был назначен помощником Делиля, а затем возглавил Географический департамент, учрежденный в 1739 г.⁴

С назначением Эйлера руководителем Географического департамента Делиль отошел от картографических работ. Эйлер и работавший вместе с ним другой профессор астрономии Г. Гейнзиус⁵ не ставили перед собой таких широких задач, как Делиль, стремившийся создать в Академии центр, который руководил бы всеми географическими работами в стране.

После назначения Разумовского на пост президента наступило оживление деятельности Академии. Как только он начал заниматься делами, академики стали обращаться к нему с предложениями об улучшении деятельности возглавляемого им учреждения, в том числе и Географического департамента. Миллер, например, в своей записке, где предлагал развернуть в широких масштабах работу по организации исторических исследований, коснулся и задач географического изучения страны.

За границей в это время по-прежнему мало были знакомы с географией России и потому распространяли о ней самые нелепые сведения. «Что чужестранцы об ней писали, — указывал Миллер, — о том и упоминать нечего, потому что они о подлинном разделении государства, о течении рек, о положении места городов и других знатных мест обстоятельного известия не имели, от чего не токмо там многие из знатнейших городов, но и целые провинции и губернии пропущены. А паче не могли они объявить о особых нужнейших обстоятельствах каждого места, а именно: о способностях и неспособностях оных, о укреп-

лениях, о величине, о публичных строениях, церквях и монастырях, о числе жителей или дворов, о их торгах и промыслах и о прочих происходящих из истории или до оной касающихся достопамятных обстоятельствах, умалчивая о бесчисленных погрешностях в именах, ибо некоторые имена так испорчены, или вместо подлинных ложные поставлены, что незнающему или тому, кто Россию не всю объездил, никаким образом того разуместь не можно».⁶ Необходимо было принять действенные меры к широкому распространению верных сведений о России. Миллер, подобно Делию, настаивал на том, чтобы Академия возглавляла работы по картографии и географии вообще в стране, что несомненно внесло бы надлежащий порядок в это дело. После отъезда Гейнзиуса руководство Географическим департаментом было поручено академику-астроному Х. Н. Винсгейму, выполнявшему эти обязанности до своей кончины, последовавшей в 1751 г. После подачи Миллером упомянутой записки на него были возложены обязанности не только по истории, но и до «географии касающиеся».⁷

После смерти Винсгейма кафедру астрономии занял А. И. Гришков, которому не было еще тогда и двадцати пяти лет.⁸ Гришков заменил Винсгейма не только по кафедре астрономии, но и на должности конференц-секретаря Академии. Порученное же ему «смотрение» над Географическим департаментом⁹ выполнялось им слабо, вследствие чего труды по составлению нового «Российского атласа» были разделены между ним и Миллером. В течение нескольких лет были выполнены отдельные картографические работы. В 1754 г. начались работы по составлению новой генеральной карты России, но они подвигались очень медленно.

Одной из причин неудовлетворительной работы Географического департамента, как и других учреждений Академии, были распри между академиками. О них Ломоносов упомянул в записке «Краткое показание о происхождении Академического Географического департамента»,¹⁰ поданной президенту в 1763 г. Первоначально ближайшей задачей Географического департамента было составление «Российского атласа», который и был издан в 1745 г., т. е. за год до назначения Разумовского президентом Академии. «При сочинении изданного в 1745-м году „Российского атласа“, — писал Ломоносов, — сколько было шумов и раздоров между профессорами Делием, Миллером, Гейнзиусом и Винсгеймом, о том всей Академии довольно известно и здесь только для того упоминается, чтобы видеть, как много причиняют препятствий несогласия, ибо посмотрев на тогдашнюю географическую архиву и на изданный оный атлас, легко понять можно, коль много мог бы он быть исправ-

нее и достаточнее. Но, вместо того чтобы поспешать делом, потеряно время пристрастными и бесполезными спорами. И наконец, чтобы как-нибудь скорее издать атлас, выпущены и без употребления оставлены многие, тогда уже имевшиеся в Академии географические важные известия».¹¹

Значительного улучшения в работе Географического департамента не наступило и в последующие годы, когда к руководству этим учреждением был привлечен Миллер. О его разногласиях с Ломоносовым речь уже была. Их взаимоотношения оставались неприязненными и недружелюбными. Это не могло не сказаться и на оценке Ломоносовым деятельности Миллера вообще. Сам Миллер давал не мало оснований к справедливой критике своей деятельности. Не мало горьких истин содержится в следующих строках из записки Ломоносова: «По смерти профессора географии Винсгейма и по поручении Миллеру конференц-секретарства, 1753 года принял он Географический департамент в свое распоряжение, и с того времени чрез семь лет г. Миллер не издал в свет ничего, что бы к исправлению „Российского атласа“ хотя мало служило, а о целом сочинении атласа не учинено никакого начала и расположения».¹²

Через год, после того как Ломоносов стал одним из руководителей Академии (советником Академической канцелярии) и в его ведении оказалась вся научная деятельность Академии, 24 марта 1758 г. президент распорядился: «Колежскому советнику г-ну Ломоносову иметь особое прилежное старание и смотрение, дабы в Академическом, Историческом и Географическом собраниях, тако ж в университете и в гимназии все происходило порядочно, и каждый бы должность свою в силу регламента и данных особых инструкций отправлял со всяким усердием, употребляя труды свои к настоящей пользе Академии, и ежели что к лучшему произведению ученых дел и к приращению наук усмотрит, о том представлять в Канцелярии протчим г-дам членам, где по общему согласию о том чинить рассуждения и определения».¹³

Таким образом с 1758 г. Ломоносов официально сделался руководителем Географического департамента. Вопросы географии не были ему чужды и до того, как это учреждение перешло в его ведение.¹⁴ Среди сочинений Ломоносова имеются труды по географии, как например «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в восточную Индию».¹⁵ «Прибавление о северном мореплавании на Восток по Сибирскому океану»¹⁶ и «Прибавление второе, сочиненное по новым известиям промышленников из осгро-
зов американских и по выпросу компанейщиков, тобольского купца Ильи Снигирева и вологодского купца Ивана Буренина».¹⁷

Возглавив Географический департамент, Ломоносов постарался направить деятельность этого учреждения на разрешение главной задачи, а именно на новое издание «Российского атласа», в котором были бы исправлены допущенные ранее ошибки с включением новых данных, накопившихся за это время в Академии и тех, которые надлежало еще собрать. 26 мая 1759 г. состоялось определение Академической канцелярии об истребовании от Сената и Синода географических известий для исправления «Российского атласа».¹⁸ Этот документ, кроме советников Канцелярии Ломоносова, Тауберта и Штелина, подписан и самим президентом Академии. Здесь мы читаем: «1759 года мая 26 дня по указу е. и. в. Канцелярия Академии наук, имея рассуждение, что изданный в прошлом 1745-м году Российской империи большой атлас, состоящий в девятнадцати специальных и одной генеральной картах, по поправлении на российском и латинских языках вновь нагриморирован и напечатан быть имеет, и к тому необходимо потребно по нынешнему состоянию собрать некоторые известия».

Учреждения, подведомственные Сенату и Синоду, должны были ответить на следующие тринадцать вопросов:

- «1. Город чем огражден: каменную стеною или деревяною или земляным валом и рвами?
- «2. Много ли приходоу внутри и за городом, и которые церкви каменные или деревянные, и сколько верст в окружности имеет?
- «3. На какой реке или озере и на которой стороне по реке вниз или при озере по компасу?
- «4. По оным рекам какие суда ходят по весне и в межень?
- «5. Когда бывают ярманки и откуда больше и с какими товарами приезжают и который день в неделю торговый?
- «6. Чего больше родится около того города и какие есть промыслы?
- «7. В каких ремеслах народ больше упражняется?
- «8. Какие где по городам и по селам заводы, яко-то серебряные, медные, железные и рудные, также и фабрики?
- «9. В городах буде есть летописцы, присылать с них верные копии для сочиняющейся «Истории российской».
- «10. Села и деревни. Сколько душ по ревизии?
- «11. Сколько дымов?
- «12. Есть ли ряды и ярманки?
- «13. Где есть водяные мельницы, пильные или хлебные?».¹⁹

Такой широты понимания задач, стоящих перед Академией в области географии, никто до Ломоносова не проявлял. Астрономы, естественно, интересовались тем, что принято называ-

вать математической географией. Миллера еще занимали вопросы исторической географии. Все это было, конечно, важно для изучения России, но явно недостаточно для ясного понимания перспектив ее дальнейшего развития. Впервые Академия приступила к всестороннему изучению родной страны, учитывая не только физические и исторические ее особенности, но и экономические, а в некотором смысле даже и социальные. Цитированная анкета, или, как тогда говорили, «реестр», была впоследствии значительно расширена; главное место заняли вопросы, относящиеся к природным ресурсам и путям сообщений. Реестр включал уже тридцать вопросов, один из них, между прочим, гласил: «В котором уезде который народ живет, один или с другими смешанный».²⁰

Казалось, что столь широкая программа обновленной деятельности Географического департамента должна была вызвать подъем творческих сил Академии. Но Ломоносов и здесь столкнулся с препятствиями, преодолеть которые ему полностью так и не удалось. Мало того, одно время поле битвы даже осталось за его недругами. Надо было обладать неисчерпаемой энергией и несокрушимой волей к победе, чтобы в неравной борьбе добиться определенных и немалых результатов.

Первое препятствие, с которым столкнулся Ломоносов, было отношение Синода к предложению предоставить запрашиваемые сведения. У Синода с Ломоносовым были свои счеты. За два года до того он написал сатирическое антиклерикальное стихотворение «Гимн бороде», по поводу которого был допрошен в Синоде. Во время допроса он «таковые ругательства и укоризны на всех духовных за бороды их произносил, каковых от доброго и сущего христианина надеяться отнюдь невозможно».²¹ Вполне естественно, что Синод отнюдь не был склонен содействовать Ломоносову в его широких начинаниях. Формально в просьбе Академии Синод не отказал, но отделался отпиской, сводившей на нет обращение к нему. В определении Академической канцелярии от 21 июля 1759 г. записано: «От Святейшего Синода указом объявлено, что означенного описания и планов при Святейшем Синоде не имеется, а что де следует до присылки (копий) с исторических о монастырях, от коего времени оные построены, описаний, о том, когда от оной Академии будут посланы землеописатели, то-де тогда, где такие описания найдутся, о сообщении с оных копий, також и о допущении тех посланных для означенного описания и снятия планов определение учинено будет. И по указу с. и. в. Канцелярия Академии наук приказали: в Святейший Правительствующий Синод взнестъ вторичное доношение и объявить, что от Святейшего Синода Академия планов не требо-

вала, а только положения мест, то есть в которой стране какой монастырь и в каком расстоянии от какого города, что не токмо какого монастыря настоятель, но и каждый монах знать и сказать, а копии списать обретающиеся при тех монастырях приказные и другие служители могут, почему особливых геодезистов к снятию планов, а для списывания со описаний копий писцов по монастырям от Академии посылать было б весьма излишнее, и при том представить, не соблаговолит ли Святейший Синод по примеру Правительствующего Сената, разослав куда надлежит указы, собрать все, что для географии и истории российской Академия наук требует, от чего не токмо отечеству польза и слава воспоследует, но и самому Святейшему Синоду такое описание не без надобности быть может».²²

Успешную деятельность возглавляемого Ломоносовым Географического департамента тормозили более всего, как это ни странно может показаться, и те академики, которым по роду их обязанностей это учреждение было ближе всего. Как и во многих случаях, личные мотивы были перенесены на деловые отношения. Кроме Миллера, Гришов также вызывал недовольство руководителя Географического департамента. С Гришовым у Ломоносова было столкновение за шесть лет до того, когда тот в 1753 г. на торжественном собрании Академии выступал его оппонентом. Миллер и Гришов перестали принимать участие в работе Географического департамента, хотя они были обязаны выполнять определенные обязанности в этом учреждении. Это было сделано в самый разгар работы, которую развернул Ломоносов; о размахе ее можно судить по его рапорту президенту Академии, поданному 18 октября 1759 г. Ломоносов указывал: «По поручении от вашего сиятельства мне особого смотра над Географическим департаментом, во-первых, старался я, как бы сей недостаток отвратить и тем показать в других государствах, что наше отечество не так пусто и безнародно, как на „Атласе“ нашем представлено. К сему концу 1) сочиняются в Географическом департаменте новые карты в большем формате: первая особливая карта Санктпетербургской губернии, потом Лифляндии и Эстляндии, также и Новгородской губернии, что производится из имеющихся в Географическом архиве документов; 2) для лучшего и точнейшего исправления погрешностей и для исполнения недостатков по моему представлению подано от Академической канцелярии в Правительствующий Сенат доношение, дабы повелено было собрать географические известия со всего Российского государства для исправления „Российского атласа“, на что получено от Правительствующего Сената повелительный указ, чтобы географические запросы, в Академии сочинив и напечатав, пред-

ставить высокопомянутому Сенату для рассылки по государству при указах; и оные запросы сочинены и к поданию отпечатываются; 3) подобное доношение подано и в Святейший Синод для географического знания синодальных строений, откуда также не безнадежно о получении удовольствия».²³

Вскоре запрошенные сведения стали поступать со всех концов страны. Предстояла работа по обработке огромного материала, на основе которого и нужно было выполнить намеченную задачу. Надлежало также руководить предварительными работами, проводившимися в Географическом департаменте. Это было прямой обязанностью Миллера и Гришова, но они, как бы сговорившись, ничего в департаменте не делали. «Хотя я неоднократно оным гг. профессорах напоминал, чтобы по силе инструкции в Географическом департаменте в рассмотрении сочиняемых ландкарт потрудились, — писал в рапорте Ломоносов, — однако оного не исполняли».²⁴

Сам неутомимо деятельный, Ломоносов ко всем, кто трудился с ним вместе, был чрезвычайно требовательным. Поэтому он желал иметь в качестве сотрудников ученых молодых и полных сил. К тому времени из среды академических студентов некоторые достигли положения профессора (академика). Среди них был и астроном Н. П. Попов, приехавший в Петербург вместе с Ломоносовым из Московской славяно-греко-латинской академии, и математик С. К. Котельников,²⁵ ученик Эйлера. Их Ломоносов и предложил определить в Географический департамент вместо Миллера. Что же касается Гришова, то хотя он и был моложе Попова как по возрасту, так и по избранию в Академию, но значительно превосходил его по научной подготовке. Поэтому Ломоносов и настаивал на том, чтобы заставить этого одаренного ученого принимать активное участие в работе Географического департамента: «Господина профессора Гришева привести к исполнению должности яко астронома по Географическому департаменту особливим указом, где намянуть, что он в контракте обязался стараться о приращении географии и поступать по регламенту, в котором астрономия и география соединяются (пункт 2),²⁶ и что от сочинения „Российского атласа“ много зависит чести Академии, которую он наблюдать обязался».²⁷

Для издания точного атласа Ломоносов предлагал отправить в разные концы страны астрономов с целью определения долготы и широты в соответствующих местах. По этому поводу он подал в январе 1760 г. президенту «Мнение о посылке астрономов и геодезистов в нужнейшие места России для определения долготы и широты».²⁸

Хотя вопрос об издании нового атласа был давно уже признан одной из важнейших задач Академии, Ломоносову пришлось вновь и вновь разъяснять значение начатого предприятия. Задуманные экспедиции по астрономическим наблюдениям требовали не малых средств, которые ранее не были предусмотрены. Речь шла об экспедициях, которые должны были продолжаться несколько лет. Но сколько бы это ни стоило, задуманное предприятие было крайне необходимым для страны. «Сколько происходит пользы от географии человеческому роду, — подчеркивал Ломоносов, — о том всяк, имеющий понятие о всенародных прибытках, удобно рассудить может».²⁹ Ясное понимание политического и народнохозяйственного значения географических исследований заставили Ломоносова с увлечением приняться за издание исправленного и пополненного «Российского атласа».

Для завершения работы по подготовке Атласа к печати были срочно необходимы и те сведения, которые запрашивал Сенат, и астрономические наблюдения, о которых речь была выше. В заключение представленного Разумовскому «Мнения» Ломоносов подчеркивал: «Итак, ежели сие дело с надлежащим рачением и беззавистно предпринято и продолжаемо будет (в чем я крайние мои силы употребить намерен), то весьма не сомневаюсь, что через три года будем за божиею помощию иметь несравненно исправнейший перед прежним „Российский атлас“ в шестидесяти или осмидесяти специальных картах с отменными украшениями и с политическим и экономическим обстоятельным описанием всея Империи, включая Сибирь, на которую еще сверх того два или три года употребить должно будет».³⁰

С «Мнением» Ломоносова Разумовский согласился, и 11 февраля 1760 г. состоялось определение Канцелярии об отправлении трех географических экспедиций для установления координат важнейших точек на огромной площади страны.³¹ Экспедиции возглавлялись академиком Поповым и адъютантами А. Д. Красильниковым³² и Я.-Ф. Шмидтом.³³ Кандидатуры всех трех были предложены Ломоносовым.

Разумовский отнесся внимательно и к рапорту Ломоносова, в котором тот указывал на уклонение от своих обязанностей Миллера и Гришова, и потребовал от них объяснения. Представленные ими ответы его не удовлетворили, и им были сделаны строгие внушения.³⁴ «Подтвердить накрепчайше, — требовал Разумовский, — чтоб как они, гг. профессора Миллер и Гришов, так и прочие того Департамента члены неотменно по данной оному Департаменту инструкции исполнение линии под опасением неупустительного штрафа».³⁵

Разумовский, державший себя всегда тактично со своими подчиненными, приносил пользу Академии. Однако он, по природе слабовольный, не всегда проявлял необходимую твердость и поддавался влиянию окружавших его ловких дельцов. В 1762 г. Ломоносов заболел и долго не мог бывать в Академии. Недруги его не замедлили воспользоваться этим и изобразить дело таким образом, что в Географическом департаменте все обстоит как нельзя хуже, главным виновником чего является руководитель этого учреждения.

Только происками Тауберта и Миллера и главным образом Теплова можно объяснить следующий приказ Разумовского, подписанный 31 августа 1762 г.: «От Географического департамента уже несколько лет почти ничего нового к поправлению Российской географии на свет не произведено, чему по большей части причиною нерачение определенных при оном Географическом департаменте; ибо вместо того, чтобы соединенными силами трудиться к общей пользе, один другому токмо всякие препятствия делает, и время единственно в спорах препровождают; чего ради для прекращения всего вышеписанного, и дабы от управления многими вместо ожидаемого успеха не произошло вящей конфузии, поручается, до усмотрения впредь, дирекция над делами Географического департамента конференц-секретарю г-ну Миллеру, яко историографу, на основании прежде данной Географическому департаменту инструкции; при чем ему о издавании вновь исправляемых карт употреблять крайнейшее старание, и какие по Географическому департаменту находятся недостатки, об оных чрез Канцелярию обстоятельно мне представить, а нерадивых и неспособных при оном департаменте, от которых как ныне, так и впредь никакой пользы надеяться невозможно, отрешить, обещая напротив того всякие поощрения тем, которые ревность, охоту и способность к делу доказывать будут».³⁶

Надо сказать, что Миллер, хотя и был очень рад отстранению Ломоносова от руководства Географическим департаментом, сам не проявлял усердия в выполнении возложенных на него обязанностей. Об этом сообщили президенту и предложили ему потребовать от Миллера объяснения. Разумовский в своей резолюции 17 апреля 1763 г. написал: «Требовать у профессора Миллера известия, намерен ли он в департаменте Географическом присутствовать и по инструкции чинить исполнение, признается за излишнее, ибо в Академии поступать по своей воле никто не должен, но по предписанным на то законам...»³⁷

Легко себе представить, насколько велико было негодование Ломоносова. Обида была тем горше, что дело, от которого его

отстранили, явно обрекалось на гибель. Когда Тауберт объявил о распоряжении президента, Ломоносова не было в Канцелярии и ему была послана копия распоряжения.³⁸ На это он ответил двумя записками, полными возмущения теми интригами, которые плелись против него. Одна из записок была адресована Канцелярии Академии наук, другая лично президенту Академии.

Решение об устранении от руководства Географическим департаментом Ломоносов воспринял как плохо прикрытое оскорбление, нанесенное лично ему. Не иначе как издевательство он рассматривал обвинение его в нерадивости. Не только в Академии, но и в правительственных кругах было хорошо известно, с каким увлечением и в каких масштабах он развернул работы по географическому изучению страны, готовя новое издание «Российского атласа». По его инициативе Сенат затребовал с мест интересующие Академию сведения. По его же представлению Сенат разрешил Академии и определил ей «вспоможения для географических экспедиций». Его старанием были получены статистические данные о населении страны, необходимые для экономико-географического ее описания.

За время управления Ломоносовым департаментом было изготовлено девять карт для подготавливаемого «Российского атласа». Это был явный успех, Ломоносов с гордостью мог заявить: «Геодезисты и студенты Географического департамента, кои прежде ландкарты только копировали, ныне уже сами от себя их сочиняют чрез мое попечение, чего прежде порученного мне над Географическом департаментом особого смотра никогда не могла Академическая канцелярия привести в действие или и совсем того не начинала».³⁹ Обработывая полученные с мест материалы, сотрудники Департамента подготовили и краткую топографию тех городов, от которых были получены запрашиваемые сведения.

В Географическом департаменте, как, впрочем, и в других учреждениях Академии, были нелады между сотрудниками. Ломоносов этого не отрицал. Такие «недружелюбия» не отражались, однако, на работе руководимого им учреждения, так как, требовательный к самому себе, он подчинял своих сотрудников строгой дисциплине. Ломоносов мог вполне основательно отметить: «А сколько до их прилежания касается, то никто по справедливости сказать не может, якобы они своей должности не исполняли. Свидетельствуют их очевидные и наличные труды. Итак, на меня и на них, якобы не имели рачения, внушено его сиятельству ложно».⁴⁰

Он со всей решительностью доказывал, что президент Академии наук явно введен в заблуждение заинтересованными ли-

цами. «Из сего ордера, — писал Ломоносов, — явствует, что о состоянии Географического департамента донесено его сиятельству ложно, ибо остановка печатания давно уже сочиненных карт, к составлению „Российского атласа“ надлежащих, происходила не от меня, яко определенного к тому смотрению члена Канцелярии по силе генерального регламента, ниже от Географического департамента, но подлинно от прочих гг. членов Академической канцелярии и от г. профессора Миллера».⁴¹

Задержка с выполнением задач, возложенных на Географический департамент, была неоспорима. Отправка экспедиций для градусных измерений, которые столь необходимы были для издания точного «Российского атласа», не осуществлялась в течение долгого времени. Но виновными в этом являлись как раз те, кто изобразил в неверном свете деятельность этого учреждения в глазах президента Академии наук. Убедительными фактами опровергнув обвинения в «нерачительности» его и его сотрудников, Ломоносов гневно указывал: «Напротив того, препятствия в издании нового „Российского атласа“, происшедшие от прочих моих товарищей, гг. Канцелярии членов, и от г. профессора Миллера, весьма явны и осязаемы... Географические экспедиции задержаны обещанием и отказами выписания астрономических инструментов: г. статский советник Тауберт обещал письменно оные выписать из Англии, а после от того отказался».⁴²

Не обошлось без бюрократической проволочки и в Общем собрании (конференции) академиков, с одобрения которого должны были публиковаться подготовленные к печати карты. Сохранилась одна записка Ломоносова, из которой явствует, какое явное невнимание встречало возглавлявшееся им дело «Грыдорование и печатание сочиненных карт к „Российскому атласу“, — писал Ломоносов в августе 1762 г., — стоит уже два года только за одною апробациею Конференции. А она тянется без всякой причины».⁴³

Типографией, точнее сказать, всем издательским делом в Академии, ведал Тауберт, и, ссылаясь на разные обстоятельства, он тормозил, как только мог, выпуск готовых карт. Ему было это тем легче сделать, что Ломоносов в это время хворал и не мог лично присутствовать в Канцелярии, по распоряжению которой печаталась научная продукция Академии. Лишенный возможности выходить из дому из-за изнурявшего его недуга, Ломоносов письменно требовал дать делу ход.

Среди выполненных Географическим департаментом работ была почти завершенная карта Петербургской губернии; оставалось награвировать некоторые названия. Эта карта выгодно

отличалась от имевшейся в то время карты Ингерманландии⁴⁴ как обилием новых фактических данных, так и множеством исправлений в старых сведениях. Работа выполнялась как важное правительственное задание. По вине сотрудников Географического департамента она затягивалась. Это заставило Ломоносова как руководителя Академической канцелярии сделать следующее распоряжение: «В прошлом 1760 году посланным из Канцелярии Академии наук указом в оный (Географический) Департамент велено, чтоб Санктпетбургской губернии карту делать наискорее, однако и поныне она не окончена. Того ради по указу е. и. в. от Канцелярии Академии наук Географическому департаменту сим накрепчайше подтверждается, чтоб Санктпетбургской губернии карту окончить в самой скорости».⁴⁵ Когда же новая карта Петербургской губернии была почти закончена, то по распоряжению Канцелярии ее забрали из Грыдоровальной палаты (гравировальной мастерской), находившейся, как и все подсобные предприятия Академии, в ведении Тауберта, и «остановлена, когда уже только одни имена мест нагрыдоровать остались».⁴⁶

Происки недругов Ломоносова доходили до того, что, воспользовавшись его болезнью, Канцелярия распорядилась 20 марта 1762 г. созвать чрезвычайное Академическое собрание. В таких собраниях обыкновенно присутствовала только часть членов Академии, имевших наиболее близкое отношение к разбираемому вопросу; в данном случае это были противники Ломоносова. В его отсутствие были рассмотрены некоторые из подготовленных к печати карт. Решение чрезвычайного собрания было изложено в виде рапорта, поданного от имени собрания в Канцелярию. Этот документ, как писал Ломоносов, был «весьма необстоятельный и единственно туда склоняющийся, как бы остановить печатание ландкарт для „Российского атласа“, сочиняющегося под моей дирекциею, и тем учинено явное препятствие изданию оного важного дела и полезного отечеству».⁴⁷

Приведя конкретные факты, Ломоносов с присущей ему прямотой и решительностью изобличил козни своих недругов, причинявших ему неприятности где только можно. В данном случае обиды терпел не он один, а и его сотрудники; выполненные ими работы, которыми их руководитель имел полное основание быть довольным, были обесценены и отвергнуты. Ломоносов, опровергая все инсинуации своих противников, очернивших работу Географического департамента, негодовал прежде всего за обидженных своих сотрудников.

У нового руководителя Географического департамента Миллера не было нужной математической подготовки, между тем

с самого основания этого учреждения длительное время во главе его стояли представители математического разряда Академии, Миллер же в течение семи лет перед передачей его Ломоносову, имея «в своем распоряжении» это учреждение, ничего в сущности не сделал («не положил ниже начало») для издания нового «Российского атласа» и обнаружил свою неспособность к этому в силу чего Ломоносову и было поручено «над оным департаментом особое смотрение».

Согласно уставу Академии наук, в отсутствие президента власть в ней принадлежала Канцелярии. Между тем Ломоносов сам был одним из руководителей этого учреждения, и поэтому переданный ему «указ» Канцелярии об освобождении его от обязанностей руководителя Географического департамента он опротестовал и заявил, что считает его недействительным.

К этому документу были приложены обстоятельные записки по затронутым вопросам, в том числе и «Краткое показание о происхождении Академического Географического департамента».⁴⁸ Здесь в основном изложено все то, что содержится в Представлении Канцелярии, но приведены, кроме того, еще некоторые факты из истории руководимого Ломоносовым учреждения и дополнительные сведения о том, что было достигнуто за годы, в течение которых он им управлял. Как и во всех своих начинаниях, Ломоносов и на этот раз на первый план выдвигал проблему отечественных кадров. Главными специалистами в Географическом департаменте были адъюнкты Трускот⁴⁹ и Шмидт. Их Ломоносов обязал подготовить к самостоятельной работе русских геодезистов и студентов, работавших в Географическом департаменте. Он напомнил о дававшихся им неоднократно распоряжениях по этому вопросу. В одном из определений Канцелярии (19 ноября 1761 г.) сказано: «Послать вторичный указ с крепким подтверждением, дабы гг. адъюнкты Трускот и Шмит единственно старались о сочинении нового атласа, а геодезисту Полидорскому и студенту Шишкареву дать сочинять специальные карты, в сочинении которых показывать им надлежащие правила верно и без закрытия, и за ними иметь смотрение наиприлежнейшее им, адъюнктам, за одним Трускоту, а за другим Шмиту, дабы оное яко самонужное дело имело течение со всевозможным успехом и исправностью».⁵⁰

Разумовский в это время находился в Москве, где пребывал весь двор, приехавший туда в связи с коронацией Екатерины II. На обращение Ломоносова ответа не последовало.⁵¹ Он и не ждал немедленных и решительных мер от Разумовского и тогда же написал графу М. И. Воронцову о происках Тауберта, имевших столь печальные для Ломоносова последствия. Прося заступни-

чества, Ломоносов писал: «Сжальтесь, милостивый государь, обо мне, бедном человеке, который тяжкою болезнию столько изнурен, оставлен перед прочими в забвении и, будучи в свете известен как первый в России человек подлинно ученый, претерпеваю гонение от иноплеменников в своем отечестве, о коего пользе и славе ревностное мое старание довольно известно».⁵²

С воцарением Екатерины II М. И. Воронцов лишился бывшей власти и даже попал в опалу, поэтому, при всем желании, он ничем не мог помочь Ломоносову. В ответном его письме мы читаем: «Что касается до поручения г. Миллеру Географического департамента, то желал я и в сем случае, по всегдашнему моему к достоинствам вашим почитанию, показать вам мою услугу, но, предвидя к тому мало вероподобия, дружески между тем советую оградить себя великодушием и ожидать от времени того, что может быть теперь многим подвержено трудностям».⁵³

Ломоносов не стал следовать этому благому совету, а продолжал, как и прежде, управлять Географическим департаментом. Все бумаги, исходившие из Академической канцелярии, были подписаны им. Миллер же не только не возглавил Департамент, но совсем перестал в нем работать. В марте того же 1763 г. состоялось подписанное одним Ломоносовым определение Канцелярии, в котором упоминается об обязанностях, возложенных президентом на Миллера по Географическому департаменту. В этом определении Ломоносов потребовал от Миллера объяснения: «Подать в Канцелярию известие, что он в оном Департаменте присутствовать и по данной инструкции исполнение чинить намерен ли, буде же исполнять того не намерен, чего ради, о чем к нему, г. Миллеру, послать ордер».⁵⁴

Это распоряжение, как и другие решения, касающиеся Географического департамента, Тауберт отказался подписать. Это не смутило, однако, Ломоносова, и он продолжал управлять столь дорогим для него и важным для страны делом. Однако и его противники не сложили оружия. Они продолжали причинять ему обиду за обидой. Сохранился проект «доношения» Ломоносова в Сенат о затруднениях, которые он испытывает в работе над «Российским атласом». Перечислив все, что им предпринято для осуществления этой задачи, Ломоносов писал: «Но в противность высокого и патриотического благоволения Правительствующего Сената и в испровержение моих благонамеренных трудов и крайнего рачения учинены мне непреодолимые в том препятствия от моих недоброхотов, что не взирая на очевидную государственную пользу, всеми силами проискивали пресечь сочинение оного атласа».⁵⁵

Новое оскорбление было нанесено Ломоносову самым опасным его противником — Тепловым.

Участник переворота, возведшего Екатерину на престол, Теплов в новое царствование был значительно возвышен и во многих случаях был незаменим при дворе. Его перу принадлежит текст важнейших государственных актов, начиная с манифеста о воцарении Екатерины. Имея, таким образом, близкий доступ к императрице, он был инициатором важных проектов, которые выдвинули его в ряд видных государственных деятелей. С его мнением считалась сама Екатерина и ее приближенные. Одно из новых мероприятий, предложенных Тепловым, имевшее существенное значение для развития культуры России, оказалось направленным против Ломоносова. Оно вновь оттесняло его от управления Географическим департаментом. Теплов предложил направить срочно всю деятельность этого учреждения лишь на составление «карт российских внутренних продуктов» (предметов отечественного производства), причем выполнение этой задачи поручить Миллеру и Тауберту, а руководство всем этим делом («смотрение») Теплов принял на себя. Он добился одобрения своего предложения императрицей, и, таким образом, все, что было сделано Ломоносовым для издания «Российского атласа», не получило продолжения, так как вся деятельность Географического департамента должна была быть сосредоточена на выполнении нового задания, а все другие дела откладывались.

Ломоносов решил добиться заступничества Сената, признавшего издание исправленного «Российского атласа» делом государственной важности. В проекте его доношения мы читаем: «Прислано от г. статского действительного советника г. Теплова в Канцелярию Академии наук сообщение именного словесного е. и. в. указа, чтобы сочинить карты российских внутренних продуктов, а оное сочинение поручается статскому советнику Ивану Тауберту и конференц-секретарю Миллеру под смотрением помянутого г. действительного статского советника Теплова с тем, чтобы все прочие дела в Географическом департаменте оставить, следовательно и сочинение нового „Российского атласа“, который моим рачением с тем намерением и производился, чтобы полезен был для внутренней государственной экономии, что из оных тридцати запросных пунктов явствует. А как из расположения, приложенного в помянутом сообщении, явствует, что на сочинение оных карт продуктам требуются многие годы, то приведение вышепомянутого нового „Российского атласа“ к окончанию не может воспоследовать, как бы доброму намерению и ожиданию Правительствующего Сената

35. Научное наследие России

должно соответствовать и как бы требовала общая государственная польза».⁵⁶

Ломоносову, впрочем, не пришлось отправить это доношение; он даже не закончил его. При всем высоком положении, которое занимал Теплов, ему не удалось привести в исполнение свой проект и устранить Ломоносова от руководства Географическим департаментом. Составление экономо-географических карт, имевших несомненно важное значение для начатых тогда в широких масштабах преобразований, осталось в руках Ломоносова. Никто, даже сам Теплов, не понимал лучше его актуальности такой задачи, и Ломоносов с присущим ему увлечением принялся за это новое дело. Через неделю после того, как было объявлено о цитированном выше решении, Академическая канцелярия постановила обратиться в высшие правительственные инстанции и запросить у них необходимые сведения, что должно было быть выполнено в «неукоснительном времени».⁵⁷

Прежде всего было решено обратиться в Сенат за ходатайством, чтобы этот высший правительственный орган потребовал от местных властей, не представивших еще сведений, срочно прислать их. Самым крупным потребителем продукции отечественного производства являлось тогда военное ведомство. Академическая канцелярия попросила его сообщить, какими отечественными материалами и из каких мест оно пользуется для постройки кораблей и портов, для изготовления огнестрельного оружия и для снабжения армии амуницией и другими припасами.

Значительная часть производства русской промышленности и сельского хозяйства шла на экспорт. Внешняя торговля находилась тогда в ведении Комерц-коллегии; у нее запросили сведения об «отпускающихся из российских портов и сухим путем за границы отгруженных товаров всякого звания из каких мест производятся». То значение, какое Ломоносов придавал всемерному повышению экспорта и снижению импорта, было уже разъяснено в разделе об организации Усть-Рудицкой фабрики. Для успешного разрешения этого вопроса необходимо было солидное знание того, что мы теперь называем производственным потенциалом. Промышленность в России находилась тогда в ведении различных ведомств, из них главными были Берг-коллегия и Мануфактур-коллегия. Первая ведала добывающей промышленностью, вторая — обрабатывающей. Кроме того, существовали еще два самостоятельные ведомства, на попечении которых находились соляное дело и винокурение; они назывались Соляная и Комор-контора.

Все эти ведомства Академия срочно просила сообщить ей списки всех находящихся в их ведении как казенных, так и

частных предприятий с необходимыми дополнительными о них сведениями.

По замыслу Ломоносова на основе собранных данных Академии надлежало подготовить специальный реестр, в котором были бы перечислены и охарактеризованы все производящиеся в стране продукты. Для этого он сам составил «Краткое расположение сочиняемого экономического лексикона российских продуктов».⁵⁸ Этот документ представляет своеобразный проспект, которым надлежало в течение ряда лет руководствоваться.

В предлагаемом Ломоносовым пособии, по его замыслу, должны были содержаться различные справочные сведения. «К оным именам, по алфавиту расположенным, — писал Ломоносов, — приписывать места, где каждый продукт родится или производится, с его количеством и добротой, на том ли самом месте исходит, или для распродажи в другие города развозятся и каким путем, по чему продается; места упоминаемые поставить на картах, при том присовокупленных, и назначить в лексиконе градус и минуту долготы и широты для удобнейшего на карте сыскания».⁵⁹

Имея в виду, что порученная Академии работа должна существенно содействовать экономическому подъему страны, Ломоносов придавал большое значение путям сообщения, особенно водным артериям, которые при бездорожье того времени могли и должны были играть особенно важную роль в развитии торговли. Для этого он требовал, чтобы на картах вдоль судоходных рек были поставлены особые значки, указывающие, на каких судах, лодках, барках, романовках, стругах и т. п. можно перевозить грузы на данных участках. На картах должны были быть указаны и другие сведения: «Пересухи летние, соединение вершин, пристани, волоки, пороги назначить по рекам особливыми знаками, нарочно к тому вымышленными. А по сему пути перевозки, мосты, высокие горы и прочая; и наконец, по воде и по суху заставы для пошлин».⁶⁰

Ломоносову было ясно, что в данном случае необходимо создать не более двух карт — одну для европейской части России, а другую — для азиатской, на которых можно было легко отразить все необходимые данные. При этом обеспечивалась возможность наглядного сопоставления между собой производительных сил каждого района и его экономического развития.

Запрашиваемые Академией сведения поступали с мест неаккуратно: приходилось не раз обращаться в Сенат с просьбами о напоминании тем местным органам, которые не выполняли распоряжения высшей правительственной инстанции.

Поэтому Ломоносов не упускал случая воспользоваться и другими возможностями получения данных, необходимых Географическому департаменту. Как раз в это время (1763—1765) проходила очередная перепись («третья ревизия»), и он не замедлил составить «мнение» о соответствующем поручении переписчикам.⁶¹ Он полагал, что офицерам, которым было бы трудно выполнить полное описание отведенных им районов, будет сравнительно легко через надлежащие инстанции прислать в Академию хотя бы следующие сведения: количество душ в каждом населенном пункте и в каком из них имеется каменная или деревянная церковь; какими путями сообщения связано каждое селение — водными или сухопутными (трактом или проселочной дорогой), и на каком расстоянии от больших магистралей. «Как далеко отстоит от своего присутственного города». Наличие всех сведений, которые Ломоносов подробно перечислил в этом и других документах, позволило бы, по его мнению, завершить такую сложную и срочную задачу, как издание возможно точного «Российского атласа».

Помимо всего прочего, Ломоносов был уверен, что этим изданием Академия наук несомненно внесет новый вклад в географическую науку, который по достоинству будет оценен не только на родине, но и за ее пределами. «Сие, — указывал он, — когда всемиловитейше повелено будет при нынешней ревизии исполнить, то купно с присылающимися из городов ответами на разосланные географические запросы, также с имеющимися в академической географической архиве и впредь получаемыми специальными ландкартами и, наконец, с определенными долготами и широтами нужных мест по астрономическим наблюдениям, лет в пять сочинен и напечатан будет такой „Российский атлас“, которым похвалиться можно пред всею Европою и который принесет великую славу е. и. в., сильное вспоможение в правлении государства и всему отечеству несказанную пользу и удовольствие».⁶²

Ломоносов писал это за год до кончины. Несмотря на изнурительный недуг, он не переставал принимать активное участие в работах Географического департамента. Много времени и сил он отдавал организации подготавливавшихся экспедиций; он составил охватывающий всю страну от севера на юг и от запада на восток список географических пунктов, где должны быть выполнены астрономические наблюдения;⁶³ подал Разумовскому обстоятельную записку, к которой приложил «Примерную инструкцию отправляющимся обсерваторам для определения астрономическими наблюдениями долготы и широты нужнейших мест для географии Российского государства»,⁶⁴ и

просил принять необходимые меры, чтобы его предложение «произвести в действие неукоснительно».

Мучимый тяжелой болезнью, Ломоносов продолжал посещать заседания Академической канцелярии, когда разбирались вопросы, относящиеся к компетенции Географического департамента. А потом, когда он уже не мог выходить из дому, он письменно сносился с Канцелярией. Между тем, хотя с каждым днем силы его иссякали, он не переставал думать о любимом деле. Об этом свидетельствует последняя известная нам записка, касающаяся Географического департамента. «При-слать, — писал он в Академическую канцелярию 28 января 1765 г., — ко мне последнее мое представление о географических экспедициях его сиятельству г. президенту в оригинале».⁶⁵ Через два месяца после этого Ломоносова не стало.

Глава V

УЧЕБНОЕ ДЕЛО

В распоряжении президента Академии (март 1758 г.) о передаче в ведение Ломоносова всех научных учреждений Академии было указано, что ему поручается также «иметь особое прилежное старание и смотрение», чтобы «в университете и гимназии все происходило порядочно».¹ Сам Ломоносов еще задолго до того проявлял повышенный интерес ко всему тому, что было связано с подготовкой русских специалистов. Уже давно, с тех пор как он стал действительным членом Академии наук — профессором и даже еще раньше, когда был адъюнктом, Ломоносов не только сам обучал студентов, но и принимал активное участие в организации учебного дела в Академии, выступая с рядом проектов, направленных к улучшению ее деятельности в этой области.

Еще до назначения Разумовского президентом, Академии удалось добиться некоторого улучшения своего положения: Сенат распорядился выплатить академическому персоналу задержанное вознаграждение,² а еще раньше академики, вследствие их жалобы на Шумахера,³ были временно ограждены от его произвола; все, что относилось к области науки, было поручено исключительно их попечению. Все это дало возможность Ломоносову 28 апреля 1746 г. (за три недели до указа о назначении Разумовского) обратиться с «представлением» в Академическое собрание об улучшении деятельности Университета и Гимназии.

«Славнейшие мужи, — писал он, — ввиду того, что от указов е. и. в., посланных из Правительствующего Сената, мы получили двойную отраду и выгоду, из коих одна состоит в том, что назначенное нам жалование будет скорее выдаваться из Статс-конторы, другая же в том, что на нас исключительно возложена забота о науках и делах, к ним относящихся, — мы не можем впредь жаловаться на то, что развитию науки в нашей

империи мешают недостаток средств или стеснительные правила в Академии». ⁴ Условия эти позволяют, указывал Ломоносов, Академии в целом и каждому ее члену в отдельности полностью отдаться возложенным на них задачам, и это необходимо сделать безотлагательно, чтобы Сенат убедился, что поданные в столь большом количестве жалобы были вызваны не «корыстью и тщеславием», а невыносимыми порядками, тормозившими деятельность Академии наук.

Одной из самых острых задач был вопрос об обеспечении Академического университета учащимися. По первоначальному замыслу это должна была делать Академическая гимназия, однако она не справилась с возложенной на нее задачей. Поэтому и в 1732, и 1735 гг., как уже отмечалось выше, Сенат требовал от Московской славяно-греко-латинской Академии, чтобы она прислала в Академию наук успевающих учеников. Между тем прошло уже двадцать лет, как была открыта Академическая гимназия, и тем не менее она все еще не была в состоянии подготовить для Академии достаточное число студентов. 21 марта 1746 г. на заседании Академического собрания Ломоносов предложил вновь обратиться в Правительствующий сенат, чтоб на этот раз было предписано послать успевающих учеников Невской и Новгородской семинариям. ⁵

На пополнение Академического университета семинаристами, привлекаемыми туда в обязательном порядке, Ломоносов смотрел как на меру временную. По его мнению, эту задачу должна была выполнять только Академическая гимназия; потому на ее деятельность он предлагал обратить особое внимание. «Полагаю, — указывал он, — что следует заботиться о том, чтобы гимназия обладала большим количеством учеников; оттуда некогда должны выйти свои, так сказать, доморощенные студенты». ⁶

Имея в виду подготовку высококвалифицированных специалистов в широких масштабах, Ломоносов думал и об учебных пособиях для них. В то время многих учебников на русском языке еще не было, и приходилось пользоваться переводами. В этом отношении кое-что уже было сделано академическими переводчиками, однако предстояло сделать несравненно больше. Возможности для этого в Академии наук были, поскольку в ее штате состояли достаточно квалифицированные переводчики и весьма опытные ученые-редакторы. С подготовкой к изданию необходимых учебников они вполне могли бы справиться, но этому препятствовали жесткие цензурные условия. Для того чтобы напечатать книгу на русском языке, рассчитанную на широкий круг читателей, требовался особый указ Правитель-

ствующего сената. Нетрудно себе представить, каким тормозом это являлось при издании учебных пособий.

Положение изменилось со времени прихода в Академию Разумовского. Сношения Академии с правительственными органами стали осуществляться через него. Самым большим его достижением было утверждение Регламента Академии. Хотя Теплову удалось не допустить Ломоносова к непосредственному участию в составлении Регламента, тем не менее то, что Ломоносов предлагал в своем «представлении», явно отразилось в соответственных параграфах этого документа.

Как уже отмечалось, первые работы Ломоносова относятся главным образом к физике, и первые лекции, которые он читал академическим студентам, были посвящены этому предмету. Еще в 1744 г., будучи адъюнктом, он обучал физику А. П. Протасова и С. К. Котельникова.⁷ Из одного их донесения в Академическую канцелярию⁸ видно, что руководством по курсу, который им читал Ломоносов, служило пособие, составленное на латинском языке⁹ учеником Хр. Вольфа Л. Ф. Тюммигом¹⁰ по трехтомному изданию труда его учителя на немецком языке.¹¹ Книга Тюммига состояла из шести разделов; последний из них был посвящен физике.

Считая работу Тюммига ценным пособием при прохождении курса физики, Ломоносов решил перевести это произведение на русский язык, и к 1745 г. он это уже выполнил. При издании своего перевода, Ломоносов имел в виду не только академических студентов и учащуюся молодежь, а более широкий круг лиц, интересующихся естественными науками.

Перевод этого пособия был издан в 1746 г. под названием «Волфианская экспериментальная физика, с немецкого подлинника на латинском языке сокращенная, с которого на российский язык перевел Михайло Ломоносов, императорской Академии наук член и химии профессор».¹² Предназначая свой перевод широкому кругу читателей, Ломоносов снабдил его предисловием, в котором в кратких, но выразительных строках обрисовал эволюцию знаний, достигших поразительных успехов за последние два века. «Мы живем, — писал Ломоносов, — в такое время, в которое науки, после своего возобновления в Европе, возрастают и к совершенству приходят. Варварские веки, в которые купно с общим покоем рода человеческого и науки нарушались и почти совсем уничтожны были, уже прежде двухсот лет окончились».¹³

Преследуя цель популяризации подлинных научных знаний среди широких кругов русских читателей, Ломоносов стре-

мился возбудить их пытливость, заронить желание самому проверить сообщенные факты и ничего не принимать на веру. Он прекрасно показал, как после Декарта (1596—1650) с средневековой схоластикой было покончено, — начался неудержимый рост положительных знаний. «Чрез сие, — напоминал Ломоносов, — отнято было благородное рвение, чтобы в науках упражняющиеся один перед другим старались о новых и полезных изобретениях. Славный и первый из новых философов Картезий осмелился Аристотелеву философию опровергнуть и учить по своему мнению и вымыслу».¹⁴

Невиданный прогресс стал возможен, подчеркивал Ломоносов, только благодаря тому, что в науке восторжествовал экспериментальный метод изучения природы и научные концепции стали выдвигаться только на основе строго установленных фактов. Ломоносов прямо указывал, что «мысленные рассуждения произведены бывают из надежных и много раз повторенных опытов».¹⁵ Он, однако, ясно отдавал себе отчет в том, что хотя данные, строго проверенные экспериментально, и составляют незыблемый базис современного знания, одних фактов, как бы достоверны они ни были, еще не достаточно для возведения стройного здания науки. Добытые знания необходимо обобщить в форме теории так, чтобы теоретические выводы согласовались с результатами опытов и наблюдений; в противном случае, какими бы логичными ни казались внешне те или иные воззрения, они не будут иметь научной ценности. «Ныне ученые люди, а особливо испытатели натуральных вещей, — писал Ломоносов, — мало взирают на родившиеся в одной голове вымыслы и пустые речи, но больше утверждают на достоверном искусстве».¹⁶

В основе учения о природе лежит «физическая наука», и именно в этой области знания экспериментальный метод укреплялся всего прочнее. Эти соображения главным образом и побудили Ломоносова взяться за перевод «Экспериментальной физики», имея в виду широкий круг читателей, которых он стремился приобщить к успехам современной науки. Как и в других своих начинаниях, он и здесь встретился со многими трудностями. На их преодоление ему пришлось затратить не мало сил.

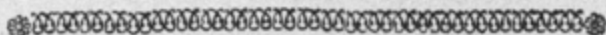
Когда работа по переводу была завершена, не мало усилий пришлось затратить на то, чтобы добиться разрешения ее напечатать. Посылая свой труд Воронцову, Ломоносов надеялся заручиться поддержкой этого влиятельного сановника. Его надежды оправдались. Воронцов не медля послал рукопись в Сенат, который 19 июня 1745 г. распорядился ее печатать.¹⁷

ВОЛФІАНСКАЯ
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ
Ф И З И К А

съ нѣмецкаго подлинника
на латинскомъ языкѣ
СОКРАЩЕННАЯ.

съ котораго
НА РОССІЙСКІЙ ЯЗЫКЪ
перевелъ

МИХАИЛО ЛОМОНОСОВЪ
Императорской Академіи Наукъ Членъ
и Химіи Профессоръ.

ВЪ САНКТ ПЕТЕРБУРГѢ
при императорской академіи наукъ
1 7 4 6.

Титульный лист «Волфианской экспериментальной физики».

Шумахер, получив распоряжение, тотчас же передал его конференц-секретарю Винсгейму, и 22 июня Академическое собрание поручило академику Гмелину дать отзыв о книге,¹⁸ что тот и сделал, высоко оценив работу Ломоносова.¹⁹ При этом Гмелин сделал несколько замечаний, с которыми Ломоносов охотно согласился.

Он добился разрешения опубликовать свою работу по тем временам весьма быстро. В середине марта 1746 г. она уже увидела свет, а к началу января следующего года понадобилось напечатать дополнительный тираж.²⁰

Следует особо отметить, что в определении Канцелярии об издании перевода Ломоносова имеется пункт: «Лекции на русском языке читать ему профессору, как Правительствующего Сената указ повелевает».²¹ Чтение лекций на русском языке было совершенно новым в истории Академического университета. До того преподавание велось на латинском языке, который студенты изучали еще до поступления в Академию. Вызвано это было тем, что профессора не знали русского языка, большинство из них и не стремилось им овладеть. Нововведение, которого добился Ломоносов, имело значение не только для облегчения занятий академических студентов, — этим самым он значительно расширил свою аудиторию, привлекая всех, кто желал слушать его лекции.

Правда, с самого основания Академии наук ее члены читали публичные лекции, которые начались уже в январе 1726 г. Были приняты необходимые меры и для того, чтобы привлечь широкий контингент слушателей. В изданном 14 января объявлении было указано, что приглашенные из-за границы академики наряду с научными изысканиями обязаны вести и педагогическую работу и «о пользе собственной тех юношей, которые из пространной России для учения и свободных наук соберутся, потщатся будут». Насколько широко была тогда задумана педагогическая деятельность Академии, видно и из следующих строк: «Того ради конца, профессоры сея Академии, сего 1726 году, в будущий 24 день месяца генваря, чтениями учение свое публичное начнут во дни: понедельник, среду, четверток и субботу, и впредь таким определением и учреждением поступать будут, о котором всем любителям добрых наук, а наипаче рачителям к учению, сим для известия объявляется».²² Тем не менее контингент слушателей был весьма ограничен. Лекции посещали лишь те, кто знал латынь или какой-нибудь иностранный язык. Это послужило причиной тому, что в списке первых по времени студентов преобладали иностранцы.²³ Но и те русские учащиеся, которые изучали

заранее латынь, с трудом следили за речью своих преподавателей.

До Ломоносова никто из академиков не мог на практике осуществить намерение Академии сделать выступления своих членов действительно публичными. Одной из первых забот Разумовского стала широкая популяризация курса лекций Ломоносова. В журнале Академической канцелярии от 11 июня 1746 г. записано: «Указом Правительствующего Сената прошлого 1745 г. октября 19 дня между прочим велено профессору Ломоносову на русском языке показывать лекции, чего ради его сиятельство г-н граф и президент, будучи сего числа в Конференции, определил: „По силе означенного указа ему, Ломоносову, на русском языке показывать лекции, пока е. и. в. изволит пребыть в Петергофе, в каждой неделе по пятницам после полудни, того ради об оном в Кадетской корпус, в Канцелярию главной артиллерии и фортификации и в Медицинскую Канцелярию послать промемории и в оных объявить, ежели кто желает означенные лекции слушать, тем позволяется быть в Академии, а в какие и с которого и по который час те лекции продолжаться будут, о том для лучшего усмотрения оным канцеляриям послать при тех промемориях объявления“». ²⁴

Главная задача, которая в то время стояла перед Академией наук, заключалась в том, чтобы шире развернуть деятельность Университета, страдавшего от недостатка учащихся. Питомцы духовных училищ из Москвы и Новгорода, о которых писал Ломоносов в своем «представлении», стали прибывать в Академию наук лишь в марте 1748 г. Они подвергались испытаниям в Историческом собрании, в котором принял участие и Ломоносов. Из Москвы и Новгорода на испытание явились девятнадцать человек, и почти все обнаружили вполне удовлетворительную подготовку. В рапорте о чрезвычайном заседании Исторического собрания отмечено: «17 из них в гуманиорах и школьной философии довольный успех имеют, так что оные на академические лекции о чистоте штиля, здравейшей философии и математике допущены быть могут». ²⁵ Только у двух не было достаточно подготовки по латыни; их и решили «ко времени» направить в Гимназию.

Менее подготовленными оказались воспитанники Невской семинарии. Из десяти экзаменовавшихся только пять были признаны пригодными «для выбору в Академический университет». ²⁶ Эти ученики были весьма различного возраста, который колебался с 12- до 20-летнего.

Из всех студентов, поступивших в 1748 г. в Академический университет, наилучшие способности обнаружили Степан Ру-

мовский и Иван Барков.²⁷ Последний через три недели после того, как его сверстники были подвергнуты испытаниям, явился к Ломоносову и заявил, что тогда его не было в семинарии (болел), и попросил проэкзаменовать его, что Ломоносов тут же и сделал. Результатами испытаний Ломоносов остался вполне доволен. В своем донесении Академической канцелярии он писал: «По его желанию говорил я с ним по-латине и задавал переводить с латинского на российский язык, из чего я усмотрел, что он имеет острое понятие и латинский язык столько знает, что он профессорские лекции разуместь может».²⁸ Для своего времени Барков был незаурядным поэтом и переводчиком. В частности, он подготовил к изданию сочинения А. Кантемира, снабдив их биографией автора — первым жизнеописанием Кантемира на русском языке.²⁹

Деятельность Университета, как и всей Академии, регулировалась сначала утвержденным в 1747 г. Уставом (Регламентом). В связи с значительным пополнением Университета и оживлением его деятельности было решено составить специальный регламент для него, что и было поручено ректору университета Г. Ф. Миллеру. Представленный им проект подлежал обсуждению в Историческом собрании, и секретарь этого учреждения В. К. Тредиаковский запросил о нем отзывы Ломоносова и других членов Исторического собрания.

Мнение Ломоносова изложено им в письме к Тредиаковскому³⁰ и в «Дополнении» к нему.³¹ Прежде всего он предложил разделить Университет на факультеты: юридический, медицинский и философский (естественнонаучный), что соответствовало структуре западноевропейских университетов, но в отличие от них русский Академический университет не должен был иметь богословского факультета. Ломоносов считал это делом духовных учебных заведений. Питомцам Университета, по завершении курса наук, надлежало, по его мнению, смотря по успехам, присваивать ученые степени. Их должно было быть три: магистр, лицензиат и доктор. Учащие и учащиеся должны пользоваться особыми правами — «вольностями», на Университет и Академию не должен распространяться надзор полиции. Ломоносов настаивал, чтобы они «освобождены были от полицейских должностей» (повинностей).

В «Дополнении» Ломоносов предлагал разбить учащихся на три класса. Первый из них должен представлять собой как бы общий факультет. Здесь изучаются общие предметы, обязательные для всех без исключения студентов. Таким образом можно будет выявить наклонности каждого в отдельности — «всё и науку и искусство России

имеет». Когда же определяются интересы отдельных студентов, каждый из них должен посещать лекции во втором классе по тем дисциплинам, которые непосредственно относятся к будущей его специальности. Наконец, третий класс должен был представлять собою нечто вроде аспирантуры с индивидуальным обучением: «Третьего класса студенты те, которые определены уже к одному профессору и упражняются в одной науке».

Одной из помех, тормозивших успешную деятельность академических учебных заведений, было то, что ни ее питомцам, ни академическому персоналу вообще не были присвоены звания и чины, как это имело место в других учебных заведениях и ведомствах. Это приводило к тому, что молодежь устремлялась в Шляхетный корпус и в другие военные учебные заведения. Поэтому Ломоносов и предложил, чтобы переход из одного класса в другой сопровождался присвоением студентам чинов, соответствующих прапорщику и поручику.

Кроме главной своей специальности, химии, Ломоносов не переставал заниматься и другими предметами, в частности изящной словесностью. Он и академических питомцев обучал стихосложению. Среди учеников Ломоносова выделился Николай Поповский,³² видный впоследствии просветитель, один из первых профессоров Московского университета, занимавший кафедру философии и элоквенции.

В рапорте (февраль 1753 г.) Ломоносова Академической канцелярии об успехах студентов, обучавшихся у него, мы читаем: «Николай Поповский задаваемые ему от меня разные материи стихами сочинял и переводил весьма изрядно и ныне имеет опыт своего искусства в переводе стихами, который уже по соизволению Канцелярии Академии наук к печатанию отдан».³³ Из переводов Поповского наиболее известен перевод с французского философской поэмы выдающегося английского поэта А. Попа (Pope, Alexander, 1688—1744) «Опыт о человеке» («An Essay of man»).³⁴

Наиболее ярко талант Ломоносова не только как исследователя, но и как обладающего редкими организаторскими способностями ученого-педагога проявился к середине 50-х годов. Этим в полной мере воспользовался Шувалов при учреждении Московского университета. В протоколах Академического собрания имеется запись о том, что Ломоносов на состоявшемся 15 июня 1756 г. заседании огласил составленный им проект Регламента гимназии при Московском университете.³⁵

В письме к Шувалову (1754), где впервые речь зашла об открытии высшей школы в Москве, Ломоносов подчеркивал:

«При университете необходима должна быть гимназия, без которой университет, как пашня без семян»,³⁶ и тут же добавил, что охотно представил бы план, но для этого ему нужно хотя бы пять дней. «Не в указ вашему превосходительству, — добавлял он, — советую не торопиться, что бы после не переделывать. Ежели дней полдесятка обождать можно, то я целый полный план предложить могу».

Проект регламента,³⁷ разработанный Ломоносовым, был все-сторонне продуман. Он охватывал все стороны школьной жизни, начиная с внешнего облика учащихся и кончая программой и расписанием занятий. Гимназия должна была дать учащимся законченное среднее образование.

Нельзя не остановиться на воспитательных мерах, которые предлагал Ломоносов. Замечательно то, что не отвергая мер-вызыскания, он охотней и подробней говорил о поощрениях. Не забудем, что не только в его время, но и в XIX в. (и нередко даже и в XX в.) телесные наказания считались обычным средством воспитания. В письме к Шувалову Ломоносов, говоря о высокопоставленных лицах, которым знания, приобретенные в школе, помогли выдвинуться на служебном поприще, отмечал, что «они только одно почти знают, что в малолетстве из-под лозы выучились, а будучи в своей власти, почти никакого знания больше не присовокупили».³⁸ Не отклоняя наказаний, которые так же, как и поощрения, должны быть «приватными и публичными», Ломоносов стремился всячески ограничить произвол гимназических наставников, требовал лишить их права применения крайних мер наказания: «...публичных наказаний за великие пренебрежения школьных должностей не чинить без директорского ведома, а из Гимназии не выключать и к гражданскому суду не отдавать без соизволения кураторов».³⁹

Свое мнение о начальном и среднем образовании Ломоносов высказал более подробно в составленном в 1758 г. проекте устава Академической гимназии. В нем он рассматривал гимназию уже не как училище, готовящее своих питомцев в Университет, при котором она состоит, а как школу, дающую своим ученикам, воспитанным по строго обдуманной системе, законченное среднее образование. В таких людях страна нуждалась не меньше, чем в специалистах с университетским дипломом.

Ломоносов заботился о том, чтобы доступ в Гимназию для неимущих классов не был закрыт. «Всякий, — писал он в первом же параграфе гл. I Регламента, — кто желает отдать для обучения в Академическую гимназию своего сына или ребенка, находящегося под его опекой, должен, независимо от того, дво-

рянин он или нет, представить его в Канцелярию Академии наук при доношении, в котором указать имя представляемого, пол, место и год рождения, а также то, чему он желает обучаться, на казенный или на свой счет, и чему обучался до этого». ⁴⁰

Рассматривая Академическую гимназию как самостоятельное среднее учебное заведение, Ломоносов не забывал и об исключительно важной задаче ее — готовить молодых людей в Академический университет. С этой целью он предлагал разделить учащихся на две категории; к первой относятся те, кто проходит курс, находясь на полном государственном содержании, вторую составляют воспитанники, обучающиеся на свой счет. Количество первых определялось числом вакантных мест, ограниченных бюджетными возможностями Академии. Выдержавшие испытания, но не зачисленные в Гимназию из-за отсутствия вакансий, имели право поступать в следующем году в порядке очередности. При этом каждому из них, при наличии возможности, было предоставлено право быть зачисленным в соответствующий класс и обучаться на собственный счет.

Обучающимся на собственный счет предоставлялись некоторые льготы в сравнении с «казеннокоштными». Для них не была обязательной вся программа обучения в Гимназии, и они могли отказаться от прохождения некоторых предметов. От учащихся же, которые находятся на государственном иждивении, Ломоносов требовал полного и успешного прохождения всех преподаваемых в Гимназии дисциплин, имея в виду, что им надлежит в дальнейшем получить высшее образование.

Ломоносов внес в Регламент пункт, согласно которому принимать в Гимназию крепостных разрешалось не иначе как при условии освобождения их от крепостной зависимости. «В Академическую гимназию, — записано в проекте Ломоносова, — не должны быть принимаемы лица, положенные в подушный оклад, и в особенности крепостные люди; если же помещик захочет отдать кого-либо из своих людей в Гимназию по причине его особой сообразительности и одаренности, то он должен освободить его навечно и дать Академии подписку, что отныне не имеет на него никаких прав». ⁴¹

Совместное обучение детей разных сословий вызывало, несомненно, резкие возражения со стороны влиятельных представителей дворянства, и Ломоносов предвидел антагонизм, который возникнет между учениками, принадлежащими к различным социальным группам. Он предвидел презрение, с которым дворянские сынки будут встречать детей крестьян, поэтому и предостерегал: «Против этого не должны быть предубеждены

обучающиеся в упомянутой Гимназии юные дворяне». Ломоносов не ограничивался одними предостережениями, а предусмотрел меры, которые уравнивали бы учащихся не только в отношении к ним обучающего персонала, но и во внешнем виде, требуя единой для всех учащихся формы одежды, что исключило бы какую бы то ни было дифференциацию. «Все принятые, — подчеркивал он, — и не принадлежащие к дворянству должны в отношении обращения с ними, как и в смысле одежды, быть на том же положении, какое подобает принадлежащим к дворянству. На военной службе числятся и дворяне и не дворяне, так нечего стыдиться этого и при обучении наукам».

Проект Ломоносова вызвал горячее обсуждение; особенно страстными были споры по вопросу о социальном составе учащихся Гимназии. Об этом речь будет ниже; здесь же отметим, что Ломоносов требовал, чтобы обучение велось на русском языке: исключение он делал только для одного предмета — основ философии, которые должны были преподаваться на латинском языке.

Ломоносов требовал, чтобы ребенка с первых же дней поступления в Гимназию приучали к соблюдаемому порядку. Вступив в Гимназию, учащийся должен постоянно помнить о возложенных на него обязанностях и нормах повседневного поведения. Этому был посвящен специальный параграф (75) ломоносовского Регламента. «Каждому гимназисту, — читаем мы здесь, — при поступлении в Гимназию должен быть вручен напечатанный лист, где изложены гимназические узаконения; такой же лист должен иметься в каждом классе для общего сведения, а также должен быть вывешен на стене в каждой комнате гимназистов и в зале, чтобы они не могли отговариваться неведением».⁴²

«Узаконения» составляют пятнадцать пунктов Регламента, и в них действительно подробно, насколько это было возможно для одного человека, предусмотрено все то, чего должны были остерегаться и не допускать в своем поведении гимназисты. Ломоносов был далек от того, чтобы из учащихся воспитать каких-то примерных мальчиков. Резвость в этом возрасте неизбежна и не должна подавляться. Однако гимназисты не могут забывать границ дозволенного. «Узаконения» напоминали учащимся, что они неуклонно должны «отбегать от ссор междусобных, а особливо от бесчестных браней и от драк, не попрекать другого природными недостатками и не злобствовать».⁴³

В более чем десяти параграфах Ломоносов подробно перечислил и все то, чего должны остерегаться и избегать учащиеся. Тут речь идет об отношениях гимназистов друг

к другу; они должны основываться на взаимном уважении. Расхождения и даже ссоры между детьми неизбежны, но всякие проявления высокомерия, чванства и грубости считаются недопустимыми.

Уже на школьной скамье Ломоносов требовал воспитывать у человека чувство долга и товарищества. Не может быть более возвышенного поступка, чем спешить на помощь товарищу, когда тот в ней нуждается. Однако никогда не следует упускать из виду, что оказание услуг может принести не пользу, а вред в тех случаях, когда они прикрывают нерадивость и лень. «Хотя, — подчеркивал он, — взаимная приязнь гимназистов похвальна и один то изъяснить, чего другой не разумеет, свободно может, однако когда задана будет школьная экзерциция от учителя или экзаминатора для того, чтобы знать в успехах каждого разность, тогда никто друг другу помогать не должен. Равно как и в то время, когда по спросу учительскому говорить кто свой урок изусть и не знает твердо, близ его сидящий товарищ не должен ему тихонько подшептывать и тем помогать его лени. Такой помощник равному наказанию с незнающим подвержен».⁴⁴ Основная задача всякого учебного заведения — это забота о прочном усвоении учащимися преподаваемых дисциплин. Вместе с тем школа, в особенности начальная и средняя, призвана обеспечить своим питомцам строго продуманную систему воспитания. Из всех пороков Ломоносов особенно выделял лень, и с ней он призывал вести самую решительную борьбу, так как «ленность всего вреднее учащимся».

Требования, предъявляемые к учащимся, будут успешно выполняться лишь в том случае, если их наставники окажутся достойными воспитателями, которые сами показывают во всем пример своим питомцам, и прежде всего в деле выполнения возложенных на них обязанностей. Этому посвящена специальная глава Регламента, которая так и называется «Об обязанностях учителей». Первая обязанность учителя, подлежащая неукоснительному выполнению, — во-время приходить на занятия. Учитель должен непрестанно заставлять гимназистов усваивать изучаемые предметы, а потому постоянно проверять знания ими пройденной части курса. Ученики обладают не одинаковыми способностями, и от учителя требуется знать индивидуальные особенности каждого из них. «Учитель должен присматриваться к способностям учеников и знать их успехи, чтобы понимать, чего он может ожидать и требовать от каждого».⁴⁵

Одна из глав Регламента носит название: «О педагогии при гимназии». Ломоносов имел в виду специальные классы, предназначенные для детей знатных фамилий, которые не стали бы

отдавать своих детей в Гимназию, где учатся дети «низших» слоев населения. Самые крупные сановники обучали своих детей на дому, приглашая для этого видных ученых. Например, наставником детей вице-канцлера А. И. Остермана был академик Х. Ф. Гросс,⁴⁶ а К. Г. Разумовский для воспитания своих детей создал специальное учебное заведение (институт Разумовского⁴⁷). Но не все знатные особы имели такие возможности, какие были у Остермана или Разумовского. В Петербурге не было тогда такого большого количества учителей, которые могли бы заниматься подобным «индивидуальным» обучением. Ломоносов это учитывал: «Некоторые знатные особы, которые желая обучать своих детей наукам, не имеют возможности пригласить частных учителей по причине их отсутствия».⁴⁸ Для таких он предлагал создавать специальные классы.

Ломоносов требовал, чтобы привилегии таких гимназистов были ограничены. Барчуки с малых лет имели множество слуг. Конечно, знатные особы не отпускали бы своих сынов учиться, если бы они переставали пользоваться услугами своих крепостных. Ломоносов это знал, и в соответствующем параграфе главы о педагогике записал: «...служителей при себе больше одного иметь не должны».⁴⁹ Все гимназисты должны были обучаться на общих основаниях. «Принятым в педагогию дворянам... в классах сидеть наряду с другими гимназистами и никакого от них отличия не иметь, как по прилежанию, и наблюдать им ту же с ними должность».

По Регламенту 1747 г. количество казеннокоштных учеников в Академической гимназии было определено в 20 человек. В 1750 г. Разумовский довел количество их до 40. Ломоносов же настаивал на 60⁵⁰ и соответственно этому составил проект штата Гимназии.⁵¹ Но президент с этим не согласился.⁵²

Ломоносов заботился о том, чтобы выпускники Гимназии, намереваясь поступить в Академический университет, имели бы ясное представление об изучаемых там дисциплинах. Для этого он вошел в Канцелярию Академии наук с представлением об издании серии брошюр, в которых были бы изложены основные задачи наук, разрабатывавшихся в Академии.⁵³ Конечно, выполнить одному человеку это было не под силу, поэтому Ломоносов и предлагал поручить каждому академику составить брошюру по своей специальности. Но это предложение выполнили только академики И.-А. Браун и У.-Х. Сальхов.⁵⁴

Не меньше внимания Ломоносов уделял другому академическому учебному заведению — Университету, устав которого также был разработан им. Этот документ до нас не дошел.

В 1747 г., когда был принят Регламент Академии наук, в нем было записано (§ 44): «Все, как профессоры и учителя, так студенты и ученики, на Академическом и своем содержании обретающиеся в Университете, подвержены Регламенту, который президентом сочинен быть должен, по примеру Европейских университетов, каким образом и когда чего учить и обучаться».⁵⁵ Проект устава Университета было поручено составить Миллеру. Но то, что он представил, не было одобрено академиками и президентом. Нельзя было признать удовлетворительным и изданное в 1750 г. «Учреждение о университете и гимназии».

В обсуждении этих проектов Ломоносов принимал активное участие.⁵⁶ Прошло около десяти лет, и учебные заведения Академии, как и прежде, не имели строго установленного регламента. Когда же в марте 1757 г. Ломоносов был назначен членом Канцелярии Академии наук, т. е. стал одним из ее руководителей, то в числе важных задач, которые он ставил перед собой, было и упорядочение учебного дела. 7 января 1758 г. он подал Разумовскому записку и подробно изложил об «излишествах, замешательствах и недостатках», имеющих в Академии.⁵⁷ В этом «представлении» не мало места было отведено Гимназии и Университету. «Гимназию и Университет снабдить регламентами, набрать новых школьников и сделать порядок, чтобы школьники под строгим смотрением, а студенты волю пристойную имели, не так, как ныне, развращенным образом».⁵⁸

То, что предлагал Ломоносов было значительно шире предусмотренного «Учреждением о университете и гимназии». Профессоров в Академическом университете должно было быть одиннадцать, из них пять академиков по совместительству. На юридическом факультете он предполагал три кафедры: всеобщего права, российского права и истории и политики. Медицинский факультет составили бы также три кафедры, возглавляемые химиком, ботаником и анатомом. Наиболее крупным должен быть философский факультет, состоящий из пяти кафедр: «...философии и истории литеральной, физики, математики, красноречия и древностей, ориентальных языков».⁵⁹

Число студентов, по проекту Ломоносова, ограничивалось тридцатью человеками. Ломоносов имел в виду установить строгий порядок в университетской жизни, который решительно покончил бы с хаосом и своеволием, столь пагубно влиявшим на все виды деятельности Академии. В цитируемом документе сохранились лишь названия глав Регламента, которые он наметал обстоятельно развить, но и один только перечень их

дает возможность судить о широте программы, выдвинутой Ломоносовым.

Прежде всего он указывал на точные правила возведения в профессорское звание и зачисления на профессорскую должность. К обязанностям университетского преподавателя он относил не только педагогическую нагрузку. Столь же важной он считал и чисто научную работу. Одна глава так и называлась: «О их (профессорских, — *М. Р.*) сочинениях».

Обсуждение научных проблем должно было проводиться на заседаниях Академии наук (Академических собраниях). Желая превратить Университет в учебно-научное учреждение, Ломоносов имел в виду привлечь внимание учащихся к живой научной мысли со студенческой скамьи. Он предполагал устраивать диспуты и «другие экзерциции».

С первых дней существования Академии ее деятельность была враждебно встречена духовенством, справедливо считавшим, что каждый новый успех естествознания подрывает церковные устои. Иные называли высшее учреждение страны «Академией богомерзких наук».⁶⁰

Сам Ломоносов не избег столкновения с духовенством, которое видело в нем одного из подрывателей «устоев». Пока Академия издавала печатавшиеся по-латыни труды, рассчитанные на узкий круг специалистов, церковники, скрепя сердце, с этим мирились. Когда же к подлинным знаниям стали приобщаться широкие круги, то тотчас же последовала реакция со стороны духовенства. Ломоносов добивался, чтобы верховной властью было вменено «духовенству к учениям, правду физическую (естественнонаучную, — *М. Р.*) для пользы и просвящения показующими, не привязываться, а особливо не ругать наук в проповедях».

Однако, по глубокому убеждению Ломоносова, высокое положение науки и ученых должно было быть завоевано не одними административными мерами. Еще большее значение, по его убеждению, может и должно было иметь общественное мнение. Одной из мер в этом отношении могли бы служить публичные торжества, приуроченные, например, к окончанию гимназистами курса среднего образования и производству их в студенты или же публичные испытания оканчивающих студентов с присвоением им научных степеней («экзамен на градус»). По мнению Ломоносова, такие торжества должны были найти выражение в общественных собраниях, сопровождающихся обедами, концертами и салютом («пальбою»). Разумеется, не погоней за внешней парадностью и пышностью руководствовался Ломоносов, когда все это предлагал. Он стре-

мился поднять в глазах общественности значение науки в стране. Само собою разумеется, что честь, оказываемая виновникам торжества, сама по себе служила бы стимулом и мерой поощрения для тех, кто старался овладеть знаниями и посвятить жизнь науке.

Когда еще в 1747 г. был принят Устав Академии, то в ее учебные заведения было запрещено принимать выходцев из «низших слоев». § 41 гласил: «Принимать в университет из всяких чинов людей, смотря по способностям, кроме положенных в подушный оклад».⁶¹ Надо сказать, однако, что это правило соблюдалось не очень точно. В том же параграфе сказано: «А ежели такие найдутся принятые прежде и обучавшиеся в Академии, таких удержать при Академии в службе». При составлении проекта Регламента Гимназии Ломоносов не мог не считаться с общеакадемическим Уставом, но мы видели, как старательно он пытался обойти этот пункт. Мало того, в 1758 г. Ломоносов добился того, что на практике этот пункт был явно нарушен. В мае месяце этого года в Гимназию был принят сын его земляка — крестьянина Осипа Дудина, Петр. В журнале Академической канцелярии, подписанном, кроме Ломоносова, Шумахером, Таубертом и Штелиным, мы читаем: «По челобитию Архангелогородской губернии Двинского уезда Куростровской волости крестьянина Осипа Дудина приказали: сына его Петра Дудина математике, рисовальному художеству и французскому языку обучать в Академической гимназии на его коште и для того его отослать к г. адъютанту и Гимназии инспектору Модераху при ордере».⁶²

Против стремления Ломоносова допускать в академические учебные заведения, прежде всего в Гимназию, более широкие круги населения, в том числе, при известных условиях, и детей крепостных, яростно выступил академик Фишер. Возражал он и против штатного расписания, предложенного Ломоносовым. Шестьдесят гимназистов и тридцать студентов, утверждал Фишер, непомерно большое отягчение для казны. Мало того, по его мнению, некуда будет девать этих людей впоследствии. Это возражение сильнее всего задело Ломоносова, считавшего, что ничего нет более важного, чем подготовка национальных кадров. Фишер, как и другие иностранцы, считал вполне возможным приглашать специалистов из-за границы. Поэтому Ломоносов наиболее остро и с уничтожающим сарказмом обрушился именно на это возражение своего оппонента. «Шестьдесят гимназистов и тридцать студентов почитает за излишнюю казнь тягость, а паче всего спрашивает, куда их девать. Его ли о том попечение? Ему велено было смотреть регламент, а не штат.

Его ли дело располагать академическою суммою? И ему ли спрашивать, куда девать студентов и гимназистов? О том есть кому иметь и без него попечение. Мы знаем и без него, куда в других государствах таких людей употребляют и также куда их в России употребить можно. Сие есть ясное доказательство его невнимания к рассмотрению регламента и что он только старался вступаться в рассуждения, где бы для оказания своего шпыньства (оскорбительным насмешкам, — *М. Р.*) привязаться». ⁶³

Как и во многих других случаях, Ломоносов в деле утверждения Регламента столкнулся и здесь с бюрократической проволочкой. Его ходатайство об утверждении представленных регламентов Гимназии и Университета оставалось долгое время без движения, пока Разумовский не предложил Ломоносову выступить в Академическом собрании и заручиться поддержкой членов Академии. ⁶⁴ Такое заседание состоялось 11 января 1760 г. ⁶⁵ О нем имеется лишь краткая протокольная запись, но в архиве Ломоносова сохранились наброски его речи. ⁶⁶ Ломоносов говорил, что с тех пор, как был утвержден Устав, прошло свыше двенадцати лет, но ничего не сделано для устройства высшего учебного заведения в таких масштабах, как этого требуют интересы дела. В дело вмешался президент Академии, он пожелал, чтобы академики прежде всего высказались по поводу «льгот и прерогатив», которые Ломоносов счел соответствующими удобствам самих академиков и «интересам успехов отечественной науки». Академическому собранию было также предложено выразить свое мнение относительно предложенной Ломоносовым «инавгурации» (торжественного открытия).

Противники Ломоносова, высказывая свои мнения о тех или иных его предложениях, нередко руководствовались не разумом, а чувством, перенося личные отношения на деловое обсуждение вопросов, поднятых Ломоносовым. Так было и в данном случае. Говоря об «инавгурации», Ломоносов указывал: «Некоторые лица, недоброжелательно относящиеся к моим начинаниям и трудам, косо смотря на все это, нашептывают покровителям наук то, чем думают либо совершенно уничтожить мои старания, либо, по крайней мере помешать им». ⁶⁷

Выдвигался и такой довод против предложения Ломоносова. О какой, мол, «инавгурации» может идти речь, если в Университете так мало студентов, а их пополнение зависит почти целиком от успешной деятельности Гимназии. Между тем она оставалась в пренебрежении как раз по вине главного оппонента Ломоносова — Миллера, на что тот открыто указал. ⁶⁸ Научное наследие России
«Для нас нет позора в том, что университет начинает свой

курс с немногих студентов, — говорил Ломоносов, — и в том, чтобы серьезно подумать об их умножении, особенно раз есть прекрасная надежда получить из Академической гимназии избранных и алчущих учения юношей, обучая которых вы можете с лучшей стороны показать отечеству свое рвение». ⁶⁸ Для решения этой, одной из самых важных задач, стоящих перед Академией, были весьма благоприятные условия. Ломоносов не преминул указать на бедственное положение, в котором оказывались питомцы Академии, оставаясь без должного присмотра и заботы. Для полноты картины следует добавить, что учащиеся, оставаясь у родителей, жили в разных концах города, и это не могло не отразиться на успехах голодных, раздетых и разутых детей. «Приняв все это во внимание, — писал в заключении Ломоносов, — славнейшие мужи, вынесите постановление об этом полезном для отечества деле, о вашем собственном удобстве и о той славе и благодарности, которую вы получите от распространения наук в нашем государстве». ⁶⁹

Результатом выступления Ломоносова было то, что все академики, кроме Миллера, одобрили предложение Ломоносова. ⁷⁰ Это означало, что необходимо было немедленно приступить к коренной перестройке учебного дела в Академии, признав, что прежнее руководство этим столь важным участком ее работы оказалось совершенно негодным. Выступление Ломоносова не оставляло в этом никакого сомнения. Никто лучше его не отдавал себе отчета в создавшемся положении, и никто лучше его не был способен вывести учебное дело Академии из того тупика, в который оно зашло. Сделать это Ломоносов мог бы, однако, только в том случае, если бы он пользовался полнотой власти и не был ограничен в своих действиях, единолично осуществляя бы намеченные им преобразования. С этим не мог не согласиться и президент Академии.

19 января 1760 г. в Академии был получен «ордер» Разумовского, согласно которому все учебные дела передавались в единоличное ведение Ломоносова. ⁷¹

С присущим ему рвением Ломоносов тотчас же принялся за выполнение возложенных на него обязанностей. В тот же день состоялось и было подписано Разумовским определение Канцелярии «быть студентами» восьми гимназистам, обнаружившим, согласно отзывам преподавателей, «успех в науках». ⁷² Через три месяца, 17 апреля 1760 г., Ломоносов писал Шувалову: «Мое единственное желание состоит в том, чтобы привести в вожделенное течение Гимназию и Университет, откуда могут произойти многочисленные Ломоносовы». ⁷³

Несмотря на то что, согласно контрактам, заключенным с поступившими на русскую службу академиками, преподавание в Академическом университете было одной из их обязанностей, чтение лекций велось ими не аккуратно, что являлось одной из причин того жалкого существования, которое влачил Университет. Еще в мае 1759 г. Ломоносов поднял в Академическом собрании вопрос об упорядочении учебного дела составлением точного расписания («каталога») лекций. Теперь же, получив полноту власти, Ломоносов за одной своей подписью издал распоряжение по Канцелярии,⁷⁴ которое обязывало профессоров (академиков) неукоснительно четыре раза в неделю проводить занятия со студентами. К чтению лекций привлекались не только профессора, но и адъюнкты Академии.

Надо сказать, что пренебрежение педагогической работой, замечавшееся до тех пор, не было следствием упорного нежелания академиков, а являлось результатом общих условий того времени, и прежде всего запущенности академических дел вообще. Когда же учебное дело Академии оказалось в твердых и умелых руках, академики охотно и аккуратно стали выполнять свои обязанности. Исключение составил лишь заведовавший кафедрой физики Эпинус, поставивший такие условия,⁷⁵ что пришлось отказаться от его услуг. Курс экспериментальной и теоретической физики был поручен академику Брауну. Он читал студентам и курс философии. Академику Фишеру было поручено «истолковать латинских авторов, какого он сам заблагорассудит». Математику читал академик С. К. Котельников. Курс красноречия латинского и греческого языков был поручен адъюнкту Г. В. Козицкому.⁷⁶ Впоследствии программа была значительно расширена, и были введены еще лекции по химии, анатомии и юриспруденции.⁷⁷

С укреплением позиций Ломоносова в Академии наук его недруги не сложили оружия. Если и раньше они не пытались выступить против него прямо и открыто, тем более они стали осторожны теперь, когда после ухода Шумахера самым влиятельным человеком в Академии стал Ломоносов. Тем не менее противники Ломоносова не переставали пользоваться любым случаем, чтобы попытаться сводить на нет то, что делалось им.

Одной из первых забот Ломоносова было добиться утверждения университетских привилегий, предусмотренных разработанным регламентом. Такое «представление», подписанное Разумовским и Ломоносовым, было послано 17 февраля 1760 г. на имя императрицы на предмет рассмотрения в канцелярии при императорском дворе.⁷⁸ «Искусством (практикой, — *М. Р.*), — подчеркивалось в этом документе, — изведено, что

без привилегий, каковыми университеты в других государствах пользуются, природные россияне и чужестранные самопроизвольно и без в. и. в. жалования обучаться в Санктпетербургском университете не охотятся, и для такой причины не может оный прийти в цветущее состояние, и нельзя чаять такой нашему отечеству пользы, каковую своим приносят иностранные. Итак дабы российские дворяне и разночинцы, также и иностранные наук любители, кроме содержащихся на жалованье в. и. в., в Санктпетербургском университете с такою ж, как в других государствах, охотою на своем содержании самопроизвольно обучались и учащие имели бы большее к наставлению прилежание, и чрез то бы отечеству польза и слава происходила, Академическая канцелярия признает за необходимое дело иметь привилегию за собственноручным в. и. в. подписанием».

Проект был одобрен канцлером М. А. Воронцовым,⁷⁹ который представил его на подпись Елизавете, но ее болезнь и последовавшая затем смерть послужили причиною того, что дело не было доведено до конца. Это не помешало Ломоносову с редкой активностью продолжать трудиться над тем, чтобы поднять уровень учебного дела в Академии. Прежде всего он постарался в несколько раз увеличить контингент учащихся в Гимназии, которая должна была готовить студентов для Университета. В издававшейся Академией газете 22 февраля 1760 г. появилось следующее объявление, составленное Ломоносовым.⁸⁰ «Его сиятельство Академии наук г. президент граф Кирила Григорьевич Разумовский за благо рассудил для большего приращенія наук в России умножить число содержащихся на жалованье академических гимназистов втрое против положенного в статье. которые по окончании гимназического учения производиться будут далее по наукам, и по своим в них успехам надежду иметь могут со временем ученых градусов и чинов достигнуть; во время ж своего в Гимназии учения будут довольствованы готовою пищею, платьем и всеми потребностями к содержанию учащихся молодых людей надлежащими, под добрым присмотром в их поступках. Того ради всем дворянам и разночинцам, кои детей своих или сродников и состоящих под их опекою к обучению гимназическим наукам своего достатку на содержание не имеют, сим объявляется, чтобы представляли таких молодых людей при челобитье Академической канцелярии, которая о их определении к гимназическим наукам рассмотнительное попечение иметь будет».

Так как дворяне неохотно посылали своих сыновей в Академическую гимназию, то как и прежде, ее пополняли преимущественно дети солдат. Намечаемого контингента набрать не

удавалось, однако почин Ломоносова завершился неожиданным успехом. В 1760 г. в Гимназию поступило пятьдесят шесть новых учеников, вдвое больше, чем за год до того (из них всего четверо были дети дворян).⁸¹

Немного лет мог Ломоносов посвятить учебному делу Академии. Года через два он тяжело заболел и свыше года почти не выходил из дому. Но и больной, он не переставал заботиться о питомцах Академии.

Насколько улучшилась при Ломоносове обстановка в Гимназии и Университете, можно судить хотя бы на основании следующего. Академические питомцы, недавно страдавшие от голода и холода, раздетые и разутые без дела слонявшиеся по городу,⁸² теперь возроптали на то, что им дают хотя и сытную, но однообразную пищу. И когда это дошло до Ломоносова (учащиеся, видимо, лично к нему обратились), он сразу же принял необходимые меры, издав следующее распоряжение по Академической канцелярии: «Понеже академические студенты и гимназисты приносят жалобу словесно, что им приготовляется пища всегда одинакая, что-де им уже наскучило, и просили, чтоб им впредь приказано было готовить ествы разные. И по указу е. и. в. Канцелярия Академии наук приказали: оным студентам и гимназистам ествы готовить по приложенному при сем расписанию попеременно».⁸³

О высоком уровне учебного дела в Академическом университете говорит тот факт, что, хотя уже пять лет существовал Московский университет, некоторые его студенты посылались из Москвы в Петербург для усовершенствования.⁸⁴

Постановка учебного дела в Академии наук была признана в высших правительственных инстанциях образцовой. Руководство Ломоносова учебным делом Академии способствовало тому, что Сенат занялся вопросами об учреждении гимназий и начальных училищ по всей стране. Вопрос этот был поднят И. И. Шуваловым, несомненно под влиянием частого общения с Ломоносовым, которого по многим основаниям следует считать если не автором, то инициатором и этого (как, впрочем, и других) проекта⁸⁵ Шувалова. Все, что от последнего исходило, высшие инстанции, как правило, обычно полностью одобряли. И в данном случае предложение Шувалова было тотчас же одобрено, и при этом ему было дано понять, конечно в очень осторожных выражениях, что мнение Академии наук в данном случае могло бы быть весьма полезным.

Получив это решение, Шувалов тотчас же обратился к Академии с соответствующей просьбой,⁸⁶ и Ломоносов послал от имени Канцелярии Академии указ всем ее членам высказать

свои мнения по данному вопросу.⁸⁷ Мнения академиков были собраны, но из-за болезни императрицы, а затем ее смерти, следствием которой было отстранение Шувалова от руля государственного управления, дело развития не получило. Более широкое распространение просвещения в России началось не менее чем через четверть века, когда стали осуществляться мероприятия, разработанные комиссией по учреждению народных училищ.

На учебных делах в самой Академии, как и на других видах ее деятельности, с которыми Ломоносов был тесно связан, не могло не отразиться его длительное отсутствие, вызванное болезнью. И все же учебное дело продолжало успешно развиваться, и в этом главную роль сыграло то, что еще за полгода до поразившей его болезни Ломоносов добился того, чтобы на место нерадивого Модераха⁸⁸ был назначен питомец Академии Котельников, достойный последователь Ломоносова на ее учебном поприще. Из документов, характеризующих положение дел, наиболее важным является относящийся к январю 1763 г. отчет⁸⁹ Ломоносова о состоянии Университета и Гимназии.

Контингент учащихся в Университете почти полностью соответствовал штатному расписанию. Студентов было уже семнадцать человек, не считая Лепехина,⁹⁰ находившегося тогда за границей, и И. Абрамова, переведенного в 1760 г. по его просьбе «за неспособностью к высшим наукам» в Географический департамент, но числившегося по должности студентом. Были все основания считать вполне удовлетворительными и успехи и поведение студентов. На первый план Ломоносов выдвигал именно поведение, подчеркивая, что «по объявлению г. профессора Котельникова ведут себя студенты пред прежним весьма смирно, и я не слыхал от них никаких друг на друга жалоб». Дело в том, что в бедственные для Университета годы пьянство, драки и тому подобные явления среди студентов были широко распространены, что приводило к отнюдь не «академическим» мерам воздействия.⁹¹

Твердая дисциплина, которую с таким трудом удалось Ломоносову установить в академических учебных заведениях, поддерживалась даже во время его болезни, хотя, как увидим дальше, его недруги не мало сделали для того, чтобы пошатнуть введенные порядки. В своем отчете Ломоносов с удовлетворением и не без гордости отмечал: «Лекции прошлого года продолжались непрерывно. И ныне начались по каталогу», т. е. по точному расписанию.

Достигнутые успехи внушали надежду, что Университет станет не только учебным заведением, дающим своим питом-

цам высшее образование, но и подготовит некоторых из них к самостоятельной научной деятельности. «Через год из упомянутых студентов, — указывал Ломоносов, — человек двух надеяться можно адъюнктов, ежели прежнее употребят прилежание, которые будут действительные академические питомцы, с самого начала из нижних классов по наукам произведенные а не из других школ выпрошенные» (имеются в виду учащиеся из духовных семинарий, о которых речь была выше). Надежды Ломоносова сбылись, но лишь несколько времени спустя; адъюнктами, а затем и академиками стали И. П. Лепехин и П. Б. Иноходцев.⁹² Последний начал свое образование в Академической гимназии; уже через два года после перевода из гимназистов в студенты он начал преподавать математику в Академической гимназии. Адъюнктом стал и академический питомец племянник Ломоносова М. Е. Головин.⁹³

Положение в Гимназии было также вполне обнадеживающим. Занятия там проводились по строго установленному расписанию и, как писал Ломоносов, с «довольным успехом». Гимназистов систематически переводили из класса в класс. Правда, не обошлось без некоторых нарушений этого правила, но это случалось лишь по уважительным причинам.

В заключение в своем отчете Ломоносов остановился еще на дисциплине в руководимых им учебных заведениях. Указав вкратце на бывшие порядки, он этим самым отметил то, что было достигнуто за последние несколько лет: «Что ж до поведения гимназистов надлежит, — писал Ломоносов, — то легко подумать можно, что малые ребята, как были прежде в вольности⁹⁴ и только за неделю до выдачи жалованья в гимназию прихаживали, ныне в тесных пределах содержания, происходить может. Однако уже старые, бывшие на воле привыкают к лучшему, а вновь принимающиеся при нынешнем учреждении, прежнего небрежения не зная, ведут себя подобострастнее. И по сему твердо надеюсь, когда старая вольница поведением поправлена, или как скоро для затверделого злонравия из Гимназии истреблена будет, то не иначе как нынешние студенты, кои все новые, и гимназисты станут себя вести смирно и порядочно».

Успехи учебного дела в Академии были несомненны. Однако Ломоносов был далек от того, чтобы довольствоваться достигнутым. Для всесторонней подготовки полноценных научных работников он считал безусловно необходимым посылать наиболее одаренных студентов в заграничные университеты, которые славилась своими научными силами. По собственному опыту он знал, насколько важно начинающему ученому учиться

и работать под руководством крупнейших ученых. При этом Ломоносов настаивал на том, чтобы посылаемые за границу студенты обучались не в одном каком-либо, а в ряде университетов, имея в виду овладение опытом разных стран, где имеются «знатные» ученые.

Такая система подготовки научных кадров была тогда общепризнанной. Но обычно дело ограничивалось одной, двумя странами. Возбуждая этот вопрос, Ломоносов имел прежде всего в виду насущные задачи самой Академии, из которых самой важной он считал подготовку молодых ученых. Уже в течение четырех десятилетий Академия постоянно приглашала ученых из-за границы. Это положение было даже канонизировано Уставом Академии, в котором было прямо указано замещать в случае надобности вакантные места учеными, выписанными из-за рубежа.

Прошло уже семнадцать лет с тех пор, как был принят Регламент Академии, и, хотя давно уже миновало время, когда только Ломоносов и Тредиаковский были русскими учеными, таковых в Академии по-прежнему явно не доставало. Помимо этого, выписывать ученых из-за границы становилось все труднее. Не всегда удавалось найти желаемую кандидатуру; примером тому является приглашение иностранного специалиста по общему праву, которого так и не удалось получить. Кроме того, с иностранными учеными заключались контракты всего на пять лет; после этого срока каждый из них по любой причине мог оставить Академию, как бы она в нем ни нуждалась. К этому надо добавить, что среди возвращавшихся за границу академиков бывали и неблагородные люди, причинившие Академии потом не мало неприятностей. Ломоносов поэтому начал свое представление со следующих строк: «Чрез многие опыты изведено, сколько труда и хлопот стоит Академии выписывание иностранных членов, также и отпуск оных не всегда без досады и нарекания бывает. Сверх же того много времени миновать еще должно, пока Академия своими природными профессорами наполнится, как то пример минувшего времени показывает. И хотя в штате академическом положено выписывать иностранных профессоров, а о произведении своих изображено не довольно, однако сие неправильно и должно быть к лучшему исправлено».

Четыре года, отданные Ломоносовым улучшению учебного дела в Академии, дали ценные плоды, и это, полагал он, является полной гарантией того, что в недалеком будущем Академия будет пополняться, если не исключительно, то главным образом национальными кадрами, или, как писал Ломоносов,

«природными россиянами». За время, в течение которого Ломоносов руководил Гимназией и Университетом, около двадцати воспитанников гимназии стали студентами. Из них более трети (семь человек) обнаружили такие способности и подготовку столь солидную, что Ломоносов считал их вполне подходящими для отправки за границу. Все они, по словам Ломоносова, хотя и недавно пришедшие из Гимназии в Университет, «лекции профессорские с достаточным разумением слушать могут» и, что не менее важно для отправляемых за рубеж без присмотра молодых людей, «показали хорошее понятие и примерное поведение в поступках». Молодой возраст командированных за границу имел и другое весьма существенное преимущество. «Ради молодых своих лет, — указывает Ломоносов, — могут удобнее научиться иностранным языкам, между тамошними людьми обращаясь».⁹⁵

План Ломоносова казался ему настолько реальным и легко осуществимым в недалеком будущем, что он предложил даже оставить вакантными некоторые незаемещенные места в Академии, которые должны были занять студенты, посылаемые за границу. Самые большие надежды он возлагал — и вполне справедливо — на находившегося уже за границей Лепехина, проходившего курс в Страсбургском университете с «желанными успехами». Лепехин занимался там «физическими» науками, т. е., по понятиям того времени, готовился стать натуралистом в широком смысле слова (впоследствии он им и стал). Ломоносов предлагал продлить пребывание Лепехина за границей на три года и обязать его в течение двух лет «упражняться паче всех в ботанике», а третий год предназначить на путешествия, с тем чтобы он мог «видеть в других государствах славные ботанические сады и ботаников».

Проблемой подготовки отечественных ученых Академия занималась уже не менее четверти века. Как уже выше упоминалось, вместе с Ломоносовым из Славяно-греко-латинской академии в Петербург был послан Н. И. Попов, который в 1751 г. занял в Академии наук кафедру астрономии (адъюнктом назначен в 1748 г.). В 50-х годах к Эйлеру был направлен ряд питомцев Академии; у него, кроме Котельникова, научную подготовку проходили С. Я. Румовский, достигший положения профессора, и безвременно погибший адъюнкт М. Софронов.⁹⁶ За три десятилетия существования Академии наук ею было подготовлено всего пять профессоров (академиков).

План Ломоносова представил собой первую серьезную попытку планомерно подойти к решению этого столь важного вопроса. «Итак, — читаем мы в заключении его записки, — сие

мое представление обще туда представляется, чтобы о выписывании вновь и о приеме иностранных профессоров беспрочное (бесполезное, — *М. Р.*) почти старание вовсе оставить, но крайнее положить попечение о научении и произведении собственных природных и домашних, которые бы служили, назад не оглядываясь и не угрожая контрактом и взятием абшита, а паче всего служили бы к чести отечеству, которой от иностранных нашему народу приписывать невозможно».⁹⁷

Не может быть сомнения в том, что, единолично управляя всем учебным делом в Академии — от первого класса Гимназии до подготовки зрелых ученых, — Ломоносов с присущей ему энергией и непреклонной волей к достижению намеченной цели добился бы желанных результатов. Но Ломоносову осталось жить меньше года, и, как многие другие его замыслы, и этот новый его проект остался без движения. Свыше двух месяцев представление пролежало в Канцелярии Академии. Разумовский находился, как обычно, в отлучке. Лишь в сентябре месяце президент рассмотрел проект Ломоносова. Последний был уже занят составлением нового Устава Академии, и выдвинутый им проект преобразования учебного дела составил только часть предложенных им нововведений. Вскоре болезнь, от которой он казалось уже оправился, снова приковала его к постели. Тем не менее, пока силы его не покинули совсем, он не переставал заниматься учебными делами. Последний известный нам документ — определение о приеме Кривецкого в студенты Академического университета — подписан Ломоносовым 22 февраля 1765 г., менее чем за полтора месяца до кончины.

Глава VI

ПУБЛИЧНЫЕ АССАМБЛЕИ

С первых дней своего существования Петербургская Академия наук старалась привлечь к себе внимание правящих кругов и общественности страны. Сохранилось не мало документов, в которых красочно описано посещение Академии «знатными особами». Но это были отдельные эпизоды, имевшие место главным образом в связи с приездом в Петербург из-за рубежа высокопоставленных лиц. Таковым было, например, прибытие в столицу китайского посольства, имевшего поручение поздравить Анну Иоанновну с восшествием ее на престол.¹ В таких случаях гостям показывали богатые коллекции Кунсткамеры и библиотеки, демонстрировали опыты в лабораториях (кабинетах) и т. д. Но это бывало редко. При составлении Регламента 1747 г. имелось в виду систематически демонстрировать достижения Академии перед сравнительно широкой аудиторией. С этой целью Регламентом предусмотрено три торжественных собрания в год. Параграф 29 гласил: «Всякий год должно иметь три ассамблеи публичных, в которых может, по избранию Академическому, в своей науке академик один читать диссертацию на латинском языке, а другой на русском, но прежде, нежели читано будет на латинском языке, надлежит то же перевести на русский, и, напечатав, раздать званым в собрание слушателям».²

Прошло, однако, полтора года, пока президент Академии распорядился (январь 1749 г.) устроить первое такое торжественное собрание, приурочив его, как это было предусмотрено Регламентом, ко дню именин Елизаветы Петровны. Миллеру было поручено подготовить «сочинение об ученой материи», и он избрал тему (о происхождении русского народа), которая была забракована.³ Ввиду этого выступить на ассамблее было поручено другу Ломоносова Г.-В. Рихману.

Этот ученый, работавший над различными вопросами физики, главным образом теплоты и электричества, за весьма короткий срок подготовил речь на тему: «О законах испарения воды». Речь, как и полагалось, была написана (и произнесена) по-латыни, а на русский язык переведена академиком С. П. Крашенинниковым.⁴ Выступление Рихмана предварительно обсуждалось в Академическом собрании; сохранился ряд отзывов академиков,⁵ в том числе и Ломоносова, который представил 13 ноября Канцелярии следующее заключение: «Я, нижеименованный, признаю диссертацию г. профессора Рихмана о парах, сочиненную к публичному собранию, достойною, чтобы она была напечатана и в публичном Собрании читана».⁶ Тема другого выступления на ассамблее должна была быть посвящена императрице. Оно было поручено Ломоносову.

Над текстом будущей речи — первого своего публичного выступления Ломоносов работал около пяти месяцев. В начале августа оно было послано в Москву, где сразу же получило одобрение президента. После этого Шумахер предложил Ломоносову перевести свою речь на латинский язык. Как русский текст, так и латинский его перевод в России и за рубежом были признаны высоким образцом литературного мастерства их автора.⁷ Живший тогда в Берлине Л. Эйлер, ознакомившись с латинским изданием речи Ломоносова, назвал ее шедевром.⁸

Наступил, наконец, день 26 ноября, и в переполненном зале Академии перед аудиторией, включавшей не мало высокопоставленных лиц, Ломоносов выступил со «Словом похвальным е. в. государыне императрице Елизавете Петровне, самодержице всероссийской».⁹ Само название «Слова» обязывало оратора воспеть «величие» дел царицы, не совсем обычным путем взошедшей на трон, причем сделать это надо было на фоне показа деятельности ее предков. То, что сделал Ломоносов, обнаруживает его глубокие знания истории родной страны, и исследователь, изучающий Ломоносова как историка, не пройдет мимо этой ранней его работы по истории России.

Кратко, но красочно нарисовал Ломоносов картину восьмилетнего царствования Елизаветы. Особое восхищение у Ломоносова вызвало то, что тогда формально перестали применять смертную казнь.

Бегло перечислив многочисленные «благодетения» Елизаветы, характеризующие ее внутреннюю и внешнюю политику, Ломоносов подробно остановился на ее попечении о распространении науки и просвещения в стране. Он обратил особое внимание на § 36 недавно утвержденного Регламента, который гласил, что Академия «впредь должна состоять из природных

российских», и учебное дело Академии поставил рядом с ее научно-исследовательской деятельностью. Академический университет как регулярно действующее высшее учебное заведение был утвержден собственно этим Регламентом. Слова, вложенные им в уста императрицы, имели целью воздействовать на тех, кто держал в своих руках власть. «Обучайтесь прилежно, — так обращалась Елизавета к юношеству. — Я вижу Российскую Академию, из сынов Российских состоящую, желаю; поспешайте достигнуть совершенства в науках: сего польза и слава отечества, сего намерение моих родителей, сего мое произволение требует. Не описаны еще дела моих предков и не воспета по достоинству Петрова великая слава. Простирайтесь в обогащении разума и в украшении Российского слова. В пространной моей державе неоцененныя сокровища, которые натура обильно произносит, лежат потаенны и только искусных рук ожидают. Прилагайте крайнее старание к естественных вещей познанию и ревностно старайтесь заслужить мою милость». «Сие щедрое е. в. повеление слыша, — продолжал Ломоносов, — держайте, бодрствуйте, успевайте в течении вашем. И вы, которым вход к наукам свободно отворен, употребляйте сию щедроту в пользу сынов ваших».¹⁰

И раньше Ломоносов выступал как ученый-патриот, всей своей деятельностью показавший пример неутомимого служения родной стране на том поприще, на котором он трудился. Однако никогда ранее ему не случалось выступать перед такой большой аудиторией и иметь такую редкую возможность привлечь внимание широких общественных кругов к нуждам науки и просвещения. «Слово похвальное» было первым его ораторским произведением. Помимо литературных достоинств, высоко оцененных как современниками, так и потомками, отдельные места его могут рассматриваться как программные положения.

Потребовалось не мало времени, пока были выращены те кадры русских ученых-исследователей, на которые указывал Ломоносов, но на протяжении десятилетий его призыв вдохновлял людей науки.

Для самого Ломоносова «Слово похвальное» имело весьма благоприятные последствия. Это произведение вместе с другими выступлениями на публичной ассамблее Разумовский поднес императрице. Сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что труд Ломоносова «снискал рукоплескания Двора»,¹¹ хотя, конечно, Шумахер не преминул, насколько мог, ослабить триумф своего противника. В письме к Теплову об успехе речи Ломоносова в высших сферах Шумахер подчеркнул, что всякое «похвальное слово» встретит одобрение у тех, з честь кого оно

произнесено, и тут же указал, что в речи Ломоносова имеются места, которые покажутся обидными для шведского и прусского дворов. Дело в том, что в «Слове» упоминалось о военных и дипломатических победах России над Швецией; там же, не называя имени прусского короля Фридриха II, Ломоносов весьма прозрачно намекнул на его захватнические замыслы, встречавшие мощный отпор со стороны русского правительства.

Происки Шумахера могли — и это бывало не редко — создавать серьезные препятствия для успеха трудов Ломоносова, однако они не были в состоянии остановить рост его авторитета и популярности. Ломоносов больше, чем кто-либо другой, выступал на публичных ассамблеях.

В 1751 г. он подготовил свое второе выступление, назвав его «Слово о пользе химии». Как это и полагалось, подготовленная речь была передана академикам С. П. Крашенинникову и Н. И. Попову на рассмотрение. Они незамедлительно представили отзыв, в котором мы читаем: «Оное слово о пользе химии г. советника нами читано, и знатных погрешностей в нем не примечено, а что надлежит исправить, о том ему, г. советнику, объявлено, и он с нашим мнением согласен и обещал исправлять».¹² Ломоносов не замедлил сделать все, что от него потребовалось, и к назначенному сроку было уже напечатано «Слово о пользе химии, в публичном собрании императорской Академии наук сентября 6 дня 1751 года говоренное Михайлом Ломоносовым».¹³

В литературном отношении «Слово о пользе химии» отличалось теми же высокими достоинствами, как и первое ораторское выступление Ломоносова, и было столь же высоко оценено современниками (и потомками).

Если в 1749 г. Ломоносов задавался целью, пользуясь удачно подвернувшимся случаем, обратить внимание влиятельных кругов на исключительное значение науки в развитии страны, то теперь он поставил себе задачу осветить роль наиболее важной, с его точки зрения, ее отрасли. «Рассуждая о благополучии жития человеческого, слушатели, — так начал Ломоносов свою речь, — не нахожу того совершеннее, как ежели кто приятными и беспорочными трудами пользу приносит. Ничто на земле смертному выше и благороднее дано быть не может, как упражнение, в котором красота и важность, отнимая чувство тягостного труда, некоторою сладостию ободряет...».¹⁴

Выступая в Академии наук, Ломоносов не забывал о составе своей аудитории, состоявшей не из одних ученых. Свою речь он строил так, чтобы она и для наименее подготовленных слушателей была достаточно доходчивой. Но и при популяр-

зации важных научных проблем он высказывал принципиально важные передовые идеи, которые и теперь не утратили своей первоначальной свежести. «Учением приобретенные познания, — указывал он, — разделяются на науки и искусства. Науки подают ясное о вещах понятие и открывают потаенные действия и свойств причины; искусства (т. е. прикладные знания, — *М. Р.*) к приумножению человеческой пользы оные употребляют. Науки довольствуют врожденное и вкорененное в нас любопытство; искусства снисканием прибытка увеселяют. Науки искусствам путь показывают; искусства происхождение наук ускоряют. Обою общею пользою согласно служат».¹⁵

Химии, по его мнению, принадлежит особая роль, ибо с ее помощью естествоиспытатель проникает в самые сокровенные тайны природы. Конечно, достижения и других областей знания: математики, механики, физики (особенно оптики) являются мощными орудиями исследования. «Математики, — говорил Ломоносов, — по некоторым известным количествам неизвестных дознаются. Для того известные с неизвестными слагают, вычитают, умножают, разделяют, уравнивают, превращают, переносят, переменяют и наконец искомое находят. По сему примеру рассуждая о бесчисленных и многообразных переменных, которые смешением и разделением разных материй химия представляет, должно разумом достигать потаенного безмерною малостию виду, меры, движения и положения первоначальных частиц, смешанные тела составляющих».¹⁶

Химия, по словам Ломоносова, достигает поставленной цели, пользуясь другими областями знания как мощными вспомогательными орудиями.

Обозревая область практической деятельности человека, Ломоносов утверждал: «Между искусствами первое место, по моему мнению, имеет металлургия, которая учит находить и очищать металлы и другие минералы. Сие преимущество дает ей не токмо великая древность, которая по свидетельству священного писания и по самим делам рода человеческого неспорима, но и несказанная и повсюду разливающаяся польза оное ей присвоит. Ибо металлы подают укрепление и красоту важнейшим вещам, в обществе потребным».¹⁷ Что металлургия является важнейшею областью научно-прикладных знаний, Ломоносов знал со студенческих лет; он занимался ею, как только вернулся на родину,¹⁸ теперь же, создав первоклассную химическую лабораторию, он стал видным металлургом в стране.¹⁹

Говоря о пользе химии, Ломоносов имел в виду не только популяризацию достижений любимой науки. Главной его целью было привлечь внимание русской общественности, и в первую

очередь правящих кругов, к задачам разработки несметных природных ресурсов своего отечества. «Рачения и трудов для сыскания металлов требует пространная и изобильная Россия. Мне кажется, я слышу, что она к сынам своим вещает: Прострите надежду и руки ваши в мое недро и не мыслите, что искание ваше будет тщетно. Воздают нивы мои многократно труды земледельцев, и тучные поля мои размножают стада ваши, и леса и воды мои наполнены животными для пищи вашей; все сие не токмо довольствует мои пределы, но и во внешние страны избыток их проливается. Того ради можете ли помыслить, чтобы горы мои драгоценными сокровищами поту лица вашего не наградили? Имеете в краях моих, к теплой Индии и к Ледовитому морю лежащих, довольные признаки подземного моего богатства».²⁰

Эта необычайно пылкая речь не могла не заинтересовать слушателей и конечно осталась надолго в памяти. Она открывала перед ними широкие возможности творческой деятельности и указывала на источники повышения благосостояния страны.

Ломоносов счел необходимым подчеркнуть и значение химии в военном деле, высказывая при этом и свое мнение о войнах вообще. Указав на происходившие в прошлом нашествия, сопровождавшиеся опустошением цветущих стран и нередко поголовным истреблением их населения, он напоминал: «Имеем и в нынешние веки злобною завистию терзающиеся сердца к похищению чужих владений». И далее: «И ныне нередко почитается сильного оружие вместо прав народных».²¹ Химия, как считал Ломоносов, может оказать огромную услугу стране в деле борьбы с захватчиками, увеличивая обороноспособность государства.

Взору Ломоносова представлялась картина прекрасного будущего, когда будут освоены незаселенные и пустынные места и на их месте появятся «великие города и обильные села». В заключение своей речи, обращаясь к грядущим поколениям, он говорил: «Вместо вояния зверей диких наполнится пространство ваше глазом веселящегося человека и вместо терния пшеницею покроется. Но тогда великой участнице в населении вашем, химии, возблагодарить не забудьте, которая ничего иного от вас не пожелает, как прилежного в ней упражнения, к вящему самих вас украшению и обогащению».²²

Ломоносов оставался естествоиспытателем в широком смысле этого слова и постоянно откликался на новые важные проблемы различных наук. Одной из таких проблем в то время было атмосферное электричество, изучение которого ознаменовалось изобретением молниеотвода, произведшего небывалую в истории

науки сенсацию. Для ученых, и прежде всего для Ломоносова, было ясно, что, как ни ценно надежное средство защиты от грозовых разрядов, разгадка тайны образования электрических зарядов в атмосфере имеет еще большее значение, так как может служить, в частности, исходным пунктом успешного развития метеорологии, которую он считал необычайно важной отраслью естествознания. Поэтому он занялся изучением электрических явлений с большим увлечением и высказал при этом необычайно смелые мысли, изложенные в его «Слове о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих».²³ Оно и послужило предметом очередного выступления на торжественной ассамблее.

В мае 1753 г. в Академии наук было решено ближайшее торжественное собрание посвятить вопросам, которые разрабатывали тогда Ломоносов и Рихман.

Ломоносова с Георгом-Вильгельмом Рихманом связывали тесные дружеские отношения и творческое сотрудничество. В отчете о работах Ломоносова за 1753 г. раздел физики начинается с указания на их совместные работы по вопросам теплоты. Особенно тесным стало сотрудничество Ломоносова и Рихмана, когда они совместно занялись изысканиями в области электричества. Оба считали, что их труды дополняют друг друга.

Готовясь к публичным выступлениям, Ломоносов и Рихман не прекращали своих дальнейших опытов по электричеству, особенно атмосферному. Сведения об этом мы находим в письме Ломоносова к Шувалову, датированном 31 мая 1753 г. К письму Ломоносов приложил описание опытов Рихмана с лейденской банкой («Мушенбреков опыт с сильным ударом»), снабдив это описание рисунком. Ни описание это, ни рисунок до нас не дошли. Из опубликованного письма видно, что экспериментатор имел дело с сильными для того времени зарядами, позволявшими переносить конденсатор без заметных потерь «с места на место, отделяя от машины (электростатического генератора, — *М. Р.*) в знатное расстояние около целой версты».²⁴

О собственных исследованиях Ломоносов сообщает как об «особливо изысканном опыте» с атмосферным электричеством, произведенном им в ясную погоду. «Приметил я, — рассказывает Ломоносов, — у своей громовой машины, 25 числа сего апреля, что без грома и молнии, чтобы слышать или видеть можно было, нитка от железного прута отходила и за рукою гонялась, а в 28 число того же месяца, при прохождении дождевого облака, без всякого чувствительного грома и молнии происходили от громовой машины сильные удары с ясными

искрами и с треском, издавека слышным, что еще нигде не примечено и с моею давнею теориею о теплоте и с нынешнею о электрической силе весьма согласно и мне к будущему публичному акту весьма прилично».²⁵

Недруги Ломоносова всячески добивались ограничения его роли на предстоящем торжественном собрании; им хотелось свести ее к функциям переводчика с латинского языка доклада Рихмана. В журнале Канцелярии Академии наук записано: «В том же собрании (на котором было решено выступление Рихмана и Ломоносова на ассамблее, — *М. Р.*) для краткости времени советовано: кому из академиков на публичной ассамблее читать диссертацию, к чему как г. советник и профессор Ломоносов, так и г. профессор Рихман склонными себя показали и обещались выбрать такую тему, которая бы нынешнему времени и состоянию слушателей была прилична... Чего ради определено: его высокографскому сиятельству (президенту Академии К. Г. Разумовскому, — *М. Р.*) о том представить репортом и ожидать повеления, кому определено будет читать диссертацию и кому на то именем Академии отвечать, а по мнению Канцелярии надлежало бы г. Рихману яко старшему профессору²⁶ иметь чтение, а г. советнику и профессору Ломоносову на то отвечать и содержание диссертации слышателям объявить на русском языке».²⁷

Ломоносов не собирался, однако, удовлетвориться отведенной ему второстепенной ролью и по-своему готовился к публичной ассамблее. Он рассматривал свою задачу не как обычное, хотя и весьма почетное, выступление на торжественном собрании, имеющее целью «именем Академии отвечать» на основной научный доклад. Как ни лестна была роль оппонента, представлявшего в данном случае всю научную корпорацию, принадлежностью к которой Ломоносов гордился, его замыслы шли гораздо дальше. Прошло всего три недели с того момента, когда предварительно был решен вопрос о теме на ближайшей ассамблее, а у Ломоносова был уже подробно разработан план выступления, не имевший ничего общего с той несомненно второстепенной ролью, которую ему предоставляли. Ломоносов писал Шувалову: «Оный акт буду я отправлять с господином профессором Рихманом, он будет предлагать опыты свои, а я — теорию и пользу, от оной происходящую, к чему уже я приготавлиюсь».²⁸

Казалось, что ничто не могло помешать Ломоносову выступить на торжественном собрании Академии и публично демонстрировать свои достижения. Однако, после того как все формальности были соблюдены и оставалось только ждать дня

ассамблеи, произошло роковое событие. Через полтора месяца после того как были утверждены день ассамблеи и ее программа, основной докладчик Г. В. Рихман погиб во время опытов с атмосферным электричеством. В день смерти Рихмана (26 июля) Ломоносов в письме к Шувалову выражал опасения, что враги науки используют это событие в своих черных целях.²⁹ Так оно и случилось.

Прежде всего несчастным случаем воспользовался Шумахер, чтобы помешать Ломоносову вообще выступить на торжественном собрании. Отменить собрание, утвержденное президентом, Шумахер не мог, но он не замедлил обратиться к последнему с докладной запиской и указать на то, что следовало бы отказаться от торжественного собрания, где будут трактоваться вопросы электричества, за исследование которых Рихман поплатился жизнью. Шумахер предлагал отложить ассамблею; как всегда, Разумовский согласился с «объявленными резонами» Шумахера и 2 сентября распорядился «ассамблее публичной не быть».³⁰

Ломоносов все это предвидел. За несколько дней до распоряжения Разумовского он предложил свой мемуар в качестве доклада на ассамблее. При этом Ломоносов в письме к Шумахеру от 18 августа подчеркнул, что его речь «может представлять собою нечто большее, чем ответ на чью-либо другую, почему она довольно хорошо подойдет в качестве главной речи».³¹ Прямо отвергнуть предложение Ломоносова Шумахер не рискнул и прибег к испытанному средству — проволочке. Однако Ломоносов обратился непосредственно к президенту с письмом и получил от него разрешение выступить на торжественной ассамблее.

Все же недруги Ломоносова не сложили оружия. Только борьба приняла иные, на сей раз открытые формы. Под сомнение бралась оригинальность основных положений Ломоносова. Академик Гришов, которому было поручено выступить в качестве оппонента, с самого начала заявил, что у него имеются «серьезные сомнения», и требовал предварительного обсуждения речи Ломоносова на общем собрании академиков. Гришов был не один. Сохранившиеся документы, правда отрывочные, говорят о сильной оппозиции, с которой столкнулся Ломоносов, и о тех огромных усилиях, которые ему пришлось затратить, чтобы преодолеть сопротивление враждебных ему сил. Ломоносову инкриминировалось не больше и не меньше как то, что он заимствовал чужие идеи, выдавая их за собственные.

Враги Ломоносова отдавали себе отчет в том, что они имеют дело не с заурядным противником, а с таким, который, как

справедливо опасался Шумахер, обладает достаточной силой «для поражения безжалостных насмешников».³² Да и обычная в академической среде придирчивая критика была в данном случае небезопасна и могла кончиться печально для них. Все знали, что Ломоносов может повергнуть в прах своих противников, нанеся им позорное поражение, вплоть до уличения в невежестве, как это он и сделал на самом деле в данном случае. Поэтому критика доклада Ломоносова внешне была облечена в весьма корректную, «академическую» форму.

26 октября 1753 г., в отсутствие Ломоносова, в Академическом собрании обсуждались вопросы, связанные с подготовкой к ассамблее. Выступивший на этом заседании оппонент Ломоносова начал свое выступление с высоких тонов, награждая Ломоносова лестными похвалами, но затем подверг «сомнениям» ряд положений Ломоносова и направил главный удар против той части его мемуара, в которой трактуются вопросы электричества. Гришов заявил: «Считаю, однако, нужным указать, что ученейший Франклин,³³ автор опытов по естественному (атмосферному, — М. Р.) электричеству, после многих лет, наконец, в сочинении, напечатанном в Лондоне, мимоходом предложил и провел то же самое мнение о северном сиянии и о нисхождении верхнего воздуха в нижележащий».³⁴ Это место из выступления Гришова, на первый взгляд, могло показаться весьма благопристойным и ничем особенно не задевающим Ломоносова. Совпадение взглядов и опытов ученых разных стран, находящихся в большом отдалении друг от друга, — весьма обычное явление в науке. Но надо учесть то обстоятельство, что как раз в это время слава Франклина гремела во всем мире, что он уже пользовался международным признанием и что его опыты повторялись во всех странах.³⁵ В такой обстановке замечание Гришова означало, что достижения Ломоносова являются ни чем иным, как заимствованием, а так как имени автора, у которого он «заимствовал», в мемуаре Ломоносова не упоминалось, то естественно было заключить, что это «заимствование» можно было квалифицировать как плагиат. Именно так и рассматривал выступление Гришова Ломоносов, которому был послан текст этого выступления.

Через четыре дня, 1 ноября 1753 г., в Академии наук состоялось чрезвычайное собрание, на котором Ломоносов выступил с ответом своим критикам. Отвечая Гришову, Ломоносов прежде всего принципиально отверг ссылку на Франклина. Он указал, что изложение трактующих им (Ломоносовым) вопросов отнюдь не совпадает с опубликованными письмами Франклина, где изложены опыты и наблюдения американского

ученого. Несостоятельность, недобросовестность ссылки на Франклина Ломоносов доказывал, между прочим, тем, что в период, когда он и Рихман проводили свои исследования, сочинения Франклина еще не были получены в Петербурге. Ломоносов подчеркивал: «Покойному Рихману до самой смерти не удалось получить сочинений Франклина, а он (Рихман, — М. Р.) всецело предан был изучению электричества».³⁶ Произведение Франклина было получено в Петербурге в конце августа, когда речь Ломоносова, которую он подготовил к ассамблее, была уже написана.

Ломоносов напомнил, что содержащиеся в «Слове» мысли были им высказаны давно: «...уже в течение нескольких лет держусь этого мнения и многократно выражал его академикам и некоторым другим друзьям».³⁷ Он сослался прежде всего на написанную за десять лет до того «Оду на северное сияние» и отметил: «Славный коллега (Гришов, — М. Р.) делает различие между электрической материей и эфиром, тогда как я, вместе с большинством физиков, считаю их одним и тем же, как мог бы видеть славный коллега из моей речи, если б внимательно прочел ее».³⁸

С критикой Ломоносова, кроме Гришова, выступили также Браун и Попов. Но первый не совсем четко разобрался в выдвинутых Ломоносовым положениях и приписал ему то, чего не имелось в мемуаре, а второй, будучи астрономом, вообще был далек от вопросов, трактовавшихся Ломоносовым, так что Ломоносову никакого труда не стоило отклонить возражения обоих.

Выступление Ломоносова окончилось полной победой. Протокол, подписанный всеми участниками заседания, сохранил следующую запись: «Почтеннейший Ломоносов прочел свои ответы на возражения славных Брауна и Гришова, показал, что его утверждения не лишены обоснований и, наконец, установил, что способ объяснения его теории совершенно нов. По этой причине присутствующие славные мужи заявили, что согласны с вероятностью приведенных доказательств».³⁹

На этом же заседании было решено созвать чрезвычайное собрание всех академиков. Оно состоялось через два дня, 3 ноября 1753 г., и вынесло постановление: «Рассуждение почтеннейшего Ломоносова подлежит напечатанию».⁴⁰ Но Шумахер старался всеми путями оттянуть печатание диссертации Ломоносова, пытаясь свалить на него же вину за оттяжку ее опубликования. Это вынудило Ломоносова обратиться с письмом к Разумовскому. В ответ на эту жалобу президент послал Шумахеру выговор.⁴¹ Тогда Шумахер задумал посрамить Ломоно-

сова перед зарубежной наукой. Он спешно послал видным иностранным ученым диссертацию Ломоносова, надеясь получить отрицательные отзывы о ней. Результаты получились совсем иные: в заключении Эйлера (жившего тогда за границей) да-

СЛОВО
О
ЯВЛЕНІЯХЪ ВОЗДУШНЫХЪ
отъ
ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ СИЛЫ
происходящихъ.
предложенное
отъ
МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.

Титульный лист «Слова о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих».

валась высокая оценка работы Ломоносова и отмечался блестящий теоретический талант автора, позволяющий ему братья за самые сложные научные проблемы, разрешения которых напряженно ждет весь ученый мир.⁴²

Торжественный характер собрания определил литературную форму сочинения Ломоносова. Его «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих», было обращено не только к ученой корпорации, но и к многочисленным гостям, присутствовавшим на этом собрании.

Блестящий теоретик, занимавшийся самыми сложными абстрактными естественнонаучными вопросами, Ломоносов никогда не принадлежал к категории тех ученых, чьим девизом было «наука для науки». Он всегда считал, что изучение вопросов естествознания имеет своей целью практическое применение достижений науки. В своем докладе он особенно подчеркивал значение науки вообще и разрабатываемой им проблемы в частности.

Реакционные круги, враждебные науке, воспользовавшись гибелью Рихмана, стали выступать против естественнонаучных экспериментов, указывая, что поражение молнией бесстрашного исследователя есть не что иное, как грозное предостережение от вторжения человека «в область божью». Такие рассуждения быстро распространялись и настолько начали брать верх над прогрессивными идеями представителей точного знания, что Ломоносов, прежде чем приступить к изложению результатов выполненных им экспериментов и сделанных им из них выводов, счел необходимым специально остановиться на праве ученых проникать в сокровенные тайны природы. Рядом доказательств и историческими примерами он старался убедить своих слушателей, что в смелых начинаниях «натуры испытателей» нет ничего преступного или противозаконного. Ломоносов доказывал, что бесстрашие присуще истинным ученым, что никакие жертвы, понесенные ими при изучении явлений природы, не смогли заставить естествоиспытателей прекратить свои исследования. Наоборот, смерть одного из отважных исследователей природы, говорил Ломоносов, заставляет удвоить силы и продолжать исследовать грозные явления, чтобы изыскать наиболее эффективные средства защиты от пагубных их последствий, «дабы открылось, коим образом здравие человеческое от оных смертоносных ударов могло быть покрыто».⁴³

Пользуясь тем, что он выступает не на обычном научном заседании, а в мисголюдном собрании, на котором присутствуют представители разных кругов, Ломоносов решительно заявил: «Еще ли стоять будем у порога и прекословием неосновательного предубеждения удержимся? Никоею мерою; но напротив того, сколько нам дано и позволено, далее простирается не престанем, осматривая все к чему умное око проникнуть может».⁴⁴

Выдвигая на том же заседании задачу «сыскать подлинную электрической силы причину и дать точную ее теорию», Ломоносов был уверен, что этой задачей Академия наук, понесшая тяжелую утрату, побудит ученых во всем мире умножить свои усилия добраться наконец «до просторного того святилища», у порога которого находились лишь отдельные исследователи, рассеянные в различных странах.⁴⁵

Успешные выступления Ломоносова на торжественных ассамблеях побудили его взяться лично за выполнение того долга Академии, который лежал на ней в течение многих лет. В § 29 Регламента, где речь идет о торжественных ассамблеях, сказано, что первая из них должна была быть «в память основателя» Академии Петра I. За разработку этой темы из всех членов Академии мог взяться только Ломоносов. Ведь после того как официальный историограф российский Миллер потерпел неудачу с своим первым поручением выступить на торжественной ассамблее, не могло быть и речи о поручении ему нового подобного задания. Сам Ломоносов давно стремился с трибуны Академии воздать должное Петру.

Дошедшие до нас известия свидетельствуют о том, что в течение нескольких лет он вынашивал эту мысль, что ни к какому другому выступлению он так тщательно не готовился и никакое другое поручение он не считал столь сложным и ответственным. «Слово похвальное блаженным памяти государю императору Петру Великому» было произнесено им 26 апреля 1755 г., а готовиться к нему Ломоносов начал, вероятно, не позже 1752 г. Уже 4 января 1753 г. он писал И. И. Шувалову: «Когда ваше превосходительство меня удостоверить изволите, что мои сочинения в прозе не противны, то можете иметь в том новый опыт, ежели мне в будущий 1754 год повелено будет говорить похвальное слово Петру Великому в публичном Академическом собрании, на что я готов положить все свои силы».⁴⁶

Для разработки задуманной темы оказалось недостаточно одного года. Это видно из выступления Ломоносова в Академическом собрании 18 апреля 1754 г., когда он предложил перенести подготовляемую им речь на следующий 1755 г.⁴⁷ Сохранились отрывочные сведения о работе Ломоносова над этой речью. Как всегда, он одновременно интенсивно работал и над интересовавшими его естественнонаучными проблемами; в данном случае это были вопросы из области оптики, которые, между прочим, послужили основной темой его следующего публичного выступления. 28 ноября 1754 г. Ломоносов писал Л. Эйлеру: «Хотя я много хотел бы я в этом письме известить вас, в особенности же сообщить вам мысли мои о происхождении цветов,

но мешает мне недостаток времени, ибо я спешу написать похвальное слово Петру Великому, которое должен буду произнести 19 декабря».⁴⁸

Как Ломоносов ни старался, он не успел закончить работу в срок. Его выступление пришлось перенести на апрель следующего года.⁴⁹ Как раз в это время Ломоносов переживал самые тяжелые дни в Академии. Напомним, что условия сложились так, что он даже вынужден был просить Шувалова о переводе в другое ведомство. С работой Ломоносова президент Академии ознакомился, когда было подготовлено только ее начало, и первые листы ее были немедленно отправлены в типографию задолго до того, как Ломоносов закончил работу. Задержка же вышла еще и потому, что ввиду сложившихся обстоятельств Ломоносов в начале 1755 г. был поглощен составлением записки «О исправлении Санктпетербургской императорской Академии наук». Об этом подробнее речь будет в главе VIII, здесь же отметим, что, к счастью, обстоятельства изменились в пользу Ломоносова и он получил возможность относительно спокойно продолжать свою работу в Академии. Во всяком случае к середине апреля 1755 г. работа над «Словом» была завершена; оно тотчас пошло в печать и своевременно увидело свет.

Как и предыдущие выступления Ломоносова на торжественных ассамблеях, «Слово похвальное Петру Великому» имело огромный успех. О Петре и его преобразованиях не раз писали уже при его жизни, но никому еще до Ломоносова не удавалось это сделать так четко и увлекательно. Как ни стеснен был оратор временем, он сумел ярко и доходчиво изложить характеризующие петровское время коренные реформы во внутренней и внешней политике, в экономической и культурной жизни страны. Торжественное собрание завершилось «трактаментом» (приемом) у президента Академии наук.⁵⁰

Произведение Ломоносова нашло достойный отклик за рубежом. В главе III отмечалось уже, что Вольтеру были посланы для работы над «Историей Петра» материалы, подготовленные Ломоносовым. К ним прежде всего относилось и «Слово похвальное» во французском переводе, которым, впрочем, Ломоносов остался недоволен.⁵¹ Тем не менее Вольтер не мог не отметить в письме к Шувалову: «В сем похвальном слове действительно есть красноречие». И даже, что гораздо более важно: «Я вижу, что ваш народ вскоре будет отличать себя науками так же, как оружием».⁵²

«Слово похвальное», переведенное на немецкий язык, было помещено И.-К. Готшедом⁵³ в издававшемся им журнале «Новейшее из области изящной учености».⁵⁴ Редактор от себя до-

PANÉGIRIQUE
DE
PIERRE LE GRAND

prononcé dans la Séance publique de l'Académie Impériale des Sciences, le 26. Avril 1755.

Par Mr. LOMONOSOW.

Conseiller et Professeur de cette Académie;

et traduit sur l'Original Ruslien

Mais traduit fort mal et contre l'approbation de l'Auteur.

Par Mr. le Baron de TSCHOUDY.

Imprimé à St. PETERSBOURG.

Титульный лист перевода на французский язык «Слово похвальное Петру Великому» с пометой Ломоносова.

бавил: «Теперь уже наши читатели могут сами судить о том, какой мужественной силой и каким хорошим вкусом обладает этот русский вития».

Надо сказать, однако, что поэзия, филология, история, публицистика (ораторская проза является лучшим ее образцом), как они ни были близки духу Ломоносова, все же не были главным предметом его трудов. Больше всего его помыслы были направлены на создание новой естественнонаучной дисциплины — физической химии, истоки которой действительно связаны с его именем. Тем не менее, как ученый и патриот, он отдавал себе отчет в том, сколь важное общественно-политическое значение для русской культуры имеет его поэтическое творчество и его исторические изыскания. Он отдавался им со всей страстностью пытливого исследователя и неутомимого общественного деятеля. Сам Ломоносов болезненно переживал испытываемое им раздвоение. Говоря о разрабатываемой «системе физической химии», он отметил, что ее «совершить и сообщить ученому свету препятствует мне любовь к российскому слову, к прославлению российских героев и к достоверному изысканию деяний нашего отечества».⁵⁵

Эти слова были им произнесены на очередном торжественном собрании 1 июля 1756 г., когда он выступал со «Словом о происхождении света, новую теорию о цветах представляющим». О вопросах природы и теории света Ломоносов размышлял очень давно, он не переставал ими заниматься, даже работая над другими темами. На торжественной ассамблее он заявил, что намерен «изъяснить все, что о цветах чрез пятнадцать лет думал, между другими моими трудами».⁵⁶ Сказать новое слово там, где его предшественниками были такие гиганты науки, как Декарт, Гюйгенс, Гассенди и Ньютон, значило сделать поистине очень много. Как было впоследствии показано советскими историками точного естествознания, Ломоносов значительно раньше английского физика Томаса Юнга (1773—1829), который долгое время считался создателем современной теории цветного зрения, утверждал, что ощущение цвета получается за счет наложения друг на друга трех основных цветовых ощущений. С этого началась разработка так называемой «трехцветной теории зрения», хотя в то время четкого различия между природой света и природой его физиологического действия еще не было.⁵⁷

Согласно уставу Академии, на торжественных ассамблеях доклады на чисто научные темы произносились на латинском языке. Для присутствующих вельмож, которые латыни, конечно, не знали, всегда изготовлялся русский перевод. Писать

или говорить по-латыни для Ломоносова никакого затруднения не составляло. Тем не менее стремясь, чтобы и сугубо научные вопросы трактовались на родном языке, он настоял, чтобы «Слово о происхождении света» было написано на русском языке и произнесено также по-русски. На латинском языке «Слово» (в переводе Г. В. Козицкого) увидело свет лишь в 1759 г.

Чтение работы по важнейшему научному вопросу на родном языке предопределяло и форму ее изложения. Поэтому Ломоносов значительное место уделил историческому введению, остановившись на упорной и напряженной борьбе, которая велась между сторонниками различных воззрений на природу света. Помимо чисто познавательного значения, сообщенные факты должны были убедить слушателей (и читателей) в том, что не зря было поломано так много копий из-за этой трудной проблемы, что именно поэтому она привлекала неугомонных исследователей, что была очень важна для естествознания вообще и для практического его применения в особенности. «Испытание натуры, — подчеркивал Ломоносов в самом начале своего выступления, — трудно, слушатели, однако, приятно, полезно, свято. Чем больше таинства ее разум постигает, тем вящее увеселение чувствует сердце. Чем далее рачение наше в оной простирается, тем обильнее собирает плоды для потребностей житейских».⁵⁸

Действительно область природы, являющаяся предметом изучения для физиков-оптиков, поистине беспредельна; необъятен круг проблем, стоящий перед ними. Обращаясь к своей аудитории, Ломоносов подчеркивал: «Большая часть прохладов и утех в жизни нашей от цветов зависит. Красота лица человеческого, одежды и другие украшения и утвари, приятность многообразных минералов и драгоценных камней, потом животных разного рода, наконец все сияние благоприятного и прекрасного солнца, все, что оно в своем великолепии по расцветающим полям, в лесах и в морях производит, — все сие не достойно ли внимания нашего?».⁵⁹

Все это должно тщательно изучаться. Однако Ломоносов предостерегал от голого собирания фактов, добытых путем опытов и наблюдений без их анализа и обобщения. Указывая на подобных эмпириков, он заметил что они, «обращаясь с похвалою в одной химической практике, выше углей и пеплу головы своей поднять не смеют, дабы они изыскания причин и натуры первоначальных частиц, тела составляющих, от которых цветы и другие чувствительных тел свойства происходят, не почитали тщетным и суетумудренным. Ибо знание

первоначальных частиц толь нужно в физике, коль сами первоначальные частицы нужны к составлению тел чувствительных. Для чего толь многие учинены опыты в физике и химии? Для чего толь великих мужей были труды и жизни опасные испытания? Для того ли только, чтобы, собрав великое множество разных вещей и материй в беспорядочную кучу, глядеть и удивляться их множеству, не размышляя о их расположении и приведении в порядок».⁶⁰

Задача, которую ставил перед собой Ломоносов заключалась в том, чтобы теоретически осмыслить собранный до него и им самим фактический материал. Созданию «системы физической химии» можно было бы посвятить труд всей жизни. Ломоносов и отдал этому большую часть ее.

Но он был одним из редких ученых-энциклопедистов.⁶¹ Чутко прислушиваясь к самым различным назревшим проблемам естествознания, он не мог не браться за разрешение хотя бы некоторых из них. Убедительным свидетельством этого являются его заявки на темы выступлений на торжественных ассамблеях, когда речь заходила об их подготовке. Так, когда в общем собрании Академии наук 21 мая 1757 г. обсуждался вопрос об очередной ассамблее, Ломоносов «предложил разные материи, о которых он может сочинить речи».⁶² Он назвал при этом тринадцать тем, заявив, что любую из них он может представить менее чем за два месяца на русском и латинском языках. Академия сочла наиболее подходящими три темы, из названных Ломоносовым, и вынесла решение: «Ему, господину Ломоносову, оставлено на волю, о коей из оных говорить хочет».⁶³ Он остановился на одном из вопросов геологии, бывших предметом его изысканий на протяжении ряда лет.

Подготовка рукописи (на обоих языках) потребовала несколько больше времени, чем предполагал Ломоносов. Лишь 19 и 20 августа 1757 г. он огласил в Конференции Академии свою работу, представленную в письменном виде⁶⁴ и названную «Слово о рождении металлов от трясения земли».

Торжественная ассамблея состоялась 6 сентября. Излагая свою теорию, согласно которой возникновение металлов в недрах земли обязано тектоническим явлениям, Ломоносов с самого начала убеждал своих слушателей, что разум и воля человека сильнее грозной стихии, так как, тщательно изучая природу, люди в конце концов покоряют стихии и обращают себе же на пользу все явления природы. Уже отмечалось, что Ломоносову приходилось защищать право исследователей изучать электрические явления, когда он после смерти Рихмана выступал со «Словом о явлениях воздушных, от электрической силы происхо-

С Л О В О
О ПРОИСХОЖДЕНИИ СВѢТА

Н О В У Ю Т Е О Р І Ю

О Ц В Ѣ Т А Х Ѣ

П Р Е Д С Т А В Л Я Ю Щ Е Е

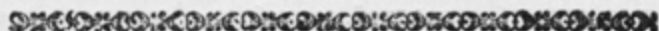
ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ СОБРАНИИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ІЮЛЯ 1 ДНЯ 1756 ГОДА

Г О В О Р Е Н Н О Е

МИХАЙЛОМЪ ЛОМОНОСОВЫМЪ.

Печатано въ Санктпетербургѣ при Императорской
Академіи Наукъ

Титульный лист «Слова о происхождении света».

дящих». Теперь он также не преминул указать на то, что тщательное изучение электричества дает реальную возможность разобраться в метеорологических явлениях, от которых зависит благополучие рода человеческого, поскольку от них зависят успехи земледелия. Еще Рихман в подготовленной им к торжественной ассамблее речи указал на новую, лишь зарождавшуюся область прикладных знаний,⁶⁵ которую мы теперь называем электрокультурой (применение электричества для стимулирования роста различных злаков). На этот и на другие примеры обращения грозных сил природы на пользу человека Ломоносов указал в начале своего выступления. «Когда ужасные дела природы в мыслях ни обращаю, слушатели, думать всегда принужден бываю, что нет ни единого из них толь страшного, нет ни единого толь опасного и вредного, которое бы купно пользы и услаждения не приносило... Хотя ж часто сокровенны перед нами бывают от противных вещей происшедшие угодия, которыми пользуемся в жизни нашей, однако они подлинны и велики. Так через многие веки трепет один токмо наносили громы человеческому роду и не иначе как токмо бич раздраженного божества всех устрашали. Но счастливые новыми естественных тайн откровениями дни наши сие дали нам недавно утешение, что мы большее излияние щедроты, нежели гнева небесного от оных через физику уразумели».⁶⁶

Выше было сказано, что одновременно с предложением «Слова о рождении металлов» Ломоносов назвал еще двенадцать тем. Но ими не ограничивались те разрабатывавшиеся им проблемы, которые он считал нужным осветить на торжественных собраниях Академии наук. В 1754 г., когда в общем собрании зашла речь об очередной ассамблее, Ломоносов представил «Мнение о будущем публичном собрании».⁶⁷ В числе перечисленных им «пристойных материй» были «Способы, как вернее определить ход корабельный и всякого мореплавания путь употреблять с большим приращением знания в мореплавании».

Морское дело было предметом внимания Петербургской Академии наук на протяжении многих лет. Еще задолго до отъезда Эйлера за границу Академия в 1737 г. поручила ему подготовить монографию о «морской науке», первая часть которой была завершена уже в 1740 г. Весь же труд⁶⁸ был готов лишь к 1749 г. Работе, написанной по-латыни, предпослано большое предисловие (в виде посвящения президенту). Разумовский пожелал, чтобы эта вводная часть была напечатана также и по-русски, и Шумахер обратился по этому поводу к Ломоносову. Книга была издана с предисловием на двух

языках. Хотя нет никаких документов, свидетельствующих о том, что русский перевод принадлежит Ломоносову,⁶⁹ но ему были близки вопросы, трактуемые в произведении Эйлера. В отчете за 1754 г. в разделе «Физика», в числе многих прикладных вопросов значится: «Изобретены некоторые способы к сысканию долготы и широты на море при мрачном небе: в практике исследовать сего без Адмиралтейства невозможно».⁷⁰ Что Ломоносов действительно много и упорно продолжал трудиться над вопросами, относящимися к морскому делу, видно также из отчета за 1756 г. Говоря о диссертациях, которые «в разные годы зачаты делать», он на первое место ставит работу «О лучшем и ученом мореплавании».⁷¹ В протоколах Академии не раз упоминается о том, что Ломоносов представлял на рассмотрение усовершенствованные им приборы, употребляющиеся в мореплавании.⁷²

В протоколе от 2 апреля 1759 г. записано: «Советник Ломоносов прочитал выдержки из своей речи, предназначенной для ближайшего публичного Академического собрания, и разъяснял бывшим при том членам, в чем заключаются предложенные им новые изобретения и инструменты, обещая передать впоследствии для прочтения тем, кто сведущ в этом вопросе, и самую речь. Присутствовавшие одобрили эти изобретения и инструменты, поскольку они могли понять их из устного объяснения».⁷³ Среди академиков, кроме Ломоносова, в этих вопросах не было сведущих специалистов; поэтому подготовленная им речь в отличие от установившейся традиции не подвергалась предварительному обсуждению, и 8 мая 1759 г. Ломоносов выступил с «Рассуждением о большой точности морского пути»,⁷⁴ содержащим обобщение проведенных им до того теоретических изысканий и описания предложенных им мореходных инструментов.

В последний раз Ломоносов выступил на торжественной ассамблее 6 сентября 1760 г. с докладом «Рассуждение о твердости и жидкости тел».⁷⁵ Над этим вопросом работали и другие академики — Браун,⁷⁶ Эпинус⁷⁷ и Цейгер.⁷⁸ С первым из них Ломоносова связывали дружеские и деловые отношения. В речи на торжественном собрании он назвал Брауна «сообщником изысканий наших».⁷⁹ Они вместе выступали 6 сентября с «публичными актами». Темой сообщения Брауна было «О удивительной стуже искусством произведенной, от которой ртуть замерзла». (Речь была произнесена по-латыни и напечатана на двух языках).

Задолго до торжественной ассамблеи в декабре 1759 г. в печатном органе Академии появились сообщения о поставленных Брауном опытах.⁸⁰ Известие о том, что удалось заморозить

ртуть, произвело сильное впечатление во всем ученом мире; на это событие откликнулся целый ряд научных периодических изданий.⁸¹

Проблемой низких температур Ломоносов занимался на протяжении свыше десяти лет. В предварительных заметках к «Рассуждению о жидкости и твердости» имеется такая запись: «Мои опыты к произведению искусственного холода, сделанные в 1747 году».⁸² Далее, в его отчете за 1754 г. мы читаем: «Деланы опыты метеорологические над водою, из Северного океана привезенною, в каком градусе мороза она замерзнуть может; при том были разные химические растворы морожены для сравнения».⁸³ Имеются еще и другие документы, свидетельствующие о том, что Ломоносов упорно работал над проблемой, послужившей предметом и его публичного выступления. Таким образом, когда в августе в Академическом собрании обсуждался вопрос о приближающейся ассамблее, намеченная Ломоносовым тема была им уже вполне разработана и в протоколе было записано: «Ломоносов взял на себя труд произнести речь по-русски».⁸⁴

Менее чем за две недели до ассамблеи Ломоносов выступил в Академическом собрании и сообщил начало подготовленной им речи, которая не вызвала никаких возражений. «... Никто не сделал никаких замечаний против нее», — сказано в протокольной записи.⁸⁵

Последнее выступление Ломоносова на торжественной ассамблее особенно замечательно тем, что в нем он впервые печатно сформулировал закон сохранения материи и движения. Мысли об этом «всеобщем законе природы» были им высказаны гораздо раньше — впервые в письме к Л. Эйлеру 5 июля 1748 г.⁸⁶

Своим выступлениям («Словам») на торжественных собраниях Академии, выпускавшимся отдельными изданиями полатыни, международном научном тогда языке, Ломоносов придавал большое значение. Он прилагал особую заботу, чтобы эти произведения стали достоянием научного мира и за рубежом. В журнале Академической канцелярии от 18 сентября 1761 г. записано: «Коллежский советник Ломоносов словесно предлагал, что сочинения его, изданные в печать книги, ко многим ученым людям не доходят, и требовал, чтоб всех его сочинений от начала поныне выдать по 12 экземпляров в переплете»,⁸⁷ что Канцелярия и выполнила, распорядившись переплести изданные его работы в одну книгу.⁸⁸ В сохранившемся конволюте имеется девять работ; из них все восемь выступлений на торжественных ассамблеях; девятая работа «Явление Венеры на Солнце», изданная в 1761 г.⁸⁹

Глава VII

АКАДЕМИЧЕСКИЕ КОНКУРСЫ

Устав 1747 г., в значительной мере упорядочивший деятельность Академии наук, предусмотрел ряд нововведений. Одним весьма важным из них были конкурсы на решение задач, возникавших в различных областях естествознания. Параграф 21 Регламента гласил: «При начале всякого года, академики должны предложить задачу, которую президент, чрез конференц-секретаря, публиковать имеет в свет, для решения с обещанием положенного награждения, которое дано будет тому, кто решит справедливее задачу, а производить сие таким образом, как то при прочих Академиях водится».¹

Первый конкурс был объявлен в 1749 г. тогда же, когда состоялась первая публичная ассамблея.²

Успех нового начинания Петербургской Академии наук в значительной степени зависел от темы предлагаемой задачи, которая своей актуальностью побудила бы наиболее одаренных исследователей участвовать в конкурсе. Решение такой задачи еще более укрепило бы репутацию Академии как передового научного центра. Когда конкурс был объявлен, Эйлер писал Разумовскому: «Никакая другая Академия не может похвалиться, чтобы предложила когда-нибудь подобный вопрос, который бы имел такое огромное влияние на преуспевание наук. Мнения величайших из нынешних ученых совершенно противоречат между собою относительно избранного Вашим сиятельством предмета: одни предполагают, что знаменитая теория Ньютона достаточна для объяснения всех явлений движения небесных тел; между тем как другие утверждают, что эта теория применяется только до некоторой степени к небу и что, стало быть, нуждается в исправлении».³

В Академию был прислан ряд «диссертаций», как называли тогда сочинения на конкретную научную тему. Премии в сто

червонцев была удостоена работа А. К. Клеро. Эта работа была издана Академией в 1752 г. под названием «Теория луны, выведенная из единственного начала притяжения, обратно пропорционального квадратам расстояний».⁴ Выход в свет труда Клеро явился выдающимся событием в мировой науке: крупнейшие ученые признавали, что Петербургская Академия выбирает из назревших задач самые сложные и трудные.

Все же Ломоносов остался недоволен этим конкурсом. Дело в том, что тему задачи предложил Эйлер. Хотя Ломоносов относился к нему с глубоким уважением, как мы на это уже не раз указывали, однако он считал, что подобная инициатива должна исходить от Петербургской Академии, а не от ее иностранного члена. Эйлер же, оставаясь членом Академии (иностранном), жил тогда не в Петербурге, а в Берлине.

В научно-организационной деятельности Ломоносова значительное место занимает участие в проведении объявлявшихся Петербургской Академией наук задач на премию, решение которых предусматривало дальнейшее развитие отдельных областей естествознания; по его инициативе и при поддержке Г.-В. Рихмана⁵ Академия наук в 1753 г. объявила задачу: «Сыскать подлинную электрической силы причину и дать точную ее теорию». Ученому, наиболее удачно решившему эту задачу и представившему к 1 июня 1755 г. работу на эту тему, была обещана денежная премия в размере «ста червонных».

Ломоносов не только предложил тему этой задачи, но подробно изложил ее и 19 ноября 1753 г. представил в Академическое собрание⁶ специальную «Программу», показывавшую, в каком состоянии находится поставленный вопрос и на что желающим принять участие в его решении следует обратить внимание в первую очередь.⁷

Что в области теории электричества было много неясного, Ломоносов отметил уже в вводной части «Программы», указав на то, что авторы теоретических рассуждений выдвинули хотя и остроумные, но произвольные положения. В их трактатах, подчеркивал он, «самые наниужнейшие вещи не довольно наблюдаены были». Несостоятельность предложенных теорий и заключалась в том, что они не согласовались с результатами экспериментов и наблюдений. Так, собственно, было на протяжении всей истории учения об электричестве, которая представляется непрерывающейся сменой одних взглядов на природу электрических явлений другими. Борьба мнений была острой и напряженной. Порой казалось, что она затянется на неопределенно долгое время, но выявленные новые факты мирали спорящие стороны, вернее, делали полемику между ними

Г.-В. Рихман (1711—1753).

беспредметной, так как эти новые открытия противоречили взглядам обеих сторон.

В середине XVIII в., в 40-х и 50-х годах, такое состояние вопроса остро воспринималось научными корпорациями мира, и они стимулировали теоретические изыскания в этой области.⁸

Объявляя конкурс на «составление подлинной электрической теории», Ломоносов подчеркивал в «Программе», что участники конкурса должны учесть все накопившиеся противоречия и предлагать такие сочинения, в которых теоретические взгляды, основанные на достигнутых экспериментальных результатах, согласовались бы со всеми известными фактами.

В то время не было недостатка в попытках теоретического осмысливания электрических явлений. Подобные попытки относятся еще к начальному этапу учения об электричестве. В. Гильберт (1540—1603) первый занялся систематическим изучением этих явлений, загадочных с древних времен, и выдвинул положения, лежавшие в основе так называемой теории истечений.⁹

Гипотеза Гильберта о существовании электрических жидкостей, или «флюидов», удерживалась в науке на протяжении более двух веков, подвергаясь лишь некоторой модификации; в зависимости от того, какой ее вариант господствовал, унитарный или дуалистический, говорили либо об одной, либо о двух жидкостях (флюидах). Даже в XIX в. Фарадей¹⁰ в работе «Опыт истории электромагнетизма» писал: «Ампер исходит из принятой ныне повсеместно во Франции теории, допускающей существование двух электрических флюидов».¹¹

Как ни удобно было уподобление электричества жидкости, но накопленные факты выдвигали все новые и новые возражения против таких представлений. В 40-х годах XVIII в., когда исследователи после открытия лейденской банки усиленно изучали явления электрического разряда и когда посредством электрической искры им удалось зажечь спирт, электрические явления стали казаться еще более загадочными. Некоторые называли электричество уже не жидкостью, а огнем, однако и это уподобление оказалось несостоятельным. Немецкий физик Бозе¹² в своей известной поэме «Электричество в его открытии и развитии» писал:

но как назвать

Ту искру, что в воде способна пребывать?
 Скорее шар земной притянет солнц просторы.
 И лев ливийский побежит, увидя коз Ангоры,
 Настанет долгий день в созвездье Козерога,
 Разодеется алмаз куском стекла простого
 Скорей, чем наш огонь в воде блеснет...¹³

В 40-х и 50-х годах XVIII в. оба термина — «электрический огонь» и «электрическая жидкость» — встречаются у одних и тех же авторов. Характерным примером в этом отношении является Франклин, который в одном и том же сочинении употребляет разные понятия в зависимости от того, насколько каждое из них облегчает рассмотрение трактуемых явлений.¹⁴

Ломоносов относился к тем ученым, которые, по выражению Л. Эйлера, считали поиски причин электрических явлений в «электрической жидкости» бредовыми выдумками, хотя он и пользовался понятием «электрическая материя». Но и уподобление «электрической материи» огню, по мнению Ломоносова, также не выдерживало критики. При всем сходстве электрической искры с обыкновенной искрой она во многом от нее отличается. «Первое: электрические явления, — отмечает Ломоносов в „Программе“ задачи на премию, — много имеют общего с свойствами огня, много также и совсем противного. Пример первого есть, что огонь силою электрическою возбуждается; второго, что электрическая сила в произведении своем огнем воспящается; например, стекла, которые очень горячи, не могут произвести электрической силы. Притом, сквозь раскаленное железо, равно как и сквозь лед, сила сия распространяется».¹⁵

Ломоносов призывал участников конкурса в своих работах, которые должны быть присланы в Петербургскую Академию наук к 1755 г., обратить особое внимание на три обстоятельства. Прежде всего он считал необходимым, чтобы была и теоретически и экспериментально «точно и подробно» доказана несостоятельность уподобления «электрической материи» огню. В этот сложный и запутанный вопрос должна быть внесена полная ясность. Кроме этого, Ломоносов счел необходимым «кратко упомянуть» еще о двух обстоятельствах, на которые участникам конкурса надлежало обратить внимание.

В отношении электричества все тела делились тогда на «электрики сами по себе» (то, что теперь мы называем диэлектриками) и неэлектрики, т. е. тела (проводники), в которых можно возбудить, как тогда говорили, лишь «производную электрическую силу». Однако, по убеждению Ломоносова, тела в природе обладают не только этими свойствами, т. е. они не только делятся в отношении электричества на два вида, но по своим химическим и другим свойствам они могут быть разделены на множество других видов. Ранее физики этого не учитывали, но, чтобы понять действительную основу разграничения диэлектриков и проводников, это обязательно

необходимо было принять во внимание. Третье пожелание Ломоносова к участникам конкурса относилось к довольно сложному и далеко еще не разрешенному в то время вопросу о характере движения «электрической материи».

Еще в XVII в. авторы, писавшие об электрических явлениях, пытались объяснить, каким образом происходит движение «электрической материи». Гильберт и его последователи представляли себе это движение как поступательное: при натирании «электрического тела» электрическая материя (по их представлениям — «электрическая жидкость») выходит из пор тела и, достигнув определенной точки, возвращается обратно, увлекая за собой находящиеся на ее пути легкие тела. «Программа» кончается следующими словами: «Все сие не должно почитать за правило и необходимо нужную принадлежность, но за одно только напоминание, которое всякому оставляется на собственное его рассуждение и не может быть никому препятствием в истолковании электрических явлений по своим собственным основаниям».¹⁶

Объявленный Петербургской Академией наук конкурс привлёк внимание исследователей всей Европы. В Германии Эйлер считал нужным тотчас же опубликовать в газетах сообщение о награде, которую обещает Петербургская Академия за теоретическое исследование вопроса о природе электрических явлений.¹⁷

Хотя сроком представления работ был июнь 1755 г., они стали поступать в Академию задолго до этого времени. Поступление первого сочинения, представленного на конкурс, отмечено в протоколе Академического собрания от 16 сентября 1754 г.¹⁸ Всего было прислано свыше десяти диссертаций. Эти сочинения принадлежали авторам из Англии, Германии, Голландии, Италии, Франции.¹⁹

Премия была присуждена диссертации под девизом: «Счастлив, кто мог познать причины вещей». Автором ее значился Иоганн-Альбрехт Эйлер, сын Леонарда Эйлера, но, как выяснилось впоследствии, труд этот все же принадлежал не сыну, а отцу. Как часто бывало, члены научных корпораций, объявивших конкурс, не могли принимать в нем участие. Такого правила придерживалась и Петербургская Академия наук. В это время Л. Эйлер состоял ее иностранным членом.

Леонард Эйлер, этот великий энциклопедист XVIII в., в своей научной деятельности глубоко затронул вопросы о природе электричества. Обычно считается, что основные его взгляды на эту область физики изложены в известных его «Письмах к немецкой принцессе», опубликованных в 1768—

1772 г. в Петербурге одновременно на французском и на русском языках.²⁰ Но сохранившиеся в Архиве Академии наук СССР документы свидетельствуют о том, что вопросами электричества Эйлер занимался задолго до опубликования указанных «Писем», так как мысли, изложенные в присланной на конкурс диссертации, были выдвинуты им, сыну же его принадлежало только их литературное изложение. Эйлер поступил так по той причине, что сомневался, возможно ли ему, члену Петербургской Академии наук, хотя и жившему тогда в Берлине, участвовать в конкурсе.

Вот что писал Леонард Эйлер Миллеру (он тогда был конференц-секретарем) 7 октября 1755 г., через месяц после того как премия была присуждена его сыну:²¹

«Ваше высокоблагородие, я почтительнейше благодарю Вас за обрадовавшее меня сообщение о том, что пересланное мною без сопроводительного письма исследование об электричестве получило премию императорской Академии. Свойства электрической силы и, в частности, сродство ее с действием грома привели меня к этой мысли, но так как я не знал, имел ли я право писать работу на премию, я передал ее моему сыну Иоганну-Альбрехту и поручил ему литературно обработать пересланное Вам сочинение. Он считает себя в высшей степени счастливым, получив столь высокое одобрение императорской Академии вместе с крупной премией в 100 червонцев. Чтобы полностью удовлетворить требованиям императорской Академии, содержащимся в изданном ею распоряжении, я прилагаю копию начала и конца пересланной рукописи. ...».²²

Эйлер не разделял точку зрения тех ученых, которые считали, что надо «совершенно изгнать из физики все тончайшие жидкости, недоступные нашим чувствам».²³ Он, как и Ломоносов, полагал, что электрические явления суть результат движения эфира, имеющегося во всех телах природы, утверждая, что все электрические явления «должны быть выводимы из нарушения равновесия в состоянии эфира».²⁴

Следуя условиям «Программы», требовавшей от участников конкурса, чтобы выдвигаемые ими теории строго согласовались с достигнутыми экспериментальными данными, Эйлер в своем трактате приводит большое число известных в науке наблюдений, упоминая и о собственных опытах. Все, что было сделано до него и достигнуто им самим в результате опытов и наблюдений, убеждало Эйлера в справедливости выдвинутой им теории. Она сформулирована им следующими словами: «Сущность электричества надо видеть в удалении или уменьшении количества эфира, которым обычно, в естественном состоянии,

наполнены его поры. Значит, тело останется электрическим до тех пор, пока эфир, освобождающийся из окружающих пор, не возместит этой утраты и пока не будет восстановлено совершенное равновесие в упругой силе эфира. Лишенными же электричества следует считать тела, отличающиеся тем, что эфир, заключенный в порах, обладает равной упругостью с остальным эфиром, разлитым повсюду, и что между тем и другим существует полнейшее равновесие».²⁵

Как ни остроумны были выкладки Эйлера, состояние науки его времени не позволило дать законченной теории электричества: слишком скудна была та база опытов и наблюдений, которая тогда не распространялась еще далее области электростатики.²⁶

Ломоносов почувствовал неудовлетворенность от такого разрешения вопроса о теории электричества и не позже чем через год после того, как Петербургская Академия наук увенчала премией «Исследование о физической теории электричества», Эйлера, сам принялся за разработку теории электричества. В его бумагах сохранилась рукопись, датированная 1756 г., с названием «Теория электричества, разработанная математическим путем». Работа осталась незаконченной, но другие его рукописи свидетельствуют о необычайно широком охвате темы в этой диссертации. Прежде всего говорит об этом его рукопись, именуемая теперь «127 заметок к теории света и электричества». Начатая составлением 5 апреля 1756 г., эта рукопись была, по-видимому, планом для будущей «Теории электричества, изложенной математически». Эти наброски, составленные на латинском языке, опубликованы в русском переводе Б. Н. Меншуткиным почти два века спустя.²⁷

В этой работе Ломоносов остается верен себе — он полностью отклоняет мысль об электрической жидкости, как отвергает и мысль о каких-либо истечениях: «Надо доказать, что никакая особая электрическая материя не выходит и не входит и что, следовательно, свет производится движением эфира».²⁸

Эта же мысль была высказана Ломоносовым в том же 1756 г., когда 1 июля он выступал в публичном собрании с речью, названной «Слово о происхождении света, новую теорию о цвѣтах представляющее».

Из записей Ломоносова видно, что он намеревался подвергнуть анализу и такие вопросы, которые были решены лишь в XIX в. В сохранившемся плане задуманного трактата имеется пункт (16), свидетельствовавший, насколько Ломоносов опередил свой век. «Надо поставить опыт, — писал он, — будет ли луч иначе преломляться в стекле или воде наэлектризован-

ной».²⁹ Над этим вопросом упорно, но тщетно работал М. Фарадей около века спустя, когда учение об электричестве, начиная с 20-х годов XIX в., переживало эпоху нового мощного подъема и было существенно пополнено важнейшими законами электродинамики.

В 1911 г. в Обществе содействия успехам опытных наук и их практических применений выступил с докладом «Деятельность М. В. Ломоносова и значение его трудов» А. И. Бачинский.³⁰ В дополнение к исследованиям Б. Н. Меншуткина он впервые в истории нашей науки рассмотрел труды Ломоносова в свете всего пути, пройденного ею до начала XX в. Он показал значение научных достижений русского ученого с точки зрения истории развития физической науки. Еще до опубликования в печати указанных выше записей Ломоносова, касающихся вопросов электричества, А. И. Бачинский ознакомился с ними в Архиве Академии наук и внимательно их изучил. В его докладе,³¹ в частности, приведен цитированный нами § 16. Автор доклада подчеркнул: «Конечно, Ломоносов с экспериментальными средствами той эпохи не мог бы получить здесь положительных результатов; их не удалось получить и Фарадею, который в 1845 г. прослеживал распространение поляризованного луча через различные прозрачные среды в электрическом поле. Но явление, которого ожидал Ломоносов, действительно существует и состоит в том, что изотропное прозрачное тело в электрическом поле делается двоякопреломляющим; это явление было открыто Керром в 1875 г.».

Как и все исследования Ломоносова, труды его по электричеству стали предметом изучения лишь много десятилетий спустя. Первые попытки в этом направлении были сделаны не ранее чем через три четверти века. Только в 1831 г. профессор Московского университета Д. М. Перевошиков,³² имеющий немало заслуг в деле популяризации науки, особенно отечественной, обратил серьезное внимание на содержание «Слова о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих». В речи, посвященной «Слову» и произнесенной в торжественном собрании Московского университета, Перевошиков, указывая на заслуги Ломоносова, не без горечи отметил, что достойной оценки этот труд Ломоносова так и не получил.³³

Ломоносов и Рихман, внося исключительно важный вклад в науку, подготовили почву для ценнейших исследований, доставивших славу русским ученым. В 1758 г., т. е. еще при жизни Ломоносова, академик Эпинус выступил в торжественном собрании Академии наук с докладом «О сходстве электрической силы с магнитной». А через год Академия опубликовала

его трактат «Опыт теории электричества и магнетизма»,³⁴ вызвавший восхищение в широких научных кругах; имя Эпинуса прочно вошло во все руководства и учебники по электричеству.

На протяжении второй половины XVIII и в начале XIX в. вопросы электричества постоянно были предметом внимания Петербургской Академии наук. Наиболее яркое впечатление произвели в ученом мире исследования, которые осуществлялись в Академии наук начиная с 30-х годов XIX в. Труды академиков Э.-Х. Ленца³⁵ и Б. С. Якоби,³⁶ увенчавшиеся открытием важнейших законов электромагнетизма и ценнейшими электротехническими изобретениями, принесли Петербургской Академии славу инициатора необычайно смелых начинаний, давших обильные плоды, которыми воспользовались наука и техника во всем мире.

Темы конкурсных задач Ломоносов выдвигал из года в год, но не многие из них были по силам естествоиспытателям того времени. Иногда Ломоносову приходилось браться за это и самому. Еще в июне 1751 г. он выступил в Академическом собрании и предложил присудить очередную премию тому, «кто лучше других объяснит на основании физических и химических законов отделение золота от серебра, производимое с помощью царской водки, и укажет наиболее удобный способ отделять друг от друга эти металлы с наименьшим трудом и затратами».³⁷ Представленные на конкурс работы были сочтены недостойными премии. Как писал Ломоносов, проблема оставалась «недовольно решена»,³⁸ и Академии пришлось продлить срок конкурса, пока в 1755 г. премия не была присуждена Сальхову.

Со времени принятия Устава 1747 г. за восемь лет Академия выдала всего три премии, а § 21 обязывал Академию делать это ежегодно. Ломоносов предлагал наверстать упущенное и в 1756 г. настаивал на том, чтобы были объявлены сразу две задачи: «...предложить ученому свету, дабы заплатить, что мы ему должны».³⁹ Темы задач были названы Ломоносовым же.

«1) Предлагается исследовать с помощью опытов и вычисления, увеличивается ли преломление падающих лучей светящегося тела больше от твердости прозрачных тел или от их тяжести и насколько каждая из них противодействует или помогает другой.

«2) Требуется исследовать теоретически и практически, правильна ли гипотеза, полагающая, что материя тел пропорциональна их весу, например — содержится ли в золоте почти в двадцать раз большее количество материи, чем в воде того же объема».

Первая из названных задач не подверглась обсуждению, но в несколько измененном виде эта задача была объявлена на соискание премии 1760 г.⁴¹ Что же касается вопроса о пропорциональности материи тел их весу, то Ломоносов поднял его еще в 1754 г., но тогда эта задача не обсуждалась.⁴² Эйлер отнесся отрицательно к постановке этой задачи, указывая на трудность ее.

Отзыва Эйлера было достаточно, чтобы Академия воздержалась объявить конкурс на решение задачи, которая была не под силу ученому миру того времени. Несомненно и сам Ломоносов понимал трудность предложенной им задачи. Он не настаивал больше на своем предложении, но, придавая большое значение поднятому им вопросу, сам усиленно работал над этой темой. В январе 1758 г. он представил Академическому собранию диссертацию «Об отношении количества материи и веса», в которой были многие мысли, выраженные в цитированном уже письме к Эйлеру (июль 1748 г.). «Всякий раз, — писал Ломоносов, — как мы рассматриваем огромное множество разных мнений о явлениях природы, мы не без горестного изумления видим, что после стольких усилий великих мужей, после стольких славных открытий, такое множество физических явлений до сих пор остается недостаточно объясненными, особенно в той части естественных наук, которая изучает качества тел, происходящие от мельчайших частиц, недоступных какому бы то ни было зрительному ощущению. Но это будет казаться менее удивительным, как только мы примем в соображение, что самые первые начала механики, а тем самым и физики, еще спорны, и что наиболее выдающиеся ученые нашего века не могут прийти к соглашению о них».⁴³

В мае 1759 г. Ломоносов вновь предложил Академии объявить конкурс на выдвинутую им задачу, но академики и на этот раз отвергли предложение Ломоносова.⁴⁴ Отрицательное отношение со стороны Академии встретила и предложенная им «физическая задача о нечезрительной трубе».⁴⁵ Над этой темой он работал еще больше, чем над предыдущей, и добился несомненных результатов.⁴⁶ Однако, ввиду новизны вопроса, он хотел, как писал С. Я. Румовский Эйлеру, «чтобы весь свет поработал над этим предметом».⁴⁷

Ломоносов столкнулся с возражениями главным образом со стороны академика Эпинуса, считавшего, что идея Ломоносова не выполнима на практике. Между учеными возникла длительная полемика,⁴⁸ которая укрепила убеждение Ломоносова в том, что для пользы мировой науки необходимо привлечь ученых разных стран к разрешению этого вопроса, дав им возможность участвовать в конкурсе. 17 мая 1759 г. он вновь выступил

в Академическом собрании и, настаивая на объявлении конкурса на выдвинутую им задачу, предлагал обратиться за заключением к Эйлеру. Однако с этим академики не согласились; в решении сказано: «Если Ломоносов хочет посоветоваться с Эйлером, то пусть делает это от своего имени; для запроса от имени Академии не видно основания».⁴⁹

Тем не менее Ломоносов упорно отстаивал свои позиции, и спор еще долго продолжался. Эпинус направил в Академию письмо, в котором просил, чтобы его рассуждение о ночезрительной трубе «по заслушании знатнейшими господами коллегами было сообщено славному Ломоносову». «Пусть славный муж, — писал Эпинус, — ответит на мои сомнения, после чего мою рукопись вместе с ответом славного Ломоносова следует переслать знаменитейшей Королевской Парижской Академии наук и просить ее частным образом от моего и славного Ломоносова имени, чтобы она высказала свое мнение о сем споре. Даю обязательство полностью согласиться с суждением, вынесенным этой знаменитейшей Академией. Я нисколько не сомневаюсь, что славный Ломоносов охотно примет посредничество, которое я предлагаю для окончания спора. Ибо если он в такой степени уверен в правоте своих утверждений, как объявляет, то не преминет одержать надо мною важную победу, если только отказом от посредничества не хочет возбудить недоверия к своему делу».⁵⁰

К сожалению, не сохранилось никаких материалов, свидетельствующих о том, было ли принято предложение Эпинуса. Обращались ли по этому поводу к Парижской Академии наук, остается неизвестным. Вообще же нередко бывали случаи, когда ученые какой-либо страны, расходясь по какому-нибудь важному вопросу, выбирали в качестве арбитра научную корпорацию другой страны. Таким арбитром бывала и Петербургская Академия наук. В качестве примера можно назвать обращение к ней английских географов и мореплавателей, с просьбой высказать свое авторитетное суждение о возможности достичь Северного полюса.⁵¹

Нам неизвестно, как реагировал Ломоносов на заявление Эпинуса. Но его глубоко огорчали те споры, которые пришлось вести по поводу сделанного им весьма ценного, как он был убежден, изобретения, имевшего необычайно важные результаты. 8 июля 1759 г. Ломоносов писал И. И. Шувалову: «Должен я при первом случае объявить в ученом свете все новые мои изобретения ради славы отечества, дабы не воспоследовало с ними того же, что с ночезрительною трубою случилось. Сей ущерб чести от моих трудов стал мне вдвое горестен, для того

что те, которые сие дело невозможным почитали, еще и поныне жестоко с досадительными словами спорят, так что видя не видят и слыша не слышат». ⁵²

В 1758 г., когда обсуждался вопрос о конкурсной задаче на 1760 г., Ломоносов предложил две темы. Об одной из них было упомянуто выше, когда речь шла о выдвинутой им задаче в 1755 г. Теперь она была принята Академией, но несколько иначе сформулирована, а именно: «Исследовать с помощью опытов преломление лучей света в различных телах как твердых, так и жидких и выяснить отсюда, в какой степени величина преломления зависит от различного удельного веса тел, от разного сцепления частиц и от первоначал, составляющих тела. Объяснить все это теорией, согласной с произведенными опытами». ⁵³

Вторая задача гласила: «Найти какой удельный вес имели бы кислоты — серная, азотная и соляная, — если бы их можно было получить вполне свободными от воды и чистыми, — и внимательно исследовать этот вопрос методом Гомберга ⁵⁴ или каким-нибудь другим, тщательно произведя опыт». Об этом предложении Ломоносова не сохранилось никаких сведений; нет даже указаний на то, огласил ли он в Академическом собрании текст второй задачи. ⁵⁵

Не была рассмотрена в Академическом собрании и предложенная Ломоносовым на 1761 г. задача «Можно ли сделать инструмент оптический, помощью которого можно было бы видеть вещи в море или в реках глубже, нежели как простыми глазами усмотреть можно. Если то возможно, то каким образом надлежит сделать такой инструмент?». ⁵⁶ Как указывал Ломоносов в цитируемом письме к Шувалову, он сам работал над созданием такого инструмента и при этом отметил: «...коль сие в жизни человеческой полезно, всяк удобно рассудить может». ⁵⁷

Сформулированная Ломоносовым задача датирована 10 июля 1759; через три дня он передал ее Академической канцелярии, которая показала эту бумагу «всем академическим господам». Действительно, на документе имеются пометы ряда членов Академии. Но нет никаких данных о том, обсуждался ли вопрос, поднятый Ломоносовым, в Академическом собрании. ⁵⁸ Известно, что Ломоносов долго еще работал над этой проблемой. В приложенной к письму, адресованному государственному канцлеру М. И. Воронцову (19 января 1764 г.), «Росписи сочинениям и другим трудам советника Ломоносова» в разделе «В деле» значится: «Гидроскопическая труба, чтобы дно в море и в реках далее видеть, нежели просто глазами». ⁵⁹

В это время, как впрочем и раньше, Ломоносова интересовали вопросы мореплавания, имевшего столь важное значение для России, которая играла все более и более видную роль в мировой торговле. Поэтому Ломоносов и называл отважных отечественных мореплавателей российскими Колумбами. Уместно также отметить, что текст или, точнее, вариант речи на торжественной ассамблее 1759 г. имел заголовок: «Размышления о точном определении пути корабля в море».⁶⁰ Продолжая заниматься вопросами мореплавания, Ломоносов обратил особое внимание на явления магнетизма, изучение которых было столь важно для практической навигации. Когда в 1764 г. обсуждался вопрос о ближайшем конкурсе, Ломоносов предложил следующую задачу: «Пусть в морском плавании, в пасмурную погоду, известны место и время и даны наклонение и склонение магнитной стрелки, определив затем, в другое время, насколько возможно, место корабля по его курсу и при данном изменении наклонения, найти законы и составить таблицы, чтобы по ним узнавать магнитное склонение».⁶¹

Выступление Ломоносова в Академическом собрании с этим предложением состоялось 20 августа 1764 г. Обсуждению оно подверглось на следующем заседании, на котором выступил Эпинус и заявил, что выдвинутую Ломоносовым задачу решить невозможно.⁶² С этим согласились остальные академики, и конкурс на эту задачу не был объявлен.

Так было отвергнуто еще одно из предложений Ломоносова, более других понимавшего задачи, стоящие перед мировой наукой. Надо сказать, что оппозиция, с которой он сталкивался в данном случае, имела совсем иные корни, чем в борьбе с Шумахером, Таубертом и Тепловым, названных Ломоносовым врагами прогресса отечественной науки. Эпинус и стоявшие на одних с ним позициях другие академики не были столь дальновидными, как Ломоносов. Оставаясь во власти современных им представлений, они не были в состоянии далеко заглянуть в будущее. Они, в особенности Эпинус, были глубоко убеждены в своих взглядах, и, с точки зрения современного им уровня науки, эти взгляды казались им более реалистичными, чем то, что предлагал Ломоносов, который жил не столько сегодняшним днем, сколько завтрашним днем науки. Поэтому он так часто и оставался непонятым своими современниками.

Глава VIII

СОВЕТНИК АКАДЕМИЧЕСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ

1 марта 1757 г. в Канцелярии Академии наук был получен «ордер» Разумовского, который вносил заметные изменения в управление высшим научным учреждением страны. Согласно распоряжению президента, Канцелярию возглавлял уже не один Шумахер, а целая коллегия: кроме Шумахера, советниками были назначены Ломоносов и Тауберт, а затем и Штелин.

Внешне все выглядело так, как будто ничего особенного не случилось. Разумовский опять на неопределенное время уезжал на Украину исполнять обязанности гетмана, и по заведенному порядку во время отсутствия президента в Академии всем распоряжался Шумахер. Теперь ему было уже под 70 лет, и он явно дряхлел. Поэтому президент и решил, что одному Шумахеру не под силу справиться со всеми делами, и вместо одного он назначил трех советников Канцелярии. Вот что было написано в «ордере» президента: «По именному е. и. в. указу отправляюсь я в Малороссию, где нынешние обстоятельства требуют моего присутствия, и потому принужден от академического корпуса на некоторое время отлучиться; а дабы в отлучении моем в случае иногда болезни г. статского советника Шумахера или иного приключения, которому он по дряхлости и старости лет своих подвержен быть может, Канцелярия академическая праздна не осталась, а паче всего в порядочном течении дел остановки не последовало и над всеми академическими департаментами могло быть всегдашнее доброе смотрение, того ради во время моего отлучения вместе с упомянутым г. статским советником Шумахером присутствовать в Канцелярии академической и все текущие по Академии дела обще с ним подписывать г. коллежскому советнику и профессору Ломоносову и г. коллежскому ассесору и унтер-библиотекарю Тауберту, поступаая во всем по Регламенту и приложенной при сем особой инструкции».¹

В действительности дела в Академии наук находились далеко не под «добрым смотрением», как это изображалось в цитированном «ордере». В «особливой инструкции» отмечались вопиющие непорядки, например, в Университете и Гимназии. В § 6 этой инструкции было указано что «ни один профессор в Университете лекции не читает, и академические студенты находятся без всякого учения».²

В предыдущих главах было указано, как с приходом Ломоносова в Канцелярию деятельность ряда ее учреждений стала интенсивно развиваться. Борьбу за улучшение работы Академии он начал давно, считая, что дело не в отдельных недостатках, как бы много их ни было, а во всей системе, которую необходимо коренным образом изменить.

Забываясь постоянно о нуждах Академии и преодолении недостатков в ее работе, Ломоносов в 1755 г. решил обратиться к самой императрице и составил «Всенижайшее мнение о исправлении Санктпетербургской императорской Академии наук».³ Неизвестно, была ли направлена эта «Записка» по адресу; значительная ее часть вошла в текст другой уцелевшей его «Записки», о которой речь будет впереди.

Первым из дошедших до нас документов является его представление (январь 1758) президенту об «излишествах, замечательствах и недостатках» в Академии.⁴

Прошло около года с тех пор, как Ломоносов был назначен советником Канцелярии, и за это время, стоя у руля управления Академии, он имел возможность глубже вникнуть в ее дела; ее нужды и недостатки стали ему еще яснее, и вынашиваемые годами мысли он изложил в названной «Записке».

Хотя Академическая канцелярия не была уже вотчиной Шумахера и в управлении ею Ломоносов принимал участие как ее равноправный член, она, в силу установившихся десятилетиями порядков, оставалась по-прежнему тормозом для осуществления налаженной и целеустремленной деятельности Академии. Установившиеся порядки до известной степени были канонизированы Регламентом 1747 г., согласно которому высшее научное учреждение страны стало с этого года официально называться Академией наук и художеств.⁵ Название это указывало на общее направление трудов академиков, которые должны постоянно иметь в виду практические нужды. Подобное направление деятельности Академии, кроме одобрения, ничего вызывать не могло, особенно у такого ученого, как Ломоносов. Однако у Шумахера, принимавшего близкое участие в составлении Регламента, под покровом возвышенных идей скрывались отнюдь не возвышенные побуждения. Он был до-

статочно благоразумен и не вмешивался прямо в чисто научные вопросы, которые, согласно Регламенту, находились целиком в ведении Конференции (общего собрания академиков). Между тем научные изыскания Академии были поставлены в непосредственную зависимость от ее подсобных предприятий — инструментальной палаты, гравировальной мастерской, типографии и т. п. Эти последние целиком подчинялись Канцелярии, что до 1757 г. означало — одному Шумахеру.

Желая блеснуть расторопностью и умелым управлением, он непомерно широко развил деятельность учреждений Академии, призванных служить вспомогательным ее аппаратом. Надо сказать, что Шумахер добился не малых успехов чисто технического характера. Академические издания, например, во многих случаях отличались редким изяществом. Академические мастера достигли непревзойденных успехов в изготовлении высокохудожественных гравюр, различных инструментов, приборов и других изделий. Но при этом имелись в виду не непосредственные нужды Академии наук. Пользуясь тем, что она являлась и Академией художеств, Шумахер неуклонно стремился превратить ее в учреждение прикладного искусства и сделать доходным предприятием, демонстрируя тем самым свою исключительную деловитость. В кругу вельмож-дилетантов он таким и прослыл; ученые же, и прежде всего Ломоносов, прекрасно понимали, что эта показная сторона не только бесполезна, но даже вредна и опасна для учреждения, преследующего глубокие научные цели. Это и послужило основанием для составления упомянутой «Записки» об «излишествах, замешательствах и недостатках».

В ней Ломоносов писал: «Канцелярия Академии наук отягощена толь многими мелочьюми, что отнюд не может иметь довольного времени думать о важном и самом главном деле, то есть о науках».

Излишества, о которых шла речь, были весьма ярко и убедительно охарактеризованы в поданной «Записке», где беспощадно вскрывается неприглядная, но тщательно лакированная действительность. «Приметил я, — подчеркивал Ломоносов, — что те, которые хотят казаться трудолюбивыми и, много делая, ничего не делают, на оное представление никакого не имеют внимания, желая вышепомянутыми мелочьюми показать себя деловыми и заслуженными».⁶

В погоне за доходными операциями Шумахер приказал изготовлять и пустил в продажу такие изделия академических мастерских, которые ничего общего не имели с деятельностью Академии наук. Так, например, желая обратить на себя вни-

мание правительственных учреждений, он стал выпускать штемпеля и печати, что, как указывал Ломоносов, является прерогативой Монетного двора. По мнению Ломоносова, это касалось более Академии художеств, а не Академии наук.⁷

Когда Ломоносов составлял представление Разумовскому, «Академия трех знатных художеств» только создавалась: она была учреждена за год до того и по замыслу ее основателя И. И. Шувалова (он же был первым ее президентом) числилась при Московском университете.⁸ До того как это учреждение развернуло свою деятельность, Академия наук на протяжении многих лет была единственным центром, готовившим кадры художников, являясь действительно и Академией художеств, включая в известной мере и изящные искусства. Против этого Ломоносов не только не возражал, но считал такое положение вполне нормальным в силу сложившихся обстоятельств. Однако он настаивал на том, чтобы Академия не принимала на себя не присущие ей функции коммерческого предприятия, которое неизбежно должно было отвлекать, если не самих ученых, то администрацию Академии от основных ее задач.

Шумахер оказывал пагубное влияние на нормальную деятельность Академии не только этим. Задержки изготовления академическими мастерскими научной аппаратуры также тормозили нормальную научную работу. Дело в том, что Шумахер стремился организовать, так сказать, серийное производство научных инструментов, чтобы сбывать их на сторону. Такую «фабрикацию» Ломоносов считал весьма вредной, так как в данном случае терялось творческое начало в деятельности академических мастерских, призванных изготавливать в первую очередь новые аппараты, предложенные исследователями в ходе их изысканий или изобретенные самими мастерами.

В руках Шумахера, как и всех дельцов от науки, самые благие намерения из средства, содействующего первоначальному замыслу, превращались в тормозящие факторы, а то и в полную противоположность. Свои издания в течение ряда десятилетий Академия должна была сама продавать; для этой цели она имела книжную лавку, которая развернула весьма широкую деятельность. Потребности страны, и в первую очередь столицы, в иностранной литературе также удовлетворялись этим магазином, развившим книжную торговлю в необычайно по тому времени широких размерах. Вначале такие функции Академической канцелярии были вполне оправданы,⁹ однако с течением времени чрезмерно увеличивавшиеся торговые операции не могли не вызвать со стороны ученых недовольства.

«Торг заморскими книгами, — отмечал Ломоносов, — делает Академию биржею; сумма великая без знатной прибыли обращается, занимает напрасно время, наносит нареkanie и хлопоты тем, что всякий требует книг по своему желанию, которыми всем угодить невозможно; от всего сего происходят многие лишние дела в Канцелярии и теряется время, которое с лучшею пользою для наук употребить можно; сверх того, в таком сплетении многих дел не можно быть без погрешностей». ¹⁰

Ломоносов не ограничивался одним перечислением дефектов работы Академии, но и предлагал конкретные меры их устранения: «... излишние мастерства отставить и тем убавить тягости канцелярской». ¹¹ Точно так же должна была быть упразднена и книжная торговля, производившаяся самой Академией. Вместо этого Ломоносов предложил найти способного человека, который на известных процентах будет распространять академическую книжную продукцию, а также и другие издания, в том числе и зарубежные.

Избавившись от забот, связанных со столь хлопотливым делом, как книжная торговля, Академия, по мнению Ломоносова, отнюдь не должна отказываться от изданий, на которые страна предъявляет все больший спрос. Более того, для все расширяющейся издательской деятельности Академии наук ее полиграфическая база становилась узкой. Академическая типография все меньше и меньше удовлетворяла запросы страны, переживавшей эпоху возрастающего культурного подъема. Необходимо было принять действенные меры, направленные к «умножению книг российских, чем бы удовлетворять требующих охотников». ¹² Прежде всего надлежало значительно увеличить количество печатных станков (работы проводились вручную), а самой Академии не только расширить, но и усовершенствовать издательское дело. Ломоносов потребовал также увеличения штата квалифицированных переводчиков и, сверх того, создания специального органа — «Российского собрания», на который была бы возложена обязанность следить за чистотой русского языка.

В заключение он коснулся организационных мероприятий, подлежащих немедленному осуществлению. На первый план Ломоносов выдвигал изменение внутреннего распорядка в академических учреждениях (департаментах), деятельность которых должна определяться особой инструкцией для каждого из них. Особое внимание он уделял «надлежащей субординации», строгое соблюдение которой гарантировало Академии нормальную ее деятельность. Всего этого можно было бы легко достичь,

если бы Академия имела авторитетного руководителя, который изо дня в день занимался бы ее делами. Но Разумовский только номинально являлся руководителем Академии наук; не говоря уже о его весьма скромной общеобразовательной подготовке, он и в Петербурге-то редко бывал. Ломоносов настаивал на том, чтобы в Академии был фактический руководитель из числа виднейших ученых, способный дать правильное направление течению академических дел. Иными словами, он требовал, чтобы в Академии наук был вице-президент. Свое предложение он считал тем более уместным, что в других ведомствах такие должности были уже введены.¹³

Ломоносов, несомненно, знал (впрочем, это и не было большим секретом), что Теплов выполняет отнюдь не одни секретарские обязанности президента Академии.¹⁴ Тем не менее, как искусно ни контролировал искушенный в интригах асессор действия своего патрона, когда это касалось Ломоносова, Теплов успевал не всегда. Так случилось и теперь. Результатом обращения Ломоносова к президенту было поручение ему руководства всей научной частью Академии.¹⁵

Распоряжение Разумовского о назначении Ломоносова советником Канцелярии (в его ведение входили Академическое и Историческое собрания, Географический департамент, Университет и Гимназия) датировано мартом 1758 г.¹⁶ Примерно к тому же времени относится составленная Ломоносовым «Записка» о необходимости преобразования Академии наук.¹⁷ В этом документе нашла яркое отражение упорная борьба Ломоносова за свободное развитие науки. Как он был убежден, этот новый его шаг вызовет еще одну вспышку ярости со стороны его врагов. Мало того, он не сомневался, что, вскрывая неприглядную действительность, он возбудит недовольство даже тех, кто к нему ранее относился благожелательно. Ломоносов имел в виду прежде всего президента Академии наук.

Как ни дорожил Ломоносов своими хорошими отношениями с ним, он не мог не называть вещи своими именами: «Сим предприятием побуждаю на себя без сомнения некоторых негодования, которых ко мне доброжелательство прежнее чувствительно, однако совесть и должность оного несравненно сильнее. Чем могу я перед правосудием извиниться? Оно уже заблаговременно мне предвещает и в сердце говорит, что, имея во многих науках знание, ведая других академий поведение, видя великий упадок и бедное состояние здешней Академии, многие недостатки и неисправности в регламенте и бесполезную трату толикой казны е. в., не представлял по своей должности. Что ответить? Разве то, что я боялся руки сильных? Но я жи-

вота своего не жалеть в случае клятвою пред богом обещался».¹⁸

Не подлежит сомнению, что Регламент 1747 г., который Академия получила почти через четверть века после своего основания, явился важной вехой в ее истории. Однако Регламент страдал не малым количеством недостатков: их можно было бы избежать, если бы автором этого документа был бы не «самозванный сочинитель», — так Ломоносов называет Теплова, — а коллектив ученых, которые хорошо знают нужды Академии. Они не допустили бы явных нелепостей, содержащихся в Уставе. Многие из них прямо бросались в глаза, и Ломоносов наглядно это показал в своей «Записке», так как не забывал, что Разумовский сам не в состоянии сколько-нибудь глубоко вникнуть в дела возглавляемого им учреждения.

При организации Академии следовало исходить из непреложного принципа: все имеющиеся в ней кафедры в одинаковой мере необходимы стране, и они должны считаться равноценными, следовательно и оплата их руководителей должна быть одинаковой. В силу сложившихся обстоятельств, однако, получилось так, что жалование математика, например, в три раза превышало оклад академика-химика.¹⁹ Так получилось не потому, что область математики, как уже отмечалось, была самой сильной стороной в деятельности Академии. В 40—50-х годах эта отрасль точных наук здесь разрабатывалась гораздо меньше, чем другие дисциплины. Дело в том, что кафедру математики в свое время занимали такие всемирно известные ученые, как Бернулли и Эйлер; Эйлеру был определен оклад в 1800 рублей, и в штатном расписании, утвержденном через шесть лет после отъезда Эйлера, значилась именно эта сумма.

Несуразности в Уставе были допущены и в отношении других кафедр. Ломоносов решительно выступал против этого. Он, конечно, был далек от мысли о том, что мы теперь называем уравниловкой. Тем не менее узаконить превосходство одной кафедры перед другой он считал противоречащим самой сути ученой корпорации. «Каждая наука в Академии, — подчеркивал он, — имеет равное достоинство, и в каждой может быть равенство и неравенство профессорского знания, ибо иногда может быть в числе их чрезвычайного учения физик, иногда ботаник, иногда механик или другие, иногда в тех же профессиях — пошлые люди, а иногда и один многие науки далеко знает, хотя определен к одной профессии. Итак, вообще рассуждая, должно положить всем профессорам равное жалованье, а прибавку чинить по рассмотрению достоинств и службы, ибо весьма бы обидно

было великому ботанику, каков ныне Линней,²⁰ иметь по штату 860 рублей, а высшему математику, каковые нам весьма из посредственных рекомендованы, дать 1800 рублей».²¹

В «Записке» Ломоносова приведен еще целый ряд подобных примеров, свидетельствующих о том, что «сочинитель» Регламента руководствовался не принципиальными соображениями а создавшимся положением. В Регламенте записано, что должность ректора Университета занимает историограф. Им тогда был Миллер, о котором Теплов в то время был «великого мнения». Но, если бы, иронически замечает Ломоносов, Миллер занимал кафедру юриспруденции или бы был стихотворцем, то «и в state ректором был бы назначен юрист или стихотворец».²²

Насколько непродуманно было составлено штатное расписание Академии, видно и из того, что в нем не предусмотрена кафедра восточных языков, а для России, граничащей со столькими азиатскими странами, это имело особо важное значение. «В европейских государствах, — указывал Ломоносов, — которые ради отдаления от Азии меньшее сообщение с ориентальными народами имеют, нежели Россия по соседству, всегда бываю при университетах профессора ориентальных языков. В академическом state о том не упоминается, затем что тогда профессора ориентальных языков не было, хотя по соседству не токмо профессору, но и целой Ориентальной академии быть бы полезно».²³

Устав, по мнению Ломоносова, должен исходить из принципиальных установок, а не из сложившегося положения, в котором всегда имеется немало случайного. «Регламент академический, — подчеркивал Ломоносов, — таким образом сочинен и расположен быть должен, чтобы он имел свою силу и был приличен в будущем времени и во всяких обстоятельствах мог стоять непеременин».²⁴ Но на это Теплов не был способен. Хотя он был весьма образованным человеком (Феофан Прокопович усиленно заботился о его воспитании и послал учиться за границу), он ни в какой мере не был ученым и, разумеется, не знал достаточно глубоко нужд Академии, хотя и не мало в ней поработал. До поступления в Академию он состоял при кабинет-министре А. П. Волинском (1689—1740), весьма опытным царедворце. У него Теплов и научился, как вести борьбу с противниками. Заняв с назначением Разумовского президентом должность асессора Академической канцелярии, он всячески старался упрочить свое положение в Академии, и если он с кем-нибудь и делил власть в ней, то только с Шумахером.

Теплов, конечно, знал, что академики вообще никакой власти над собой не допустят, если она будет исходить от не-

доучек: на его глазах они не раз коллективно жаловались на заведенные Шумахером порядки. И для того чтобы избежать проявления их сплоченности, он всеми возможными средствами старался не допускать сближения между ними. В Регламент 1747 г. он внес, например, такой параграф (16): «Академик всякий должен в том только трудиться для общества, что к его науке принадлежит, так, как например, ботаник не должен вступаться в математические дела, анатомик в астрономические, и прочая».²⁵

Ломоносов же считал весьма полезным — и это он блестяще доказал собственным примером, — чтобы ученый, если имеет на то способности, занимался не одной, а несколькими отраслями знания. «Запрещено академикам в другие науки вступать, кроме своей профессии, чрез что пресекается не токмо нужное сношение, но и союз наук и людей ученых дружба. Ибо часто требует астроном механикова и физикова совета, ботаник и анатомик — химикова, алгебраист пустого не может всегда выкладывать, но часто должен взять физическую материю, и так далее... Слеп физик без математики, сухорук без химии. Итак, ежели он своих глаз и рук не имеет, у других заимствовать должен, однако свои чужих лучше и нельзя запретить их употребления».²⁶ В Регламент был введен пункт (50), который ронял национальное достоинство русского народа. Через двадцать с лишним лет после учреждения Академии наук в ее Уставе узаконивалось постоянное приглашение из-за рубежа ученых и других специалистов. Из всех тех дефектов, коими страдал Регламент, Ломоносов считал это наиболее тяжелым. «Вредительнее всего и поносительнее российскому народу (а напечатан Регламент на иностранных языках), что сочинитель в должных постоянными быть российских государственных узаконениях положил быть многим иностранным в профессорах и в других должностях, которые сначала по нужде выписываются, и тем дал повод рассуждать о нас в других государствах, якобы не было надежды везде иметь своих природных россиян в профессорах и в некоторых других должностях, затем что смотрел на тогдашнее состояние, а законы служить должны в будущие роды».²⁷

Надо сказать, что приглашение специалистов из-за границы было весьма удобно для академической администрации. Они служили по контрактам, и по истечении срока от неугодных можно было легко избавиться. С «природными россиянами» дело было бы гораздо сложнее. Они ведь находились на государственной службе, и увольнять их было совсем не просто. Последнее обстоятельство, по словам Ломоносова, особенно возбуждало страх у Шумахера, больше всего опасавшегося рус-

ских ученых в Академии. Именно здесь, считал Ломоносов, кроется главная причина заброшенности Академического университета, из которого, как показала практика, могут выйти полноценные ученые-исследователи.

Изобличая всевластного начальника Канцелярии, Ломоносов указывал: «Шумахеру было опасно происхождение в науках и произвождение в профессоры природных россиян, от которых он уменьшения своей силы больше опасался... Шумахер неоднократно так отзывался: я де великую прошибку в политике своей сделал, что пустил Ломоносова в профессоры. И недавно зять его (И. И. Тауберт, который, как и Ломоносов, был назначен членом Академической канцелярии, — *М. Р.*), имени и дел и чуть не Академии наследник, отозвался в разговоре о произведении российских студентов: „Разве-де нам десять Ломоносовых надобно? И один-де нам в тягость“». ²⁸

В отличие от других ведомств Регламент Академии наук разрешал ее президенту по своему усмотрению вносить в него изменения и не соблюдать некоторые пункты, если они окажутся трудными для исполнения. Ему также разрешалось вводить в практику академической жизни и то, что не было предусмотрено Регламентом, если он это сочтет важным и полезным. Однако делать это надлежало с крайней осторожностью. Ломоносов признавал, что в Уставе действительно имеются пункты, трудно выполнимые, но и те, от кого это зависело, проявляли очень мало усилий, чтобы проводить в жизнь все то, что требует Устав. В качестве примера он указывал на публичные ассамблеи. Неудовлетворительно выполнялся и параграф о наградах за лучшее решение задач.

В Регламенте были пункты, заведомо не выполнимые на практике. В значительной мере тому причиной было то, что составитель рассматривал Академию как любое другое из тогдашних ведомств, или, как их называли, «команд», вовсе не учитывая специфики научного учреждения. Требовалось, чтобы академики еженедельно имели три конференции (заседания) по три часа, т. е. обсуждали выполненные каждым ученым работы. Это требование Регламента Ломоносов считал нелепым, или, как он писал, «не в силу и некстати, ибо профессоры дома трудятся, а читают свои изобретения только в собраниях. А без чтения напрасны собрания». ²⁹

Абсолютно нелепы были параграфы, где речь шла о контроле президентом работ академиков. По Регламенту, каждое издание их должно было быть одобрено президентом. Не говоря уже о том, что и самый разносторонний ученый не в силах компетентно разобраться во всех без исключения областях

знания, академические издания печатались главным образом на латинском языке, которого Разумовский не знал. «Все сие рассудив, — писал Ломоносов, — ясно видеть можно, коль близко стояла (вначале он написал «стоит», но переправил это слово, — *М. Р.*) Академия при конечном своем разрушении, которое вместо славы российской к посмеянию, вместо пользы к ущербу, вместо радости любящим науки к печали служило».³⁰ (Последние слова вставлены вместо зачеркнутых «сокрушению и слезам служить будет»). Ломоносов, несомненно, сгущал краски. Труды его самого, несмотря на все чинимые ему препятствия, не прекращались. Не только его работы украшали Академию. Именно в это время был завершен один из наиболее выдающихся трудов по электричеству — мы имеем в виду трактат Эпинуса, доставивший заслуженную славу Академии как крупному центру экспериментальной и теоретической физики.

Однако Ломоносов болезненно переживал удары, которые получала столь дорогая ему Академия вследствие возмутительных действий ее заправил, и значительную часть своей «Записки» посвятил разделу: «О исправлении Академии наук», в котором наметил ряд действенных мер, направленных к устранению всего того, что мешает нормальной деятельности высшего научного учреждения страны.

Прежде всего он требовал отстранить от руководства, или, как он выразился, «не попустить больше властвовать над науками»,³¹ людей, в науке мало сведущих, но требующих, чтобы их «за ученых почитали». Отметим, что вплоть до 1917 г. Академию возглавляли, как правило, не ученые, а сановники. Засилие сановников в Академии — это, несомненно, одна из тяжелых страниц ее истории. Надо все же сказать, что, когда Ломоносов составлял «Записку», он был не только членом Академической канцелярии, но на его попечении находилась вся научная часть Академии. Правда, он был ограничен в своих действиях, так как ему приходилось вести с Шумахером и Таубертом неустанную борьбу. В этой борьбе Ломоносову необходимо было опереться на новое узаконенное положение об Академии, свободное от недостатков, которыми страдал Регламент, составленный Тепловым. В таком случае, возможно, не пришлось бы и борьбы вести; все силы и энергия ученых были бы направлены исключительно на преуспевание родной науки. Ломоносов предложил отменить Регламент 1747 г. и выработать новый, составители которого должны были бы руководствоваться только интересами отечественной науки; это они должны были бы «в уме и в сердце твердо положить».

Сам он много потрудился над составлением нового Устава; в его рукописном наследстве сохранился не один проект Регламента, но он не считал возможным, чтобы одно лицо, как бы высок ни был его научный уровень, каким бы опытом научно-организационной работы оно ни обладало, могло бы быть автором столь важного документа. Это было бы по силам лишь коллективу ученых. В него должны были бы войти академики, получившие образование как в России, так и за рубежом, ибо для разработки Устава Академии, неотъемлемой частью которого являются Университет и Гимназия, необходимы не только глубокие знания местных условий, но и основательное знакомство с зарубежным опытом. Ломоносов, однако, настаивал, чтобы в число авторов вошли «природные россияне», а из иностранных ученых лишь те, которые окончательно натурализовались в России — «отдали себя в российское подданство вечно, ибо от сих больше должно ожидать усердия».³³

Переходя к рассмотрению Ломоносовского проекта, остановимся сначала на его докладной записке, названной им «Краткий способ приведения Академии наук в доброе состояние» (1761).³⁴ К этому времени Шумахер, окончательно одряхлевший, никакого участия в работе Академии уже не принимал (умер 3 июля 1761 г.). Членами Канцелярии были Ломоносов, Тауберт и Штелин. С последним у Ломоносова резких столкновений не было, что же касается Тауберта, то он оказался достойным преемником своего тестя, хотя и не был наделен такой властью, и Ломоносов вел с ним такую же ожесточенную борьбу, считая его даже хуже Шумахера.³⁵ В осуществлении своих планов преобразования Академии Ломоносов в Канцелярии оставался в одиночестве. Поэтому первым условием «приведения Академии в доброе состояние» он ставил следующее: «Учинить надобно в голосах равновесие между российскими и иноземцами и ради того прибавить в Канцелярию члена российского».³⁶ И тут же добавил, что, по его мнению, на эту должность лучше всего назначить академика Котельникова, так как он «человек ученый, порядочный, смышленный и трезвый». Отстранение Тауберта от научных дел Академии дало бы, по убеждению Ломоносова, благотворные результаты, в чем можно убедиться на примере учебного дела, которое было отдано в исключительное ведение Ломоносова. Он имел все основания отмечать: «Порученные мне единственно департаменты — Университет и Гимназия, не взирая на великие соперников противления и хулу, состоят в хорошем порядке».³⁷ Этому ему удалось добиться в значительной мере потому, что в учебном деле Тауберт «голоса» не имел.

Однако тлетворное влияние Тауберта на научную деятельность Академии еще сказывалось, так как в его ведении находились ее подсобные предприятия. Ломоносов требовал отстранить Тауберта и от инструментальных палат Академии. «Инструментальное художество заведено при Академии для делания инструментов по профессорским изобретениям, а ныне в руках у г. Тауберта. С нуждою и я для опытов достаю позволение, то подумать можно, чего надеяться могут прочие академики».³⁸ Исправить создавшееся положение можно было только соответствующим распоряжением по Академии, согласно которому «определить некоторых инструментальщиков, кои бы единственно работали изобретения профессорские».³⁹

Кроме «Записки о мерах к приведению Академии наук в доброе состояние», Ломоносов обратился к Разумовскому с отдельным представлением, в котором подробно перечислил «неправильные действия» Тауберта и Миллера.⁴⁰

Обращение Ломоносова к Разумовскому не осталось безрезультатным. Президент должен был согласиться с тем, что в Академии необходимы решительные преобразования, и в первую очередь надлежит коренным образом изменить Устав Академии, а соответственно и штат. Правда, из-за последовавших событий — смерть Елизаветы Петровны, воцарение и убийство Петра III, дворцовый переворот, возведший Екатерину II на престол, — Разумовскому было не до Академии. Хотя в последнем событии он принял активное участие — по его распоряжению в Академической типографии печатался манифест о восшествии царицы на трон,⁴¹ — тем не менее он вскоре был оттеснен от тех позиций, которые занимал при дворе, и находился даже в опале. Ввиду этих обстоятельств лишь в 1764 г., за год до смерти Ломоносова, наконец серьезно занялись поднятыми им вопросами. 4 марта последовало следующее распоряжение президента Академии наук, выражавшее хотя не полную, но явную победу идеи Ломоносова. «Усмотрел я, — читаем мы в ордере Разумовского, — из представленного мне во время присутствия моего в Канцелярии сего марта 4 дня списка всем состоящим при Академии чинам и служителям многие несходства с апробованным штатом, которые, как я сам признаваю, произошли от невозможности, чтобы все учредить и содержать точно на таком основании, как в том апробованном регламенте положено. К тому же и самые опыты оказали, что разные в регламенте предписанные распорядки не соответствуют ожидаемой от оных пользе. Того ради гг. присутствующим в оной Канцелярии статским советникам Тауберту и Ломоносову обще, или если не

согласятся, то порознь, приглася каждому к себе из гг. профессоров, кого пожелают, учинить проекты. во-первых, на каком основании академическому ученому корпусу по нынешнему состоянию и впредь быть должно, а потом и прочим департаментам порознь, токмо б располагаемая сумма не превосходила апробованного штата, и по сочинении представить мне».⁴²

Прошло не менее двух с половиною месяцев, пока это распоряжение Разумовского дошло до Академии и Тауберту и Ломоносову было официально объявлено о последовавшем распоряжении президента. Ломоносов тотчас же занялся выполнением возложенного на него поручения и составил на латинском языке «Предположения об устройстве и уставе Петербургской Академии».⁴³ Сделать это было ему не трудно. Ведь еще за два года до того он начал работать над проектом устава Академии наук (лишь часть этих материалов дошла до нас).⁴⁴ Ему было не трудно изложить принципиальные соображения, которыми надлежало руководствоваться при составлении нового Устава, дабы упорядочить деятельность Академии.

Приступая к изложению своего предложения, он прежде всего имел в виду упрочение Академии. Руководствуясь этим принципом, подчеркивал Ломоносов, надлежит прежде всего тщательно взвесить все ее недостатки, чтобы новый Регламент и штат обеспечили такое положение в Академии, которое, как он выразился, «могло пребывать навеки непоколебимым и при всяких обстоятельствах прочным».⁴⁵

К 60-м годам XVIII в. Петербургская Академия наук не была уже самой молодой научной корпорацией мира. Через пятнадцать лет после ее основания возникла Шведская Академия наук, возглавлявшаяся таким всемирно прославленным ученым, как Линней, который, кстати сказать, был тесно связан с Петербургской Академией.⁴⁶ Все же Лондонское Королевское общество, Парижская и Берлинская Академии наук (последняя переживала в это время эпоху подъема, благодаря главным образом тому, что свыше двадцати лет там работал Эйлер) накопили уже большой опыт научной работы. Своими успехами эти корпорации были обязаны талантам, которые они выдвинули. Нет сомнения, однако, что и организационные формы их работ, как и во всяком деле, играли в данном случае не последнюю роль. Ломоносов поэтому настаивал на том, чтобы составители нового Регламента имели «перед глазами в качестве превосходных примеров уставы заграничных академий, уже много лет процветающих».⁴⁷ При этом он был решительно против «слепого копирования». Воспользоваться надлежало лишь «тем, что у них есть хорошего и плодотворного», а все, что «не

согласуется с остальными установлениями Российской империи, исключить».

За относительно непродолжительную историю Академии ее штат много раз менялся и каждый раз в силу случайных обстоятельств. Некоторые академические учреждения были непомерно раздуты только потому, что Шумахер, а затем Тауберт были в этом заинтересованы. В то же время Ломоносову приходилось бороться за такое жизненно важное дело, как Университет и Гимназия. Он прекрасно понимал, что ассигнуемые Академией средства не могут быть безграничны, но в расходовании отпущенных сумм требовал соблюдения разумных пропорций. Новый Регламент должен был предусмотреть твердый штат как действительных ее членов, так и всего другого персонала, способного обеспечить плодотворное развитие отечественной науки.

Ломоносов был убежден, что, каким бы идеальным ни был личный состав Академии, успешная ее деятельность будет зависеть и от того, насколько Академия является слаженным и четко действующим механизмом. На протяжении многих лет, собственно во все годы существования Академии, основным ее недостатком было то, что в ней не соблюдался твердо установленный порядок. В первой половине 40-х годов создавшееся положение нельзя было назвать иначе, как хаотическим. Никто более Ломоносова не переживал нарушение субординации; ее необходимо всегда соблюдать, однако он требовал не забывать специфического характера Академии, коренным образом отличавшегося от других «команд», как именовали тогда различные ведомства. В каждом учреждении сотрудники всех рангов служат общему делу, в научной же организации, как нигде, должна быть создана атмосфера дружного сотрудничества.

В своем проекте Устава Ломоносов решительно отбросил вторую часть в наименовании Академии. «Так как, — подчеркивал он, — все дело сего славного учреждения заключается единственно в занятии науками и в споспешествовании развитию их, то всячески надо остерегаться, как бы не присовокупились дела, совсем не относящиеся к академической деятельности, и примешавшись не затемнили бы самой сущности науки, не задержали бы ее развития и не удушили бы ее вовсе».⁴⁸

Глубоко вдумываясь в настоящее и прошлое Академии, Ломоносов убедился, что корень зла кроется в самой организационной ее структуре. Она тогда состояла из следующих учреждений: 1. Академическое собрание, куда входили профессора и адъюнкты: они представляли Академию наук в собственном смысле слова; 2. Университет, который, согласно Регламенту 1747 г., являлся «другой частью Академии»; 3. Гим-

назия; 4. Библиотека и Кунсткамера; 5. инструментальная палата; 6. типография и книжная лавка; 7. Географический департамент; 8. Механическая лаборатория; 9. Ведомственная экспедиция (редакция «С.-Петербургских ведомостей»); 10. переплетная мастерская и 11. Академическая канцелярия, главенствующая над названными учреждениями, или, по выражению Ломоносова, имевшая «все это в своем высшем ведении».⁴⁹

Такой структуры не было ни в одной другой Академии наук, ни одна из них не была обременена столь громоздкими и дорогостоящими вспомогательными учреждениями, которые явно заслоняли главное назначение Академии. «Допустив в учное сословие и смешав с ним людей, ему чуждых, более того, даже невежд, помыслы которых устремлены не к развитию наук, а в совершенно другую сторону, мы не можем ожидать ничего, кроме зависти, ссор и озлобления».⁵⁰ Как это было далеко от подлинной научной атмосферы, которая должна господствовать в Академии и которую Ломоносов так красочно изобразил в вводной части своих «Предположений».

От чего же Академии следовало избавиться и что необходимо было в ней оставить? Никаких сомнений не вызывало существование Университета, Гимназии, Библиотеки и Кунсткамеры. Столь же органически были связаны с деятельностью Академии Географический департамент и Механическая лаборатория. Эти учреждения являлись такой же составной частью Академии, как например Астрономическая обсерватория, Анатомический театр, Химическая лаборатория, Ботанический сад или Физический кабинет.

Из перечисленных учреждений несколько необычными для Академии наук могли показаться ее учебные заведения. За рубежом Академии издавна занимались только исследовательской деятельностью, и поэтому стали раздаваться голоса (конечно, со стороны тех, кому не по душе были успехи в учебном деле), что Университет и Гимназию следует упразднить, так как в Москве имеется специальное высшее учебное заведение и оно должно заботиться о подготовке специалистов. Против этого Ломоносов возражал, мотивируя это не только специфическими условиями России, исторически сложившимися, но ссылкой на заграничный опыт. Он, между прочим, ссылался на Геттинген, хотя там получилось обратное положение: Академия наук создана была в 1751 г. при университете, основанном в 1736 г.⁵¹

Органически не связанными с деятельностью Академии, по убеждению Ломоносова, являлись следующие учреждения:

вся Академия художеств с мастерскими, типография, книжная лавка, Ведомственная экспедиция и переплетная мастерская. Названные учреждения, считал он, приносят больше вреда, чем пользы, и они должны быть «отделены от научной корпорации».⁵² Каждое из названных учреждений само по себе весьма нужное и может принести большую пользу, находясь, однако, вне системы Академии наук.

Что касается той части Академии, которая называлась Академией художеств, то, как упоминалось, такое учреждение тогда уже существовало и находилось тут же, в Петербурге; их обеих следовало слить, что принесло бы несомненную пользу. «Подлинная Академия Художеств, — напоминал Ломоносов, — это учреждение чрезвычайно деятельное и нуждающееся в отдельной коллегии для ведения множества особых дел под особым же руководством и надзором. Поэтому, чтобы искусства не отвлекали от науки и обратно, надо изъять искусства из ведения Академии наук, тем более, что в этом же городе основана другая Академия Художеств».⁵³ Хотя и не сразу, а постепенно, уже через много лет после смерти Ломоносова, эта его идея все же восторжествовала, и несвойственные Академии наук функции перешли к Академии художеств.

Менее жизненным оказалось его предложение об упразднении академической типографии, которая, как и книжная лавка, была нужна Академии, по его мнению, не более, чем бумажная фабрика. Ломоносов при этом ссылался на опыт иностранных Академий, печатавших и распространявших свои труды при помощи частных предпринимателей. Однако при существовавших тогда условиях в России это было неосуществимо. Историки русской культуры указывают на огромное значение, которое имело издательское дело Академии в общем культурном подъеме страны. Мало того, при всех личных недостатках Тауберта, справедливо отмеченных Ломоносовым, нельзя не отметить его заслуги, заключавшейся в том, что он с целью расширения объема типографских работ организовал еще одну, так называемую Новозаведенную типографию.⁵⁴ Она сыграла видную роль в распространении литературы, рассчитанной на широкий круг читателей. Надо иметь в виду, что среди изданных тогда классиков мировой литературы были и русские авторы, как например А. Кантемир; его сочинения были напечатаны впервые в оригинале Академией и лишь благодаря этому стали действительно доступными русскому читателю. Ни одна типография, кроме академической, не могла полностью справиться со сложным набором изданий Академии, особенно, когда дело касалось восточных шрифтов, включая сюда и иероглифы.

Совершенно своевременным было предложение Ломоносова об изъятии из ведения Академии наук издания газеты — «Санктпетербургских ведомостей». Не может быть сомнения в том, что вначале публицистическая деятельность Академии и выпуск повременных изданий (первый русский журнал «Ежемесячные сочинения, для пользы и увеселения служащие» также издавался Академией) были вполне оправданы. Приложение к газете, так называемые «Примечания к Ведомостям» в течение десятилетий являлись главным, если не единственным, органом популяризации знаний. Для самой Академии это было весьма полезно: ее питомцы еще на студенческой скамье приучались к литературному труду, печатая в «Ведомостях» переводы и оригинальные заметки. Этим занимался и сам Ломоносов.

Однако с ростом русской журналистики отпадала необходимость обременять Академию выполнением несвойственных научному учреждению функций, которые превратились в явную для нее обузу. Поэтому Ломоносов решительно восставал против издания газеты Академией. «Что общего у муз, — спрашивал он, — с жалким доходом, получаемым от выпуска „Ведомостей“ в ущерб истинной прибыли от успеха наук? Сколько раз это предприятие, связанное с печатанием посторонних вещей, мешало развитию науки, нарушая его ход? Ибо сколько раз Канцелярия, в ведении которой до сих пор находятся все академические дела, вынуждена была, пренебрегая нуждами науки, устремлять все свое внимание на работу, связанную с тем, что Правительствующий Сенат, Коллегия иностранных дел и другие учреждения⁵⁵ посылают в Академию для перевода на разные языки, напечатания и выпуска в свет: все это само по себе и хорошо и необходимо, но обременительно для Академии, — более того, нередко даже и не подобает ей».⁵⁶

Как ни обременительны были перечисленные учреждения для Академии, они все же имели непосредственное отношение к науке. Лишь одно предприятие было совершенно чуждо научному учреждению. Речь идет о переплетной мастерской, достигшей к этому времени поистине высоких степеней искусства. «Некоторые, — отмечал Ломоносов, — доходят до того, что превозносят и расхваливают переплетчиков больше, чем авторов. Они хвастают, что их заботами это ремесло достигло в Академии величайшего совершенства, а о правах науки молчат, как рыбы».⁵⁷ Дело дошло до такого абсурда, что у академической администрации переплетчик пользовался большим вниманием, чем иной ученый. Для переплетчика нашлась квартира в академическом доме, в то время как недостаток в помещении испыты-

тыгвали «необходимейшие отрасли науки», как например экспериментальная физика.

Перечисленные Ломоносовым недостатки являлись лишь частью «бесчисленного множества не порядков» в Академии, но и их достаточно для ясного представления о необходимости коренных преобразований, которые устранили бы пагубные препятствия, тормозившие успешное развитие науки. Создавшееся положение он прямо называл ярмом для Академии, и, пока она от него не избавится, не может быть и речи о достойном выполнении стоящих перед ней задач.

Преобразованиям должна была подвергнуться, по его мнению, вся структура Академии — сверху донизу. Прежде всего надлежало изменить высший орган управления. Фактически им являлась Канцелярия, от которой так много терпели как рядовые академики, так и выдающиеся ученые — эти, как выразился Ломоносов, сенаторы и граждане республики ученых. Как и во всяком деле, значительную роль при этом играли личные качества академической администрации; тем не менее ее недостатки не могли бы проявиться в такой мере, если б узурпированная администрацией власть не была узаконена действующим Уставом, допускавшим, чтобы малообразованные люди — Ломоносов имеет в виду Шумахера и Тауберта — не только главенствовали в Академии, но и безнаказанно распоряжались «людьми учнейшими». Это относится к § 50, гласящему: «Канцелярия учреждается по указам е. и. в. и она есть Департамент, Президенту для управления всего корпуса Академического принадлежащий, в которой члены быть должны по несколько искусны в науках и языках, дабы могли разуметь должность всех чинов при Академии, и в небытность Президента корпусом так, как Президент сам управлять, чего ради и в собрании академиков иметь им голос и заседание».⁵⁸

Едва ли какой-нибудь другой пункт Регламента возмущал Ломоносова больше, чем этот. Далекий от какой бы то ни было кастовости, он все же не мог допускать, чтобы в Академию наук да еще и в управление ею проникли люди, ничем себя в науке не зарекомендовавшие. «Особенно позорно то, что невежественные делопроизводители Канцелярии, едва умеющие писать по-русски, дерзают притязать на право голоса в заседаниях этого учреждения».⁵⁹ Мало того, что такое положение роняло достоинство науки, оно дало возможность правителям Канцелярии поставить себя над учеными, рассматривая их как своих подчиненных чиновников, и соответственно к ним относиться. Даже когда в 1757 г. положение изменилось и в состав членов Академической канцелярии был включен Ломоносов —

действительный ученый, прежние заправи́лы не были отстранены от управления Академией, составляя противную ученым сторону, которая все же иной раз оказывалась сильнее.

Продумав волновавший его вопрос, Ломоносов пришел к заключению, что до тех пор, пока у руля управления Академией не будут стоять исключительно одни ученые, шумахеры и тауберты не переведутся. Поэтому он и предлагал ликвидировать Канцелярию, как высший орган управления в Академии. Во всем мире, указывал он, научные учреждения, в том числе и университеты, сами собой управляют, являясь подлинными учеными республиками. За рубежом Академии существовали около столетия, а университеты — в течение веков. Накопленный там богатый опыт воочию показывал, насколько благотворным является самоуправление в научных учреждениях.

Этот опыт Ломоносов тщательно изучил. «Там, — указывал он, — собрание академиков само себе судья. Никакой посторонний, полуобразованный посредник не допускается до разбора ученых споров. Приходя за получением просимого, не дожидаются у канцелярского порога разрешения войти. Профессоры не ждут выплаты жалованья и не вымаливают его у невежд, которые поглядывают на них свысока и пугают отказом. Их покоя не нарушают, наконец, сторонние дела, чуждые содружеству муз. Не очевидно ли, что Канцелярия не только не нужна Академии наук, но и отягощает ее, а потому должна быть изринута из подлинного дома науки. Вся власть и управление всеми частями должны быть переданы Профессорскому собранию».⁶⁰

При проведении предложенных Ломоносовым реформ на первое место выдвигался вопрос о личном составе Академии. Освобожденная от ненужных ей учреждений и людей, она во всех своих разветвлениях должна была представлять собой учреждение, гармонически цельное. Ее штат должен был быть составлен так, чтобы избежать перевеса на одном участке и отставания на другом. Академия должна была состоять из такого количества высококвалифицированных ученых, которые в состоянии обеспечить успешное развитие каждой области знания в отдельности и всей науки в целом. Для этого она должна быть разделена на классы (в наше время это — отделения); их должно было быть три: математический, физический и исторический.

Впрочем, в эти категории тогда вкладывали понятия, в значительной мере отличающиеся от тех, которыми мы теперь пользуемся. Математика включала, кроме нее самой, астрономию, географию и механику. Физический класс объединял фи-

зику, химию, анатомию и ботанику. В исторический класс входили гуманитарные дисциплины: история, юриспруденция, античность и востоковедение. Штат каждого класса должен был состоять из ординарного академика по каждой из четырех дисциплин, экстраординарного академика при каждом классе и одного адъюнкта при каждом ординарном академике. Таким образом, Академическое собрание должно было состоять из 27 членов.

Правда, в Академии разрабатывались не только названные Ломоносовым двенадцать дисциплин, и он по этому поводу заметил, вероятно имея в виду собственную квалификацию: «... знание металлургии всегда должно требоваться от химика или естествоведа, а физиологии — от анатома или физика, философом же, оратором, или поэтом может оказаться любой академик, наиболее преуспевший по этой части».⁶¹

С упразднением Академической канцелярии повышалась роль секретаря Академического собрания; кроме того, нужны были еще библиотекарь и казначей. Все эти должности надлежало заместить академиками. Ломоносов предусмотрел еще должность помощника библиотекаря, которую должен занять адъюнкт. Все эти обязанности должны являться дополнительными к основной нагрузке и вознаграждаться дополнительной оплатой.

Кроме действительных, или, как тогда их называли, присутствующих членов (ординарных, экстраординарных академиков и адъюнктов), Академия должна была включать в себя еще почетных членов и членов-корреспондентов. Первые должны избираться из числа наиболее видных зарубежных ученых, которые могут оказать содействие Академии и укрепить ее своими именами. Число их не ограничивалось. Ограничивалось лишь число оплачиваемых почетных членов, получающих, как и раньше, по двести рублей в год. Таких вакансий было установлено десять. Почетные члены должны были избираться по два из Германии и Франции, по одному из Англии, Италии, Испании или Португалии, Польши или Швеции, Голландии и Китая. Впоследствии Ломоносов добавил и славянские страны. Вовсе не ограничивалось число членов-корреспондентов. «При избрании, — указывал Ломоносов, — следует считаться лишь с полезностью научных сношений с ними и с собственным их рвением».⁶²

Весьма подробно он остановился и на академических учебных заведениях. Высказанные соображения были более подробно отражены в составленных им «Записках». Недруги его, раздраженные успехами Университета и Гимназии, достигну-

тыми с тех пор, как они перешли в его единоличное ведение, предлагали вовсе изъять эти учреждения из Академии, мотивируя это открытием Московского университета, при котором должны были быть не одна, а даже две гимназии. Против этого Ломоносов решительно восстал и в своих «Предположениях» подчеркнул: «Петербургский университет, друг, более того — единокровный брат Академии наук, который составляет с нею едину плоть и будет заодно с нею трудиться на пользу отечества». Сохранив Университет, необходимо было оставить и Гимназию. Ее Ломоносов называл «кормилицей Университета или его кладовой и поставщицей».⁶³

Помимо кафедр (так мы будем называть изучавшиеся в Академии научные дисциплины, предусмотренные предлагавшимся Ломоносовым Уставом и штатным расписанием) с их кабинетами, лабораториями, обсерваторией и т. п., в Академии должны были сохраниться еще и другие учреждения, как например Географический департамент, Кунсткамера и Механическая лаборатория. Все они должны были возглавляться ординарными академиками.

Свои «Предположения» Ломоносов роздал академикам. До нас дошли замечания академиков Фишера и Котельникова.⁶⁴ В этих замечаниях принципиальных возражений не было высказано; они представляли собой скорее лишь редакционные поправки и уточнения. С некоторыми из них Ломоносов согласился. Например, сравнивая нашу Академию с другими, Ломоносов отметил, что Берлинская Академия наук, не имея собственной типографии и книжной лавки, извлекает не малый доход от распространения контрагентами ее трудов. Фишер же боялся, как бы некоторые сановники, прочитав эти строки, не предложили Академии содержать себя на началах самокоупаемости.

Не сохранилось никаких документов, указывающих на мнение президента Академии наук о «Предположениях» Ломоносова, но косвенные данные дают основание думать, что Разумовский отнесся к ним положительно. «Предположения» заканчиваются словами: «Устав Академии не может быть написан раньше, чем будет одобрен ее штат, что ожидается».⁶⁵ Ломоносов говорил в своих «Предположениях» и о штатах, которые были, должно быть, одобрены в конце 1764 или в начале 1765 г. Он составил «Новое примерное расположение и учреждение Санктпетербургской Императорской Академии наук, на высочайшее рассмотрение и апробацию сочиненное».⁶⁶

Предложенный Ломоносовым проект Устава коренным образом отличался от действовавшего тогда Регламента, согласно

которому Академия наук являлась одной из «команд», из коих состоит государственный аппарат. Ломоносов же рассматривал Академию прежде всего как гармоническое содружество ученых, общими усилиями решающих выдвигаемые жизнью проблемы.

Разработанный им Устав начинается прямо с главы, названной «О достоинстве, избрании и принятии действительных членов Академии».⁶⁷ Параграф 1 этой главы гласит: «Прежде установления и распоряжения академических членов должно определить первейших персон сего общества требуемые качества, дабы оных достоинством, знанием и рачением вся академическая система в добром и порядочном движении обращалась».⁶⁸

Более чем в десяти пунктах Ломоносов касается тех «качеств», которыми должен обладать каждый академик. Прежде всего он должен был быть крупным авторитетом в своем деле; главное его достоинство состоит «в довольном знании своей науки». Тем не менее он не должен быть узким специалистом, замыкающимся в ограниченных рамках своей профессии. От академика требуется, чтобы он был сведущ в других областях знания, особенно в смежных, или, по выражению Ломоносова, «сродных с его профессией науках». Так, геометр «сверх искусства в высшей математике должен иметь хорошее знание всех частей практической геометрии, употребляемой в испытании натуры и в надобностях обществу, например в астрономии, в навигации».⁶⁹ Точно так же астроном не может обойтись без высшей математики, необходимой для вычислений: основательное знание механики позволит ему лучшим образом воспользоваться применяемыми в его наблюдениях инструментами; он не может обойтись без географии потому, что без нее немислимы «расположения самих наблюдений». Многочисленные примеры связи наук между собой, приведенные Ломоносовым, должны были уничтожить всякое сомнение в правильности его мысли.

Академиками могут быть выбраны ученые, зарекомендовавшие себя солидными трудами. Однако достоинство последних в значительной мере теряется, если они изложены плохим языком. «Примечено в академиях, — указывал Ломоносов, — что весьма знающие в своих науках профессеры мало при том искусны в словесных науках, так что их сочинения излишними распространениями, неясными, сомнительными и ненатуральными выражениями в чтении скучны и невразумительны». Он считал, что с этим недостатком должно вести упорную борьбу, как с немаловажным препятствием, стоящим на пути успешного развития науки. Ломоносов предложил

потребовать от академиков, чтобы они были «достаточны в чистом и порядочном штиле, хотя и не требуется, чтобы каждый из них был оратор или стихотворец». ⁷⁰

Признавая, что в то время наша страна не могла не приглашать на вакантные места иностранных ученых, Ломоносов требовал, однако, чтобы из-за границы выписывались лишь лица, обладающие подлинными научными достоинствами. Нужно руководствоваться только этим, а не протекциями «знатных особ». В своем проекте Ломоносов подчеркивал, что на приглашение зарубежных ученых в Академию надо смотреть лишь как на временную меру: «Сию статью исполнять до времени, пока из природных россиян ученые умножатся и не будет нужды чужестранных выписывать». ⁷¹ Иностранцами учеными Ломоносов предлагал замещать только вакантные должности ординарных и экстраординарных академиков, адъюнктов же «всегда производить из природных россиян». ⁷² В условиях того времени ими могли быть питомцы Академии и в перспективе — Московского университета, или же из числа русских студентов, обучавшихся за границей.

Ломоносов считал, что Устав должен быть разработан с учетом далекой перспективы (на «вечные времена»), но он не отрывался от живой действительности, которая мало походила на то, к чему он стремился. Личный состав академиков оставлял желать много лучшего. Ссоры, раздоры и дразги, подогреваемые академическими заправками, на протяжении десятилетий наносили Академии ощутительный урон. В ее составе могли оказаться и такие члены, которые, прославившись несколькими выдающимися работами, как говорится, почтили бы на лаврах, не проявляя себя больше творческим трудом. С этими печальными явлениями надлежало вести постоянную и упорную борьбу. «Должно смотреть, — предостерегал Ломоносов, — чтобы они были честного поведения, прилежные и любопытные люди и в науках бы упражнялись больше для приумножения познания, нежели для своего прокормления, и не так, как некоторые, снискав себе хлеб, не продолжают больше упражнения в учении с ревностью. Паче же всего не надлежит быть академическим членам упрямым самолюбам, готовым стоять в несправедливом мнении и спорить до самых крайностей, что всячески должны пресекать и отвращать главные командиры». ⁷³

«Главными командирами» в Академии Ломоносов считал президента и вице-президента, при этом он предложил, чтобы Устав требовал от возглавляющего Академию сановника использовать свою близость к верховной власти для защиты интересов науки. Соответствующий параграф сформулирован Ломо-

носовым следующими словами: «Президент Академии наук не токмо главный правитель и начальник, но и оберегатель оная от посторонних приключений и наветов, требуется человек именитый и знатный, имеющий свободный доступ до монаршеской особы, чтоб мог представлять академические надобности, коих без высочайшего повеления произвести Академия власти не имеет».⁷⁴ Однако одних этих качеств еще недостаточно для того, чтобы занимать пост президента Академии наук. Он должен быть образованным человеком, знающим «нужнейшие языки и общевникателен во все науки, природный россиянин». К этому Ломоносов добавил: «Еще ж превосходнее было б и полезнее, когда б президент был при знатности своей и любви наук достаточен в разных науках». Разумовский этим требованиям удовлетворял с грехом пополам, но из всех вельмож того времени он действительно больше других подходил для этого поста.

Как уже сказано выше, Ломоносов предложил ввести еще новую должность — вице-президента, назначаемого из числа наиболее авторитетных ученых. «Вице-президенту хотя и прилично быть в обществе знатным, однако же знаемость его требуется больше по наукам, нежели по других преимуществам, дабы он удобнее мог видеть все состояние Академии, достоинство членов и других служителей, труды и склонности и прочее и о том изъяснять президенту и с ним дела обще рассматривать. Того ради вице-президент должен быть знающ в разных науках, из ординарных академиков, служивших в здешней Академии немалое время и показавших свое в науках отменное знание изданными в свете сочинениями».⁷⁵

В Академическом собрании обычно должен был председательствовать президент и в его отсутствие — вице-президент, причем первый, когда вопрос решается голосованием, как например во время выборов новых членов, пользуется двумя голосами. Это же право представляется и вице-президенту, когда он заменяет президента в его отсутствие. Надо заметить, что с основания Академии наук члены ее назначались и только Ломоносов в новом Уставе предложил, чтобы вакантные должности ординарных и экстраординарных академиков, равно как и адъюнктов, замещались по избранию Академическим собранием, тайным голосованием.⁷⁶ Адъюнкты должны были участвовать в голосовании, только при избрании адъюнкта.

Избрание в академики по новому Уставу должно было быть не только выдающимся общественным событием, но и государственным актом, поэтому дипломы академиков должны были быть подписаны монархом. Дипломы адъюнктов должны были под-

писываться президентом и секретарем Академического собрания (Конференции).

Хотя Академию должны возглавить «командиры» — президент и вице-президент, — управляться она должна по существу на коллегиальных началах, даже в тех случаях, когда разбираются не только чисто научные вопросы. В компетенцию Академического собрания должно входить и обсуждение административных и хозяйственных дел. Для этого члены Академии должны собираться регулярно по два раза в неделю. Кроме того, предусматривались чрезвычайные заседания «для отправления дел посторонних, до наук надлежащих по другим командам».

Далее, Ломоносов переходит к главным обязанностям ее членов. Их работы должны публиковаться в печатном органе Академии — «Commentarii» (на латинском языке). Кроме того, им надлежит стараться издавать книги «по своей профессии» на русском языке. «Кроме новых изобретений для „Комментариев“, — писал он, — полезно, чтобы академики издавали особливо книги по своей профессии на российском языке, однако ж как не всяк одарован систематическим смыслом, хотя в частных изобретениях удачлив, и притом есть излишнее дело, чтобы каждый академик издавал новые в своей науке наставления, то отдается каждому на произволение, чтоб испытать свои силы, принялся за труд с успехом».⁷⁷ Само собою разумелось, что такие издания должны всячески стимулироваться Академией.

Точно так же должна была поощряться исследовательская и просветительная работа в разных областях знания. Сам Ломоносов своим примером показал, какую пользу приносят такие разносторонние ученые. Действовавший Регламент это исключал, ограничивая деятельность академиков строгими рамками занимаемых ими должностей. В свой новый Регламент Ломоносов внес такой пункт: «Нередко случаются в ученых людях полигисторы, то есть разные науки знающие так довольно, что могут в них производить новые приращения. Для того им сие не токмо не запрещается, но еще за полезное и надобное дело почитается».⁷⁸ Ломоносов отметил, что такие ученые увеличивают число членов Академии, которые могут компетентно судить о трудах своих коллег; иногда им приходится бывать единственными судьями представленных для обсуждения работ; это неизбежно в тех случаях, когда по какой-нибудь кафедре в Академии имеется всего один лишь специалист.

Отзывам на выполненные в Академии работы в Регламенте Ломоносова было уделено не мало внимания. Уже не раз упо-

миналось о горячих спорах и даже схватках, возникавших нередко в Академии вокруг различных диссертаций. Вспомним дебаты, вызванные, в частности, работой самого Ломоносова «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих». На собственном примере он убедился, что ученый может остаться в одиночестве, особенно когда высказывает новые мысли, не понятые членами корпорации, к которой он принадлежит. В таких случаях споры неизбежны. Но критические замечания никогда не должны переходить определенных границ. Нечего греха таить, в Петербургской Академии, как, впрочем, и в других научных организациях, нередко раздавались едкие и несправедливые замечания, оскорбительные для авторов обсуждаемых работ, даже тогда, когда последние пролагали новые пути в науке. Ведь были же подняты на смех те члены Королевского общества, которые впервые сообщили о замечательных исследованиях, проводимых В. Франклином в далекой Филадельфии.⁷⁹

Поэтому Ломоносов требовал такой критики, которая не роняла бы личного достоинства критикуемых. «Что в какой диссертации автор изобразит неясно или недовольно докажет, и будет у него требовано на то справедливое удовольствие, то дозволено ему прежде издания прибавлять изъяснения и пополнения, ибо диссертация читается в Собрании не ради того, чтоб автора постыдить опровержениями, но чтоб изыскать самую правду, причем убегать надлежит всяких шумов и досадительных речей».⁸⁰ Ломоносов предлагал, чтобы Устав требовал от руководителей Академии «всячески отвращать» подобное отношение к критикуемым.

Заботой о правах творчески работающего ученого были проникнуты и многие другие строки Ломоносовского Регламента. Каждому академику должна быть представлена возможность защищать свою точку зрения даже и тогда, когда все остальные члены Академии с ним не согласны. Критикуемому автору предоставлялась возможность апеллировать к арбитру, избранному из состава зарубежных почетных членов Академии: «Ежели какое сочинение будет спорного достоинства и автор покажет довольные причины, что по пристрастиям оное не приемлется в „Комментарии“, то сие решить взятием голосов от иностранных членов». Впрочем к этому прибегать Ломоносов рекомендовал лишь крайне редко. В случае же если и иностранные члены Академии будут не согласны с автором, его произведение без соответствующих исправлений не должно публиковаться в печатном органе Академии, однако ему не возбранялось издать свой труд в другом месте.

Кроме обсуждения выполненных работ, в Академическом собрании должны оглашаться письма, полученные от иностранных научных корпораций или от отдельных ученых. Краткое содержание этих писем должно было заноситься в журнал (протокол). Это делалось, впрочем, уже с первых дней существования Академии и послужило важным источником для изучения международных научных связей.

Заключительная глава разработанного Ломоносовым Регламента была посвящена торжественным ассамблеям, которые им названы публичными Академическими собраниями, служащими «для показания обществу трудов академических».⁸¹ Он считал желательным устраивать ежегодно по два таких собрания, но не менее одного в год, в зависимости от наличия тем, «достойных торжественного предложения ученому свету и всем наук любителям».⁸²

Согласно новому Регламенту, из трех докладов на торжественном собрании два должны быть сделаны на русском языке, третий может быть прочтен на латинском. Исключение допускалось лишь в тех случаях, когда на собраниях присутствуют иностранные знаменитости, не знающие ни русского, ни латинского языков. В таких случаях один доклад может быть прочтен на немецком или на французском языке при обязательном условии, если автор «совершенно искусен в рассуждении исправного штиля и чистого выговору».⁸³ Было предусмотрено, что на торжественных собраниях могут выступать и иностранные почетные члены Академии на латинском или на своем родном языке.

Выступления на торжественных собраниях действительных членов Академии должны быть предварительно обсуждены и апробированы. Каждое из них, кроме наличия в содержании «новой материи», должно отвечать еще двум неперенным условиям: «1) чтобы материи глубокого изыскания изображены были ясно и понятно по крайней возможности, 2) чтобы сочинения не были излишно долги, дабы все действие с объявлением задач и награждений больше двух часов не продолжалось».⁸⁴

Торжественное собрание должно заканчиваться объявлением конкурса на лучшее решение важной научной проблемы и оглашением результатов предыдущего конкурса «для ободрения ученых людей во всем свете к полезным новым изысканиям в науках».⁸⁵ Темой должен быть или спорный вопрос, или совершенно новый. Тему должен выдвинуть и ее программу разработать академик, к чьей кафедре она относится. Работы, претендующие на присуждение премии, должны быть присланы

не менее чем за полтора месяца до торжественного собрания. Ломоносов рекомендовал премию не выдавать, если на конкурс была представлена только одна работа, «ибо сие награждение определено лучшему сочинению, а одно не может быть себя самого ни лучше, ни хуже, и потому задачу отсрочить до будущего публичного собрания».⁸⁶

Кроме Регламента, Ломоносов разработал проект привилегии Академии наук,⁸⁷ составленный в виде высочайшего указа. В чиновничье-бюрократическом строе, где вес человека в обществе, независимо от его личных достоинств, определяется по тому месту, которое он занимает в таблице о рангах, чины и звания всегда имеют исключительное значение. Академия терпела не малый ущерб от того, что ее персонал в этом отношении был обойден. Добиваясь исправления создавшегося положения, Ломоносов при составлении проекта имел в виду не столько таблицу о рангах, сколько широкие привилегии, коренным образом отличающие высшее научное учреждение страны от других «команд». Проектируемый указ должен был прежде всего напомнить всем большим и малым чиновникам, что Академия наук им не подчинена, а находится в непосредственном ведении верховной власти. Первый пункт указа гласил: «Всемиловейше принимаем оную нашу Санктпетербургскую Академию в единственное свое всемиловейшее покровительство дабы произвождение ученых дел простиралось беспрепятственными успехами и никто б не дерзал оным чинить помешательства и остановки никакими налогами и пройсками. Таковые почтутся недоброжелательми отечеству и противными высочайшему нашему благоволению».⁸⁸ Далее, согласно этому же пункту, никто из личного состава Академии не мог быть привлекаем к суду без ее разрешения, так как она «сама имеет власть давать внутри своего правления между своими суд и расправу».

Хотя Академия и являлась одной из «команд», но в отличие от других ведомств, сотрудники которых постоянно должны были находиться в «присутственных местах» и заниматься служебными делами на дому им запрещалось, члены Академии основные свои работы проводили дома — «большие и глубочайшие их изыскания и уединенные труды происходят, где они жительство имеют, в котором должны они иметь возможную спокойность».⁸⁹ Ввиду этого жилища академиков освобождаются от постоев и каких бы то ни было других повинностей («полицейских должностей»).

Академия должна иметь предпочтение перед другими ведомствами и в смысле очередности получения ассигнованных ей средств из штатс-конторы. Было ведь время, когда о ее

нуждах меньше всего беспокоились и, как уже отмечалось, академики и другие служащие не месяцами, а годами не получали жалования.

Ломоносов счел необходимым внести и пункт об оплачиваемом отпуске, которым до того в Академии никто не пользовался, — это было большое новшество. Для оправдания этого нововведения пришлось сослаться на зарубежные порядки. «В благоустроенных европейских академиях и училищах, — читаем мы в пункте 4, — позволяется учащим и учащимся летнее прохождение и отдохновение, дабы в течение трудов годовичного обращения на несколько освободиться от утомления мыслей. Для того позволяем нашей Академии наук вместе учащим и учащимся быть свободными от своих должностей на весь июль месяц».⁹⁰ Чтобы добиться столь необходимого ученым летнего отдыха, Ломоносов вынужден мотивировать это тем, что и на лоне природы академики не будут проводить время в праздности, а воспользуются представляющимися возможностями для новых исследований.

Что же касается чинов и званий, то по проекту Ломоносова они присваиваются лишь после получения соответствующих ученых степеней. Таких степеней предполагалось установить две: магистр, или лицензиат (для юристов и врачей), и доктор.

Ломоносов требовал, чтобы в отличие от некоторых зарубежных стран в России за получение диплома на ученую степень не вносилось ни «малейшей платы» в казну. Присуждение степени должно было сопровождаться и присвоением чина: магистру и лицензиату — поручика, а доктору — капитана. Иностранцы должны были пользоваться теми же правами, но лишь пока они находятся в России.

Даже и о пенсиях вдовам и сиротам академиков не забыл Ломоносов. Собственно в его проекте речь шла не о пенсии, а о пособиях. Академики тогда жили только на получаемое жалование, которого едва хватало на жизнь. Лучшие годы они, как писал Ломоносов, целиком отдавали любимому делу и не только ничего не успевали приобрести, но и «имевшиеся свои пожитки на оное употребляют».⁹¹ Обычно вдовам, по определению президента, выдавался годовой оклад умершего. Ломоносов добивался, чтобы это было узаконено указом о привилегиях Академии наук. Детям же умерших академиков предлагал выдавать пособие до совершеннолетия, как это предусмотрено Адмиралтейским регламентом. Ломоносов считал, что все эти «щедроты» не лягут бременем на государственную казну. Необходимые средства будут поступать в Академию из доходов, получаемых от академических изданий, которые

согласно новому Уставу, будут выпускаться государственными типографиями.

Последний пункт проекта предусматривал бесплатный отпуск лекарств всему личному составу Академии, в том числе и учащимся.

Ломоносов был убежден, что обнародование этих привилегий значительно поднимет вес Академии в обществе. В ее учебные заведения вольется широким потоком молодежь — дворяне и разночинцы со всех концов страны. Молодым людям из прибалтийских окраин незачем будет ездить за границу, и они предпочтут Академический университет зарубежным высшим научным заведениям. Все это нашло отражение в заключительных строках проекта указа, призывавшего русскую молодежь в Академический университет: «Природным нашим российским подданным всемилостивейше повелеваем, чтоб как дворяне, так и разночинцы сею нашею монаршею милостию пользовались, имели целому отечеству славу и пользу и самим себе честь и выгоды».⁹²

Планы Ломоносова шли еще дальше; его воображению рисовалась картина, когда Академический университет будет привлекать к себе не только русскую, но и зарубежную молодежь. Ведь стала же Академия одним из ведущих мировых научных учреждений. Намечаемые преобразования еще более должны были укрепить авторитет Петербургской Академии в мировой науке.

Эти столь жизненно важные преобразования казались Ломоносову настолько близкими к осуществлению, что, завершив работу по составлению Устава и привилегий Академии, он набросал даже «Проект объявительного указа о новом учреждении Санктпетербургской имп. Академии наук».⁹³ В него вошли все структурные изменения, которые он предлагал осуществить. «Правление нашей Академии, — читаем мы в этом проекте, — препоручаем президенту и вице-президенту обще с академическим профессорским собранием и ради того повелеваем Академическую канцелярию уничтожить, а с Сенатом, коллегиями и другими присутственными местами иметь сношение реченному ж академическому правлению в равенстве с государственными коллегиями».⁹⁴

Биографам Ломоносова не удалось установить, к какому времени относится составление цитируемых документов. Они приблизительно датируются сентябрем 1764—мартом 1765 г., т. е. последними месяцами его жизни. Не сохранилось никаких свидетельств о том, что его проектам дан был какой-либо ход. Они найдены среди оставшихся после него бумаг. Одно лишь

можно сказать, что свои предложения Ломоносов выдвигал в накаленной обстановке борьбы с «неприятельми наук российских», как он называл своих недругов, поставленных вместе с ним у руля управления Академией. Эта борьба занимает большое место в жизни Ломоносова. О Шумахере было уже не мало сказано; теперь необходимо несколько подробнее остановиться на его наследнике.

Сохранилось не мало документов, свидетельствующих о столкновениях Ломоносова с Таубертом на академическом поприще. Преемник Шумахера оказался таким же ловким, как и его тесть, умевший выворачиваться из самых сложных обстоятельств, угрожавших ему, казалось бы, неминуемым провалом, если не гибелью. В октябре 1760 г., после взятия Берлина русскими войсками, в печатном органе Академии «Санкт-петербургских ведомостях» были опубликованы официальные сообщения об этом. «Ведомости» выходили и на немецком языке. В это издание «Ведомостей» вкрались непростибельные искажения.⁹⁵ Ответственность за это дело должен был нести Тауберт; он не только ведал типографией Академии наук, но с 1751 г. ему было поручено «исправлять перевод российских Ведомостей». Ломоносов, как советник Академической канцелярии, не мог остаться в стороне от этого инцидента, ответственность за который несла и Канцелярия в целом. 9 декабря 1760 г. он вошел в Канцелярию с следующим «представлением»: «С сожалением я слышал, что не токмо в городе, но и при дворе е. и. в. знатные особы негодуют на Канцелярию академическую [за] несправедливый поступок, что она по сие время не учинила изыскания и рассмотрения о том, каким образом и от кого произошли непростибельные погрешности при переводе и печатании реляции о взятии Берлина и не учинено никакого виноватым в том штрафа»,⁹⁶ и он требовал расследования этого дела.

Сохранилась записка, представляющая конспект устного выступления Ломоносова в Канцелярии по этому вопросу.⁹⁷ Вот что гласит этот документ: «1. Тауберт по тому совершенно виноват, что о изыскании дела умалчивал, затем что он тому причина. Ему бы надлежало паче всех стараться и спешить для своего оправдания. 2. Хотя и везде должно наблюдать свою должность, однако в сем важном деле много осторожнее: Берлин однажды был взят. 3. Дело весьма невеликое — два листа прочесть за неделю». Для Тауберта, пользовавшегося покровительством влиятельных особ при дворе, это дело прошло без последствий. Ему вообще с рук не мало явных упущений и преступлений по должности; искусный в угождении на-

чальству, он всегда выходил сухим из воды. Так ему сошел с рук отказ от выполнения перевода актов лифляндского законодательства. Это поручение было дано Академии Сенатом. Работа требовалась громадная, и Тауберт отказался от нее в резкой форме. Ломоносов с этим не согласился и, насколько возможно, смягчил определение Канцелярии по этому делу,⁹⁸ подписанное всеми тремя членами Академической канцелярии, т. е. Ломоносовым, Таубертом и Штелином.⁹⁹ По поводу этой истории он писал: «Из Правительствующего Сената указом требовано, чтобы перевести лифляндские права. Подлинно, что у нас таких людей нет, да и я в том не виноват, однако, чтобы Правительствующему Сенату не показать никакой прикромости, советовал я моим товарищам, чтобы по возможности что-нибудь в послушание сделать. Но г. Тауберт ускорив пошел в оный в Сенат с отказом, где ему по справедливости учинен твердый выговор в чувствительное нареkanie всей команды».¹⁰⁰

Унаследовав должность своего тестя, Тауберт в своей деятельности повторял его же методы. Как и Шумахер, он главным орудием считал способ «разделяй и властвуй». Противопоставление одних членов Академии другим, особенно молодых старшим, служило и Тауберту верным средством упрочения своего могущества.

Перечисляя неправильные действия Тауберта, вот что писал Ломоносов в адресованной президенту записке: «По примеру своего тестя старается молодых профессоров и адъюнктов вооружать против старых. Епинуса преклонив на свою сторону, так его употребляет, что не токмо здесь, но и у вашего сиятельства рекомендует выше его знания. Правда, что он изрядный физик, только по астрономии весьма мал в рассуждении практики. Обсервации астрономические требуют долговременного упражнения. Г. Епинус был года с два в Берлине, где ни единого нет доброго инструмента и почти один заржавелый квадрант, и Епинус не видал нигде хороших астрономических инструментов, как только здесь у Грищева.¹⁰¹ Однако, по мнению г. Тауберта, научился он так много, что в так же краткое время научил и Румовского астрономии, и он уже по его рекомендации может сделать обсервацию, которой и славные астрономы не без осторожности ожидают. Коль легкая и подлая наука астрономия! плоше сапожного дела: от не знающего никакой практики Епинуса Румовской выучился в три месяца! Между тем я бы весьма радовался как сын отечества Румовского успехам, и дай бог, чтобы то была правда! Да другим бы не обиди и главной команде не следовало б нареkania».¹⁰²

Перетянув Румовского на свою сторону, Тауберт и его стал сверх всякой меры отличать, действуя через Эпинуса. К тому подвернулся необычайно удобный случай. Начиная с 1759 г. ученый мир готовился к предстоящему 26 мая 1761 г. наблюдению прохождения Венеры по диску солнца. Особенно усиленно готовились Лондонское Королевское общество и Парижская Академия наук, о чем сообщалось в научно-популярном органе Петербургской Академии.¹⁰³ В ней также началась подготовка к этому редкому явлению.¹⁰⁴ Намечалось отправить экспедицию в восточную Сибирь. Академик Гришов, занимавший кафедру астрономии, должен был вести наблюдения, но в начале 1760 г. он заболел и в июне этого года умер, не дожив и до тридцати пяти лет, из которых около десяти лет был членом Петербургской Академии. В это время Разумовский находился на Украине, и Эпинус написал ему туда, предлагая снарядить экспедицию, назначив главным «обсерватором» Румовского. Ему было тогда всего двадцать шесть лет, но с 1753 г. он был уже адъюнктом. Этим назначением как бы подчеркивалось, что молодой подающий надежды адъюнкт заменит Гришова, который, несмотря на короткий свой век, проявил себя как весьма одаренный ученый. Внешне все выглядело как неусыпная забота о выращивании отечественных кадров ученых-исследователей, а в действительности здесь имели место лишь личные соображения.

Разумовский распорядился о посылке не одной, а двух экспедиций,¹⁰⁵ которые должны были отправиться в Иркутск и Якутск (или в Нерчинск).¹⁰⁶ Начальником второй экспедиции был назначен Н. И. Попов, который уже в течение почти десяти лет был профессором (академиком) и занимался астрономическими наблюдениями с студенческих лет у Делиля. Не подлежит сомнению, что Попов значительно уступал Румовскому как по способностям, так и по знаниям. Однако астрономические интересы Румовского только определялись, до этого он занимался главным образом математикой, для чего и был отправлен в Берлин к Эйлеру.

Тауберт делал все, чтобы вызвать «гнев» президента против Ломоносова, но, надо сказать, успеха в этом не имел. Разумовский скорее был на стороне Ломоносова, как это явствует из ниже приводимого документа. Ломоносов писал президенту (декабрь 1761 г.): «Вашему высокографскому сиятельству весьма довольно известно о состоянии Академии наук, испорченном злобными поступками Шумахеровыми и нахальными и коварными происками зятя его, прямого наследника в продолжении академического несчастья, советника

Тауберта, о чем я вашему сиятельству уже тому около девяти лет многократно представлял словесно и письменно здесь, в Москву и в Малороссию, стараясь прекратить все вкоренившиеся с начала Академии замешательства и непорядки, препятствующие желаемому распространению наук в нашем отечестве. И хотя вашего сиятельства ордеры и частные письма свидетельствуют, что ваше сиятельство такими поступками, для наук вредными, недовольны, однако никакого надлежащего следствия и по нему должного исполнения не учинилось. Остались все шумахеровские происки, властолюбие, препятствия россиянам в науках и бесполезная трата казны е. и. в. по прихотям в помянутом советнике Тауберте».¹⁰⁷

Указав далее, что Тауберт ведет себя по-прежнему, умножая свои «неправильные действия», Ломоносов требовал отдать его под суд, а пока будет производиться следствие, отстранить его от исполнения служебных обязанностей, «дабы не уничтожил каких документов, кои к его изобличению служить имеют». Возмущение Ломоносова дошло наконец до крайних пределов. Уже отмечалось, что он искренне уважал Разумовского и очень дорожил сложившимися с ним отношениями. Тем не менее он не остановился перед тем, чтобы напомнить президенту Академии об указе Петра I (январь 1724 г.), который представлял возможность государственным служащим жаловаться верховным органам власти на неправильные действия их начальников. «Посему, — писал Ломоносов, — прошу от вашего сиятельства скорого повеления на следствие оного Тауберта, ибо я не должен и не могу более молчать и видеть академического несчастья и вашего нареkania и всегдашнего попреку, что науки не процветают... Ежели ж ваше высокографское сиятельство не соблаговолите сей важной моей долговременной жалобы уважить и привести в действие в скором времени ради вашего недолгого, как видно, здесь пребывания, то принужден буду принять законную смелость непременно поступить по высокопомянутому монаршескому указу для избавления восходящих наук в нашем отечестве от наглого утеснения».¹⁰⁸

Сохранился еще и другой вариант перечня «предерзостей» Тауберта, составленный примерно в то же время, тем не менее реального значения предпринятые Ломоносовым шаги не имели. По мнению исследователей трудов Ломоносова, первое, цитированное выше, представление написано было во второй половине декабря 1761 г., т. е. в последние дни жизни Елизаветы Петровны. Последовавшие за тем события, завершившиеся воцарением Екатерины II, обернулись как нельзя лучше

в пользу Тауберта: в его ведении находилась академическая типография, напечатавшая манифест о восшествии Екатерины на престол.¹⁰⁹ Ломоносов же был доведен до того, что он не считал для себя возможным дольше работать в Академии и вынужден был просить об отставке. Подавленное его состояние усугублялось еще и изнурительной болезнью. Однако и в этих трудных условиях, несмотря на тяжелое заболевание, Ломоносов продолжал быть неутомимо деятельным, о чем свидетельствуют его отчеты, представления и личная переписка.

Необходимо прежде всего остановиться на относящемся к началу 1763 г. «Отчете о состоянии Физической камеры, Обсерватории и Ботанического сада».¹¹⁰ Этот документ убеждает в том, насколько было жизненно необходимо передать в исключительное ведение («единственное расположение и смотрение») Ломоносова руководство научной деятельностью Академии. Он писал президенту: «По моей должности и совести не могу преминуть, чтоб не рапортовать вам, милостивому государю, о весьма худом состоянии самых нужнейших академических департаментов». И прежде всего он остановился на Физической камере.

Это учреждение, с которого ведет свое начало нынешний академический Физический институт имени П. Н. Лебедева, трудами академика Крафта и его преемника Рихмана было доведено до цветущего, или, как писал Ломоносов, нарочитого, состояния. Правда, пожар в Академии 1747 г. не пощадил и Физическую камеру, которая при этом значительно пострадала, но это было своевременно исправлено. Действительно, Рихман оставил после себя первоклассную лабораторию, где можно было не только вести научные исследования, но и проводить занятия с академическими студентами по экспериментальной физике. Можно было ожидать, что преемник Рихмана, Эпинус, не менее одаренный ученый-исследователь продолжит дело своих предшественников и подымет на новую высоту столь важное для Академии учреждение. Были все основания на это надеяться, тем более что вступив в Академию, Эпинус подружился с Ломоносовым, который признавал в нем выдающегося ученого. Но Тауберт ловко использовал разногласия между этими учеными и перетянул на свою сторону Эпинуса,¹¹¹ который, предпочитая теоретические исследования, мало интересовался экспериментами.

Ломоносов должен был сообщить о полном развале Физической камеры. «Лежат, — писал он с горечью, — уже много лет Физические инструменты по углам разбросаны, в плесени и во ржавчине, безо всякого употребления ни к новым академическим

изобретениям, ниже для чтения студентам физических лекций. Г-н коллежский советник и физики профессор Епинус, не взирая на свою должность, чтоб ему Физическую камеру не токмо содержать в добром состоянии, но и стараться довольствоваться новоизобретенными инструментами, с самого своего вступления в академическую службу едва бывал там, где валяются физические инструменты, а от лекций письменно отказался, предложив невозможные кондиции. Бывшее от меня дружеское напоминание превратило его в горького мне неприятеля».¹¹²

Лесть и непомерные восхваления, расточаемые Таубертом, привели к тому, что Эпинус стал вести себя непозволительным образом. Под явно несостоятельными предложениями он отказался от чтения лекций в Академическом университете, преподавание в котором было поистине научно-педагогическим делом. В то же время Эпинус согласился на педагогическую работу в Кадетском корпусе, где получал дополнительный весьма солидный оклад (900 рублей в год). Ломоносов указывал: «Довольно известно, какие отговорки подал письменно профессор Епинус, чтобы не читать физических экспериментальных лекций студентам. Я о том представлял, однако ему упущено, ныне ж в Кадетском корпусе за то принялся. Называл тогда скучною работою читать студентам физические лекции, как видно по наущению, чтобы Университету сделать в исправлении препятствие. А ныне не токмо воробья уморить антилиею (воздушный насос, — М. Р.), но и реестр держать кадетским в классы приходам и выходам не скучно тому ж Епинусу».¹¹³ В черновике этого документа имеется еще такая фраза: «Все делает по наущениям Таубертовым и конечно должности академика не исправит».¹¹⁴

Не лучше дело обстояло и с Академической обсерваторией. Тауберт в обход Ломоносова и без его ведома добился от Разумовского ордера,¹¹⁵ согласно которому Обсерватория была отдана Эпинусу в его ведение и «расположение», что явно ограничивало компетенцию Ломоносова, которому президентом же в 1758 г. было поручено руководство всеми научными учреждениями Академии. Подписывая распоряжение об отдаче в исключительное ведение Эпинуса Астрономической обсерватории, Разумовский, по-видимому, не отдавал себе отчета в том, насколько это задевает Ломоносова. Он знал, что Эпинус пользовался репутацией признанного во всем мире научного авторитета, и этого было достаточно, чтобы, не раздумывая, утвердить представление Канцелярии, подписанное, правда, только Таубертом и Штелином.

35 "Научное наследие России"

Это была одна из интриг Тауберта, стремившегося воспользоваться каждым подвернувшимся случаем, чтобы оттеснить Ломоносова от занимаемых им позиций. Обращение Ломоносова к президенту представляло собой протест против нового назначения Эпинуса, которое было произведено без ведома члена Академической канцелярии, на попечении коего находились «до наук надлежащие академические департаменты». Вот те строки из «Отчета о состоянии Физической камеры, Обсерватории и Ботанического сада», которые изображают неприглядное положение Обсерватории, создавшееся с тех пор, как она перешла в ведение Эпинуса: «Обсерватория астрономическая хотя всегда служила больше к профессорским ссорам, нежели к наблюдениям светил, однако ныне уже походит на запустелый после разделения языков столп вавилонский. Не взирая на положенные иждивения к строению башни после пожара, на частые поправки и перепочки, несмотря на то, что от Правительствующего Сената вдруг дано было на инструменты 6000 рублей, не приносит Обсерватория ни ученому свету пользы, ниже Академии чести. Г. Епинус, получив себе в единственное расположение Обсерваторию, не допускает на оную старшего астрономии профессора Попова и адъюнкта Красильникова, коим всегда был туда вход невозбранен при Делиле и при Гришове».¹¹⁶ Ломоносов настаивал на том, чтобы Обсерватория была «невозбранна г. Попову, как старшему здесь астроному и который должен показывать астрономические лекции, также г. Красильникову, и геодезистам, и студентам астрономии и географии, ибо она для того и построена, чтобы пользоваться природным россиянам к пользе отечества».¹¹⁷ Как и многие другие обращения Ломоносова, и это осталось без последствия.

Нельзя сказать, что Разумовский остался глух к представлению Ломоносова. Он тут же потребовал письменного объяснения от Эпинуса и Румовского. Однако в бумагах Архива АН СССР никаких следов, которые свидетельствовали бы о выполнении Эпинусом этого указания, не обнаружено.¹¹⁸ Румовский же в своем ответе называл обвинения, выдвинутые Ломоносовым, «напрасными», а похвалы Попову и Красильникову — преувеличенными. Румовский просил президента защитить его от преследований Ломоносова. «От утеснения его, — писал Румовский президенту, — избавления мне нигде искать не дозволено, как у вашего сиятельства. И для того всепокорно прошу принять меня в свое покровительство и защитить от гонения г. статского советника».

Запущенной оказалась и область ботаники, изучение которой выдвинуло в свое время Петербургскую Академию на одно из первых мест в мире. Достаточно вспомнить труды академика Гмелина. И кроме Гмелина, Академия имела в своих рядах выдающихся ученых, но благодаря проискам Тауберта она их растеряла. Ботанический сад, как писал Ломоносов в другом месте, «лежит в запустении и больше на дровяной двор походит».¹²⁰

В заключении «Отчета» Ломоносов писал: «Сии толь важные академические департаменты самых главных наук, без коих сей корпус и Академиею наук отнюд назваться не может, лежат бесполезны, в плачевном состоянии».¹²¹

Дворцовый переворот, приведший к власти Екатерину II, произошел 28 июня 1762 г., а через три недели, 19 июля, последовало награждение Тауберта (как и других участников переворота), и это ставило его в положение старшего члена Академической канцелярии. Через пять дней Ломоносов писал Воронцову: «Бороться больше не могу; будет с меня и одного неприятеля, то есть недужливой старости. Больше ничего не желаю, ни власти, ни правления, но вовсе отставлен быть от службы, для чего сегодня об отставке подал я челобитную его сиятельству Академии наук г. президенту и о награждении пенсиею для прокормления до смерти и с повышением ранга против тех, коими обойден».¹²²

В «челобитной», адресованной императрице, Ломоносов кратко, но выразительно перечислил свои труды, оказавшие стране не малую пользу. Он указал, что на службе находился тридцать один год (считая и годы учения, начиная с поступления в Славяно-греко-латинскую академию). Из них двадцать лет он трудился на научном поприще и преуспел здесь не мало, что признано как в России, так и за границей. Во всей своей деятельности, подчеркивал он, преследовал одну цель — все свои силы и знания направить на пользу родине, трудясь в горячо любимой им Академии наук. «Обращался я в науках со всяким возможным рачением и в них приобрел толь великое знание, что по свидетельству разных академий и великих людей ученых, принес я ими знатную славу отечеству во всем ученом свете».¹²³

Столь же важной заслугой, как достижения в научно-исследовательской своей работе, Ломоносов считал свои труды по русской истории и филологии. «На природном языке, — указывал Ломоносов, — разного рода моими сочинениями, грамматическими, риторическими, стихотворческими, историческими, также и до высоких наук надлежащими, химическими и меха-

ническими стиль российский в минувшие двадцать лет несравненно вычистился перед прежним и много способнее стал к выражениям идей трудных». ¹²⁴

Гордиться он мог и своей научно-организационной деятельностью. За этот относительно небольшой срок, в течение которого он состоял советником Академической канцелярии, значительных успехов достигли Географический департамент, Университет и Гимназия. На этой работе силы его надорвались. «Не взирая, — писал он, — на мои вышепомянутые труды и ревностную и беспорочную службу для приращения наук в отечестве близ двенадцати лет, в одном чину оставлен я, нижайший, произвождением и обойден многими, меня молодшими в статских чинах, которым при сем реестр сообщается, и тем приведен в великое уныние, которое болезнь мою сильно умножает». Поэтому он и просит об отставке с пожизненной пенсией в размере получаемого им оклада (1800 рублей в год) и с повышением в чине. ¹²⁵

Поданное Ломоносовым прошение долго странствовало по «инстанциям». Двор был занят делами поважнее — начались приготовления к коронации. Царица вместе с придворными, и в том числе с Разумовским, уехали в Москву, где она задержалась и после коронования. Однако она вспомнила, наконец, о Ломоносове и чуть ли не через год, 23 апреля 1763 г., написала статс-секретарю А. В. Олсуфьеву: «Адам Васильевич. Я чаю — Ломоносов беден: сговоритесь с гетманом, не можно ли ему пенсию дать, и скажи ответ». ¹²⁶

Создавшееся положение при дворе было весьма неблагоприятным для Ломоносова. И. И. Шувалов, игравший ранее столь важную роль, был отстранен, а недруг Ломоносова, Теплов в отличие от своего патрона возвышен и назначен статс-секретарем Екатерины II. Надо полагать, что не без участия Теплова был подготовлен указ, подписанный царицей 2 мая 1763 г.: «Коллежского советника Михайлу Ломоносова всемилоостивейше пожаловали мы в статские советники и вечною от службы отставкою с половинным по смерти его жалованьем». ¹²⁷ Враги Ломоносова были вне себя от радости. Миллер, например, 16 мая писал в Германию почетному члену Петербургской Академии наук И.-Х. Гебенштрейту, бывшему ранее действительным ее членом: «Академия освобождена от г. Ломоносова. Именной указ императрицы от 2 мая заключает в себе, что он навечно увольняется в отставку и впредь будет пользоваться половинным жалованьем». ¹²⁸

О своей отставке Ломоносов сам известил Канцелярию 15 мая, но уже за два дня до того имя Ломоносова перестало

встречаться в журнале Канцелярии и в числе присутствующих, и в числе отсутствующих ее членов.¹²⁹

Однако враги Ломоносова рано праздновали свою победу, которая оказалась призрачной. В тот день, когда имя Ломоносова перестали вносить в журнал Канцелярии, в Сенате была получена собственноручная записка Екатерины: «Естьли указ о Ломоносова отставке еще не послан из Сената в Петербург, то сейчас его ко мне обратно прислать».¹³⁰

Что побудило Екатерину отменить указ, ею же подписанный, неизвестно. В журнале Канцелярии от 18 августа мы читаем: «Г-н коллежский советник Ломоносов, в присутствие вступя, объявил, что он за болезнию своею поныне не присутствовал в Канцелярии, а ныне, получа от оной свободу, в Академической канцелярии присутствовать и дела слушать будет. И о том приказали для ведома записать в журнал».¹³¹ А еще раньше, месяца за полтора до того, как Ломоносов после длительного перерыва пришел в Канцелярию, узнав об отмене указа об отставке, он сам составил два варианта проекта именного указа о передаче в исключительное его ведение всей научной части Академии и присвоении ему чина действительного статского советника или об увольнении его совсем от службы.¹³²

Проект указа в обоих вариантах был приложен к одному из последних известных нам писем М. И. Воронцову. Оно в большей мере, чем ранее упомянутое, показывает обстановку работы Ломоносова. «Вашему сиятельству довольно известно, какие распри, тяжбы и почти волнения у Шумахера почти со всеми профессорами с начала Академии, с советником Нартовым и с другими академическими российскими служителями, и что так же поступает его зять и наследник, и можете милостивейше рассудить, сколь много я от обеих ношу коварных нападков. Итак, не могу больше терпеть таких злодейских гонений, и сил моих нет больше спорить, и наконец намерен остатки изнуренных на науки и на тщетные споры дней моих препроводить в покой, который мне двумя способами от всемилостивейшия государыни пожалован быть может. Первое, буде поручены мне будут ученые, поныне в моем смотрении бывшие академические департаменты в единственную дирекцию, выключая других товарищей, кои мне по сию пору мешали в добрых предприятиях, или мне дать полное увольнение от всех дел академических».¹³³

Недругам Ломоносова удалось вмешать в свои происки Эйлера. Румовский написал ему, жалуясь на притеснения, которые он терпит от Ломоносова. Живя вдалеке от Петербурга, Эйлер, конечно, не мог знать подлинного положения вещей, но решил заступиться за своего ученика; из письма

к Миллеру (февраль 1765 г.) видно, что он ходатайствовал за Румовского перед государственным канцлером М. И. Воронцовым.¹³⁴

Несмотря на то, что это было письмо личное, Миллер не преминул показать его в Академическом собрании (21 февраля 1765 г.).¹³⁵ Ломоносов в это время был уже прикован к постели, но его друзья, присутствовавшие на заседании, сообщили ему о выпаде Миллера. Он решил написать тотчас же Эйлеру. Сохранился набросок письма Ломоносова. «В высшей степени удивился я тому, — читаем мы в письме, — что ваше высокородие, великий ученый и человек уже пожилой, а сверх того еще и великий мастер счета, так сильно просчитались в последнем своем вычислении. Отсюда ясно видно, что высшая алгебра — жалкое орудие в делах моральных: столь многих известных данных оказалось для вас недостаточно, чтобы определить одно маленькое, наполовину уже известное число».¹³⁶ Далее он указывал на то, что Эйлеру хорошо известны личные качества его недругов Шумахера, Тауберта и Миллера, и охарактеризовав их в весьма сильных словах, Ломоносов заметил: «Вы не поставите мне в вину резких выражений, потому что они исходят из сердца, ожесточенного неслыханной злостью моих врагов».¹³⁷

Эти слова были написаны за полтора месяца до кончины Ломоносова. Письмо Эйлера было последней и, пожалуй, самой горькой каплей в чаше, которую Ломоносову пришлось испытать в конце дней своих. Только подавленным настроением можно объяснить следующие его слова, сказанные Штелину за несколько дней до кончины: «Друг, я вижу, что я должен умереть, и спокойно и равнодушно смотрю на смерть, жалею только о том, что не мог я совершить всего того, что предпринял я для пользы отечества, для приращения наук и для славы Академии, и теперь при конце жизни моей должен видеть, что все мои полезные намерения исчезнут вместе со мною».¹³⁸

Жизнь показала, что Ломоносов был неправ. Двухвековая деятельность Академии наук убеждает, что в мощном развитии отечественной науки, достигшей в наши дни недостигаемых высот, заложены семена, посеянные Ломоносовым.

Глава IX

ПАМЯТИ М. В. ЛОМОНОСОВА

15 апреля 1765 г., через одиннадцать дней после кончины Ломоносова, с речью памяти его в Академическом собрании выступил почетный член Академии Николай-Габриель Леклерк.¹

Об авторе этого первого некролога Ломоносова необходимо сказать несколько слов. В то время он занимал место личного врача у Разумовского. Это обстоятельство в значительной мере было причиной его избрания в Петербургскую Академию. Но Леклерк известен не только как медик, хотя до переезда в Россию у себя на родине во Франции он проявил себя лишь как врач в военном ведомстве.²

Попав в нашу страну, Леклерк заинтересовался историей и культурой России и не мало сделал для популяризации их на французском языке. Правда, не будучи профессиональным историком и не имея глубоких знаний по истории прошлого новой для него страны, он допустил в своих трудах, особенно в главном из них — шеститомной «Истории физической, нравственной и политической древней и новой России»,³ не мало грубых ошибок, вызвавших тогда же резкую критику.⁴ Однако автор искренно стремился ознакомить французских читателей с достоинствами русского народа. Не лишенный литературного дарования, он перевел на французский язык некоторые выдающиеся произведения русских писателей, в том числе поэму Ломоносова «Петр Великий».⁵ За четыре дня до выступления Леклерк был избран в Академию,⁶ и он начал свою речь с благодарности за оказанную ему честь. Замечательная характеристика Ломоносова и оценка значения его в истории русской культуры, данные Леклерком, были совершенно справедливы. Речь эта была им заранее написана, и Собрание приняло реше-

ние хранить копию ее в Архиве Академии;⁷ решение, однако, не было выполнено по причинам, о которых речь будет ниже. Лишь через сто лет текст этой речи удалось найти в Архиве Министерства иностранных дел, и П. П. Пекарский опубликовал ее.⁸

Из выступления Леклерка приведем лишь следующие строки: «Но я слишком много говорю вам о себе, милостивые государи! Польза частного лица не в состоянии вознаградить общественной утраты! То же самое чувство, которое делает меня столь признательным и оказанной вами благодарности, должно откликнуться и на вашу справедливую горесть. Оно должно умилиться вместе с вашими Музами, одеться в траур вместе с ними. Не стало человека, имя которого составит эпоху в летописях человеческого разума, обширного и блестящего гения, обнимавшего и озарявшего вокруг многие отрасли. Не стало возвышенного поэта, который в минуты своего, поистине славного творчества равнялся той птице, которая поднявшись выше облаков, неподвижно останавливает взор на светило, не ослепляясь его блеском! Какой молодой орел в состоянии подражать смелости и быстроте его полета?».

Нетрудно себе представить, какое впечатление произвели эти слова на присутствовавших недругов Ломоносова. Принятое решение, о котором упоминалось выше, было по существу только отпиской. Ведь надо же было как-то откликнуться на выступление личного врача президента, к тому еще весьма ученого человека. Уже на следующем заседании, состоявшемся через три дня, были приняты меры к ослаблению впечатления от выступления Леклерка, как это видно из следующей записи в протоколе от 18 апреля: «Собраны мнения академиков о похвальном слове Ломоносову и другим прежде умершим академикам; эти некрологи должны быть составлены и включены в *Commentarii*».⁹ Еще более выразительным является решение, вынесенное на заседании 22 апреля. Видимо, Леклерк желал, чтобы произнесенная им речь была достоянием не одной лишь небольшой группы ученых (на заседании 15 апреля присутствовало всего восемь академиков), а широкого круга читателей, включая сюда и зарубежных. Вот что гласит протокольная запись: «Недавно произнесенная речь достойного Клерка по приказу президента рассмотрена в Собрании и вследствие того, что некоторые выражения не всем понравились, была передана академикам с тем, чтобы каждый решил, что по его мнению в ней следует смягчить или опустить и доложил бы об этом на следующем собрании».¹⁰ Тем не менее ни на следующем, ни на каком-либо другом собрании больше этот вопрос не поднимался, хотя

известно, что академик Штелин, заменивший Миллера на посту конференц-секретаря Академии, готовился выступить, правда, не с «панегириком», как это полагалось в таких случаях, а с целью лишь «просмотреть краткую биографию знаменитого человека, оказавшего великие заслуги отечеству, наукам и искусствам, человека, можно сказать, необыкновенного».¹¹

Образ Ломоносова-ученого был воскрешен лишь в XX в., и главная заслуга в этом принадлежала Б. Н. Меншуткину.¹²

Трудно переоценить то, что было сделано этим первым исследователем жизни и творчества отца русской науки. Справедливость, однако, требует отметить, что Ломоносов и его деятельность и до работ Меншуткина не совсем были забыты. Рост национального самосознания в России побудил ее передовых людей в XVIII и XIX вв. с благодарностью обращаться к памяти «первого русского университета», как называл Пушкин Ломоносова, да и в самой Академии наук даже и в XVIII в. были предприняты важные меры к увековечиванию имени Ломоносова.

Надо сказать, что Тауберт, оставшийся после смерти Ломоносова единственным начальником Академической канцелярии, недолго мог управлять делами Академии. В 1766 г. ее структура претерпела важные изменения. Разумовский, как и другие видные деятели предыдущего царствования, был оттеснен от занимаемых им позиций и отстранен от академических дел, хотя формально и числился президентом еще более тридцати лет. В Академии была введена новая должность — главный директор, которым был назначен двадцатитрехлетний брат фаворита Екатерины II Григория Григорьевича Орлова (1734—1783), Владимир.¹³ Пост директора он занимал до 1774 г.,¹⁴ когда у царицы появились новые фавориты. Главный директор Академии стал теперь полновластным ее главой; он положил конец Канцелярии как главного органа управления Академии и отстранил Тауберта от руководства. В бытность Орлова директором Академии было предпринято и осуществлено двухтомное собрание сочинений Ломоносова.¹⁵ Это было третье по счету издание его произведений. Первое из них («Собрание разных сочинений в стихах и прозе Михайла Ломоносова») было выпущено Академией наук в 1751 г.; через шесть лет Московский университет издал «Собрание разных сочинений в стихах и в прозе господина коллежского советника и профессора Михайла Ломоносова». На титуле помечено, что это издание является вторым и расширенным («с прибавлениями»). Сюда вошли, кроме поэтических произведений, и публичные выступления («Слова»).

СОБРАНИЕ
РАЗНЫХЪ СОЧИНЕНИЙ,

въ стихахъ и въ прозѣ

МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

~~~~~

Печашаны при Императорской Академiи наукъ
1751. года.

*Печатана Прозвизнанъ
Графъ Радловскій*

Корректурный оттиск титульного листа Собрания сочинений Ломоносова,
1751 г.

На фронтисписе изображен портрет Ломоносова со следующей надписью под ним:

Московский здесь Парнас изобразил витию,
 Что чистый слог стихов и прозы ввел в Россию,
 Что в Риме Цицерон и что Virgilius был,
 То он один в своем понятии вместил,
 Открыл природы храм богатым словом россов
 Пример их остроты в науках Ломоносов.

В 1759 г. Московский университет предпринял следующий выпуск этого издания «с сочинителевыми исправлениями» под названием «Собрания разных сочинений в стихах и в прозе коллежского советника и профессора Михайла Ломоносова. Книга вторая, в которой содержится Краткого руководства к красноречию разделение первое, состоящее из Риторик, или общих правил обоего красноречия, то есть оратории и поэзии». Академическое издание 1768 г. состоит тоже из двух томов (книг); оно значительно беднее того, которое было выпущено Московским университетом. Научные произведения Ломоносова в нем вовсе не помещены, а из ораторской прозы включены лишь «Слово похвальное» Елизавете Петровне и Петру Великому. Третье Академическое издание сочинений Ломоносова, выпущенное в 1775 г., являлось стереотипным воспроизведением предыдущего, если не считать небольших изменений на титулах.¹⁶

Первые попытки издания собрания сочинений Ломоносова, включающего, кроме речей, произнесенных на публичных ассамблеях, и другие научные труды, принадлежат снова Московскому университету.¹⁷ Издание это подготовлено к печати ректором Московской славяно-греко-латинской академии архимандритом Дамаскиным,¹⁸ в числе ученых титулов которого значится и «Геттингенского Исторического института член». Оно посвящено «почтеннейшим господам Вольного Российского собрания, достойнейшим членам, о поправлении и обогащении российского языка старающихся». В отличие от предыдущих это издание включает и иноязычные сочинения Ломоносова. Свою работу Дамаскин предпринял с целью, как он писал в обращении к членам Вольного российского собрания, «чтобы как переводчики и сочинители наши, так и обучающиеся в школах юноши могли удобнее достать и для подражания в правописании и красоте слога всегда пред очами иметь самого лучшего Российского писателя».

Литературная организация, которой было посвящено это издание сочинений Ломоносова, ставила перед собой именно такие задачи: «Из вышедших на свет, — писал Дамаскин в своем обращении, — старанием вашим нескольких частей опытов трудов

СОБРАНИЕ
РАЗНЫХЪ СОЧИНЕНИЙ

ВЪ СТИХАХЪ И ВЪ ПРОЗѢ

МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.

КНИГА ПЕРВАЯ.
ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ СЪ ПРИБАВЛЕНІЯМИ.

Печатано при Императорскомъ Московскомъ
Университетѣ 1757. года.

Титульный лист Собрания разных сочинений Ломоносова.

Вольного Российского собрания с великим удовольствием я усмотрел, что главное ваше намерение состоит в том, что российский язык удобрить, обогатить и до самого высочайшего совершенства довести. Есть ли что другое, то сие ваше намерение всякой похвалы достойно и предостойно; для того наипаче, что вы, посредством оного воспрепятствуете природному нашему языку от неискусных сочинителей и переводчиков быть испорчену».

В достижении этой цели блестящий пример представляют филологические труды самого Ломоносова, являвшегося пионером русского языкознания.

Новое издание сочинений Ломоносова Московским университетом имело особенно большое значение. Включение в него научных трудов Ломоносова вынудило и Академию наук в дальнейшем не обходить их, как это было сделано в предыдущих изданиях. Академия в следующих изданиях последовала и другому нововведению Московского университета, снабдившего это свое издание биографическим очерком Ломоносова, правда не оригинальным, а заимствованным из словаря Н. И. Новикова.¹⁹ Надо сказать, что в 70-х годах XVIII в. интерес к Ломоносову как деятелю отечественной культуры в значительной мере возрос. Именно к этому времени относится возникновение литературы о нем. В печати начали появляться отдельные произведения, посвященные его творчеству.²⁰

Наибольший интерес привлекали, разумеется, сами произведения Ломоносова. В 1784—1787 гг. Академия выпустила наконец «Полное собрание сочинений Михайла Васильевича Ломоносова с приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде еще не напечатанных творений».

Объявление об этом издании появилось в печатном органе Академии²¹ за год до появления первого тома. Оно было напечатано на первой странице газеты. Это свидетельствовало о большом общественном значении, которое в то время придавалось первой попытке издания полного собрания сочинений Ломоносова. Объявление представляло собой одновременно и проспект издания, и обращение к общественности о содействии в его осуществлении. «Господин Ломоносов, — читаем мы в этом объявлении, — яко член здешней Академии, отдавал сочинения свои печатать в Академическую типографию как-то: Оды, Трагедии, Историю, Грамматику и проч., а после оныя и в других типографиях перепечатаны были. Посему Академия, имея старшее право к напечатанию трудов сего своего бывшего сочлена, ныне к оному и приступает, обещая публике доставить и такие сочинения, которые прежде сего и совсем напечатаны не были;

причем однакож Академия просит всех любителей Российского слова, приятелей и свойственников сего славного мужа, присылать на имя Академии наук господина директора и кавалера ея сиятельства княгини Екатерины Романовны Дашковой²² или в Академическую канцелярию, в которой она присутствует, достоверные известия о жизни сего славного сочинителя, письма и другие могущие у них находиться его сочинения. Сим они не только сделают великое удовольствие Академии и публике, но и воздадут с своей стороны достодолжную честь сему бессмертному сочинениями своими мужу».

Интерес, который вызывало решение издать полное собрание сочинений Ломоносова, побудил Академию последовать примеру Дамаскина и включить в собрание наряду с русскими и иноязычные произведения Ломоносова, расширив намеченный объем издания. В «С.-Петербургских ведомостях» было напечатано следующее объявление: «Как императорская Академия наук, желая издаваемое от оной Полное собрание сочинений покойного профессора и статского советника Михаила Васильевича Ломоносова сделать сколько возможно совершенным, определила к отысканным еще вновь российским его г. Ломоносова некоторым сочинениям присовокупить и латинские, кои в научном свете с неменьшею похвалою приняты, так что все издание будет вообще состоять из шести частей, прежнее же расположение сделано было только на четыре части».²³

Приложенная к собранию сочинений биография Ломоносова была опубликована без указания имени автора. Как установил Д. С. Бабкин,²⁴ это жизнеописание принадлежит М. И. Верекину,²⁵ которому последующие биографы обязаны многими весьма ценными сведениями о Ломоносове, в частности о том факте, что выдающийся русский общественный деятель Феофан Прокопович (1681—1736) знал Ломоносова, когда тот учился в Московской славяно-греко-латинской академии и способствовал ему в поступлении в Академический университет. Однако наряду со сведениями достоверными, автор привел и необоснованные, как например сообщение о пребывании Ломоносова в Киевской духовной академии.²⁶

Существенно новым в этом шеститомном издании явилось то, что с него начинается публикация эпистолярного наследия Ломоносова. В т. I вошло свыше десяти его писем к И. И. Шувалову.²⁷ Им предпосланы следующие строки: «Хотя сии письма и не заключают в себе много, касающегося до наук, и не обогащают содержанием своим любопытство каждого читателя, но поелику все, что произошло из пера г. Ломоносова не может быть не драгоценно, то сей причины ради они в Собрании сем напечатаны,

тем наипаче, что они открывают публике некоторые обстоятельства жизни сего великого писателя». Эти письма содержат не только ценные биографические сведения, но и освещают многие стороны деятельности Академии наук и вообще состояние русской культуры того времени.

Непрерывно возраставший интерес к произведениям Ломоносова заставил Академию повторить это издание вторым (1794) и третьим (1803—1804) «тиснением».

Кроме того, к числу академических изданий должно быть отнесено трехтомное «Собрание сочинений Михайла Васильевича Ломоносова», выпущенное в 1840 г. «Российской Академией». Это учреждение, основанное в 1783 г. Е. Р. Дашковой, имело своим назначением изучение и усовершенствование русского языка и литературы. Оно просуществовало около шестидесяти лет, оставив заметный след в истории русской культуры. В 1841 г. Российская Академия вошла в состав Петербургской Академии наук, образовав II-е ее отделение, которое стало именоваться Отделением русского языка и словесности.²⁸

В соответствии со специальными задачами, стоявшими перед Российской Академией, в осуществленное ею издание вошли лишь литературные произведения Ломоносова, работы по языкознанию, поэтические сочинения и труды, относящиеся к ораторской прозе. Из публичных выступлений на естественнонаучные темы было включено лишь «Слово о пользе химии».

В Предисловии к т. I мы читаем: «Жизнь Ломоносова описана во многих и различных книгах и повременных изданиях; его талант и сочинения оценены и глубокими знатоками словесности и просвещенной публикой. Он был муж высокого ума и обширных сведений и содействовал много к водворению наук в нашем отечестве и к образованию, утверждавшего и усовершенствовавшего языка Российского. Все в том согласны. По сему, излишне было бы говорить здесь, как о самом Ломоносове, так и его творениях. Императорская Российская Академия, издавая снова, в сих трех томах, все стихотворения, избранные речи и Риторику Ломоносова, желает и надеется доставить юношеству и всем любителям Российской словесности образцы и правила поэзии и витийства и тем способствовать к распространению истинного вкуса и просвещения».

В первой половине XIX в., когда в России появились частные издательства, отдельные произведения Ломоносова и собрания их выпускались много раз. Особого внимания заслуживает то, что было сделано в этом направлении такими издателями, как Глазунов²⁹ и Смирдин.³⁰ Но мы не будем касаться трудов, посвященных изучению наследия Ломоносова и изданий его сочи-

нений, осуществленных вне Академии. Особенно велика в этом роль Московского университета.³¹

История изучения жизни и деятельности Ломоносова в Академии наук по существу начинается с 1865 г., когда отмечалось столетие со дня его смерти. Все, что было сделано до того, следует рассматривать лишь как этап, подготовивший почву для возникновения ломоносоведения в нашей стране. Сделанное Академией наук в связи с этим юбилеем послужило фундаментом, на котором зиждется подробное исследование творчества Ломоносова в наши дни. Надо, однако, сказать, что инициатива проведения этого юбилея принадлежала не Академии. В прессе об этом заговорили еще в августе 1864 г.³² В Общем собрании Академии речь о юбилее впервые зашла лишь в январе 1865 г. В протоколе от 8 января 1865 г. записано, что президент Академии — им был тогда Ф. П. Литке³³ — «обратил внимание собрания на то, что 4 апреля сего года исполнится сто лет со дня смерти Ломоносова, скончавшегося 4 апреля 1765 г., и предложил Конференции вопрос, не признает ли Академия уместным ознаменовать сей день приличным торжеством».³⁴

Члены Академии не только признали это уместным — в протоколе записано, что предложение было принято с «единодушным сочувствием», — но и решили не ограничиваться одним лишь «приличным торжеством». Для рассмотрения этого вопроса и подготовки решения по нему была избрана специальная Комиссия из членов всех трех отделений. Наиболее широко было представлено Отделение русского языка и словесности; в Комиссию вошли все его члены, присутствовавшие на собрании: академики И. И. Срезневский,³⁵ А. В. Никитенко,³⁶ Я. К. Грот,³⁷ П. С. Биллярский³⁸ и П. П. Пекарский.³⁹ Физико-математическое отделение было представлено математиком и астрономом Д. М. Перовошиковым⁴⁰ и химиком Н. Н. Зининым;⁴¹ от III отделения был привлечен историк А. А. Куник,⁴² опубликовавший, как мы видели в главе I, основные документы, относящиеся к раннему периоду жизни Ломоносова.

Менее чем через месяц, 5 февраля, Комиссия доложила Общему собранию свои соображения «по вопросу о том, в какой форме приличнее всего может быть выражено Академиею уважение к памяти Ломоносова по случаю совершающегося в нынешнем году столетия со дня смерти знаменитого академика».⁴³ Прежде всего предлагалось устроить торжественное собрание с привлечением представителей широких кругов общественности, а именно публичное собрание с «приличными случаю» речами. Это взяли на себя «с готовностью» академики Грот, Никитенко и Срезневский, причем первый из них должен был быть основ-

ным докладчиком. Академик Перевошиков заявил, что берется собрать и представить в письменной форме материалы, «полезные для оценки ученых трудов Ломоносова», и передать их Гроту. Кроме того, Комиссия предлагала обратиться к членам-корреспондентам Отделения русского языка и словесности поэтам В. Г. Бенедиктову⁴⁴ и А. Н. Майкову⁴⁵ с просьбой написать к юбилею стихи и выступить с ними на торжественном собрании.

На этом заседании президент сообщил, что Академия обратилась к министру народного просвещения (она входила в возглавляемое им ведомство) с ходатайством об учреждении премии имени Ломоносова. Вот что записано в протоколе: «Имя Ломоносова пользуется в России большою популярностью, и потому, если б Правительство, с своей стороны, признало возможным связать с этим именем какое-либо общепользное учреждение, то это было бы, конечно, встречено публикою со всеобщим одобрением и признательностью. Может быть, наиболее приличным учреждением этого рода было бы установление особой премии, которая носила бы название Ломоносовской и была бы раздаваема Академией наук, причем можно было бы дать этой премии специальное, полезное назначение, а именно раздавать ее за важные изобретения и открытия, сделанные в России, и обещающие особенно полезные применения в промышленности и в технических производствах. Этим Ломоносовская премия существенно отличалась бы от тех премий, которые раздаются Академиею за ученое или общепользное сообщение».

По инициативе членов Комиссии была выбита медаль «в знак уважения к памяти знаменитого ученого».⁴⁶ Торжественного заседания в намеченный день устроить было невозможно, потому что на 4 апреля приходился день пасхи, и оно состоялось 6 апреля в обстановке небывалого общественного подъема, связанного с шестидесятыми годами.

В эту знаменательную эпоху образ Ломоносова сделался особенно привлекательным для всех передовых людей России. Академик Грот и начал свою речь «Очерк академической деятельности Ломоносова» следующими словами: «То, что в эти дни совершается по всей России в память родоначальника нашей литературы, есть празднество мысли, какого еще не бывало у нас; это — общественное празднество русского просвещения. В такую эпоху, когда давно признанные заслуги подвергаются строжайшему пересмотру, выражение всеобщего сочувствия к Ломоносову есть явление и отрадное и знаменательное... С развитием нашей гражданской жизни и народности в литературе, на первый план в оценке Ломоносова выступает его общественная деятельность, его национальное значение; он является передовым борцом

русской мысли, русской науки, и общая дань памяти его есть торжественное признание драгоценнейших духовных сокровищ нации». ⁴⁷

Название речи обязывало оратора осветить по возможности всю многогранную деятельность Ломоносова, и это Грот сделал превосходно, насколько ему позволяло время, отведенное для его выступления. Не будет преувеличением сказать, что Грот первый начал глубоко изучать первоисточники, которыми в дальнейшем стали пользоваться биографы Ломоносова. Поэтому его речь, насыщенная богатым содержанием и литературно превосходно изложенная, произвела огромное впечатление. Академик Б. С. Якоби записал в своем дневнике: «Вторник 6 апреля. Большое заседание в память Ломоносова. Более тысячи человек. Зал набит битком. Грот сделал превосходный доклад. Одобрения без конца». ⁴⁸

Выступление академика Никитенко было посвящено трудам Ломоносова в области художественной литературы; его речь была озаглавлена: «Значение Ломоносова в отношении к изящной русской словесности». ⁴⁹ Она произвела на присутствовавших менее выгодное впечатление. Якоби записал: «Никитенко — очень слабо».

Столетие со дня смерти Ломоносова было отмечено по всей стране; ⁵⁰ особенно яркими оказались торжественные заседания в Московском и Харьковском университетах. ⁵¹

В Общем собрании Академии 16 апреля было сообщено, что предложение о Ломоносовской премии правительством одобрено, что для этой цели ежегодно ассигнуется тысяча рублей ⁵² и что Академии было предложено разработать устав («Правила») для присуждения премии. Для этой цели была назначена Комиссия, возглавлявшаяся старшим (по избранию) членом Академии Б. С. Якоби; в нее вошли академики П. Л. Чебышев, ⁵³ Н. Н. Зинин, Н. И. Кокшаров, ⁵⁴ И. И. Срезневский и Я. К. Грот. Через полгода, 8 октября, Комиссия представила проект устава, который после продолжительного обмена мнениями был Академией одобрен, ⁵⁵ а затем утвержден министром народного просвещения. ⁵⁶

В это время Петербургская Академия наук присуждала уже целый ряд премий; из них наиболее значительными были так называемые «Демидовские награды», выдававшиеся уже в течение более тридцати лет. В 1864 г. наследники П. Н. Демидова ⁵⁷ внесли в Академию последний взнос, и со следующего года присуждение этой премии прекратилось. За тридцать четыре года из этого фонда были удостоены премии около сорока работ по различным областям естественных, гуманитарных и иных наук, включая военное дело, сельское хозяйство и архитектуру. ⁵⁸ Но-

вая же премия, как явствовало из выступления Литке на Общем собрании Академии, преследовала гораздо более узкие цели. В ходе обсуждения этого вопроса круг научных вопросов, намеченный президентом Академии, был расширен с тем, чтобы премия выдавалась за труды во всех тех областях знания, в которых прославился Ломоносов. Параграф 3 «Правил» гласил: «Ломоносовскою премиею награждаются труды двоякого рода: 1) ученые исследования и открытия, сделанные в России в области физики, химии и минералогии — и 2) труды по Русской и Славянской филологии и по истории языка и литературы, русского и других славянских народов».⁵⁹ При этом премии присуждались поочередно: начиная с 1866 г. в четные годы они должны выдаваться за работы по естественнонаучным дисциплинам, а в нечетные — за гуманитарные.

Премией могли быть увенчаны лишь такие работы, которые будут признаны, что они «обогащают науку или приводят к особенно полезным, важным и новым практическим применениям». К участию в конкурсе допускались сочинения, написанные на русском языке, как опубликованные (изданные в России), так и представленные в рукописи. Соискатели должны были сами представлять свои работы на конкурс, однако Академии было предоставлено право присуждать премии за труды, которые по каким-либо причинам не были представлены самими авторами. Действительные члены Академии не могли участвовать в конкурсе или они, как сказано в § 7 «Правил» «устраняются от права на получение сих премий». «Правила» допускали участие в конкурсе увенчанной уже премией работы, если труд этот «в такой степени обогащен важными, вновь сделанными исследованиями, что может быть рассматриваем как новое сочинение». Никакая работа не могла участвовать в конкурсе более двух раз. Посылаемые на конкурс произведения должны были быть представляемы не позже 1 июля. Они подлежали обсуждению в соответствующем Отделении Академии, которое и назначало премию на основании решения специальной Комиссии. Постановления Отделений утверждались годичным собранием Академии в конце года. Если ни одна из представленных работ не была удостоена премии, то конкурс переносился на следующий срок.

Так случилось в первый же 1866 г. Недостатка в соискателях не было; на конкурс поступили пять работ,⁶⁰ но, как сказано в Отчете Академии за 1866 г., «по рассмотрении их особой комиссией, составленной из членов Физико-математического отделения, Академия признала, что ни одно из конкурсных сочинений не соответствует условиям, выраженным в Правилах о Ломоносовской премии и что поэтому нет основания к присуждению

III

Медаль памяти Ломоносова.

на нынешний раз премии».⁶¹ Первая по времени премия была присуждена в 1867 г. Горскому⁶² и Невоструеву⁶³ за их труд «Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки». Комиссию по рассмотрению представляемых на конкурс работ возглавлял академик И. И. Срезневский, который в своем отзыве писал: «Труд гг. Горского и Невоструева... явление важное, как в отношении к знаменитому книгохранилищу, заключающему в себе произведения древнего и старинного письма, необходимые для всякого, изучающего язык и литературу русского и всего славянского православия, так и по своему научному значению не только в русской и славянской литературе, но и вообще в научной литературе европейской».⁶⁴

Высокие требования, которые предъявлялись к соискателям, были причиной того, что в течение ряда лет Ломоносовская премия никому не присуждалась.⁶⁵ Из работ по филологии был удостоен до сих пор широко известный труд В. И. Даля⁶⁶ «Толковый словарь живого великорусского языка». Премия была присуждена и известному русскому языковеду, профессору Харьковского университета А. А. Потебне⁶⁷ за его труд «Из записок по русской грамматике».⁶⁸

Строгое отношение к качеству работ, представляемых к Ломоносовской премии, привело к тому, что работы на конкурс поступали не каждый год. Согласно § 7 «Правил о конкурсе», Академия имела право сама выдвигать на конкурс уже опубликованные труды. Так в 1874 г. было премировано изобретение А. Н. Лодыгиным⁶⁹ лампочки накаливания. Его труд был представлен академиком Г. И. Вильдом,⁷⁰ заявившем на заседании Физико-математического отделения, что открытие Лодыгина бесспорно принадлежит к числу «приводящих к полезным, важным и новым практическим применениям».⁷¹ Из премированных работ по физике особое место занимает диссертация Д. С. Рождественского⁷² «Аномальная дисперсия в парах натрия»,⁷³ участвовавшая в конкурсе 1912 г.⁷⁴

Первой выбитой в память Ломоносова медалью была медаль 1865 г.; на ее изготовление Академия отпустила пятьсот рублей. Экземпляр этой медали, сделанный из золота, был передан на хранение Академии, а образец находится в Музее Ломоносова, о котором речь будет впереди. Отпущенных средств было слишком мало для того, чтобы изготовить достаточное количество экземпляров, хотя бы из бронзы. Поэтому было решено объявить подписку, разослав об этом извещения в университетские города и отдельным «надежным» лицам.⁷⁵

Нельзя не остановиться еще на одном мероприятии, направленном к увековечиванию памяти Ломоносова. Хотя оно и

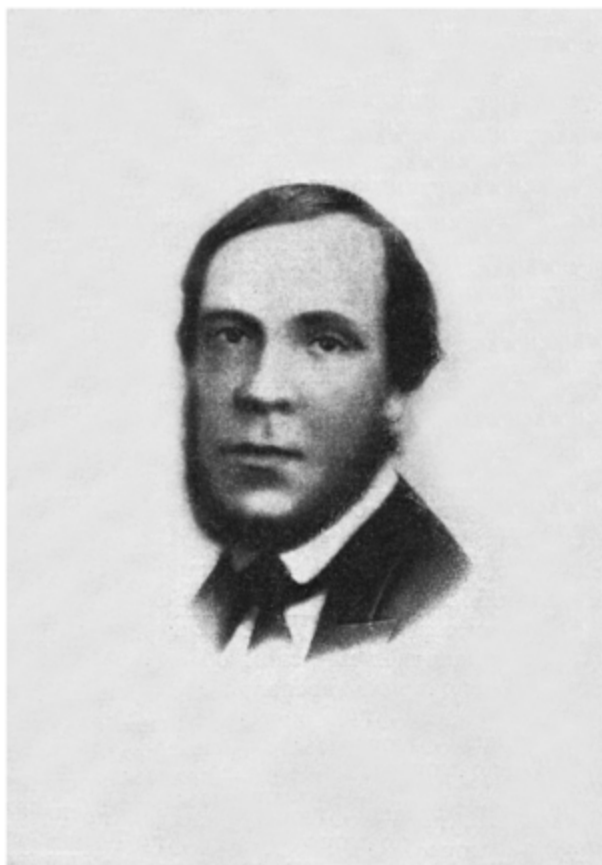
Академик А. А. Куник (1814—1899).

не имело непосредственного отношения к Академии наук, но в нем она приняла активное участие. Речь идет о стипендии имени Ломоносова в Московском университете.

На торжественном заседании 6 апреля 1865 г. непреременный секретарь Академии К. С. Веселовский⁷⁶ в вступительном слове сообщил следующее: «Вдова генерал-лейтенанта Анна Михайловна Раевская, считая Ломоносова в числе предков ее покойного мужа и желая принести дань и своего уважения к его памяти, письмом от 21 марта обратилась к президенту Академии с просьбой об исходатайствовании высочайшего соизволения на учреждение, из процентов жертвуемого ею капитала в 4850 рублей, стипендии в Московском университете с тем, чтобы она носила название „Ломоносовской стипендии Раевского“. На утверждение этой стипендии последовало высочайшее соизволение».⁷⁷

Особый интерес представляет следующее место из выступления непереременного секретаря: «Академики П. С. Билярский и А. А. Куник, желая воздвигнуть памятник Ломоносову из собственных же его деяний, извлекли из академического и других архивов документы, служащие для разъяснения обстоятельств жизни и многосторонней деятельности Михаила Васильевича. Сборники этих документов окончены печатанием и изданы в свет к настоящему торжеству».⁷⁸ Веселовский не преувеличивал. Эти два издания стали поистине прекрасными памятниками великому ученому. Прошло уже почти целое столетие со времени их появления в печати, но они не утратили своего значения. За это время опубликовано не мало новых материалов, но ни один биограф и исследователь деятельности Ломоносова не обходится без материалов, содержащихся в названных сборниках. Даже выпущенное недавно академическое Полное собрание сочинений Ломоносова, снабженное в каждом из десяти томов огромным комментарием, где приведены новые и весьма ценные сведения, не может полностью заменить трудов упомянутых академиков.

Изданию этих сборников предшествовала длительная, кропотливая и трудоемкая работа. Труд Куника состоял из двух частей. В первой из них материалы для биографии Ломоносова напечатаны на языке оригинала (по-латыни, по-немецки и по-французски), а во второй дан их русский перевод. Первая часть вышла в свет уже к дню юбилея, вторая же в конце того же 1865 г. В протоколе заседания, состоявшегося 22 июня 1865 г., записано: «Ак. Куник представил десять отпечатанных листов II части „Сборника материалов для Истории Академии наук в XVIII веке“. Эта часть будет состоять из 15 листов и содер-

Академик П. С. Билярский (1815—1867).

жать в себе сделанный под надзором г. Куника перевод на русский язык латинских, немецких и французских материалов для биографии Ломоносова, напечатанных в I-й части упомянутого Сборника, и сверх того до 30 до сих пор еще не изданных русских документов, относящихся к 1736—1741 годам».⁷⁹

Другой исследователь трудов Ломоносова академик Билярский ставил перед собой гораздо более широкую задачу: он попытался собрать все, что касается и личной жизни и общественной деятельности Ломоносова. Этот обширный том (свыше пятидесяти печатных листов) включает сотни документов, не считая «Краткой истории о поведении Академической канцелярии». Составитель пользовался не только материалами Академического архива и частных собраний, но и сведениями из современной печати, включая и зарубежную.

Работа Билярского по собиранию материалов для биографии Ломоносова отмечена в Отчете Отделения русского языка и словесности за 1863 год. В нем записано, что П. С. Билярский «предположил пересмотреть акты академического архива, чтобы извлечь оттуда материалы, касающиеся жизни и ученых заслуг Ломоносова. До сих пор сведения наши о родоначальнике нашей науки и литературы ограничиваются общими чертами, почерпнутыми частью из его сочинений, а частью из весьма немногих обнародованных других источников. Из них не могло сложиться ни ясного образа жизни, ни характера Ломоносова. Немногим, что нам известно, например, о его истинно гениальных взглядах и наблюдениях по части естественных наук, мы обязаны нашему почтенному академику Д. М. Перевощикову, несколько лет тому назад напечатавшему свои об этом изыскания. Отделению особенно предстояло воспользоваться богатыми средствами для дополнения сведений наших о Ломоносове, заключающимися в академическом архиве. Почетный труд сделать доступными для истории эти средства выпал на долю академика П. С. Билярского, который и занялся им успешно. Собранные им доселе и читанные в заседаниях наших материалы удостоверяют, что этим путем мы дойдем до значительных результатов, которые не мало будут способствовать к полному, по возможности, изображению и самого Ломоносова и его эпохи».⁸⁰

К труду Билярского Академия проявляла неослабеваемый интерес. По мере отпечатания отдельных листов, об этом докладывалось в Отделение русского языка и словесности. Так, из одной протокольной записи видно, что в марте—апреле 1864 г. были напечатаны двадцать листов, а в последующие два месяца печатание «материалов для биографии Ломоносова» было доведено до 31, а в сентябре до 47 листов.⁸¹

Академик П. П. Пекарский (1827—1872).

Кроме Куника и Биярского, собиранием материалов, относящихся к жизни и деятельности Ломоносова, занимался и академик П. П. Пекарский. О результатах он неоднократно сообщал в своих выступлениях на заседаниях Отделения русского языка и словесности.⁸² Собранные Пекарским материалы дополнили сведения, которые содержатся в сборнике, составленном Биярским; они были изданы в 1866 г.⁸³

В итоге работ П. Пекарского получился первый фундаментальный труд по биографии Ломоносова, составивший большую часть т. II Истории имп. Академии наук в Петербурге (свыше сорока печатных листов). Автор воспользовался всеми известными тогда источниками и обогатил сведения о Ломоносове и его окружении новыми, до того никем не опубликованными материалами. К ним до наших дней прибегают все биографы Ломоносова. Однако этот обширный труд все же не представлял собой законченного исследования всех сторон необычайно многогранной деятельности Ломоносова. Полной биографией его нельзя назвать, и Академия решила в 1868 г. объявить, что выдаст премию в две тысячи рублей автору, который 1 марта 1874 г. представит «строго ученое жизнеописание Ломоносова с оценкой его деятельности как писателя, ученого и гражданина».⁸⁴

История этой премии такова. Наряду с Академией наук юбилей Ломоносова был отмечен широкими кругами общественности, для чего был создан специальный Ломоносовский комитет, возглавлявшийся Г. А. Щербатовым.⁸⁵ Были собраны большие по тому времени средства — из них две тысячи рублей предназначались на премию автору солидной биографии Ломоносова. Комитет решил обратиться к Академии наук с просьбой взять на себя организацию конкурса и присуждение премии. Вот что писал председатель Ломоносовского комитета президенту Академии наук: «Ломоносовский комитет, учрежденный с высочайшего разрешения 19 марта 1865 г., в заседании своем 27 ноября истекшего 1867 г. приступил к осуществлению неисполненных им пунктов высочайше утвержденной программы празднования Ломоносовского юбилея, и между прочим, постановил: назначить из имеющегося ломоносовского капитала две тысячи рублей серебром на премию и пособие для издания автору лучшего строго ученого жизнеописания Ломоносова с оценкой его деятельности как писателя, ученого и гражданина, с представлением в пользу автора всех доходов с этого издания; самый же прием и разбор этого жизнеописания поручить имп. Академии наук, но с тем, чтобы составление программы задачи и определение различных в этом отношении подробностей

возложено было на особую комиссию из членов Ломоносовского комитета А. Д. Галахова,⁸⁶ В. И. Ламанского,⁸⁷ П. П. Семёнова⁸⁸ и А. И. Ходнева⁸⁹ и чтобы при обсуждении вопроса о назначении премии вышеупомянутые члены комиссии были приглашены в заседание имп. Академии наук с правом голоса».⁹⁰

Академия охотно взяла на себя организацию конкурса, но отказалась присуждать премию по программе, не ею составленной. Литке в письме к министру внутренних дел настаивал на том, чтобы жюри конкурса состояло из одних академиков.⁹¹ Этот вопрос рассматривался в комитете министров, и предложение Академии было принято, однако с включением в состав жюри представителя Ломоносовского комитета.⁹²

Были разработаны «Правила о премии за ученое жизнеписание Ломоносова». Параграф 3 гласил: «В ученое жизнеписание Ломоносова, кроме полного изображения всех сторон его деятельности, излагается оценка его трудов в области физики, химии, минералогии, геологии, металлургии, русской истории, филологии и словесности, с изъяснением, в каком состоянии находились сии отрасли ведения в его время и что именно сделано им по каждой из них. В отношении к заслугам Ломоносова по словесности должно быть обращено особое внимание на значение его в развитии русского письменного языка».⁹³

Проект «Правил» разработал академик Н. Г. Устрялов,⁹⁴ включивший специальный пункт, согласно которому действительные члены Академии не могут быть соискателями премии, как это всегда практиковалось в академических конкурсах. Против этого выступил А. И. Ходнев и другие члены Ломоносовского комитета, присутствовавшие 9 ноября 1868 г. на заседании комиссии, назначенной Академией для разработки «Правил». А. И. Ходнев заявил, что «удаление академиков от соискания на премию, хотя и согласное с общим порядком присуждения Академией наград, в настоящем случае было бы крайне неудобно и для самого дела неблагоприятно, потому что устранило бы от соучастия в нем именно такие лица, которые по своему положению, делающему для них важнейшие источники особенно доступными, и по предварительной подготовке своей к предполагаемому труду, наиболее способны выполнить задачу удовлетворительным образом».⁹⁵ Заявление Ходнева было весьма основательным, и Комиссия решила передать этот вопрос на усмотрение Общего собрания Академии, которое 13 декабря 1868 г. утвердило проект, не согласившись, однако, с предложением Ломоносовского комитета.⁹⁶ К назначенному сроку не по-

ступило ни одной рукописи. Пришлось перенести конкурс еще на пять лет. На этот раз извещение о нем публиковалось в газетах и журналах. Теперь было получено из Пензы двухтомное произведение некоего статского советника И. А. Киреевского.

Академия назначила для всестороннего рассмотрения этой работы большую комиссию, в которую вошли неперменный секретарь К. С. Веселовский, академики И. И. Срезневский, Я. К. Грот, А. Ф. Бычков,⁹⁷ М. И. Сухомлинов, А. А. Куник, А. А. Шифнер⁹⁸ и А. Н. Веселовский.⁹⁹ Комиссия собралась 16 февраля 1879 г. и в своем постановлении отметила, что рукопись не отвечает основному требованию, предъявляемому к работам, которые могут претендовать на премию; вследствие этого комиссия не признала сочинение достойным награждения премией и предложила возобновить конкурс с назначением для него шестилетнего срока, т. е. «с приглашением авторов представить на него их сочинения к 1 марта 1885 года».¹⁰⁰

Рукопись была возвращена автору, новой же работы пришлось ждать четверть века. Объявлявшиеся не раз конкурсы не могли состояться, пока в 1905 г. академики Ф. Ф. Бейльштейн¹⁰¹ и Н. Н. Бекетов¹⁰² не представили к награждению труд Б. Н. Меншуткина: «Ломоносов как физико-химик». Это выдающееся в истории изучения Ломоносова произведение все же не имело права на премию, так как освещало только одну сторону деятельности Ломоносова. Сознавая это, академик Бекетов писал: «Представленная мною книга Бориса Николаевича Меншуткина „Ломоносов как физико-химик“ далеко не соответствует требованиям премии, но так как требования эти, по моему мнению, и не выполнимы, то, вероятно, необходимо обсудить вопрос о том — не представляется ли возможность изменить самую задачу премии. Я полагал бы, что необходимо премию разделить на два отдела — 1) за описание и исследование ученой деятельности Ломоносова в области физики и химии с указанием и его взглядов на минералогию и горное искусство, а 2) за описание его трудов в области русского языка и словесности. Мне кажется, что денежная награда (2000 р.) при таком разделении премии не особенно и уменьшится, так с процентами капитал кажется уже дошел до 3 с лишним тысяч. Ходатайство об изменении текста премии следует, по моему мнению, по возможности направить куда следует для того, чтобы назначенная другая специальная комиссия имела бы время рассмотреть сочинение на первый отдел премии и во время направить на утверждение Конференции».¹⁰³

СОЧИНЕНИЯ

М. В. ЛОМОНОСОВА

СЪ НАУЧНЫМИ ДОБАВКАМИ

ИЗДАНИЕ

М. И. СУХОМЛИНОВА.

ИЗДАНИЕ ИМПАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.

ТОМЪ ПЕРЫЙ.

СЪ ПОСЛЕСЛОВИЕМ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ ИМПАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.
Въ Петербургѣ.
1825.

СОЧИНЕНИЯ

М. В. ЛОМОНОСОВА

ИЗДАНИЕ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ТОМ ВОСЬМОЙ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

АКАДЕМИКА

С. И. ВАВИЛОВА

ИЗДАНИЕ ВЪ ПЕЧАТИ В ЦЕНТРАЛЬНОМЪ

Д. В. МОЛДАВЦЕВСКОМЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

1948

Титульные листы первого и восьмого томов академического издания Сочинений Ломоносова.

За четверть с лишним века проценты на первоначальную сумму выросли в весьма большом размере. К 1905 г. она составила почти девять тысяч рублей. Кроме того, в Академии начиная с 1866 г. ежегодно ассигновалась тысяча рублей на Ломоносовскую премию и накопилось свыше двенадцати тысяч из нерозданных сумм, так как в течение многих лет конкурс на эту премию не мог состояться. Академия просила Министерство народного просвещения разрешить выделить из накопившихся сумм неприкосновенный капитал в четыре тысячи рублей и присуждать отдельные премии за работы, освещающие деятельность Ломоносова в областях: 1) физики и химии, 2) минералогии, геологии и металлургии, 3) филологии и словесности, 4) географии, статистики, политической экономии и русской истории. Министерство это ходатайство удовлетворило.¹⁰⁴ Были разработаны новые Правила о премиях за ученое жизнеописание Ломоносова,¹⁰⁵ первый параграф которых гласил: «Из собранных для образования ломоносовского капитала сумм, переданных в распоряжение Академии наук, вместе с выросшими на них процентами, на премии назначается 4000 рублей, из них 2000 рублей образуют большую премию, а остальные 2000 рублей образуют четыре малые премии по 500 рублей». Большая премия присуждалась автору, который исследовал бы всю деятельность Ломоносова, малая за один из названных четырех разделов. Так как труд Меншуткина удовлетворял последнему требованию, то ему и была присуждена малая премия.¹⁰⁶

Говоря об использовании накопленных средств, необходимо отметить, что часть из них была обращена на помощь школе на родине Ломоносова. Обстоятельства этого дела таковы: 6 ноября 1904 г. в Общем собрании Академии было прочитано письмо инспектора народных училищ 1-го района Архангельской губернии В. В. Ивановского, который сообщил, что имеющаяся на родине Ломоносова одноклассная школа преобразовывается в двухклассную.¹⁰⁷ Это сообщение было встречено с одобрением. Отделение русского языка и словесности послало по телеграфу приветствие Ивановскому и просило огласить его на торжественном собрании, посвященном столь важному событию на родине Ломоносова. Академия решила взять школу под свое покровительство, оказав ей материальную поддержку. Вместе с тем было постановлено ассигновать непременно секретарю по 300 р. ежегодно на Ломоносовское училище в деревне Денисовке.¹⁰⁸ Деятельность этого училища и ряда других начальных школ позволила Ивановскому в 1915 г. сообщить Академии, что в Ломоносовской волости практически осуществлено всеобщее начальное обучение.¹⁰⁹

Академик М. И. Сухомялинов (1828—1901).

К этому времени была уже выпущена в свет большая часть нового издания сочинений Ломоносова, предпринятого Академией в 1887 г. по инициативе академика М. И. Сухомлинова,¹¹⁰ который взял на себя редактирование и комментирование публикуемых текстов. Конечно, историку Сухомлинову не под силу было составлять компетентные «обстоятельные примечания» по всем отраслям знания, которыми занимался Ломоносов; для специальных вопросов были им привлечены ученые соответствующих специальностей, и их комментарии к отдельным произведениям в некоторых случаях не утратили своего значения и в наши дни. В итоге русская литература обогатилась подлинно научным изданием, стоящим в ряду с так называемыми национальными изданиями трудов великих корифеев науки, таких как Галилей, Гюйгенс или Эйлер.

О трудоемкости таких изданий можно судить по тому, что они готовились к печати в течение десятилетий. Выпуск трудов Галилея начался в 1890 г. и был завершен в 1909 г., а первый том произведений Эйлера был напечатан в 1911 г., но за полвека издание всех их еще не закончено. За тринадцать лет, в течение которых Сухомлинов работал над изданием сочинений Ломоносова (оно не без основания часто именуется сухомлиновским), было отпечатано пять томов,¹¹¹ последний из них увидел свет уже после смерти редактора, скончавшегося 8 июля 1901 г. «Весь материал этого тома, — отмечено в Предисловии, — равно приложенные к нему примечания приготовлены к печати академиком Сухомлиновым. Для того чтобы выпустить пятый том того издания, над которым до самой смерти своей трудился покойный академик, Отделению русского языка и словесности оставалось только озаботиться отпечатанием нескольких листов в конце текстов и объяснительных к ним примечаний». Выход каждого тома отмечался прессой с большим одобрением.¹¹²

Продолжать издание было поручено академику В. И. Ламанскому, привлечшему для этого Б. Н. Меншуткина и Г. М. Князева.¹¹³ Предполагалось завершить издание к 200-летию со дня рождения Ломоносова (8 ноября 1911 г. ст. ст.), но по обстоятельствам, о которых подробно рассказано Б. Н. Меншуткиным в Предисловии к т. VI, последние два тома (VI и VII) увидели свет лишь в 1934 г.

В сентябре 1946 г. Редакционно-издательский совет Академии наук СССР постановил напечатать переписку Ломоносова в качестве VIII тома этого издания.¹¹⁴ Эпистолярное наследие ученого, впервые наиболее полно собранное, было снабжено Л. Б. Модзалевским¹¹⁵ обстоятельными примечаниями и боль-

шим справочным материалом, значительно облегчающими труд всех, кто занимается изучением жизни и творчества Ломоносова и его эпохи.

В деле увековечения памяти Ломоносова исключительное значение имело празднование 200-летия со дня его рождения. Задолго до юбилея была назначена специальная Комиссия под председательством неперменного секретаря Академии, видного общественного деятеля академика С. Ф. Ольденбурга.¹¹⁶ Ему принадлежала инициатива празднования юбилея. Более чем за два года до знаменательной даты, 11 июня 1909 г., в Общем собрании Академии было оглашено его заявление, в котором он напомнил, что в ноябре 1911 г. исполнится 200 лет со дня рождения Ломоносова, и предложил назначить Комиссию, поручив ей организовать «празднование этого дня, столь знаменательного для истории русской науки». Далее академик Ольденбург указал, что до юбилея осталось всего два с половиной года, а «сделать надо много». Предложение было одобрено. В Комиссию вошли от Физико-математического отделения академики Н. Н. Бекетов, Б. Б. Голицын¹¹⁷ и В. И. Вернадский¹¹⁸ и от Отделения русского языка и словесности — А. А. Шахматов,¹¹⁹ В. И. Ламанский и А. И. Соболевский.¹²⁰ Комиссии было представлено право «пополнять свой состав другими, посторонними Академии лицами, участие которых может быть полезно».¹²¹

В 1909—1910 гг. академик Ольденбург возглавлял экспедицию по изучению индийской культуры,¹²² и во время его отсутствия обязанности неперменного секретаря и председателя Комиссии по проведению юбилея исполнял академик Б. Б. Голицын. Первое заседание состоялось под его председательством 10 ноября 1909 г., к этому времени члены Комиссии наметили основные мероприятия, которые надлежало осуществить в связи с приближающимся юбилеем. В протоколе мы находим обширную программу. Прежде всего было решено перевести на русский язык научные работы Ломоносова, написанные по-латыни, и издать их отдельным сборником, включая в него также наиболее важные работы по физике и химии, напечатанные по-русски, — «поскольку эти работы сохранили до сих пор научное значение».¹²³ Было решено также просить Отделение русского языка и словесности завершить издание Собрания сочинений Ломоносова, которое остановилось за смертью академика Сухомлинова.

Особое внимание было уделено изучению жизни и творчества Ломоносова. Для этого предлагалось создать в Академической библиотеке специальный отдел, посвященный Ломоносову.

Намечалось тщательное обследование всех фондов Академического архива и других хранилищ с целью выявления новых материалов, которые не были учтены Билярским, Пекарским и другими собирателями документов, относящихся к деятельности Ломоносова. Кроме того, Отделению русского языка и словесности надлежало издать так называемый «литературный и научный словарь» Ломоносова и силами Академии с привлечением и других ученых выпустить Сборник статей, освещающих отдельные стороны жизни Ломоносова и его творчества, а также издать полную библиографию его трудов и работ о нем. При этом Академия обратилась к крупнейшим иностранным книгохранилищам: Национальной библиотеке в Париже, Королевской библиотеке в Берлине, библиотеке Британского музея и Королевской библиотеке в Стокгольме — с просьбой оказать содействие в этом деле. В обращении к названным библиотекам мы читаем: «Академии нужны следующие данные:

«1) Заглавия и библиографические описания отдельных книг и брошюр, относящихся к Ломоносову, его жизни и его научной и литературной деятельности.

«2) Заглавия статей, относящихся к нему и его деятельности, напечатанных в журналах, газетах, словарях энциклопедических или библиографических, книгах по истории русской литературы или науки, мемуарах, корреспонденции и т. п. Желательно, чтобы библиографические данные были снабжены краткими примечаниями, указывающими: а) относятся ли приведенные источники к биографии Ломоносова или к его научной и литературной деятельности, в) сопровождается ли данная статья портретом Ломоносова или другими рисунками и т. п., — одним словом, желательно, чтобы указатель не был просто перечнем трудов и статей, но чтобы он являлся тем, что называют *Bibliographie raisonnée* (систематическая библиография)».¹²⁴

Без этих подготовительных работ осуществить давнее намерение Академии составить и напечатать фундаментальное жизнеописание Ломоносова было невозможно. Наряду с этим монографическим трудом Комиссия сочла необходимым выпустить краткий биографический очерк для массового читателя. В постановлении сказано: «Обратиться от имени Комиссии к нескольким писателям с предложением написать для народных школ и для средних учебных заведений две биографии Ломоносова, в которых было бы выяснено его значение в истории русской литературы, науки и, вообще, в истории русского просвещения».¹²⁵

На первом же заседании Комиссии обсуждался вопрос и о мерах по увековечению памяти Ломоносова. Академия наук

Б. Н. Меншуткин (1874—1938).

с XVIII в. занимавшая одно из самых видных мест в мировой науке, не имела тогда еще ни одного специализированного института. Исследовательская работа проводилась в музеях, кабинетах и лабораториях. Необходимость в таких специальных институтах возникла давно, и создание первого из них было решено связать с именем Ломоносова. В одном из пунктов постановления Комиссии записано: «Возбудить ходатайство о создании при Академии наук особого Ломоносовского института, в котором соединить академические лаборатории и кабинеты по физике, химии и минералогии, снабдив их всем необходимым оборудованием. Такой институт должен быть рассматриваем как лучший памятник Ломоносову».¹²⁶

Создание такого учреждения потребовало больших средств, так как имелось в виду построить специальное помещение. Это предложение встретило большую поддержку во всей стране. Профессор Варшавского университета В. В. Курилов¹²⁷ представил в Юбилейную комиссию проект устройства соответствующего здания. «Созданием Ломоносовского института, — писал он, — Россия оплатила бы свой долг перед своим великим деятелем, труды которого в области естествознания не были оценены современниками. Идеи великого провозвестника знания остались достоянием архива и лишь теперь через 200 лет со дня рождения М. В. мы можем надлежащим образом оценить его заслуги перед русской наукой. Понятно поэтому, что Ломоносовский институт должен быть создан на государственный счет и должен служить как бы связующим началом между наукой и жизнью, служа вечным напоминанием об идее Ломоносова установить такую живую связь».¹²⁸

Однако царское правительство необходимых средств не отпустило, и создать проектировавшийся институт не удалось.¹²⁹

Невыполненным осталось и другое постановление Комиссии — воздвигнуть памятник Ломоносову. О государственной субсидии и речи не могло быть; Комиссия решила тогда объявить «всенародную подписку», чтобы собрать необходимые средства. Сохранилась большая переписка между Академией и рядом ведомств (Министерствами народного просвещения и внутренних дел, градоначальником, городской думой) о том, на каком месте соорудить памятник — на Университетской набережной или на Университетской (ныне Менделеевской) линии. Дело в том, что напротив главного входа в Университет должен был быть поставлен памятник Д. И. Менделееву; но ни тот ни другой монументы так и не были воздвигнуты, главным образом из-за отсутствия нужных средств.

Ассигнования удалось получить лишь на юбилейную Выставку. Для этой цели правительство отпустило 20 тысяч рублей.¹³⁰ Такая необычная щедрость объясняется тем, что Выставка была названа «Ломоносов и елизаветинское время» и, таким образом, послужила к прославлению дома Романовых, тем более что близилось трехсотлетие этой династии и собранные экспонаты явились бы подготовительными материалами. Из семнадцати отделов Выставки, разместившейся в залах Академии художеств, собственно Ломоносову был посвящен только один (VII). Все, что касалось его жизни и деятельности, терялось в огромном количестве экспонатов, имевших назначением изображать величие монархии; ей был посвящен первый зал, который так и назывался «Зал императрицы Елизаветы Петровны».¹³¹ «В вестибюле при входе в Академию художеств, — читаем мы в Путеводителе по Выставке, — посетитель прежде всего видит большую вызолоченную карету, доставленную из Конюшенного музея. Фридрих Великий прислал ее в 1746 г. императрице Елизавете Петровне, и карета эта весьма характерный образец экипажа того времени».¹³² Чтобы добраться до экспонатов, посвященных главной теме, нужно было пройти не мало комнат, где были развешены портреты Елизаветы и ее придворных вельмож. Посетители, среди которых большинство было учащиеся столичных и иногородних учебных заведений, не долго задерживались в этих залах, а устремлялись к экспонатам, относящимся к деятельности Ломоносова и к его окружению. «Наибольший интерес среди учащихся, — отмечено в отчете о Выставке, — вызывали отделы VII — Ломоносовский, VIII — книги и IX — рукописей».¹³³ Со всех концов Петербурга и из других городов на выставку стремились посетители и в одиночку и группами до ста человек: бывало так, что в залах скапливалось до трехсот посетителей и «невозможно было давать объяснения ни всем группам сразу, ни каждой в отдельности».¹³⁴ За первые два месяца — Выставка открылась 17 апреля 1912 г.¹³⁵ — ее посетили сто двадцать семь экскурсий, состоявших из учащихся различных высших и средних учебных заведений, низших и профессиональных школ и из «групп, прибывавших в столицу с научной целью», — всего 3651 человек.¹³⁶

День юбилея превратился во всенародное торжество. По приглашению Академии наук в Петербург съехались люди со всей России. Среди них были представители высших учебных заведений, научных учреждений и различных общественных организаций.¹³⁷

Торжественное заседание состоялось в здании нынешней Государственной филармонии, и на нем с докладами выступили: П. И. Вальден¹³⁸ «Ломоносов как химик», Б. Н. Меншуткин «Ломоносов как естествоиспытатель», А. И. Соболевский «Ломоносов в истории русского языка» и В. В. Сиповский¹³⁹ «Литературная деятельность Ломоносова»; эти выступления крупных специалистов являлись ценным вкладом в дело изучения творчества Ломоносова, но, естественно, они не могли осветить полностью его образ.

Для более полного освещения трудов великого ученого Академия издала два Сборника статей о Ломоносове. Подготовка их началась еще в марте 1910 г., когда председатель Юбилейной комиссии обратился к научной общественности с просьбой принять участие в задуманном Сборнике; он сообщил: «8-го ноября 1911 г. исполняется 200 лет со дня рождения великого русского ученого Михаила Васильевича Ломоносова. Имп. Академия наук, желая достойным образом отметить этот знаменательный день и тем почтить память своего знаменитого сочлена, так много сделавшего для русской науки, избрала из своей среды и из посторонних ученых Комиссию, которая и занята ныне выработкою Программы юбилейных торжеств. В ряду других предположений, Комиссия остановилась на мысли издать к дню юбилея особый Сборник статей, посвященных разработке вопросов научной деятельности и биографии Ломоносова и постановила обратиться во все российские университеты и ученые общества с приглашением принять участие в осуществлении этого Сборника присылкою небольших по объему статей и сообщений, которые могли бы быть опубликованы в предполагаемом издании».¹⁴⁰

На это обращение откликнулся ряд ученых, приславших в Академию статьи, содержавшие ценные материалы, заимствованные из неизвестных до того документов, которые значительно обогащали биографические сведения о Ломоносове. Были и статьи, освещающие различные стороны научной и литературной деятельности Ломоносова, например В. В. Курилова «Ломоносов как физико-химик, П. И. Вальдена «О трудах Ломоносова по вопросу о растворах», Б. Н. Меншуткина «О корпускулярной философии Ломоносова» и «М. В. Ломоносов и флогистон», В. И. Вернадского «Об открытии крокоита».¹⁴¹

Работ по естественнонаучным дисциплинам было прислано столько, что Академия решила часть из них выпустить в виде отдельного издания.¹⁴² В него вошли четыре работы: Б. Н. Меншуткина «Труды М. В. Ломоносова по физике и химии»,

Михайло Васильевичъ
ЛОМОНОСОВЪ.

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ.

Составилъ Б. Н. Меншуткинъ.

1911.

Титульный лист книги Б. Н. Меншуткина.

Ю. М. Шокальского¹⁴³ «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного прохода Сибирским океаном в Восточную Индию», Н. А. Иосса¹⁴⁴ «Первые основания металлургии, или рудных дел» и В. И. Вернадского «Несколько слов о работах Ломоносова по минералогии и геологии с приложением труда Ломоносова „О слоях земных“». Тогда же были выпущены отдельными изданиями доклады, прочитанные на торжественном заседании 8 ноября.¹⁴⁵

Ценность всех этих академических изданий признается и в наши дни, но они не могли заменить того намеченного всестороннего жизнеописания Ломоносова, которое Академия наук в течение полувека так и не смогла выпустить. Такой большой монографии не издано до настоящего времени. К дню юбилея все же на эту тему было опубликовано сочинение Б. Н. Меншуткина,¹⁴⁶ напечатанное неслыханным до того для академического издания тиражом — 80 000 экз. (четыре завода).

Как сказано в предисловии к нему: «Настоящий очерк жизни и деятельности М. В. Ломоносова написан по предложению Комиссии, избранной Академией наук для выработки способов чествования двухсотлетнего юбилея со дня его рождения». За полтора года до этой даты, 28 апреля 1910 г., автор представил в Комиссию записку, в которой изложил свои соображения относительно предпринятой им работы. Она резко отличалась от всего, что было ранее написано о Ломоносове, так как до Меншуткина авторы обращали главное внимание на литературные труды Ломоносова, а о его научных работах или вовсе ничего не говорили, или упоминали в самых общих чертах. «Общий план биографии, — писал Меншуткин, — представляется мне приблизительно таким: прежде всего я думаю указать, насколько это возможно сделать теперь, те условия, в которых протекали первые годы его жизни до Москвы; затем останавлиюсь на учении Ломоносова в России и за границей; дам более подробное изложение деятельности его в Академии наук, сперва как адъюнкта, потом как профессора. В удобных местах я буду говорить о научных его занятиях, а также литературных, филологических, исторических и других работах; не оставляю в стороне и общественную деятельность Ломоносова и труды последних лет его жизни, а также и частную его жизнь и постараюсь дать представление о Ломоносове как о человеке. Таким образом я рассчитываю дать более цельную картину жизни и деятельности Ломоносова; такая биография не будет простым повторением прежних и, надеюсь, представит интерес и вообще для публики».¹⁴⁷

Школа на родине Ломоносова.

Эта надежда Меншуткина полностью оправдалась. В третьем,¹⁴⁸ уже посмертном издании написанной им биографии Ломоносова, вышедшем более чем через тридцать пять лет, отмечено, что этот труд его является непревзойденным.¹⁴⁹

Говоря об академических изданиях, связанных с юбилеем 1911 г., необходимо особо упомянуть о библиографических работах, напечатанных Академией наук. Еще в 1846 г. к одному из собраний сочинений Ломоносова был приложен список литературы о нем.¹⁵⁰ В 1865 г., когда отмечалось столетие со дня смерти Ломоносова, преподаватель Полтавского кадетского корпуса С. И. Пономарев, тщательно собиравший все, что в печатных изданиях имеет отношение к Ломоносову, прислал в Академию большую рукопись: «Материалы для библиографии литературы о Ломоносове», Академия признала этот труд весьма ценным и напечатала его, правда, на правах рукописи.¹⁵¹ В этот уже опубликованный текст составитель внес большое количество дополнений, и в 1872 г. труд его был перепечатан¹⁵² в большем числе экземпляров.

Библиография состояла из двенадцати отделов: I. Хронологический список всех отдельных изданных сочинений и переводов М. В. Ломоносова и собраний его сочинений. II. Список напечатанных сочинений его, разбросанных в разных периодических изданиях и не вошедших в «Сочинения» его, изданные А. Смирдиным в 1847 и 1850 гг. III. Список сочинений его, переведенных на иностранные языки. IV. Список сочинений его, остающихся в рукописях. V. Указание портретов и снимков с почерка. VI. Указатель статей о жизни его и материалов для его биографии. VII. Указатель статей о его сочинениях. VIII. Псевдонимы его и псевдонимы, под которыми писали о нем другие писатели. IX. Поэтические произведения, говорящие о нем, и эпиграммы на него. X. Ученые труды, посвященные его памяти. XI. Столетний юбилей его (1765—1865), состоящий из семи отдельных списков, и XII. Два ключа к пяти предыдущим спискам: азбучные указатели лиц и источников, упомянутых в списках.

Составитель более новой библиографии А. Г. Фомин¹⁵³ в предисловии к своему труду «Опыт библиографического указателя литературы о М. В. Ломоносове» должен был признать, что работа С. И. Пономарева представляет собою «в общем очень добросовестный и полезный труд, не утративший своего значения и до сих пор». Вместе с тем он отмечает, что сделанное Пономаревым все же «не является исчерпывающим и полным». Это сознавал сам Пономарев, о чем свидетельствует данное им название своей работы, которая должна была дать лишь

материалы для библиографии Ломоносова. Фомин указывал, что «во многих случаях С. И. Пономарев, работавший в провинции и не имевшей поэтому возможности просмотреть непосредственно многих книг и периодических изданий, не приводит точного названия книг и статей, не указывает года их появления, в некоторых же случаях делает совершенно неопределенные указания. Все это в известной степени затрудняет разыскание отмеченных С. И. Пономаревым работ».¹⁵⁴

К этому надо добавить, что Пономарев не был профессиональным библиографом, а любителем. Автор же «Опыта библиографического указателя» известен как крупный специалист в этой области.¹⁵⁵ Его труд состоял из шести отделов: 1. Библиографические пособия. 2. Биографические труды. 3. Мемуары. 4. Характеристики и оценки литературных и научных трудов Ломоносова. 5. Отзывы об изданиях его сочинений, и 6. Романы, драматические произведения и стихотворения. Работа Фомина была завершена до юбилея, и вначале, как это и постановила Юбилейная комиссия, имелось в виду выпустить Библиографический указатель ко дню 200-летия. Но впоследствии было решено включить в нее литературу, относившуюся к юбилею, что значительно задержало издание.¹⁵⁶

С тех пор прошло уже около полувека, и труд Фомина до сих пор является незаменимым пособием для всех, кто интересуется Ломоносовым. Большую ценность имеет вторая часть академической библиографии, содержащая сведения о Ломоносове в зарубежной литературе. В ней напечатаны работы: Ф. Дукмейера¹⁵⁷ «Ломоносов в немецкой литературе», А. Мартэня «Ломоносов в французской и итальянской литературе» и, наконец, А. Иенсена¹⁵⁸ «Ломоносов в шведской литературе». Приводимые в них данные (каждое название, как правило, снабжено краткой аннотацией) содержат необычайно важные сведения об отражении творчества Ломоносова в иностранной литературе. Сведения эти восходят до начала второй половины 40-х годов XVIII в., и, что особенно замечательно, они убедительно доказывают, что личность Ломоносова привлекла за рубежом внимание не только центральной прессы, но и провинциальной. Так, первые известные нам сведения в заграничной печати о Ломоносове появились в периодическом издании, выходившем в немецком университетском городе Эрлангене¹⁵⁹ (родине Георга-Симона Ома). С сожалением приходится отметить, что до сих пор эти столь важные источники для изучения деятельности Ломоносова почти еще не затронуты его биографами.

Ко дню празднования 200-летия со дня рождения Ломоносова не вышла и библиография трудов его самого. Ее состави-

тель П. А. Дилакторский¹⁶⁰ еще в 1910 г. представил Юбилейной комиссии начатую им работу, но смерть помешала ему ее завершить. Комиссия обратилась к приват-доценту Петербургского университета Г. З. Кунцевичу¹⁶¹ с просьбой просмотреть работу П. А. Дилакторского, полагая, что потребуется всего несколько недель или, в крайнем случае, месяцев, чтобы ее закончить. В действительности же оказалось, что работу надо сделать почти заново; для этого потребовалось не менее двух лет. По обстоятельствам военного времени ее удалось выпустить лишь в 1918 г.¹⁶²

Литература, изданная Академией наук в связи с отмечавшимися его юбилеями 1865 и 1911 гг., является крупным успехом в изучении жизни и творчества Ломоносова, и тем не менее надо сказать, что она представляет собой лишь первые шаги. Советская наука, и в первую очередь Академия наук, до сих пор остаются в большом долгу перед памятью Ломоносова.

С прежних времен так повелось, что внимание к научным и культурным деятелям значительно повышалось в связи с отмечаемыми датами их рождения или смерти. Те же даты служили побудительным стимулом к дальнейшему углубленному изучению наследия великого прошлого. В наши дни это наследие стало особенно дорогим народу, и советская общественность, не дожидаясь юбилеев в собственном смысле слова, дат, отмечающих число лет, кратное пятидесяти, часто пользовалась и менее округленными датами, чтобы воздать дань памяти своим замечательным соотечественникам, в том числе и Ломоносову.

Первой такой датой, отмечавшейся в 1936 г., было 225-летие со дня его рождения. За два года до того Академия переехала в Москву, и здесь, в Доме ученых, 21 ноября состоялось торжественное заседание Академии наук СССР и Московского университета, носящего ныне имя первого русского академика. С докладами выступали академики Н. П. Горбунов (1892—1944) «Ломоносов и русская наука», С. И. Вавилов¹⁶³ «Ломоносов и физика», Б. Д. Греков «Деятельность Ломоносова в Академии наук» и профессор Н. К. Гудзий¹⁶⁴ «Роль Ломоносова в истории русского языка и литературы XVIII в.». ¹⁶⁵

По предложению почетного члена Академии наук И. А. Каблукова¹⁶⁶ было принято следующее приветствие колхозникам села Ломоносово, где родился ученый: «Торжественное собрание Академии наук и Московского государственного университета, посвященное 225-летию вашего гениального земляка, великого русского ученого Михаила Васильевича Ломоносова, шлет вам свой горячий привет. Ломоносов принадлежал к числу

тех ученых, которые составляют гордость науки. Для Ломоносова наука была жизнью. Его знания, искательство, воля всегда были подчинены интересам всего народа. Царская Россия замалчивала Ломоносова как ученого, и только Советская страна вернула великого сына в ряды бессмертных гениев, которыми гордится весь наш советский народ и все человечество». ¹⁶⁷ Большое впечатление на собравшихся произвело приветствие, с которым выступила учащаяся одной из московских школ комсомолка Надя Жаровова, потомок М. В. Ломоносова.

Менее чем через четыре года, 15 апреля 1940 г., Академия наук совместно с Союзом советских писателей устроили торжественное заседание по случаю 175-летия со дня смерти Ломоносова. С вступительным словом выступил академик О. Ю. Шмидт, ¹⁶⁸ который справедливо заметил, что образ Ломоносова становится возрастающе привлекательным, независимо от того, отмечает ли календарь какую-либо юбилейную дату. «Великий образ могучего борца за культуру и науку, — напомнил прославленный советский математик и путешественник, — образ гениального нашего соотечественника встает перед нами не только в юбилейные даты. Наоборот, Ломоносов с каждым годом все ярче нами ощущается как живой современник, как человек, подготовивший культурное развитие страны, как выходец из народа, воплотивший в себе народную талантливость, ту могучую силу народа, которая сейчас получила такое широкое и великолепное выражение». ¹⁶⁹

Охарактеризовав в ярких чертах привлекательный образ Ломоносова — ученого исследователя, вышедшего из народных низов и пробившего себе путь к вершинам науки, О. Ю. Шмидт остановился на географических изысканиях Ломоносова, которые оратору были ближе всего. Ведь от Ломоносова до Шмидта проходит сплошная линия, отмеченная трудами русских ученых и мореходов, прокладывавших Северный морской путь в Великий океан. Напомним, что за восемь лет до того, в 1932 г., экспедиции под руководством О. Ю. Шмидта удалось на ледоколе «Сибиряков» пройти в одну навигацию из Архангельска в Великий океан, а пять лет спустя организованная О. Ю. Шмидтом экспедиция высадилась на Северном полюсе. Более чем за полтора века до этого Ломоносов прилагал свои усилия к тому, чтобы Россия, отрезанная от южных морей (в год рождения Ломоносова Петр I вынужден был отдать Азов, завоеванный им в 1696 г.), имела свой выход в восточные страны. Для этого было необходимо предпринять особое изучение Арктики. «В ярких стихах и в научной прозе, — напоминал Шмидт, — Ломоносов предсказывал, что русские люди проложат северный

морской путь, значение которого Ломоносов, сам северянин, очень хорошо себе представлял. Ломоносов практически принимал участие в этом деле, подготавливая экспедиции. Он написал и теоретический трактат, доказывающий возможность проникновения через Ледовитый океан в Индию, он писал наставления мореплавателям в Ледовитом океане».¹⁷⁰

Кроме речи О. Ю. Шмидта, были заслушаны еще доклады академиков А. Е. Ферсмана¹⁷¹ «Ломоносов в истории русской науки» и И. К. Луппола «Ломоносов в истории русской культуры». Ферсману удалось обрисовать удачными и наиболее запоминающимися чертами неповторимый облик Ломоносова-ученого.

С легкой руки В. Оствальда¹⁷² ученых стали делить на классиков и романтиков. Сам Ферсман являл собой пример ученого второго типа, и ясно это сознавал. Он убедительно показал на основании ряда фактов из биографии Ломоносова, что в последнем нераздельно сочетались оба типа ученых. Следующие строки из доклада Ферсмана бесспорно заслуживают того, чтобы войти в хрестоматию по истории науки: «В Ломоносове боролись два разных человека. Один был классик и точный исследователь; многие годы в своей лаборатории он готовил длинный ряд цифр, и надо поражаться той точности, с которой он добывал основные величины для построения своих выводов. Но наравне с классиком, экспериментатором, исследователем в Ломоносове был другой человек. Это был поэт, богатый фантазией, интуицией, вдохновением, горящий идеями. В противоположность спокойному и медленному развитию своих мыслей, этот человек мешал терпеливой разработке отдельных вопросов, в нем одни идеи бурно сменялись другими, его влекло к большим, широким, мировым проблемам. В 1756 г. Ломоносов, в сущности, подходит к решению основы современного мировоззрения — к доказательству идеи, что движение и вещество вечны и не могут быть уничтожены. В этом году в его работах имеется полное доказательство закона неразрушимости материи, постоянства энергии, опровержение гиблого учения о флогистоне. Но побеждает исследователь-романтик, он вдохновляется новыми идеями. В 1757 г. Ломоносов неожиданно бросает точную науку, бросает тогда, когда почти доказан величайший закон сохранения материи. Он готовится свершить величайший переворот в мировой химии-физике, но жизнь увлекает его в другую сторону. Он бросает химию, уходит в организацию науки, в решение проблем истории, географии и экономики. Так побеждает в нем другой человек. Но в этой борьбе и в сочетании этих двух противоположных начал — вся красота облика Ломоносова. То чувствуются в нем, в его спокойном, эпическом слоге

отзвуки величайшего мыслителя — бессмертного Гете, то в неистовом порыве его исканий бурно нагромождаются новые идеи, как звуки бетховенских симфоний, то широко разливается его научная мысль в области искусства и техники, и знакомые черты Леонардо да Винчи вырисовываются в гениальных рисунках и построениях Ломоносова. И в этой борьбе гениального натуралиста-исследователя и поэта-романтика рождается все своеобразие фигуры великого помора, человека, пришедшего из народных масс, творца новых наук и новых идей, на столетия опередившего свой век, гениального мыслителя и великого гражданина нашей родины». ¹⁷³

Так писать мог лишь человек, который глубоко вник в то, что было сделано Ломоносовым. Докладчик, однако, должен был отметить, что несмотря на длившиеся десятилетиями исследования творчества Ломоносова, в этом направлении сделано далеко не все. Примером тому мог послужить доклад академика И. К. Луппола, показавшего, какой почти нетронутой областью является тема о значении Ломоносова в истории русской культуры. И. К. Лупполу удалось наметить лишь некоторые вопросы из этой области. Особый интерес представляет освещение философских взглядов Ломоносова, их генезис и влияние его естественнонаучных трудов и других видов его деятельности на воззрения русских ученых. Впоследствии этим вопросам был посвящен целый ряд работ. ¹⁷⁴

Академия наук СССР отметила и 240-летие со дня рождения, на этот раз и в Москве и в Ленинграде. Этой дате было посвящено первое заседание ноябрьской (1951) сессии Отделения химических наук, ¹⁷⁵ открывшееся вступительным словом академика — секретаря Отделения М. М. Дубинина. ¹⁷⁶ С большим докладом «М. В. Ломоносов — великий русский ученый» выступил академик А. В. Топчиев, ¹⁷⁷ осветивший различные стороны деятельности отца русской науки. В заключение докладчик охарактеризовал Ломоносова как ученого-патриота, для которого интересы родной страны были выше всего. Это чувство он уважал и у других народов. «Любовь к отечеству, — указал докладчик, — соединяется у Ломоносова с проповедью мира между народами, нашедшей выражение в его трагедии „Тамира и Селим“, где он бичует корыстные побуждения, ведущие к завоевательным войнам». ¹⁷⁸ На сессии были заслушаны еще два доклада: Н. А. Фигуровского ¹⁷⁹ «Труды Ломоносова по химии и их значение в истории науки» и И. Н. Плаксина ¹⁸⁰ «М. В. Ломоносов — основоположник научной металлургии».

В Ленинграде памяти Ломоносова были посвящены заседания ряда учреждений Академии, занимавшихся вопросами исто-

Академик С. И. Вавилов (1891—1951).

рии науки и составивших впоследствии Ленинградское отделение Института истории естествознания и техники.¹⁸¹ На одном из них, после вступительного слова председательствовавшего Т. П. Кравца, который остановился на изданных в последнее время работах, освещающих жизнь и труды Ломоносова, с докладом выступил Н. Н. Качалов¹⁸² «М. В. Ломоносов — создатель отечественного производства цветного стекла». Отметим, что мозаичные работы, давно уже привлекавшие внимание историков искусств, не получили еще более компетентного освещения разработанной Ломоносовым технологии производства цветного стекла, как это сделано Н. Н. Качаловым, видным советским специалистом в этой области. К самому Качалову прежде всего относятся сказанные им слова: «Только в советские годы полностью удалось уяснить величайший научный вклад Ломоносова — создателя отечественного производства цветного стекла. Только в советские годы восстановлена палитра смальт и красителей, созданных великим ученым».¹⁸³

В Музее,¹⁸⁴ носящем имя Ломоносова, в том зале, где во времена Ломоносова и позже происходили заседания членов Академии, в 1944 г. были организованы регулярные научные заседания, которые мы будем условно называть Ломоносовскими чтениями и которые устраиваются два раза в год: в день рождения (19 ноября) и смерти (15 апреля) Ломоносова.

Ломоносовские чтения начали проводить по инициативе академика С. И. Вавилова. Вначале заседания¹⁸⁵ устраивались академическими учреждениями, занимавшимися историей науки: Комиссией по истории Академии наук, Комиссиями по истории физико-математических наук, по истории химии, по истории техники, группой XVIII в. Института русской литературы (Пушкинского дома) и Архивом АН СССР. Теперь эти заседания проводятся Институтом истории естествознания и техники, в состав которого в 1953 г. вошел Музей Ломоносова.

После избрания С. И. Вавилова в 1945 г. президентом Академии наук он уже не имел возможности непосредственно руководить всеми работами по истории науки, как это было прежде, и заседания происходили сначала под председательством академика И. Ю. Крачковского,¹⁸⁶ а после его смерти (1951) — Т. П. Кравца, фактически возглавившего все дело изучения наследия Ломоносова. За пятнадцать лет на этих заседаниях было прочитано до ста докладов и сообщений; большинство из них опубликовано в Ломоносовских сборниках и в других академических печатных органах. Эти Ломоносовские чтения обогащают литературу новыми фактами из биографии Ломоносова или но-

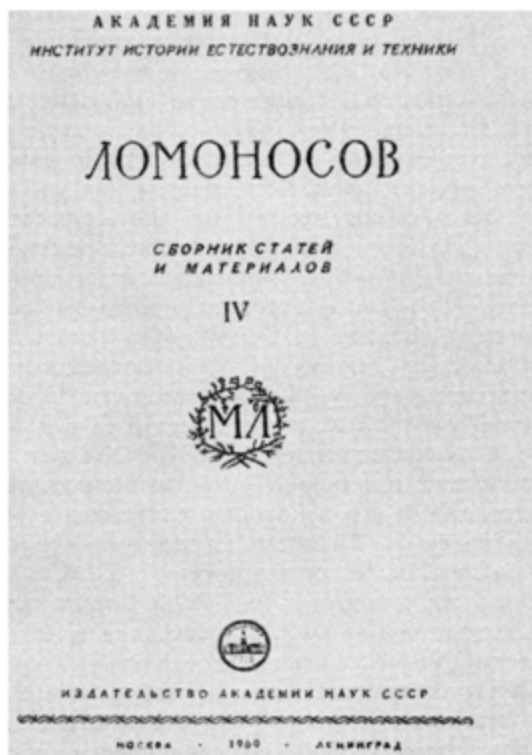

Открытие музея М. В. Ломоносова; в центре С. И. Вавилов.

выми наблюдениями и выводами, вытекающими из предпринятых изысканий.

Ломоносовские сборники — их издано четыре выпуска — начали выходить с 1940 г., вначале как печатный орган Комис-

Титульный лист т. IV Ломоносовского сборника.

сии по истории Академии наук. Ответственным редактором трех выпусков этих сборников был С. И. Вавилов. В его историко-научных исследованиях работы, посвященные Ломоносову, занимают видное место. Пока он был жив, он писал для каждого выпуска Предисловие. В первом из них, датированном февралем 1940 г., он должен был отметить, что, несмотря на внимание и усилия русской научной общественности, изучение наследия Ломоносова находилось, собственно, на начальном этапе. «К сожалению, — писал С. И. Вавилов, — подлинная фигура Ломо-

носова не ясна и до сих пор. Несмотря на прошедшие 175 лет и как будто бы пристальное внимание к личности первого замечательного представителя новой русской культуры, мы только теперь начинаем понимать по-настоящему характер и стиль работы Ломоносова». ¹⁸⁷

С. И. Вавилов был выдающимся советским историком науки; им мастерски были очерчены важнейшие черты облика ученого, что, казалось, едва ли было возможно сделать после того, что было сказано о Ломоносове академиком А. Е. Ферсманом. С. И. Вавилов сумел, однако, сделанную последним характеристику существенно дополнить. «Много раз, — говорит он в цитируемом предисловии, — и иногда очень резко за эти 175 лет менялись точки зрения на деятельность Ломоносова. Если в конце XVIII в. и в пушкинские времена в нем чтили главным образом „витию, что чистый слог стихов и прозы ввел в Россию“, то со второй половины прошлого века до наших дней поэтическое наследство Ломоносова отодвигается на задний план и внимание почти целиком сосредоточено на Ломоносове-естествоиспытателе. Обе крайности несомненно ошибочны. Великий русский энциклопедист был в действительности очень целой и монолитной натурой. Не следует забывать, что поэзия Ломоносова пронизана естественнонаучными мотивами, мыслями и догадками и в некоторых случаях дает замечательные научно-дидактические образцы. С другой стороны — научная проза Ломоносова и в особенности его „Слова“ являются иногда такими же классическими примерами художественной прозы, как *Saggiatore* Галилея. Химические изыскания Ломоносова в области цветного стекла доведены до художественного конца мозаических картин. Самый выбор химико-технологической темы — цветного стекла — свидетельствует о Ломоносове, как художнике. Поэтому часто встречающееся сопоставление Ломоносова с Леонардо да Винчи и Гете правильно и оправдывается не механическим многообразием видов культурной работы Ломоносова, а глубоким слиянием в одной личности художественно-исторических и научных интересов и задатков. Среди современников Ломоносова, живших и работавших в России, было немало „полигисторов“, соединяющих, например, математические исследования с работой над изданием летописей. Однако энциклопедизм этих людей вытекал из внешних требований и нажима, а не из внутренней потребности, как это было у Ломоносова». ¹⁸⁸

Появляющаяся за истекшие двадцать лет литература о Ломоносове, особенно его жизнеописания (Морозов, ¹⁸⁹ Кузнецов ¹⁹⁰) свидетельствуют о том, что именно эти высказывания С. И. Ва-

Т. П. Кравец (1876—1955).

вилова послужили руководящей нитью для последующих биографов и исследователей.

Высказанное здесь С. И. Вавиловым основано на вдумчивом изучении фактов. Однако, как он сам отметил, многое еще историками и биографами Ломоносова осталось невыявленным. Задачей Ломоносовских сборников было наряду с глубоким анализом известных уже данных публиковать новые документы. Первый Сборник и начинается с раздела «Материалы». Прежде всего были опубликованы лабораторный журнал и лабораторные записи Ломоносова, подготовленные к печати Б. Н. Меншуткиным,¹⁹¹ умершим за полтора года до выхода Сборника в свет (15 сентября 1938 г.). Особый интерес представляли новые данные к «Слову о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих», о чем речь была в главе VI. Отметим, что комментарий к той части «Слова», где изложена теория Ломоносова о строении комет,¹⁹² составлена таким крупным специалистом по истории астрономии, каким был Н. И. Идельсон.¹⁹³

В каждом Ломоносовском сборнике печатаются новые документы, заметно расширяющие источники к изучению жизненного пути Ломоносова. Историограф ломоносовской литературы, несомненно, отметит настойчивые усилия советских исследователей, предпринявших кропотливые разыскания во всех архивохранилищах Москвы, Ленинграда и других городов, где в общих и специальных фондах ими были обнаружены ценные документы, многие из которых выходят за рамки одной лишь ломоносовской тематики. Здесь нет возможности даже только перечислить всех тех, кто потрудился на этом поприще, но имена некоторых из них упомянуть необходимо. Прежде всего следует назвать А. И. Андреева,¹⁹⁴ одного из выдающихся советских источниковедов, бывшего в последние годы жизни деятельным членом Археографической комиссии Института истории Академии наук СССР. Непревзойденный знаток архивохранилищ Академии наук, Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Центрального государственного архива древних актов, Ленинградского отделения Центрального исторического архива и др., А. И. Андреев своими публикациями оказал не малое влияние на всех, кто занимался архивными изысканиями. Его учениками являются не только слушавшие его лекции и занимавшиеся в его семинарах, но и его сотрудники по работе в Академии. Рядом с ним должен быть поставлен и Л. Б. Модзалевский, столь много и плодотворно потрудившийся над эпистолярным и вообще рукописным наследием Ломоносова¹⁹⁵ и показавший при этом высокие

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

М.В. ЛОМОНОСОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - 1950 - ЛЕНИНГРАД

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

М.В. ЛОМОНОСОВ

ТОМ ПЕРВЫЙ
ТРУДЫ
ПО ФИЗИКЕ И ХИМИИ

4738 - 4746 "

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - 1950 - ЛЕНИНГРАД

Титульный лист и контртитул первого тома Полного собрания сочинений Ломоносова.

образцы умения публиковать исторические источники. Работой этих исследователей очень дорожил С. И. Вавилов, для которого они вместе с Г. А. Князевым¹⁹⁶ являлись ближайшими и незаменимыми помощниками по изучению истории Академии наук вообще.¹⁹⁷

Важнейшим учреждением, имевшим целью увековечить память Ломоносова, следует признать Музей М. В. Ломоносова, открытый по постановлению Президиума АН СССР в Ленинграде в 1949 г. Инициатором его организации был С. И. Вавилов.¹⁹⁸ Одной из первых его забот, после того как он стал президентом Академии наук, была реконструкция здания Кунсткамеры (в нем теперь помещается Институт этнографии), немало пострадавшей от вражеских обстрелов во время Великой Отечественной войны, когда Ленинград находился в блокаде, в течение почти трех лет. Работа по реконструкции была поручена архитектору-искусствоведу Р. И. Каплан-Ингелю¹⁹⁹ (1884—1951). 8 мая 1947 г. по предложению С. И. Вавилова Президиум Академии наук принял постановление об организации мемориального музея М. В. Ломоносова.²⁰⁰ Под председательством члена Президиума Академии наук СССР академика Н. С. Державина²⁰¹ была создана комиссия по организации Музея. Заведующим Музеем был назначен Каплан-Ингель, обнаруживший большие знания и редкое умение подобрать в государственных антикварных магазинах и из частных собраний предметы, восстанавливающие картину исторической действительности 40—60-х годов XVIII в. Все это было вдумчиво экспонировано в единственном сохранившемся в неизменном виде здании, тесно связанном со всей деятельностью Ломоносова. Основная часть экспозиции находится в том же зале, где происходили Академические собрания во времена Ломоносова.

Открытие Музея состоялось 5 января 1949 г. после торжественного заседания Президиума Академии наук²⁰² во время происходившей в Ленинграде сессии Академии, посвященной истории отечественной науки.²⁰³ В своем вступительном слове С. И. Вавилов так наметил задачи, стоящие перед этим новым академическим учреждением: «Открываемый сегодня Музей М. В. Ломоносова должен послужить распространению знаний о Ломоносове, о его науке в широких народных массах. Вместе с тем этот Музей должен быть новым центром для дальнейшего углубленного изучения Ломоносова, для собирания предметов, с ним связанных. Невнимание, преступная небрежность царского правительства к памяти Ломоносова привели к крайнему распылению и даже уничтожению вещей и документов, связанных с его

жизнью и деятельностью. Создание Музея оказалось не легким делом, и Президиум Академии наук вновь и вновь обращается ко всем советским учреждениям и частным лицам с просьбой о содействии пополнению Музея М. В. Ломоносова».²⁰⁴

С тех пор прошло свыше десяти лет. Музей М. В. Ломоносова значительно расширился. Редкие коллекции Музея не раз привлекали к себе внимание советской и зарубежной прессы, как общей, так и специальной.²⁰⁵ На отпускаемые ежегодно суммы Музей постоянно пополняется все новыми экспонатами, существенно обогащающими экспозиции этого замечательного собрания. В те дни, когда Музей открыт для посетителей, в нем можно увидеть многочисленных любознательных посетителей и экскурсантов, среди которых бывает не мало иногородних и иностранных гостей. Их письменные отзывы являются убедительным свидетельством ценности и полезности этого своеобразного академического учреждения и того, сколь дорога память Ломоносова не только нашим соотечественникам, но и всем людям, которые ценят прогресс мировой культуры.

Другим выдающимся памятником Ломоносову является и недавно завершенное десяти томное Полное собрание его сочинений, которое не только подытожило все, что было сделано по собиранию его трудов за два века, но и открыло поистине новую страницу в деле изучения наследия Ломоносова.

ПРИМЕЧАНИЯ

К главе I

¹ Во время пребывания в Англии в 1698 г. Петр пригласил на русскую службу многих специалистов по кораблестроению, архитекторов и ученых. Общее число их достигало 60 человек, среди них были люди, занимавшие видное место в науке и технике. Об этом см.: J. Peggu. *The state of Russia under the present czar*. London, 1716; русский перевод издан под названием: *Состояние России при нынешнем царе*. Соч. капитана Дж. Перри. Перев. с англ. кн. О. М. Дондуковой-Корсаковой. Изд. имп. Общ. ист. и древн. росс. при Московск. унив. М., 1871; см. также: Ф. Туманский. *Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого*, ч. III. СПб., 1787, стр. 67—68.

² Ф. Л. Герман. *Врачебный быт допетровской России*. (Материалы для истории медицины в России). Вып. I, Харьков, 1891, стр. 39. О приглашении специалистов из-за границы см. еще: М. Малин. *Англо-русские культурные и научные связи (до основания Петербургской Академии наук)*. — *Вестн. ист. мировой культ.*, 1957, № 3, стр. 98.

³ О первых русских студентах за границей см.: Сб. имп. Русск. ист. общ., т. 38, стр. 425; П. Пекарский. *Известие о молодых людях, посланных Борисом Годуновым для обучения наукам в Англию в 1602 г.* — *Записки АН*, т. 11, стр. 91 и сл.; А. В. Арсеньев. *История посылки первых русских студентов за границу при Борисе Годунове*, СПб., 1887; B. Alexandrenko. *The first Russian students in England*. *The Academy. A weekly Review of Literature, Science and Art*, vol. XXXVI, 1889, № 918, p. 372; Н. В. Голицын. *Научно-образовательные сношения России с Западом в начале XVII в.* (Чт. в имп. Общ. ист. и древн. росс. при Московск. унив., 1898, кн. 4, отд. 3, стр. 7 и сл.); М. П. Алексеев. *Англия и англичане в памятниках московской письменности XVI—XVII вв.* (Уч. зап. ЛГУ, № 95, сер. истор. наук, 1947, вып. 15, стр. 52—53).

⁴ См. вводную часть к «Слову о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих». ПСС, т. 3, стр. 19.

⁵ В. Герье. *Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому*. СПб., 1873. См. также: А. С. Лаппо-Данилевский. *Петр Великий — основатель имп. Академии наук в С. Петербурге*. СПб., 1914, стр. 17 и сл.

⁶ А. И. Андреев. *Основание Академии наук в Петербурге*. В кн.: *Петр Великий. Сб. статей под ред. докт. ист. наук А. И. Андреева*. Изд. АН СССР, М.—Л., 1947, стр. 285 и сл.

⁷ В сохранившемся тексте проекта отличительная черта Петербургской Академии характеризуется следующими словами: «Таким образом, одно

здание (учреждение, — *M. P.*) с малыми убытками то же бы с великою пользою чинило, что в других государствах три разные собрания чинят, ибо она: 1) Яко б совершенная академия была, понеже довольно б членов о совершенстве художеств и наук трудились. 2) Егда оные же члены те художества и науки публично учить будут, то подобна она будет университету и такую ж прибыль произведет. 3) Когда данные академиком молодые люди, которым от е. и. в. довольно жалование на пропитание определено будет, от них науку принявши и пробу искусства своего учинивши, молодых людей в первых фундаментах обучать будут, то оное здание таково ж полезно будет, яко особенное к тому сочиненное собрание или гимназиум.

«При том же бы вольные художества и мануфактуры, которые уже здесь заведены суть, или впредь еще заведены быть могут, от помянутого заведения пользу имели, когда им удобные машины показаны и инструменты их исправлены будут» (Материалы, т. I, стр. 16).

⁸ Академический университет начал официально существовать с 1747 г., когда был утвержден Устав (Регламент) Академии наук (История АН, т. I, стр. 148). До того учащиеся, получившие высшее образование, назывались академическими студентами. В Уставе отмечается: «Академия наук разделяется на Академию собственно и на университет». Что касается последнего, то в Регламенте (§ 36) о нем сказано: «Россия не может еще тем довольствоваться, чтоб только иметь людей ученых, которые уже плоды науками своими приносят; но чтобы всегда на их места заблаговременно наставлять в науках молодых людей, а особливо что за первый случай учреждение Академическое не может быть сочинено иначе, как из иностранных по большей части людей, а впредь должно оно состоять из природных российских. Того ради к Академии другая ее часть присоединяется — Университет» (ПСЗ, т. XII, № 9425, стр. 735). С этого времени Академический университет и существовал как официальное учреждение.

⁹ См. датированный 7 декабря 1725 г. Указ Екатерины I Сенату: «О заведении Академии наук и о назначении президентом оной лейб-медика Блюментроста» (ПСЗ, т. VII, № 4807, стр. 553—554). Блюментрост, Лаврентий Лаврентьевич (1692—1755), родился в семье врача царя Алексея Михайловича. В царствование Петра I, когда скончался лейб-медик Р. К. Арескин (ум. в 1718 г.), преемником Петр назначил Блюментроста, передав ему все обязанности Арескина. Имея в виду создать Академию наук, Петр поручил еще Арескину переписку с иностранными учеными; теперь она также была возложена на Блюментроста. Пост президента Академии наук он занимал до 1733 г.

¹⁰ Отзыв современника о первых приехавших в Россию профессорах см.: Михаил Шенд Фандербек. О состоянии просвещения в России в 1725 году. — Сын отечества, 1842, ч. I, стр. 23 и сл.

¹¹ Д. А. Толстой. Академический университет в XVIII столетии, по рукописным документам Архива Академии наук. Приложение № 3 к т. 51 Записок АН, стр. 4.

¹² Майер, Фридрих-Христофор (1697—1729), в Россию приехал вместе со своим учителем Г. Б. Бюльфингером, первым академиком-физиком, бывшим до того профессором Тюбингенского университета. Менее чем через полгода после приезда в Петербург Майер был назначен профессором математики (январь 1726 г.).

¹³ Гросс, Христиан-Фридрих (ум. в 1742 г.), также прибыл вместе с Бюльфингером и назначен в январе 1726 г. профессором нравоучительной философии. С самого начала работы в Академии проявил себя активным ее членом. Он был первым редактором и составителем издававшейся Академией газеты «Санктпетербургские ведомости» (выходила на немецком и

русском языке). Вице-канцлеру А. И. Остерману понадобился наставник для его сыновей Федора и Ивана, и Гросс был определен домашним учителем у Остермана, выполняя при этом и секретарские обязанности. Они оказались роковыми для Гросса. В 1741 г., по воцарении Елизаветы Петровны, Остерман пал; репрессиям подвергся и Гросс. Он был посажен под домашний арест. Не выдержав оскорбительных допросов, он 2 января 1742 г. покончил с собой, хотя тогда уже было ясно, что никаких преступлений за ним не числится.

¹⁴ О Г.-Ф. Миллере подробнее речь будет в следующих главах.

¹⁵ Материалы, т. I, стр. 286.

¹⁶ Адодуров, Василий Евдокимович (1709—1780). Успешно начатую деятельность ему пришлось прервать, так как в 1741 г., оставив Академию, он поступил на службу в герольдмейстерскую контору, а с восшествием на престол Елизаветы и возвышением ее фаворита Алексея Разумовского стал выполнять обязанности его секретаря. Впоследствии Адодуров занял пост президента Мануфактур-коллегии; с 1762 г. — куратор Московского университета. О нем см.: Уч. зап. имп. Акад. наук по I и III отделениям, т. 1, СПб., 1853, стр. XXI; С. Шевырев, История имп. Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755—1855. М., 1855, стр. 123 и сл.; Пекарский, т. I, стр. 503 и сл.

¹⁷ Корф, Иоганн-Альбрехт (1697—1766), пост президента занимал с 1734 по 1740 г. Его предшественник Г.-К. Кейзерлинг (1697—1764), возглавлявший Академию всего полгода, был назначен послом в Польшу, причем предполагалось, что он пробудет там недолго и вернется на прежнее место. Корфа поэтому назначили «до указа ведать и управлять Санктпетербургской Академией наук», и в рескрипте 18 сентября 1734 г. он был назван не президентом Академии, но «главным командиром» (Пекарский, т. I, стр. 520). Кейзерлинг превосходно проявил себя на дипломатическом поприще и в Академию не вернулся, оставшись до конца жизни в ведомстве иностранных дел. Корф же оказался лучшим, чем его предшественник (и даже преемники), руководителем высшего научного учреждения, но, как и все талантливые деятели, он «не пришелся ко двору», и всемогущий временщик Бирон старался под любым предлогом удалить его из России. Такой случай подвернулся в 1740 г., когда понадобилось назначить нового посла в Данию, и Корф был отправлен туда.

¹⁸ Эйлер, Леонард (1707—1783), в Россию приехал в 1727 г., заняв место адъюнкта физиологии, затем профессора физики; после отъезда Д. Бернулли (1700—1782), возглавлявшего кафедру математики, заменил его. В 1741 г. Эйлер переехал в Берлин и, вернувшись четверть века спустя в Россию, остался здесь до конца жизни.

¹⁹ См.: Представление барона Корфа об учреждении при Академии семинарии. — Записки АН, т. 12, Прил. 5, стр. 57.

²⁰ Материалы, т. II, стр. 724.

²¹ Славяно-греко-латинская академия основана в 1687 г.; из ее стен вышло не мало видных деятелей русской культуры, в том числе и знаменитый поэт и дипломат А. Кантемир (1709—1744). Первые русские академики были питомцами этого учебного заведения.

²² См.: О выборе в Спасском училищном монастыре 20 человек учеников, за свидетельством ректора и учителей, и об отсылке их в Академию для слушания высших наук. — ПСЗ, т. IX, № 6816, стр. 584.

²³ С. А. Белокуров. Об отправлении учеников Славяно-греко-латинской академии, в том числе и Ломоносова, из Москвы в С.-Петербург 1735 г. — Ломоносовский сборник. 1711—1911. Изд. АН, СПб., 1911, стр. 77—83.

²⁴ См.: С. Смирнов. История Московской славяно-греко-латинской Академии. М., 1855, стр. 239 и сл.

²⁵ Из них было отправлено только пять человек, из которых С. П. Крашенинников (1713—1755), будущий академик, стал выдающимся ученым. — Материалы, т. II, стр. 96 и 326; А. И. Андреев. 1) Жизнь и научные труды С. П. Крашенинникова. Сб. «Памяти С. П. Крашенинникова, 225 лет со дня рождения» (Советский Север. № 2, 1939, стр. 5—64); 2) Ломоносов и Крашенинников. «Ломоносов», I, стр. 286—296; Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. Изд. АН СССР, М.—Л., 1946 Указатель

²⁶ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 791, л. 328 об.

²⁷ Там же, л. 337. Такими училищами явились впоследствии Невская и Новгородская семинарии.

²⁸ Материалы, т. II, стр. 840.

²⁹ Попов, Никита Иванович (1720—1782), в 1748 г. назначен адъюнктом, а в 1751 г. — профессором астрономии. На протяжении всей жизни Ломоносова пользовался его поддержкой, лишившись ее, Попов ушел из Академии (1768 г.).

³⁰ См.: М. А. Безбородов. Дмитрий Иванович Виноградов — создатель русского фарфора. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950. Отношения Виноградова и Ломоносова отражены в единственном дошедшем до нас письме последнего (ПСС, т. 10, стр. 431).

³¹ Материалы, т. IV, стр. 27.

³² Материалы, т. III, стр. 1.

³³ В «Краткой истории о поведении Академической канцелярии в рассуждении ученых людей и дел с начала сего корпуса до нынешнего времени» Ломоносов писал: «В 1735 году истребованные вновь двенадцать человек школьников и студентов в Академию из Московских Спасских школ, в коих числе был и нынешний статский советник Ломоносов и надворный советник Попов и бывший потом бергмейстер Виноградов, приехали в Санктпетербург все вместе генваря 1 дня 1736 г.» (ПСС, т. 10, стр. 273). В жалобе, поданной в октябре 1736 г. приславшими из Москвы студентами в Правительствующий сенат на «претерпеваемую нужду», сказано: «... высланы мы... 1735 году декабря 24-го дня, в Санктпетербургскую Академию наук, 12 человек, ради слушания у профессоров лекций и обучения вышних наук и явились в той Академии сего 736 года генваря 2 дня» (Материалы, т. III, стр. 213).

³⁴ Речь идет об академическом отряде Великой Северной Второй Камчатской экспедиции (1731—1743), занимавшемся изучением Сибири (см.: Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. Сост. В. Ф. Гнучева. Под общей редакцией акад. В. Л. Комарова. Изд. АН СССР, М.—Л., 1940, стр. 38 и сл.).

³⁵ Вопрос этот был возбужден Корфом перед правительством в марте 1735 г. В своем докладе он писал: «По силе присланных из Правительствующего Сената в прошлых 1732 июня 20 да 1733 годах марта 23 чисел указов отправлены от Академии в Камчатскую экспедицию с капитаном-командором Берингом профессеры химии и истории натуральной доктор Гмелин, астрономии Делякроер, гистории Герард Фридрих Миллер, которые жалованье получают двойное, каждый в год по тысяче по двести да за квартиру, дрова и свечи по шестидесяти рублей из суммы Камчатской экспедиции, а понеже Камчатская экспедиция как для дальности, так и для употребленные на оную иждивении великие важности есть.

«Того ради я запотребно нахожу кабинету е. и. в. всенижайше предложить не соблагородно ли будет е. и. в. повелеть в ту экспедицию еще два профессора, один в астрономии и географии, а другой в истории нату-

ральной и наипаче в химии и в рудокопных делах искусные на таком же жаловании, какое прежним соизволены, для следующих причин выписаны и за ними посланы были.

«1. Когда их обсервации болезнию или смертным случаем пресечены будут, то все их старания и употребленные на то иждивения бесполезны будут.

«2. Ежели два человека один другому помогают, то обсервации бывают тем исправнее, и

«3. у иностранных ученых людей, которых в сем случае пренебрегать не надлежит, находят большую верность». На докладе имеется помета рукою царицы: «Учинить по сему. Анна» (Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 778, л. 4—4 об.).

³⁶ Генкель, Иоганн-Фридрих (Henkel, Johann Friedrich, 1669—1744). О нем см.: *Allgemeine Deutsche Biographie*. Erster Band. Haffner—Pflug—Hensel. Leipzig, 1880, S. 760.

³⁷ О Фрейберге как центре горнозаводской науки см.: Н. Baumgärtel. *Aus der Geschichte der Bergakademie Freiberg*. 2 erw. Aufgabe. Freiberg, 1957. О Ломоносове — стр. 8.

³⁸ Отвечая на просьбу Корфа рекомендовать «в горном деле сведущего химика», Генкель писал: «Должен признаться, что ни тут, ни в другом каком-либо месте не знаю человека, который соединял бы в себе означенные свойства... Два столь важные условия, какие вряд ли можно найти в одном и том же человеке. Требуется, чтобы он не только был химиком, но и в то же время был знаком и с рудами, горными породами, прожилками и жилами» (Куник, стр. 225 и сл.).

³⁹ Там же, стр. 227.

⁴⁰ О месте и годе рождения Ломоносова до недавнего времени были неверные сведения. Начав поздно учиться, он скрывал свой возраст, равно как и свое происхождение — в Славяно-греко-латинскую академию принимали лиц всех сословий, кроме крестьянского (М. И. Сухомлинов. К биографии Ломоносова. Изв. Отд. русск. яз. и словесн. имп. Акад. наук. 1896, т. I, кн. 4, стр. 791; есть отд. изд.). Как теперь установлено, Ломоносов родился 8/19 ноября 1711 г. в д. Мишанинской, близ д. Денисовки; обе они входят теперь в село Ломоносово. См.: Б. Л. Модзалевский. Род и потомство Ломоносова. — В кн.: *Ломоносовский сборник*. Издание имп. Академии наук, СПб., 1911, стр. 334; М. И. Белов. О родине Ломоносова по новым материалам. — В кн. «Ломоносов», III, стр. 226; А. И. Андреев. О дате рождения Ломоносова. — Там же, стр. 364; о годах, проведенных Ломоносовым на родине, см.: Д. Бабкин. Юношеские искания М. В. Ломоносова. — На рубеже, 1947, № 5, стр. 72.

⁴¹ Куник, стр. 229—230.

⁴² Там же.

⁴³ Там же, стр. 231.

⁴⁴ Райзер, Викентий Степанович (ум. в 1755 г.), впоследствии президент Берг-коллегии, уроженец Померании, на русскую службу поступил при Петре I и принял участие в организации Берг-коллегии (Дм. Бантыш-Каменский. *Словарь достопамятных людей русской земли*, ч. 4. М., 1836, стр. 274).

⁴⁵ Свой план Райзер предложил не по собственному почину. Корф, считая подготовку горных инженеров важной задачей государственного значения, обратился к Райзеру, занимавшему видное положение в Горном ведомстве, прося высказать свои соображения (Куник стр. 232—234).

⁴⁶ *The World of Learning*. 1959/60. Tenth edition. London, p. 362.

⁴⁷ D. W. Singer. *Giordano Bruno. His life and thought*. With annotated Transaction of his work On the infinite universe and worlds. N. Y., 1950, p. 139.

⁴⁸ Вольф, Христиан (Wolf, Christian, 1679—1754), немецкий философ, физик и математик, последователь Лейбница. По рекомендации последнего Вольф в 28 лет занял кафедру математики и естествознания в Галльском университете. За философские воззрения, излагавшиеся им в публичных выступлениях, Вольф был изгнан прусским королем Фридрихом-Вильгельмом I из Галле, куда под страхом смертной казни ему было запрещено возвращаться, вследствие чего Вольф и поселился в Марбурге.

⁴⁹ Briefe von Christian Wolf aus den Jahren 1719—1753. Ein Beitrag zur Geschichte der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften zu Petersburg. St. Petersburg, 1860.

⁵⁰ Б. А. Модзалевский. Список членов имп. Академии наук. 1725—1907. СПб., 1908, стр. 120.

⁵¹ Материалы, т. III, стр. 145.

⁵² Куник, стр. 246.

⁵³ Там же, стр. 249.

⁵⁴ Известия об академических студентах во время их пребывания в Марбурге см.: Briefe von Christian Wolf aus den Jahren. 1719—1753, стр. 94 и сл.

⁵⁵ Куник, стр. 248.

⁵⁶ Там же, стр. 246—247.

⁵⁷ Инструкцию получал каждый студент в отдельности.

⁵⁸ Куник, стр. 247.

⁵⁹ Там же, стр. 249.

⁶⁰ М. Сухомлинов. Ломоносов студент Марбургского университета. — Русский вестник. Журнал литературный и политический. 1861, т. 31, стр. 131. М. А. Безбородов в своей монографии опубликовал в переводе С. Шульмана следующие выдержки из правил поведения для студентов Марбургского университета. Вот что значит здесь: «...п. 2. Зачисленный в студенты нашей Академии (так в XVIII в. часто называли университеты, — М. Р.) и желающий пользоваться ее привилегиями должен упрочиться в страхе божием, являющемся началом мудрости и ежедневно начинать, для счастья, свои занятия с благочестивой молитвой. «п. 3. Студент не должен вспоминать имя господне всуе: не произносить еретических речей, не упорствовать в защите извращений науки, не заниматься волшебством и колдовством, не давать необдуманных клятв, не совершать клятвопреступления...

«п. 5. По божественным дням, для усердия в богослужении предназначенным, студент должен всячески стараться не делать ничего запрещенного ни дома ни на людях: не учинять скандалов на улицах и в других публичных местах, не ставить, будучи за городом, силков для птиц, не портить плодов в садах. Уличенным в таких поступках ректор выносит порицание...

«п. 8. За выступление против ректора с руганью или с применением силы студент по решению Совета Академии высылается или полностью исключается... «п. 13. В ночное время каждый студент должен находиться дома, а не бродить по улицам города ни в масках, ни с открытым лицом. Крики и шум, коими нарушается покой посторонних, нигде и ни в какое время не должны быть допущены. На виновных в нарушении этого постановления ректор налагает денежный штраф...

«п. 15. Строго воспрещается студентам совершать бесчестящие других поступки и распространять пасквили. Кто почтенных и невинных лиц беспокоит поклепами, клеветами и пасквилями, тот с позором высылается...

«п. 17. Если студент вовлек новичка или любого другого студента в пьянство, мотовство, прелюбодеяние, или заманил его в игорный дом или другое любое безделье и обольщение, то он заключается в тюрьму, откуда он может быть выпущен только по уплате ректору двух золотых...

«п. 22. Задержанный по поручению ректора за наложенные штрафы или за преступление не должен ускользнуть вопреки его воле. Сбежавший же изгоняется публично с позором... «п. 24. Студент не должен необдуманно присоединяться к свадебным пляскам, которые почти всегда происходят публично в «урии, так как на такого рода плясках, где бывает много разнородных по образу жизни людей, легко возникают распри, редко кончающиеся без ранений» (М. А. Безбородов, ук. соч., 54—56). Все эти строгости, однако, не удержали учащуюся молодежь, в том числе и наши студенты от поступков, о которых речь будет дальше.

⁶¹ Меншуткин, Борис Николаевич (1874—1938), химик и историк науки. О нем см.: М. А. Блох. Памяти Б. Н. Меншуткина. — Природа, 1938, № 11—12, стр. 161—164; С. А. Погодин. Б. Н. Меншуткин. Некролог. — Успехи химии, 1938, т. 7, вып. 12, стр. 1896—1906; М. А. Блох. Памяти Б. Н. Меншуткина — Журнал общей химии, 1939, т. 9, вып. 22, стр. 2104—2112.

⁶² Б. Н. Меншуткин Жизнеописание Михаила Васильевича Ломоносова. Третье издание с дополнениями П. Н. Беркова, С. И. Вавилова, Л. Б. Модзалевского. Изд. АН СССР, 1947, стр. 30

⁶³ Марбургский период жизни Ломоносова дополняется еще сведениями, содержащимися в записках учившегося вместе с ним в Университете И. Пюттера (J. S. Pütter's Selbstbiographie, Bd. I. Göttingen, 1798); об этом см.: А. Морозов. Михаил Васильевич Ломоносов. 1711—1765. Лениздат, 1952, стр. 233.

⁶⁴ Куник, стр. 252.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же, стр. 254—255.

⁶⁷ Там же, стр. 252—253.

⁶⁸ В письме к И. И. Шувалову (ноябрь 1753 г.), содержащем много биографических данных, Ломоносов писал, говоря о пребывании в Славяно-греко-латинской академии: «Несказанная бедность: имея один алтын (три копейки, — М. Р.) в день жалованья, нельзя было иметь на пропитание в день больше как на денежку ($1\frac{1}{2}$ копейки, — М. Р.) хлеба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другие нужды» (ПСС, т. 10, стр. 479).

⁶⁹ ПСС, т. 10, стр. 416.

⁷⁰ Куник, стр. 261.

⁷¹ Там же, стр. 262.

⁷² Крафт, Георг-Вольфганг (1701—1754), физик; ученик Г.-Б. Бюльфингера (по Тюбингенскому университету). По предложению своего учителя Крафт переехал в Россию; вначале он был преподавателем Гимназии; с 1727 г. — адъюнкт; в 1731 г. назначен профессором «генеральной математики» (Материалы, т. I, стр. 4—5), а в 1733 г. заменил Л. Эйлера на кафедре теоретической и экспериментальной физики (Пекарский, т. I, стр. 458). В 1744 г. вернулся в Россию, но не порвал с Петербургской Академией наук, оставаясь ее почетным (иностранным) членом. Сын Крафта, Вольфганг-Людовик (Логин Юрьевич), родившийся в Петербурге (1743 г.), занял кафедру физики в Академии наук в 1768 г. (см.: Русский биографический словарь, т. Кнаппе—Кюхельбекер, СПб., 1903, стр. 418).

⁷³ Амман, Иоганн (1707—1741), ботаник. Научную деятельность начал в кабинете редкостей Г. Слоана (1660—1753), президента Лондонского Королевского общества. В Россию переехал в 1733 г., где проявил себя незаурядным натуралистом. С его именем связано создание Ботанического сада при Академии наук (П. А. Баранов. Ботаника в Аптекаоском огороде и в Академии наук. В сб. «От Аптекарского огорода до Ботанического института. Очерки по истории Ботанического института Академии наук».

наук СССР», Изд. АН СССР, М.—Л., 1957, стр. 17—18). Амман, у которого Ломоносов работал в течение нескольких месяцев по возвращении из-за границы, первый разглядел его дарования и высоко отозвался о них. На основании этого отзыва Ломоносов получил место адъюнкта Академии.

⁷⁴ К у н и к, стр. 262—265.

⁷⁵ Там же, стр. 264.

⁷⁶ Там же, стр. 265.

⁷⁷ ПСС, т. 10, стр. 417—418.

⁷⁸ Там же, стр. 419.

⁷⁹ Там же, стр. 368 и сл.

⁸⁰ См.: Репорт в Академию наук об учебных занятиях в Марбурге (15 октября 1738 г.).—ПСС, т. 10, стр. 374—377.

⁸¹ М. С у х о м л и н о в. Ломоносов—студент Марбургского университета.—Русский вестник, т. 31, 1861, стр. 160.

⁸² Пекарский, т. I, стр. 517.

⁸³ К у н и к, стр. 262.

⁸⁴ Там же, стр. 271.

⁸⁵ Там же, стр. 276.

⁸⁶ Там же, стр. 271—272.

⁸⁷ Там же, стр. 280.

⁸⁸ Там же, стр. 275.

⁸⁹ ПСС, т. 1, стр. 5 и сл.

⁹⁰ Б. Н. Меншуткин. Труды Ломоносова по физике и химии. Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 21.

⁹¹ ПСС, т. 8, стр. 7.

⁹² Фенелон, Франсуа де Салиньяк де ла Мот (Fenelon, François de Salignac de La Mothe, 1651—1715), член Французской Академии, известен своим свободомыслием.

⁹³ ПСС, т. 8, стр. 8.

⁹⁴ Там же, т. 1, стр. 23 и сл.

⁹⁵ См. Примечания к т. 1 ПСС, стр. 540.

⁹⁶ Вейтбрехт, Иосия (1702—1747), с 1725 г. адъюнкт, а с 1731 г. профессор физиологии.

⁹⁷ Протоколы Конференции, т. I, стр. 546—547.

⁹⁸ См. Примечания к т. 8 ПСС, стр. 873.

⁹⁹ ПСС, т. 7, стр. 9.

¹⁰⁰ Там же, т. 8, стр. 874.

¹⁰¹ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. III, М., 1953, стр. 487.

¹⁰² В. П. Зубов. Ломоносов и Славяно-греко-латинская академия. Труды Инст. ист. естеств. и техн. АН СССР, т. I, 1954, стр. 5 и сл.

¹⁰³ Материалы, т. III, стр. 213.

¹⁰⁴ К у н и к, стр. 280.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Тогда еще не все счета были представлены.

¹⁰⁷ К у н и к, стр. 284.

¹⁰⁸ Дуйзинг, Юстин-Гергард (Duysing, Justus Gergard, 1705—1761), профессор Марбургского университета 1732 г. О нем см.: J. G. Meusel. Lexikon der von 1750 bis 1800 verstorbenen teutschen Schriftsteller. Bd. 2. Leipzig, 1803, S. 454—456.

¹⁰⁹ К у н и к, стр. 301.

¹¹⁰ К у н и к, стр. 301—302.

¹¹¹ ПСС, т. 10, стр. 872.

¹¹² К у н и к, стр. 306.

¹¹³ Там же, стр. 310.

¹¹⁴ Юнкер, Готлоб-Фридрих-Вильгельм (1702—1746), в Академию поступил в 1731 г. адъюнктом, с 1734 г. — профессор политики и морали, а затем элоквенции.

¹¹⁵ К у н и к, стр. 315. Ломоносов близко сошелся с Юнкером и по возвращении на родину помогал ему, о чем рассказал в одной записке, составленной в 1765 г. незадолго до смерти (ПСС, т. 10, стр. 411—412). Подробнее об отношениях Ломоносова и Юнкера см.: Г. А. Андреева М. В. Ломоносов и Г.-Ф. Юнкер. «Ломоносов», IV, стр. 141—157.

¹¹⁶ К у н и к, стр. 319.

¹¹⁷ Там же, стр. 317.

¹¹⁸ Ломоносов женился на Елизавете Цильх 6 июня 1740 г. 1 января 1742 г. у них родился сын Иван, но он умер 7 февраля того же года. В 1749 г. родилась дочь Елена, умерла в 1772 г. (Б. Модзалевский. Род и потомство Ломоносова. — В кн.: Ломоносовский сборник. Издание имп. Академии наук, СПб., 1911, стр. 334—335).

¹¹⁹ Вот как характеризует Генкеля академик В. И. Вернадский: «В это время Генкель был уже стар, и лучшая пора его деятельности давно прошла; сама Академия в Фрейберге еще не существовала, — здесь была небольшая школа, главным образом практического горного дела. Генкель был химик старого склада, без следа оригинальной мысли, сделавший, однако, ряд верных частных наблюдений, выросший на практической школе пробиера и металлурга. Таков же был и характер его минералогических работ, главные из которых были изданы лет за 15 до посещения его Ломоносовым. В них нет свежей мысли, в них совсем не видно строгого систематического ума, а виден кропотливый собиратель фактов без критической их оценки, который не может выбиться из рамок схоластики. Даже свои открытия он излагал таким языком и придавал им такой вид, что скрывал их живое, сущее. Огромная масса его наблюдений, опытность в отдельных практических вопросах, соединенная с суеверием ученого ремесленника, полное непонимание всего нового или возвышающегося над обычным — таковы характерные черты его научных работ» (В. И. Вернадский. О значении трудов М. В. Ломоносова в минералогии и геологии. — Ломоносовский сборник. Материалы для истории развития химии в России, М., 1900, стр. 8; есть отд. изд.).

¹²⁰ ПСС, т. 10, стр. 428.

¹²¹ К у н и к, стр. 331.

¹²² Шумахер, Иоганн-Даниил (1690—1761), недоучившийся студент Страсбургского университета, двадцати четырех лет приехал в Петербург и поступил секретарем к лейб-медику Петра I Арескину. На попечении Шумахера находилась библиотека царя, составившая впоследствии основу библиотеки Академии наук. В качестве секретаря Арескина Шумахер, превосходно знавший иностранные языки, вел переписку с зарубежными учеными. После смерти Арескина выполнял те же обязанности у его преемника Л. А. Блюментраста; когда последний возглавил Академию наук, то Шумахер перешел сюда на службу в качестве библиотекаря и начальника Канцелярии, которая свыше четырех десятилетий была главным органом управления Академии. Обладая неисчерпаемой энергией, Шумахер, человек находчивый и ловкий, сосредоточил в своих руках почти всю власть в Академии, пользуясь попустительством президентов, которые, за исключением Корфа, делами Академии по существу почти не занимались. О нем см.: Пекарский, т. I, стр. 15—65; Русский биографический словарь, т. Шенбалов—Шютц, СПб., 1911, стр. 534—536; Б. Г. Кузнецов. Из Академической хроники XVIII в. (Академия и академическая канцелярия). Вестник АН СССР, 1940, № 4—5, стр. 131 и сл.

¹²³ ПСС, т. 10, стр. 427.

¹²⁴ Там же, стр. 428.

¹²⁵ В одном из писем Ломоносова к И. И. Шувалову, где речь идет о приобретении учеными состояний, указывает, что Вольф «лекциями и подарками имел больше пятисот тысяч и сверх того баронство» (там же, стр. 480).

¹²⁶ ПСС, т. 10, стр. 428.

¹²⁷ Там же, стр. 431.

¹²⁸ Там же, стр. 429.

¹²⁹ Там же, стр. 421.

¹³⁰ Куник, стр. 326.

¹³¹ Там же.

¹³² Головкин, Александр Гаврилович (1689—1760), дипломат, до занятия поста посланника в Голландии выполнял такие же обязанности при парижском, а еще раньше при берлинском дворе. Через Головкина велись переговоры по приглашению иностранных ученых на службу в Академию наук (см.: Материалы, т. I, стр. 81 и сл.).

¹³³ Куник, стр. 339.

¹³⁴ Акад. изд., т. VIII, стр. 63.

¹³⁵ ПСС, т. 10, стр. 433.

¹³⁶ Билярский, стр. 3.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Материалы, т. IV, стр. 694.

¹³⁹ Пекарский, т. I, стр. 493 и сл.

¹⁴⁰ ПСС, т. 5, стр. 7 и сл.

¹⁴¹ Гмелин, Иоганн-Георг (1709—1755), уроженец Тюбингена, где получил образование на медицинском факультете. В Петербургскую Академию наук поступил в 1727 г. адъюнктом, а через четыре года стал профессором. Из России уехал в 1747 г., обещав вскоре вернуться. Многолетний труд Гмелина «*Flora sibirica sive historia plantarum Sibiriae*», изданный Академией наук в четырех томах (1747—1769 гг.), явился выдающимся событием в истории ботаники. О нем Карл Линней (1707—1778) сказал, что Гмелин открыл столько растений, сколько другие ботаники все вместе. (П. А. Баранов. Ботаника в Аптекарском огороде и в Академии наук. В сб. «От Аптекарского огорода до Ботанического института. Очерки по истории Ботанического института АН СССР», Изд. АН СССР, М.—Л., 1957, стр. 20).

¹⁴² ПСС, т. 10, стр. 462.

¹⁴³ *Musei imperialis Petropolitani. Vol. I, pars prima. Qua continentur res naturales et regno animali. Typis Academiae Scientiarum Petropolitanae, 1742.*

¹⁴⁴ Пекарский, т. II, стр. 317—318.

¹⁴⁵ П. В. Постников, получивший в 1694 г. в Падуанском университете врачебный диплом, был не только первым, но долгое время и единственным русским доктором (Дм. Цветаев. Медики в Московской России и первый русский доктор. Историко-биографический очерк. Варшава, 1896; Е. Шмурло. П. В. Постников. Несколько данных для его биографии. Юрьев, 1894), который к тому же больше выполнял посольские поручения, чем занимался медицинской практикой (И. А. Бычков. Новые материалы для биографии русского доктора П. В. Постникова (письма его К Петру Великому за 1695 и 1696 гг.). Изд. имп. Общ. ист. и древн. росс. при Московск. унив., 1912; Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. VIII, СПб., 1867 и т. IX, СПб., 1868).

¹⁴⁶ Примечания к «Ведомостям», чч. 80—83. В Санктпетербурге, октября 6 дня 1741 г., стр. 317 и сл. «Здравие тела, — читаем мы здесь, — есть, по согласию всех людей, един из благороднейших плодов, которыми мы во временной сей жизни наслаждаемся. И ежели тое разум и добродетель»

тель, как свое ядро, в себе имеет, то приводит оно человека в полное совершенство... По собственному свидетельству славнейших медиков, медицину хотя безопасно и полезно употреблять можно, однако весьма не во многих болезнях. В большей сих части долженствует она так натуре последовать и наблюдать, где сия оной требует, как и мы прежде нежели в руки медиков впади, легчайшим трудом и без того, чтобы нам больно было, то же чинить могли. Ибо несравненно легче настоящее здоровье соблюсти, нежели потерянное возвратить можно. И как натура каждого обязывает о соблюдении и продолжении своей жизни стараться, подобным образом она обязывает нас и к собственному осторожнейшему хранению нашего здоровья: понеже без оного жизнь наша бездельна».

¹⁴⁷ Там же, чч. 89 и 90, 6 ноября 1741 г., стр. 353—360.

¹⁴⁸ Там же, 1739, чч. 67—71.

¹⁴⁹ Теплов, Григорий Николаевич (1711—1779), внебрачный сын знаменитого государственного и общественного деятеля архиепископа Феофана Прокоповича (1681—1736), до принятия в студенты Академии учился в Петербургской духовной семинарии. В январе 1742 г. назначен адъюнктом (по ботанике). Наукой перестал заниматься, став воспитателем будущего президента Академии наук К. Г. Разумовского, а впоследствии его секретарем, при этом Теплов числился на службе в Академии наук, состоя в ее штате ассессором Канцелярии. В борьбе Ломоносова со своими недругами Теплов был на стороне последних.

¹⁵⁰ Билярский, стр. 6.

¹⁵¹ Там же, стр. 6 и сл.

¹⁵² Там же, стр. 7. Вот что гласят следующие строки из цитированного доклада Корфа в Кабинет е. и. в. от 5 марта 1736 г.: «Для большого помянутых людей к прилежности поощрения можно таким образом обнадёжить, что ежели они в означенных науках совершены будут, пробы своего искусства покажут и о том надлежащее свидетельство получат, то по возвращении своем в профессеры экстраординарные удостоены и по четыреста шестидесяти рублей годового жалованья получают, так же по достоинству впредь произведены будут» (Куник, стр. 230).

¹⁵³ Билярский, стр. 7.

¹⁵⁴ ПСС, т. 10, стр. 275—276.

¹⁵⁵ П. Пекарский. Дополнительные известия для биографии Ломоносова. Отношение Шумахера к Ломоносову в первое время по возвращении его из Германии. 1742—1743 годы. — Записки АН, т. 8, Прил. 7, стр. 17 и сл.

¹⁵⁶ Подобные распри, завершавшиеся потасовками, случались тогда в Академии нередко. Ломоносов один раз был даже зачинщиком такого происшествия (см.: Доношение академиков в «Высокоучрежденную о Академии наук следственную комиссию» и другие документы. — В. И. Ламанский. Ломоносов и Петербургская Академия наук. Материалы к столетней памяти Ломоносова. Чт. в имп. Общ. ист. и древн. рос. при Московск. унив., 1865, кн. 1, стр. 44 и сл.).

¹⁵⁷ ПСС, т. 10, стр. 273.

¹⁵⁸ Акад. изд., т. VI, стр. 1—6.

¹⁵⁹ Б. Н. Меншуткин. М. В. Ломоносов, как физико-химик. К истории химии в России. См.: Известия С.-Петербургского политехнического института, 1904, т. I, вып. 1—2, стр. 140 и сл.

¹⁶⁰ Б. Н. Меншуткин. Труды М. В. Ломоносова по физике и химии. Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 50.

¹⁶¹ ПСС, т. 1, стр. 85 и сл.

¹⁶² Протоколы Конференции, т. I, стр. 694.

¹⁶³ ПСС, т. I, стр. 547.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ В. А. Ченкал. Катоптрико-диоптрический зажигательный инструмент Ломоносова. — В кн.: «Ломоносов», III, стр. 66; его же Примечания к т. 1, ПСС, стр. 547.

¹⁶⁶ Акад. изд., т. VI, стр. 285 и сл.

¹⁶⁷ Кравец, Торичан Павлович (1876—1955), физик и историк науки, чл.-корр. АН СССР избран в 1943 г. С 1945 по 1954 г. — зам. председателя Комиссии по истории физико-математических наук (председателем с 1943 по 1945 г. был А. Н. Крылов, с 1945 по 1951 г. — С. И. Вавилов, с 1951 по 1954 г. — В. И. Смирнов), зам. главного редактора Полного собрания сочинений М. В. Ломоносова. О Т. П. Кравце см.: Труды Инст. ист. естеств. и техн. АН СССР, т. 5. История физ.-мат. наук. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 395—397; Г. П. Фаерман. Торичан Павлович Кравец (Очерк жизни и деятельности). — В кн.: Т. П. Кравец. Труды по физике. Изд. АН СССР, М., 1959, стр. 5—29.

¹⁶⁸ ПСС, т. 1, стр. 87.

¹⁶⁹ Там же, т. 8, стр. 34.

¹⁷⁰ Материалы, т. VII, стр. 532.

¹⁷¹ ПСС, т. 8, стр. 53 и 69.

¹⁷² Там же, стр. 117—123.

¹⁷³ Выставка «Ломоносов и елизаветинское время», т. VII. Материалы по библиографии о Ломоносове на русском, немецком, французском, итальянском и шведском языках. Пг., 1915, стр. 138 (№ 62), 151 (№ 114), 176 (№ 26), 182 (№ 77), 185 (№ 98), 187 (№ 111), 192 (№ 150), 201 (№ 11), 210.

¹⁷⁴ ПСС, т. 3, стр. 123.

¹⁷⁵ Протоколы Конференции, т. II, стр. 48.

¹⁷⁶ Бойль, Роберт (Boyle, Robert, 1627—1691), английский химик и философ, один из создателей Лондонского Королевского общества (основано в 1660 г.). О Бойле как химике см.: M. Boas. Robert Boyle and Seventeenth-century chemistry. Cambridge, 1958. Расхождения Ломоносова с воззрениями Бойля освещены Я. Г. Дорфманом в статье «Роль Ломоносова в истории развития молекулярно-кинетической теории теплоты» («Ломоносов», III, стр. 41 и сл.).

¹⁷⁷ Цитируется по переводу, выполненному Б. Н. Меншуткиным. — Труды М. В. Ломоносова по физике и химии, стр. 100.

¹⁷⁸ Биллярский, стр. 8—9.

¹⁷⁹ Там же, стр. 57.

¹⁸⁰ Куник, стр. 376 и сл.

¹⁸¹ См. «Нижайший доклад и непредрасудительное мнение императорскому соляному комиссариату о соляных делах, что в местах между Днепром и Доном положенных, находятся, а особливо о обоих императорских заводах, что в Бахмуте и Торе» (ПСС, т. 5, стр. 243 и сл.).

¹⁸² Черкасов, Иван Антонович (1692—1752), кабинет-секретарь Елизаветы Петровны.

¹⁸³ Куник, стр. 377—378. См. еще: Репорт в Канцелярию о материалах, необходимых для пробы солей, присланных из Кабинета; Репорт в Кабинет об исследовании русских солей и слюды; Репорт в Кабинет об исследовании трех образцов заграничных солей (ПСС, т. 5, стр. 249 и 259). О работах Ломоносова по соляному делу см.: П. М. Лукьянов. История химических промыслов и химической промышленности в России до конца XIX в. Под редакцией академика С. И. Вольфовича, т. 1, Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 452 и сл.

¹⁸⁴ Биллярский, стр. 62.

¹⁸⁵ Об отношениях Шумахера с членами Академии см.: П. Пекарский. Научное наследие России. Дополнительные известия для биографии Ломоносова. I. Отношения

Шумахера к Академии и академикам до Ломоносова. 1720—1742 годы. — Записки АН, т. 8, Прил. 7, стр. 1—17.

¹⁸⁶ Бернулли, Даниил (1700—1782), математик и механик, сын профессора Базельского университета, Иоганна Бернулли (1667—1743), учителя Л. Эйлера. Даниил Бернулли со старшим братом Николаем (1695—1726) приехал в Петербург вместе с первыми академиками в 1725 г. и вначале занял кафедру физиологии, которую затем уступил Л. Эйлеру. Знаменитый труд Д. Бернулли по гидродинамике был выполнен в Петербурге. В 1733 г. Д. Бернулли вернулся на родину и занял место профессора в Базельском университете. С Петербургской Академией он не порывал связей на протяжении всей жизни, состоя ее почетным (иностранном) членом. Значительная часть работ Д. Бернулли опубликована в печатном органе Петербургской Академии, честь которой он защищал, находясь за рубежом.

¹⁸⁷ Делиль, Жозеф-Никола (Осип Николаевич) (De l'Isle, 1688—1768), астроном, первый из французских ученых, поступивших на службу в нашу Академию наук. В Петербург приехал в 1725 г. и, заняв кафедру астрономии, создал первоклассную обсерваторию. Наблюдения производил и за пределами Петербурга, в том числе и на далеких окраинах страны (см.: П. Пекарский. Путешествие академика Николая-Иосифа Делиля в Березов в 1740 г. — Приложение № 3 к т. 6 Записок АН). Из России Делиль уехал в 1747 г. (см. гл. III, стр. 74).

¹⁸⁸ ПСС, т. 10, стр. 434—435.

¹⁸⁹ Там же, стр. 435.

¹⁹⁰ При основании Академии была предусмотрена кафедра химии и практической медицины; эту кафедру занял М. Бюргер, прослуживший в Академии менее года.

¹⁹¹ Цитировано по переводу В. Лебедева, приведенному у Билярского, стр. 63.

¹⁹² Там же, стр. 64.

¹⁹³ Тредиаковский, Василий Кириллович (1703—1769), питомец Славяно-греко-латинской академии. В Академию наук поступил в 1732 г., начав свою деятельность с переводов (иностранные языки изучил за границей — три года учился в Париже, в Сорбонне). К приезду Ломоносова в Петербург Тредиаковский уже издал свою работу по стихосложению. Первым книжным приобретением Ломоносова в Петербурге было произведение Тредиаковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов». На сохранившемся экземпляре книги имеется помета с датой 29 января 1736 г. С Тредиаковским Ломоносов расходился по многим вопросам, в частности и по литературным (см.: П. Н. Берков. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765. Изд. АН СССР, М.—Л., 1936).

¹⁹⁴ ПСС, т. 10, стр. 597—598.

¹⁹⁵ Там же, стр. 800.

¹⁹⁶ Там же, стр. 573.

¹⁹⁷ Материалы, т. III, стр. 437.

¹⁹⁸ Там же, т. III, стр. 723.

¹⁹⁹ ПСС, т. 10, стр. 573. Подробней о взаимоотношениях Ломоносова и Эйлера см.: В. Л. Ченяка. Л. Эйлер и Ломоносов (К истории их научных связей). — В кн. «Леонард Эйлер. Сборник статей в честь 250-летия со дня рождения, представленных Академии наук СССР». Изд. АН СССР, М., 1958, стр. 423 и сл.

К главе II

¹ См. Примечания к т. 9 ПСС, стр. 651.

² Там же, стр. 9.

³ С. И. Вавилов. 1) Физический кабинет, Физическая лаборатория.

Физический институт Академии наук за 220 лет (Собрание сочинений, т. III, Работы по Философии и истории естествознания, Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 472); 2) Очерк развития физики в Академии наук за 220 лет (там же, стр. 534).

⁴ Рихман, Георг-Вильгельм (1711—1753), выходец из Прибалтики, учился в Галльском и Иенском университетах и завершил свое образование в Петербургской Академии наук, куда в 1735 г. поступил студентом. Как писал он в автобиографии, «будучи в физическом департаменте, помогал профессору физики Крафту и, по его предводительству и совету, продолжал я учение физическое» (Пекарский, т. I, стр. 698). В 1741 г. Рихман был назначен экстраординарным или, как он писал, вторым профессором физики, и в этом звании числился еще три года после отъезда Крафта (1744). Лишь в конце 1747 г. Рихман стал ординарным академиком. Рихман принадлежал к наиболее близким друзьям Ломоносова. Их объединяли общие научные интересы и личные товарищеские отношения, которые отражены в его отчетах и переписке. Наиболее известны их совместные работы в области электричества (см. письмо к И. И. Шувалову — ПСС, т. 10, стр. 482). Но общие их интересы выходили далеко за пределы этой отрасли физики (см. письмо к Л. Эйлеру от 27 мая 1749, там же, стр. 466). Из отчета Ломоносова за 1753 г. видно, что Рихману были близки физико-химические изыскания, которыми его друг занимался главным образом. «Спокойным профессором Рихманом, — писал Ломоносов, — делал химико-физические опыты в Лаборатории для исследования градуса теплоты, который на себя вода принимает от погашенных в ней минералов, прежде раскаленных» (там же, стр. 390).

Рихман погиб 26 июня 1753 г. во время опытов с атмосферным электричеством. В написанном Ломоносовым по этому поводу письме к И. И. Шувалову отмечены «согласие и дружба» обоих ученых (там же, стр. 484). Ломоносов проявил большую заботу о семье погибшего друга (см. письмо к государственному канцлеру М. И. Воронцову (там же, стр. 488)).

⁵ Ср.: В. Л. Ченакал. Русские приборостроители первой половины XVIII в. Лениздат, 1953, стр. 54 и сл.

⁶ Имеется в виду *Musei Imperialis Petropolitani*.

⁷ Пекарский, т. I, стр. 459—460.

⁸ ПСС, т. 9, стр. 9—10.

⁹ Протасов, Алексей Протасьевич (1724—1796), анатом и физиолог. Сын солдата лейб-гвардии Семеновского полка, Протасов получил начальное образование в Александро-Невской семинарии, оттуда перешел в Академический университет, а затем учился в Лейдене. В 1751 г. Протасов был назначен адъюнктом, через двенадцать лет — экстраординарным, а в 1771 г. — ординарным профессором. Незаурядные способности Протасова Ломоносов разглядел, когда тот еще учился в Академическом университете. Из ряда документов видно, как Ломоносов ценил Протасова, оказывая ему действительную поддержку, в которой он, как и все академические питомцы, очень нуждался, так как одаренных молодых людей опасались академические заправилы Шумахер и Тауберт, воздвигавшие им на каждом шагу препятствия. Адъюнктом Протасов был назначен без права присутствовать на заседаниях Академического собрания. Когда же Ломоносов стал одним из руководителей Канцелярии, то по его инициативе она определила: «... адъюнкту Алексею Протасову ходить в оное собрание и по примеру прочих адъюнктов иметь заседание в том собрании, и профессорскому собранию о том ведать, а ему, Протасову, в Академической канцелярии об оном объявлено октября 14 дня 1759 году» (ПСС, т. 10, стр. 209—210). О Протасове см.: М. А. Тикотин. П. А. Загорский и первая русская анато-

мическая школа. М., 1950, стр. 18—26; Т. А. Лукина. Алексей Протасьевич Протасов (рукопись).

¹⁰ Материалы, т. V, стр. 29.

¹¹ ПСС, т. 9, стр. 10. О нужде, которую терпел тогда Ломоносов, как и все сотрудники Академии, свидетельствуют многочисленные просьбы о выдаче хотя бы части причитающегося жалования. Как и другие служащие Академии, Ломоносов вынужден был получать в счет жалования не деньги, а изданные Академией книги. В одном его прошении (ноябрь 1743 г.) мы читаем: «Академию наук всепокорно прошу, дабы повелено было, для расплаты долгов и для моего пропитания выдать из книжной палаты книгами, какими мне потребно будет, по цене на восемьдесят рублей» (Материалы, т. V, стр. 978). Полученные книги академики продавали по цене, значительно меньшей номинала.

¹² Нартов, Андрей Константинович (1680—1756), проявил себя как одаренный техник и изобретатель и обратил на себя внимание Петра I, назначившего его личным токарем в своей дворцовой токарной мастерской. В Академии наук Нартов служил с 1736 г., заведя механической мастерской. (О нем см.: Ф. Н. Загорский, А. К. Нартов — выдающийся машиностроитель XVIII в. М. 1957).

Нартов возглавлял недовольных в Академии порядками, введенными Шумахером, и добился расследования его деятельности. Об этом Ломоносов рассказал в «Краткой истории о поведении Академической канцелярии»: «Нартов, уведав от академических многих служителей, а паче из жалобы от профессора Делиля о великих беспорядках, напрасных убытках и о пренебрежении учения российского юношества, предпринял все сие донести блаженной памяти государыне императрице Елизавете Петровне, когда она изволила быть в Москве для коронования... Нартов отвез в Москву и подал оное доношение е. в., по которому советник Шумахер и с ним нотариус Гофман и книгопродавец Прейсер взяты под караул, и учреждена в Академии следственная комиссия... Сперва комиссия зачалась было горячо, однако вскоре вся оборотилась на доносителей, затем что в комиссию, а особливо ко князю Юсупову, писал за Шумахера сильный тогда при дворе человек иностранный. Не исполнено ничего, что требовали доносители по силе именного указа и по самой справедливости, то есть не опечатаны все нужные департаменты, на кои большее было подозрение, а в запечатанные ходил самовластно унтер-библиотекарь Тауберт, сорвав печать и выносил письма. Доносители не допущены были по силе именного указа от комиссии к разбору писем и вещей, и словом никакой не употреблено строгости по правосудию, а доносители без всякой причины арестованы. Шумахер выпущен из-под аресту. Наконец уговорены были с Шумахеровой стороны бездельники из академических нижних служителей, кои от Нартова наказаны были за пьянство, чтобы, улуча государыню где при выезде, упали ей в ноги, жалуясь на Нартова, якобы он их заставил терпеть голод без жалования. Сие они сделали, и государыня по наговоркам Шумахерова патрона указала Нартова отрешить от Канцелярии и быть в ней Шумахеру главным по-прежнему» (ПСС, т. 10, стр. 276—278).

¹³ Биларский, стр. 45.

¹⁴ А. Будилович. М. В. Ломоносов как натуралист и филолог. С приложениями, содержащими материалы для объяснения его сочинений по теории языка и словесности. СПб., 1869, стр. 40.

¹⁵ ПСС, т. 9, стр. 13.

¹⁶ Там же, стр. 14.

¹⁷ Там же, стр. 15.

¹⁸ Там же, стр. 19.

¹⁹ Там же, стр. 22.

²⁰ Винсгейм, Христиан-Николай (ум. в 1751 г.), родом из Пруссии, приехал в Россию задолго до открытия Академии наук и занимался частным преподаванием языков и математики в Петербурге. В Академию был принят в 1731 г. в качестве адъюнкта и помогал Делилю не столько в астрономических наблюдениях, сколько в вычислениях. В 1735 г. назначен экстраординарным профессором. В Академии выполнял и административные обязанности, дважды занимал пост конференц-секретаря — с 1742 по 1746 г. и с 1749 до конца жизни. Винсгейм занимался и картографическими работами, принимая участие в составлении Большого атласа России (1745), над усовершенствованием которого много трудился Ломоносов, когда возглавлял Географический департамент. После того как Академию покинули Г. Гейнзиус (1709—1769), а затем и Делиль, Винсгейм возглавлял кафедру астрономии и числился руководителем работ, проводившихся в Географическом департаменте. Винсгейм читал академическим студентам лекции по астрономии и занимался популяризацией науки. В 1737 г. им был составлен «Атлас, сочиненный к пользе и употреблению юношества и всех читателей ведомостей (газет, — М. Р.) и исторических книг».

²¹ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 747, л. 12.

²² Протоколы Конференции, т. II, стр. 103.

²³ ПСС, т. 9, стр. 28.

²⁴ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 747, л. 13.

²⁵ Материалы, т. VIII, стр. 132.

²⁶ Разумовский, Кирилл Григорьевич (1728—1803), на посту президента формально числился пятьдесят два года, но в течение последних тридцати лет фактически никакого участия в работе Академии наук не принимал, да и до того он не часто бывал в Академии, занятый придворными обязанностями. Избранный в 1750 г. гетманом Украины, Разумовский бывал в столице только наездами и уделял Академии еще меньше внимания. Хотя с уничтожением в 1764 г. гетманства Разумовский переехал опять в Петербург, но по-прежнему не вникал глубоко в академические дела, к тому же с воцарением Екатерины II он, как и многие вельможи прошедшего царствования, оказался почти не у дел.

Отношения Ломоносова и Разумовского отражены в не малом количестве документов, о которых речь будет ниже. При всех недостатках Разумовского он имеет и заслуги в истории Академии, в частности своим доброжелательством и во многих случаях прямой поддержкой Ломоносова, которого высоко ценил как ученого и писателя. Особо следует отметить участие Разумовского в издании собрания сочинений Ломоносова (1751 г.) — чести, которой собственно не удостоился ни один член Академии до того. Не забудем, что не прошло еще и десяти лет с тех пор, как Ломоносов стал адъюнктом. С своей стороны Ломоносов относился с большим почтением к Разумовскому и высоко ставил его личные качества, которыми он снискал к себе искреннее уважение со стороны почти всех академиков, несмотря на то что терпели они от Шумахера и Тауберта, самовластия которых Разумовский не укротил.

²⁷ Вот что писал Эйлер Шумахеру менее чем через месяц после назначения Разумовского президентом: «Столь желанное и неожиданное известие о новом солнце счастья, которое взошло над Академией, вызвало у меня такую неопишемую радость, что я решил без промедления с этой же почтой отправить поздравительное письмо новому президенту г-ну графу Разумовскому, хотя я еще не в состоянии ответить что-нибудь определенное на те почетные предложения, которые он сделал мне через г-на Теплова» (Архив АН СССР, ф. 1, оп. 3, № 34, лл. 177—178).

²⁸ Пекарский, т. II, стр. XXIII.

²⁹ ПСС, т. 10, стр. 312—313. О нерадивости Разумовского говорили тогда во всем Петербурге. («Сон виденный в 1765 году». — «Русский архив», 1873, кн. 11, стр. 1912—1913).

³⁰ ПСС, т. 10, стр. 495.

³¹ Там же, стр. 520.

³² Там же, стр. 279. Ответ Разумовского в Сенат, как и все бумаги, исходившие от него, был составлен Тепловым, всячески выгораживавшим Шумахера. Вот что содержится в этом документе: «По рассмотрении оных профессорских доношений с ответами советника Шумахера, потребовал я указом от всех профессоров письменного изъяснения, имеют ли они из советника Шумахера еще какие жалобы или доказательства, кроме тех, что в доношениях своих на него показывали? — но они не только ни малейшего на то доказательства не представили, да напротив того, объявили, что на советника Шумахера никаких жалоб не имеют... Такими непорядочными движениями не только великий вред Академии причинили, но и правительствующий Сенат так, как высокое в государстве правление, своими клеветами на советника Шумахера и Канцелярию дерзновенно и нерассудно оболгали. И потому какого они, профессоры, по регламентам и указам е. и. в. подлежат штрафа, то отдаю на благорассудное рассмотрение правительствующего Сената, а мое мнение при том представляю покорнейше:

«Понеже почти все профессоры люди иностранные и российскому языку так мало искусны, что многие о себе объявили, коим образом они и сами того не знали, в чем при доношениях своих своеручно подписались; притом же не думали, чтоб из сего какие худые следствия произойти могли. а увидя проступку свою, весьма раскаивались и о таком безрассудном дерзновении своем сожалели, — то я за потребно рассуждаю от указного штрафа их освободить; но вместо того всем им, при сильном выговоре, накрепко запретить, дабы они впредь в такие дела не вступали, но более бы в делах звания своего упражнялись так, как умным ученым и честным людям надлежит» (Материалы, т. VIII, стр. 490—491).

³³ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 747, л. 18.

³⁴ ПСС, т. 9, стр. 40.

³⁵ В. Марковников. Полуторастолетие русской Химической лаборатории. Речь, произнесенная в годичном собрании имп. Общ. любителей естеств., антроп. и этногр. 15 октября 1898 г. (Ломоносовский сборник. Материалы для истории развития химии в России. М., 1901, стр. 2).

П. М. Лукьянов. История химических промыслов и химической промышленности в России до конца XIX в., т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 436; А. Ф. Капустинский. Первая русская научная химическая лаборатория. — Природа, 1947, № 10, стр. 71; С. А. Погодин. Двухсотлетие лаборатории М. В. Ломоносова. — Химическая промышленность, 1948, № 10, стр. 16; В. П. Барзаковский и Н. М. Раскин. Первая научно-исследовательская лаборатория в России (к 200-летию основания М. В. Ломоносовым Химической лаборатории Академии наук). — Заводская лаборатория, 1949, т. XV, № 5, стр. 625.

³⁶ В. П. Барзаковский и Н. М. Раскин. 200 лет Химической лаборатории М. В. Ломоносова (Наука и жизнь, 1949, № 1, стр. 36); Н. А. Фигуровский. Первая научная химическая лаборатория в России. М., 1950, стр. 26.

³⁷ ПСС, т. 1, стр. 71—73.

³⁸ М. А. Безбородов. Борьба Ломоносова за создание первой научной химической лаборатории в России (к 200-летию со дня основания). — Стекло и керамика, 1948, № 9, стр. 9.

³⁹ Н. М. Раскин. Описи Химической лаборатории Ломоносова. — «Ломоносов», III, стр. 265 и сл.

- ⁴⁰ В. П. Барзаковский и Н. М. Раскин. Оборудование Химической лаборатории Ломоносова. — Там же, стр. 132.
- ⁴¹ С. А. Соболев. История микроскопа и микроскопических исследований в России в XVIII в. Изд. АН СССР, М., 1949, стр. 181 и сл.
- ⁴² Н. М. Раскин. Описи Химической лаборатории Ломоносова. — «Ломоносов», III, стр. 265.
- ⁴³ ПСС, т. 9, стр. 34.
- ⁴⁴ Биллярский, стр. 124.
- ⁴⁵ См. Генеральный список учеников гимназии. — Материалы, т. VIII, стр. 333.
- ⁴⁶ Там же, т. V, стр. 9 и 896; т. VII, стр. 219.
- ⁴⁷ Там же, т. VII, стр. 416 и 459.
- ⁴⁸ Там же, т. IX, стр. 440.
- ⁴⁹ Там же, стр. 449.
- ⁵⁰ Там же, стр. 445.
- ⁵¹ ПСС, т. 9, стр. 44.
- ⁵² Там же, стр. 45.
- ⁵³ Материалы, т. IX, стр. 732.
- ⁵⁴ ПСС, т. 9, стр. 46.
- ⁵⁵ Материалы, т. IX, стр. 743.
- ⁵⁶ Там же, стр. 739.
- ⁵⁷ Там же, т. X, стр. 291.
- ⁵⁸ ПСС, т. 9, стр. 49.
- ⁵⁹ Там же, стр. 48.
- ⁶⁰ Подробней о работах Ломоносова над красками см.: П. М. Лукьянов и Н. М. Раскин. О работах Ломоносова по краскам. — «Ломоносов», III, стр. 319 и сл.
- ⁶¹ ПСС, т. 9, стр. 48—49.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ «Лаборатория Ломоносова, — писал С. А. Погодин в цитированной работе, — была первой не только в России, но и во всем мире химической лабораторией, в которой научно-исследовательская работа гармонично сочеталась с учебной. На Западе первая лаборатория подобного типа была учреждена Юстусом Либихом (1803—1873) в 1824 г., т. е. более чем на 80 лет позднее» (ук. соч., стр. 18).
- ⁶⁴ См.: В. П. Барзаковский и Н. М. Раскин. Оборудование Химической лаборатории Ломоносова. — «Ломоносов», III, стр. 204.
- ⁶⁵ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 137, л. 733.
- ⁶⁶ Софронов, Михаил (1729—1760), с 1753 г. — адъюнкт математики.
- ⁶⁷ Федоровский, Иван Никифорович, по окончании Университета определен переводчиком в Академии наук.
- ⁶⁸ Клементьев, Василий Иванович (1731—1759), впоследствии помощник Ломоносова по Химической лаборатории.
- ⁶⁹ Материалы, т. X, стр. 302.
- ⁷⁰ См.: Н. М. Раскин. Василий Иванович Клементьев — ученик и лаборант М. В. Ломоносова. Изд. АН СССР, М.—Л., 1952.
- ⁷¹ В. И. Смирнов и Е. С. Кулябко. Михаил Софронов русский математик середины XVIII в. Изд. АН СССР, 1954.
- ⁷² ПСС, т. 9, стр. 54.
- ⁷³ См.: В. К. Макаров. Художественное наследие М. В. Ломоносова. Мозаики. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950.
- ⁷⁴ См. Примечания к т. 9 ПСС, стр. 683.
- ⁷⁵ Там же, стр. 75.
- ⁹⁵ «Научное наследие России»
19 М. И. Радовский

⁷⁶ «С.-Петербургские ведомости», 1751, № 36 от 3 мая, стр. 286.

⁷⁷ Материалы, т. IX, стр. 129.

⁷⁸ Там же, стр. 615—616.

⁷⁹ Шувалов, Иван Иванович (1727—1797), видный деятель просвещения в России, племянник генерал-фельдмаршала, известного артиллериста П. И. Шувалова (1710—1762). Благодаря усилиям последнего и его жены Мавры Егоровны (1708—1759), игравшей видную роль при дворе, И. И. Шувалов стал фаворитом Елизаветы Петровны. Но в отличие от других подобных временщиков, Шувалов использовал свое положение не в личных корыстных целях (он решительно отклонил предложенные ему царицей обширные поместья и графский титул), а на содействие культуре и просвещению, и это сблизило с ним Ломоносова, который находил в нем поддержку в борьбе с своими недругами. Видя в Шувалове непреклонного поборника отечественной культуры, Ломоносов воспел его в своих поэтических произведениях. Между Ломоносовым и Шуваловым была большая переписка. До нас дошли лишь письма Ломоносова, сохранившиеся в личном архиве Шувалова. Эти документы отражают их личные отношения и являются ценным источником, содержащим единственные в своем роде автобиографические сведения. Вместе с тем эти письма проливают яркий свет на окружение Ломоносова и представляют собой важные материалы для изучения истории Академии наук.

После воцарения Екатерины II положение Шувалова при дворе было подорвано, и он вынужден был уехать за границу, где провел свыше десяти лет. По возвращении на родину (1777 г.) Шувалов деятельно занимался вопросами науки и культуры. Он был одним из основателей Российской Академии, открытой в 1783 г. В 1776 г. избран почетным членом Петербургской Академии наук.

⁸⁰ «Обычно, — писал академик Б. Д. Греков, — принято думать, что Ломоносов стал историком поневоле, по „всемилодивейшему повелению“, переданному ему в Москве в 1753 г. через И. И. Шувалова. Формально, конечно, это так и было. Но нужно сказать, что Ломоносов не мог относиться безразлично к прошлому своего народа и доказал это еще до „повеления“ Елизаветы Петровны» (Академик Б. Д. Греков. Деятельность Ломоносова в Академии. Доклад на торжественном заседании Академии наук и Московского государственного университета 21 ноября 1936 г. посвященном 225-летию со дня рождения М. В. Ломоносова. — Изв. АН СССР, Отд. общ. наук, 1937, № 1, стр. 195—196).

⁸¹ Сальхов, Ульрих-Христофор (Salchow, Ulrich-Christofor, 1722—1787), с 1755 по 1760 г. — действительный член Петербургской Академии наук.

⁸² История АН, стр. 256.

⁸³ ПСС, т. 9, стр. 59.

⁸⁴ Дахриц, Карл (Dachritz, Carolus). Диссертация Дахрица была прислана под девизом: «*Ignes est salis vigor et coelestis origo*» («Силой подобна огню и небесное соль порождение»).

⁸⁵ Протоколы Конференции, т. II, стр. 310. Вот что мы читаем в докладе Академии Разумовскому: «Сего августа 18 дня (1754) в обыкновенном академическом собрании, г. советник и профессор Ломоносов объявил, что за другими делами профессию химии отправлять более не в состоянии и что надлежит на его место выписать из-за моря другого химика, к чему он представил, яко достойного, автора диссертации для премии в Академию присланной под знаком „*Ignis etc.*“» (П. Пекарский. Дополнительные известия для биографии Ломоносова. — Приложение № 7 к 8 тому Записок АН, стр. 64).

⁸⁶ Шлаттер, Иван Андреевич (1708—1768), автор ряда широко распространенных в XVIII в. произведений по горному делу, из которых наибо-

лее известно «Обстоятельное наставление рудному делу» (СПб., 1760).

⁵⁷ П. Пекарский. Дополнительные известия для биографии Ломоносова, стр. 64. Подробней об этом см.: ПСС, т. 9, стр. 670 и сл.

⁵⁸ На запрос конференц-секретаря Академии Г.-Ф. Миллера Эйлер отвечал: «Г-н доктор Сальхов кажется не только способным, но и образованным человеком. Он родом с острова Рюгена и будет лет около сорока. Предложение, не имеет ли охоты отправиться в Петербург, он выслушал с радостью, потому что у него здесь мало надежды на получение места по своей науке химии, и живет он без службы. Так как искусные химики чрезвычайно редки, то я едва верю, чтобы можно было найти способного человека. У него только жена, и его бы можно было приобрести на недорогих условиях». И в другом письме: «Этот человек чем далее, тем более мне нравится, и я надеюсь, что императорская Академия будет вполне довольна этим приглашением» (П. Пекарский. Дополнительные известия для биографии Ломоносова, стр. 66).

⁵⁹ ПСС, т. 9, стр. 61.

⁹⁰ Там же, стр. 63.

⁹¹ История АН, стр. 256.

⁹² ПСС, т. 9, стр. 64—65.

⁹³ Там же, стр. 65—66.

⁹⁴ Тауберт, Иван Иванович (1717—1771), питомец Академической гимназии и Университета. Находясь в родстве с Шумахером (был женат на его дочери), Тауберт был правой рукой начальника Академической канцелярии и не по заслугам выдвигался в Академии, заняв место одного из ее руководителей. Ничего не сделав в науке, он благодаря Шумахеру стал адъюнктом по истории (1738). В Академии занимал должность библиотекаря (унтер-библиотекарь). Когда Шумахер одряхлел и в Канцелярии стали коллегиально управлять четыре советника, кроме Шумахера, ими были Ломоносов, Штелин и Тауберт, то последнему были поручены подсобные академические предприятия, за исключением тех, которые составляли так называемую Академию художеств (об этом подробней см. гл. IX). В распоряжении Разумовского (март 1758 г.) о распределении обязанностей между советниками Канцелярии сказано: «Понеже надворному советнику, г-ну Штелину по силе учиненного апреля 30 числа прошлого 1757 году определения поручены в смотрение принадлежащие к Академии художеств департаменты, того ради прочтие за тем мастерские палаты, а именно: типографию, словолитную и пунцонную, механическую лабораторию, переплетную и книжную лавку иметь в особливом же смотрении коллежскому советнику ассесору г. Тауберту, и рассматривая прилежно недостатки оных департаментов и что до приведения оных в наилучшее состояние касаться может, представлять для общего ж рассуждения и определения в Канцелярии» (Биларский, стр. 368). Но Тауберт не менее, чем его тесть стремился к единовластию и, где только мог, обходил Канцелярию теперь уже коллегиальный орган управления Академией. На этой почве у Ломоносова с ним постоянно возникали трения, о которых речь будет в следующих главах.

⁹⁵ См., например: М. И. Радовский. Антиох Кантемир и Петербургская Академия наук. Изд. АН СССР, М.—Л., 1959, стр. 40.

⁹⁶ См. Примечание к т. 9 ПСС, стр. 680.

⁹⁷ ПСС, т. 10, стр. 229.

⁹⁸ См. Примечание к т. 9 ПСС, стр. 680.

⁹⁹ ПСС, т. 10, стр. 286.

¹⁰⁰ В. И. Клементьев умер за год до этого

¹⁰¹ ПСС, т. 9, стр. 67.

¹⁰² Там же, стр. 65.

35 "Научное наследие России"

- ¹⁰³ Леман, Иоганн-Готтлиб (Lehman, Johann Gottlob, 1700—1767), действительный член Петербургской Академии наук с апреля 1761 г.
- ¹⁰⁴ А. И. Ходнев. История имп. Вольного экономического общества с 1765 г. до 1865 г. СПб., 1865, стр. 3, 7, 640, 648.
- ¹⁰⁵ ПСЗ, т. XVII, № 12780, стр. 1037.
- ¹⁰⁶ ПСС, т. 9, стр. 67—69.
- ¹⁰⁷ На русском языке были изданы следующие произведения Лемана «Опыт генеральной орографии, или описания главнейших по земному нашему шару простирающихся гор, читанный сентября 23 дня 1762 года в публичном собрании имп. Академии наук Иоанном Готтлобом Леманом». СПб., 1762 и «Пробирное искусство, сочиненное Иоанном Готтлобом Леманом, С. Петербургской Академии наук членом. А переведено с немецкого языка гиттерфервальтером Алексеем Гладким» СПб., 1772.
- ¹⁰⁸ Подробней об этом см.: Н. И. Сидоров. Усть-Рудицкая фабрика М. В. Ломоносова. Изв. АН СССР. Отд. общ. наук, 1937, № 1, стр. 149 и сл.; В. К. Макаров. Домашняя химическая лаборатория Ломоносова. — «Ломоносов», III, стр. 347 и сл.; гл. V (Фабрика в Усть-Рудицах) кн. М. А. Безбородова «М. В. Ломоносов и его работа по химии и технологии силикатов» (Изд. АН СССР, 1948, стр. 174 и сл.).
- ¹⁰⁹ ПСС, т. 9, стр. 179.
- ¹¹⁰ ПСЗ, т. XIII, № 10057, стр. 750—751.
- ¹¹¹ См. Примечания к т. 9 ПСС, стр. 717.
- ¹¹² Лаксман, Кирилл Густавович (1737—1796), академик с 1770 г.; с 1781 г. — почетный член Академии.
- ¹¹³ Соколов Никита Петрович (1748—1795), с 1783 г. — адъюнкт, а с 1787 г. — ординарный академик; с 1792 г. — почетный член Академии.
- ¹¹⁴ Паллас, Петр Семенович (1741—1811), натуралист и путешественник; академик с 1767 г. Результаты названной экспедиции изложены в его широко известном трехтомном произведении «Путешествия по разным провинциям Российского государства» (СПб., 1773—1788).
- ¹¹⁵ Захаров, Яков Дмитриевич (1765—1836), с 1740 г. — адъюнкт, а с 1798 г. — ординарный академик.
- ¹¹⁶ А. Н. Петров. К вопросу о местонахождении и судьбе Химической лаборатории Ломоносова. — «Ломоносов», III, стр. 338.
- ¹¹⁷ Марковников, Владимир Васильевич (1838—1904), ученик А. М. Бутлерова, занял его кафедру химии в Казанском университете, когда тот был избран в академики и переехал в Петербург. С 1873 г. — профессор Московского университета, где построил новую химическую лабораторию и ввел коренные изменения в преподавании химии.
- ¹¹⁸ Ломоносовский сборник. Материалы для истории развития химии в России, стр. 16.
- ¹¹⁹ В. П. Барзаковский и Н. М. Раскин. 200 лет Химической лаборатории М. В. Ломоносова. — Наука и жизнь, 1949, № 1, стр. 36—39; В. П. Барзаковский и Н. М. Раскин. Первая научно-исследовательская химическая лаборатория. К 200-летию основания М. В. Ломоносовым химической лаборатории Академии наук. — Заводская лаборатория, 1949, т. XV, № 5, стр. 625—628; М. А. Безбородов. М. В. Ломоносов и первая научная химическая лаборатория в России 1748—1948 гг. Минск, 1949, 24 с.; С. А. Погodin. Двухсотлетие лаборатории М. В. Ломоносова. — Химическая промышленность, 1948, № 10, стр. 304—307; А. Ф. Капустинский. Первая русская химическая научная лаборатория (тезисы доклада). — Труды совещания по истории естествознания 24—26 декабря 1946 г. М.—Л., 1948, стр. 260—261; М. А. Безбородов. Борьба Ломоносова за создание первой научной химической лаборатории в России (к 200-летию со дня ее основания). — Стекло и керамика,

1948, № 9, стр. 9—12.; А. Ф. Капустинский. Первая русская научная химическая лаборатория. — Природа, 1947, № 10, стр. 71—80.; А. А. Морозов. Основатель русской химии. К 200-летию первой русской химической лаборатории. — Правда севера (Архангельск), 1948, 31 октября, № 217; Н. А. Фигуровский. Первая научная химическая лаборатория в России. — Огонек, 1948, № 42, стр. 24.; М. А. Безбородов. Ломоносов и первая научная химическая лаборатория в России (1748—1948). — Известия АН БССР, 1949, № 1, стр. 51—64.; Ф. А. Деркач и А. П. Преварский. Хімічна лабораторія М. В. Ломоносова. (До 200 річчя з дня застування). — Наукові записки Львівського державного університету імені Івана Франка, серія хімічна, 1949, т. XIII, вып. 2, стр. 137—145.; И. И. Жуков, В. П. Барзаковский, Н. М. Раскин. Лаборатория М. В. Ломоносова — первая научно-исследовательская и учебная химическая лаборатория в России. — В кн.: Вопросы истории отечественной науки. Общее собрание АН СССР, 5—11 января 1949 г., М.—Л., 1949, стр. 275—288.; А. Е. Арбузов. Великий русский ученый М. В. Ломоносов. (К 200-летию основания первой химической лаборатории в России). — Казань, 1950, стр. 36.; А. Буянов. Ломоносовская лаборатория. — Техника молодежи, 1950, № 5, стр. 11; Н. А. Фигуровский. Первая научная химическая лаборатория в России. — Химия в школе. Методический сборник, вып. IV, М., 1950, стр. 122—152.

¹²⁰ Гребенщиков, Илья Васильевич (1887—1953), видный советский специалист в области химии силикатов и технологии оптического стекла. В Академию избран в 1932 г.; с 1947 г. — уполномоченный Президиума АН СССР по Ленинграду.

¹²¹ Р. И. Каплан-Ингель и В. П. Барзаковский. Макет химической лаборатории Ломоносова. — «Ломоносов», III, стр. 339 и сл.

К главе III

¹ Геометрия, механика, астрономия, география и навигация, физика, химия, минералогия, ботаника, зоология, сельское хозяйство, медицина и хирургия (The World of Learning, 1958—1959. London, 1959, p. 264).

² Кроме Академии наук (Académie des Sciences, основана в 1666 г.), во Франции существуют еще четыре Академии: Французская Академия (Académie Française, основана в 1635 г.), Академия надписей и изящной словесности (Académie des Inscriptions et Belles Lettres, основана в 1663 г.), Академия художеств (Académie des Beaux-Arts, основана в 1803 г.) и Академия нравственных и политических наук (Académie des Sciences Morales et Politiques основана в 1832 г.); все они объединены в Институт Франции (L'Institut de France).

³ См.: Резстр, kolikoе число во Академии наук профессоров, студентов и прочих служителей налицо и что им в год жалования. — Материалы, т. I, стр. 649.

⁴ С. В. Бахрушин, например, писал: «Его значение в русской историографии очень крупное. В лице Миллера историческая наука России порывала с наивными и безграмотными методами феодальной историографии и переходила к более совершенным научным приемам буржуазной исторической науки Западной Европы» (С. В. Бахрушин. Г.-Ф. Миллер как историк Сибири. — В кн.: Г.-Ф. Миллер. История Сибири, т. I. М.—Л., 1937, стр. 5).

⁵ До Камчатки Миллер не доехал из-за болезни, как он об этом сам рассказывает в автобиографической записке: «Хотя я и не был в Камчатке, но от того никакого упущения не последовало. Господин Гмелин и я послали туда студента Крашенинникова, а потом и господина адъютанта Стел-

лера, коих мы снабдили общими наставлениями, по коим они все нами им препорученное и исполнили. Наставление обо всем том, что историк в Сибири наблюдать должен, изготовленное мною для профессора Фишера, когда он на мое место туда отправлен был, вперед при таких же случаях основанием служить может» (Приложение 1-е к кн.: Н. В. Голицын. Портфели Г.-Ф. Миллера. М., 1899, стр. 139).

⁶ Материалы, т. VIII, стр. 595.

⁷ Там же, стр. 186—187.

⁸ Татищев, Василий Никитич (1686—1750), государственный деятель и историк; в течение многих лет управлял казенными горными заводами; им был основан г. Екатеринбург (ныне г. Свердловск). С 1741 по 1745 г. — астраханский губернатор; известен также своим деятельным участием в борьбе с «верховниками». Исклчительно большая занятость, оставлявшая Татищеву мало досуга, не мешала ему при жизни снискать к себе большое уважение как к видному ученому-историку и географу; таким его почитал и Ломоносов. В свою очередь, Татищев высоко ценил Ломоносова как писателя.

⁹ Манкиев, Алексей Ильич (ум. в 1723 г.), дипломат и историк.

¹⁰ Манкиев служил секретарем оусского посольства в Швеции; свой труд он посвятил своему шефу А. Я. Хилкову (ум. в 1718 г.). По недосмотру Миллера, издавшего эту работу, авторство было приписано Хилкову. В «Описании моих служб» мы читаем: «Издание „Ядра Российской истории“, князем Андреем Яковлевичем Хилковым сочиненной, чинилось также под моим смотрением, и вышла сия книга из печати в 1771 году. В предисловии изъяснил я родословие князей Хилковых и жизнь сочинителя» (Н. В. Голицын, ук. соч., стр. 147).

¹¹ Материалы, т. VIII, стр. 184—185.

¹² Там же, стр. 657 и сл.

¹³ О создании этого учреждения Миллер хлопотал еще в 1744 г. перед Академией, а затем перед Сенатом (Г. А. Князев. Герард Фридрих Миллер. К 150-летию со дня смерти. — Вестник Академии наук СССР, 1933, № 11, стр. 38).

¹⁴ Фишер, Иоганн-Эбергард (1697—1771), в Россию приехал в 1730 г., имея степень магистра, и в начале занял место проректора, а затем ректора Академической гимназии. С 1732 г. адъюнкт, а с 1747 г. — профессор истории и древности. Характеристику деятельности Фишера Ломоносов дал в «Представлении» президенту Академии наук. Здесь мы читаем: «В служб академическую вступил он с 1730 и определен был тогда при здешней Академической гимназии ректором и Академии адъюнктом... С 1739 года в силу указа Правительствующего Сената отправлен он от Академии был для собрания всяких к сочинению „Сибирской истории“ потребных известий в Сибирь, где положенную на него должность отправлял с крайним по возможности прилежанием и оттуда возвратился в Санктпетербург в 1747-м году, в котором и произведен он профессором» (ПСС, т. 10, стр. 204—205). С Фишером Ломоносова связывало обсуждение составленного последним проекта университетского регламента.

¹⁵ Материалы, т. IX, стр. 126.

¹⁶ Леруа, Петр-Людвиг (1699—1774), потомок французов, бежавших в Германию после отмены Нантского эдикта, в Россию прибыл в 1731 г. и занял место домашнего учителя у временщика Бирона. В 1735 г. с отъездом Миллера в Камчатскую экспедицию Леруа назначен экстраординарным профессором, но в науке он себя ничем не проявил и занимался главным образом переводами и преподаванием в Академической гимназии. Ввиду этого в 1748 г. Академическая канцелярия распорядилась его «из службы академической уволить и дать абшид» (Пекарский, т. I, стр. 571).

¹⁷ Штрубе-де-Пирмонт, Фридрих-Генрих (1704—1790), в Россию приехал вместе с Бироном, у которого состоял секретарем; в 1738 г. назначен профессором юриспруденции и политики. С 1746 по 1749 г. — конференц-секретарь Академии. В 1757 г. выбыл из Академии и перешел в ведомство иностранных дел.

¹⁸ Штелин, Яков Яковлевич (1709—1785). С 1735 г. адъюнкт, а с 1737 г. — профессор. Одной из главных его обязанностей была забота о фейерверках, без которых не обходилось ни одно празднество по случаю дня рождения императрицы и дня восшествия ее на престол. К этим дням Штелин должен был сочинять стихи, а переводил их на русский язык Ломоносов, чем последний был очень недоволен.

¹⁹ Крузиус, Христиан (1715—1767), с 1740 г. адъюнкт, а с 1746 г. — профессор; из Академии уволен в 1749 г.

²⁰ Браун, Иосиф-Адам (1712—1768), профессор с 1748 г.; Браун занимался физикой, и в связи с этим у него установились весьма близкие отношения с Ломоносовым.

²¹ Регламент императорской Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге. — ПСЗ, т. XII, № 9425, стр. 734.

²² Крекшин, Петр Никифорович (1684—1763), до занятия историей пробовал свои силы в разных областях, начав со службы в Кронштадте в качестве смотрителя работ.

²³ Русский биографический словарь, т. Кнаппе—Кюхельбекер. СПб., 1903, стр. 423.

²⁴ См. Примечания к т. 6 ПСС, стр. 541.

²⁵ Подробнее о сочинениях Крекшина см.: Е. Шмурло. Петр Великий в оценках современников и потомства. Вып. I, XVIII век. СПб., 1912, стр. 48 и сл. и стр. 53 и сл. (вторая пагинация).

²⁶ Материалы, т. II, стр. 806.

²⁷ Там же, т. IV, стр. 121. О работах Крекшина над усовершенствованием конструкции весов см.: В. Н. Пипуныров. История весов и весовой промышленности России в сравнительно-историческом освещении. М., 1955, стр. 117 и сл.

²⁸ «Когда, — писал Миллер в цитированной автобиографической записке «Описание с моих служб», — в 1746 г. комиссар Крекшин вздумал произвести фамилию Романовых от древних великих князей, посредством князей Романовичей Ярославских, а Правительствующий Сенат препоручил исследовать сие дело Академии, то я в состоянии был не только доказать неосновательность оного вымышления, но и сочинить новую и достоверную фамилию Романовых родословную таблицу, с приписанием лет, когда кто жил и в каких службах находился, и с продолжением императорской фамилии, от Романовых происшедшей» (Н. В. Голицын, ук. соч., стр. 141).

²⁹ ПСС, т. 6, стр. 542.

³⁰ Там же, стр. 7 и сл.

³¹ Там же, стр. 543.

³² Там же.

³³ Тогда, как и много лет спустя в XIX и даже в XX в., старшим считался тот, кто раньше поступил на службу. Все списки составлялись по этому признаку, а не по алфавиту, как это делается теперь.

³⁴ ПСС, т. 10, стр. 280.

³⁵ E. Winter. Zur Geschichte der deutsch-russischen Wissenschaftsbeziehungen in 18. Jahrhundert. Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1960, Heft 4, S. 849.

³⁶ См. Примечание к т. 10 ПСС, стр. 638.

³⁷ См. документы 415—423. Там же, стр. 173 и сл.

³⁸ Там же, стр. 287.

³⁹ Протоколы Конференции, т. II, стр. 206. В Архиве Академии наук СССР хранится экземпляр напечатанной речи Миллера на русском языке (разр. VI, оп. 1, № 14); такой же экземпляр имеется и в Отделе редкой и рукописной книги Библиотеки АН СССР.

⁴⁰ ПСС, т. 6, стр. 547.

⁴¹ Вот что отметил Миллер в автобиографической записке: «В первых 6 месяцев 1730 года управлялся я и в канцелярских делах Академии, по тому что господин библиотечарий Шумахер, правящий оными в небытность господина президента, будучи позван в Москву, учредил меня своим наместником. С 1728 г. по август месяц 1730 г. отправляя я при императорской библиотеке и должность суббиблиотечаря» (Н. В. Голицын, ук. соч., стр. 137). До того как Миллер поехал в Экспедицию, он имел в виду сделаться библиотечарем Академии, заменив на этой должности Шумахера (Г. А. Князев, ук. соч., стр. 30).

⁴² ПСС, т. 10, стр. 283.

⁴³ Там же, стр. 287.

⁴⁴ Там же, т. 6, стр. 547.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же, стр. 178; Очерки истории исторической науки в СССР. I. Под ред. М. Н. Тихомирова, М. А. Алпатова и А. Л. Сидорова. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 199.

⁴⁷ Байер, Готлиб-Зигфрид-Теофил (1694—1738), в Петербург приехал в год открытия Академии и занял кафедру греческих и римских древностей, работал также над вопросами востоковедения. Статья Байера, о которой идет речь («Origines Russicae»), увидела свет через три года после смерти автора (Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae, t. VIII ad Annum 1736, Petropoli, 1741, стр. 388—436).

⁴⁸ ПСС, т. 6, стр. 25.

⁴⁹ Г. А. Князев, ук. соч., стр. 36. Беринг, Витус (Иван Иванович, 1681—1741) возглавлял Первую (1725—1730) и Вторую (1733—1743) Камчатские экспедиции.

⁵⁰ ПСС, т. 6, стр. 548.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, стр. 25 и сл.

⁵³ Там же, т. 10, стр. 288.

⁵⁴ Подробно об этом труде см.: А. И. Андреев. Труды Г. Ф. Миллера о Сибири. — В кн.: Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1937, стр. 73 и сл.

⁵⁵ Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел, от начала а особливо от покорения его Российской державе по сии времена, сочинено Герардом Фредериком Миллером, историографом и профессором университета Академии наук и соиетета Аглицкого членом, книга первая. СПб., 1750.

⁵⁶ Стеллер, Георг-Вильгельм (1709—1746), адъютантом был назначен в 1737 г. по кафедре естественной истории. В Камчатской экспедиции проявил себя не только как одаренный ботаник и вообще всесторонне образованный натуралист, но и как на редкость выносливый путешественник (J. G. Gmelin. Reise durch Sibirien von dem Jahr 1738 bis zu Ende 1740. Dritter Theil. Göttingen, 1752, S. 175). Стеллер умер в г. Тюмени, возвращаясь с Камчатки.

⁵⁷ Ермак Тимофеевич (ум. в 1584 г.), казачий атаман, сыгравший выдающуюся роль среди русских землепроходцев XVI в. в освоении Сибири.

⁵⁸ Библиографические записки, периодическое издание 1861 г., т. III, М., 1861, стр. 515—516.

⁵⁹ Там же, стр. 517.

- ⁶⁰ Лебедев, Василий Иванович (1716—1771), академический переводчик; отзыв Ломоносова о его переводах см.: ПСС, т. 9, стр. 619.
- ⁶¹ Голубцов, Иван Иванович (1715—1759) автор переводов учебных пособий, составленных академиком Крафтом: «Руководство к математической и физической географии с употреблением земного глобуса и ландкарт» (1739) и «Краткое руководство к теоретической геометрии» (1748).
- ⁶² ПСС, т. 9, стр. 936.
- ⁶³ Описка: главы (см. там же).
- ⁶⁴ Там же, стр. 620.
- ⁶⁵ Сам Ломоносов был превосходным знатоком латыни и писал на этом языке так же свободно, как и на русском. В тех случаях, когда нужно было перевести произведения Ломоносова на латинский язык, он это делал сам. Когда в 1749 г. было решено перевести «Похвальное слово Елизавете Петровне», он отклонил предложение Шумахера поручить это академику Фишеру (см. письмо Шумахера к Теплову от 11 августа 1749 г. — Акад. изд., т. IV, стр. 299, вторая пагинация. — В этом же письме сказано: «Фишер говорит, что Ломоносов пишет по-латыни значительно лучше Миллера»). Я. М. Боровский, специально исследовавший латинский язык Ломоносова, отметил: «Вполне понятно, что Ломоносов не согласился поручить перевод своей речи другому лицу. Его собственный перевод отличается именно теми художественными достоинствами, которые по преимуществу присущи авторскому переводу: будучи свободен от какой-либо педантичной скрупулезности, он не только превосходно передает общий характер торжественного красноречия „Похвального слова“, но и воспроизводит блистательно найденными адекватными средствами всю образную систему и синтаксическую структуру русского оригинала» (Я. М. Боровский. Латинский язык Ломоносова. — «Ломоносов», IV, стр. 209).
- ⁶⁶ ПСС, т. 6, стр. 24.
- ⁶⁷ Там же, т. 10, стр. 287.
- ⁶⁸ А. И. Андреев, ук. соч., стр. 86.
- ⁶⁹ ПСС, т. 10, стр. 347—348.
- ⁷⁰ История АН, стр. 280.
- ⁷¹ ПСС, т. 6, стр. 85.
- ⁷² Там же, т. 10, стр. 471—472.
- ⁷³ Протоколы Конференции, т. II, стр. 364.
- ⁷⁴ Нестор, летописец конца XI и начала XII в., монах Киево-Печерского монастыря, видного центра древнерусской культуры; предполагаемый автор «Повести временных лет».
- ⁷⁵ Ярослав Владимирович Мудрый (978—1054), великий князь киевский с 1019 г. Ломоносов имеет в виду древнейшую часть «Русской правды» — так называемую «Правду Ярослава».
- ⁷⁶ Крамер, Мартин (1512—1589), польский историк, автор первого печатного труда по истории Польши.
- ⁷⁷ Вейссель, Матвей (Baissellus), немецкий историк конца XVIII в.
- ⁷⁸ Гельмольд (Helmold), немецкий историк XII в., автор «Хроники славян» (Chronica Slavorum).
- ⁷⁹ Арнольд Любекский (ум. в 1212 г.), продолжатель хроники Гельмольда.
- ⁸⁰ Кранц, Готлоб (Krant, Gottlob, 1660—1733), немецкий историк.
- ⁸¹ Преторий, Матвей (Praetorius, Mattäus, 1635—1707), польский историк.
- ⁸² Муратори, Людовико-Антонио (Muratori, Ludovico Antonio, 1672—1750), итальянский историк.
- ⁸³ Иордан (Jordanes), готский историк, VI в.; русский перевод напечатан в издаваемой Институтом истории и Институтом славяноведения

АН СССР серии «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы»: Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Ч. Скржинской. Изд. вост. лит. М., 1960. (Об изучении Ломоносовым этого памятника см. стр. 210, 222, 280).

⁸⁴ Прокопий Кесарийский (ум. ок. 562 г.) византийский историк, автор историй войн императора Юстиниана.

⁸⁵ Павел Диакон, лангобардский историк, VIII в.

⁸⁶ Зонара (Zonaras, ум. в 1118 г.), Иоанн, византийский историк.

⁸⁷ Феофан Исповедник (ок. 758—818), византийский историк, автор «Хронографий».

⁸⁸ Лев Грамматик (ум. в нач. XI в.), византийский историк.

⁸⁹ ПСС, т. 10, стр. 389—390.

⁹⁰ До нас дошли лишь письма Ломоносова к Шувалову. Они составляют наибольшую часть эпистолярного наследия Ломоносова: из известных теперь ста четырех его писем, треть (34) адресованы Шувалову. Письма последнего к Ломоносову до нас не дошли.

⁹¹ ПСС, т. 10, стр. 474—475.

⁹² Там же, стр. 475.

⁹³ Там же, стр. 480—481.

⁹⁴ Там же, стр. 482.

⁹⁵ Там же, стр. 503.

⁹⁶ Там же, стр. 391—393.

⁹⁷ Там же, стр. 518—519.

⁹⁸ См. Примечание к т. 10 ПСС, стр. 837.

⁹⁹ Там же, т. 9, стр. 404.

¹⁰⁰ Там же, стр. 403—404.

¹⁰¹ См. Примечания к т. 9 ПСС, стр. 818.

¹⁰² Биллярский, стр. 315.

¹⁰³ Там же, стр. 375.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же, стр. 744.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ ПСС, т. 9, стр. 409.

¹⁰⁸ Воронцов, Михаил Илларионович (1714—1767), государственный канцлер (1758—1763), участник переворота, вследствие которого Елизавета Петровна заняла царский престол. Воронцов принадлежал к государственным деятелям, содействовавшим науке и культуре в стране; он был среди тех, кто оказывал покровительство Ломоносову, который в трудные минуты делился с ним своими невзгодами и просил о заступничестве. Взаимоотношения Ломоносова и Воронцова отражены в их переписке, занимающей в эпистолярном наследии Ломоносова количественно почти такое же место, как переписка с Шуваловым, но с тем отличием, что до нас дошли и письма Воронцова (см.: Акад. изд., т. VIII, №№ 34, 87, 107, 113, 115, 117).

¹⁰⁹ ПСС, т. 10, стр. 401.

¹¹⁰ Там же, т. 6, стр. 576.

¹¹¹ Биллярский, стр. 368.

¹¹² Шлецер, Августин-Людвиг (1735—1809), с 1762 г. адъютант, а с 1765 г. — профессор истории; в Россию приехал в 1761 г., занял место помощника у Миллера. Как и последний, придерживался норманской теории и проявил себя активным ее пропагандистом, за что подвергался критике со стороны Ломоносова. Их отношения отражены в ряде выступлений Ломоносова (см.: ПСС, тт. 9 и 10, Указатель) и мемуарах Шлецера («August Ludwig von Schötzer öffentliches und Privatleben» von Christian

Schlötzer. Leipzig. 1828; русск. перев.: Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, им самим описанная. Пребывание и служба в России от 1761 до 1765 г. Известия о тогдашней русской литературе. Перевод с немецкого с примечаниями и приложениями В. Кеневича — Сб. Отд. русск. яз. и словесн. имп. Акад. наук, т. 13, СПб., 1875). Шлецер уехал из России в 1769 г., оставаясь почетным членом Петербургской Академии наук.

¹¹³ ПСС, т. 9, стр. 408—409.

¹¹⁴ Греков, Борис Дмитриевич (1882—1953), в Академию избран в 1935 г.

¹¹⁵ Б. Греков. Ломоносов-историк. — Историк-марксист, 1940, № 11, стр. 32.

¹¹⁶ Очерки истории исторической науки, 1955, стр. 199.

¹¹⁷ *Alte russische Geschichte*. Пер. Хр. Бакмейстера. Рига—Лейпциг, 1768; *Histoire de la Russie*. Пер. с нем. М. Эйды. Париж, 1769 (на французском языке переиздана в 1773 и 1776 гг.).

¹¹⁸ ПСС, т. 6, стр. 174—175.

¹¹⁹ Там же, стр. 588.

¹²⁰ Вольтер, Франсуа Мари Аруэ (Voltaire, François Marie Arquet, 1694—1778), французский писатель, философ и историк.

¹²¹ Как внутри страны, так и за рубежом было широко известно об отношении И. И. Шувалова с Елизаветой Петровной. Когда по воцарении Екатерины II И. И. Шувалов уехал за границу, пробыв в Париже, Лондоне и Италии свыше десяти лет, к нему относились там с большим уважением и без тени иронии называли «бывшим русским императором». Ему с полным основанием приписывали большое участие в мощном культурном подъеме, который Россия переживала в середине XVIII в. Вольтер был вполне искренен, когда в посвященной Шувалову трагедии «Олимпия» писал: «Не было другой нации, которая так скоро научилась бы совмещать просвещение с суровым и тяжким ремеслом войны. Не прошло и шестидесяти лет с той поры, как положено было начало столице вашей империи — Петербургу, а у вас давно уже существуют там научные учреждения и великолепные театры, а наряду с этим воины ваши снискивают себе славу на берегах Одера и Эльбы... Вы не ограничились тем, что, пребывая при дворе, развивали свой вкус и обогащали свой ум лучшими познаниями: вы озаботились распространением любви к науке, и созданное вами в Москве ученое учреждение (Университет, — М. Р.) обязано вам не только как основателю своему, но и как насадителю просвещения» (В. Люблинский. Наследие Вольтера в СССР. — Литературное наследство, т. 29—30, М., 1937, стр. 28).

¹²² М. И. Радовский. Антиох Кантемир и Петербургская Академия наук. Изд. АН СССР, М.—Л., 1959, стр. 57 и сл.

¹²³ Имеются еще более ранние свидетельства о желании Вольтера заняться историей России. В 1737 г. он просил Фридриха II (тогда наследного принца) поручить кому-нибудь собирать необходимые материалы для задуманного труда (Е. Шмурло. Петр Великий в оценке современников и потомства, стр. 53 и 69, вторая пагинация).

¹²⁴ ПСС, т. 10, стр. 524.

¹²⁵ Там же, стр. 473.

¹²⁶ Там же, т. 9, стр. 495.

¹²⁷ Е. А. Косьминский. Вольтер как историк. — Вольтер. Статьи и материалы под редакцией академика В. П. Волгина. Изд. АН СССР, 1948, стр. 182.

¹²⁸ Об обстоятельствах его избрания см.: Г. А. Князев. Вольтер — почетный член Академии наук в Петербурге. — Изв. Академии наук СССР

сер. ист. и филос., т. III, № 2, 1946, стр. 189 и сл.; Л. В. Жигалова. Вольтер и Петербургская Академия наук (рукопись).

¹²⁹ Ломоносов говорит об одной из своих исторических работ, которая до нас не дошла (см. Примечания к т. 10 ПСС, стр. 839).

¹³⁰ Речь идет о «Слове похвальном» Петру I.

¹³¹ ПСС, т. 10, стр. 525.

¹³² Там же, стр. 527.

¹³³ Там же, т. 6, стр. 97 и сл.

¹³⁴ См. Примечания к т. 10 ПСС, стр. 841.

¹³⁵ См. Письма г. Волтера к графу Шувалову и некоторым другим российским вельможам. 1757—1773. Переведено с французского Н. Левицким. М., 1808.

¹³⁶ См. Примечания к т. 6 ПСС, стр. 564 и 570.

¹³⁷ См.: Примечания (на рукопись «История Российской империи при Петре Великом» Вольтера, 1757 г.), ПСС, т. 6, стр. 88 и сл.

¹³⁸ ПСС, т. 6, стр. 92.

¹³⁹ Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand, par l'auteur de l'Histoire de Charles XII, t. I. Genève, 1759. Русский перевод издан через пятьдесят лет: История Российской империи в царствование Петра Великого, сочиненная г-м Вольтером. Часть первая, книжка первая. 1809.

¹⁴⁰ См. Примечания к т. 6 ПСС, стр. 592.

¹⁴¹ Н. Платонова. Вольтер в работе над «Историей России при Петре Великом». Новые материалы. — Литературное наследство, т. 33—34, 1939, стр. 18.

¹⁴² История АН, стр. 284.

¹⁴³ См. Замечания на первый том «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера. ПСС, т. 6, стр. 359—364 и 592.

¹⁴⁴ ПСС, т. 6, стр. 361—362. См. еще: А. И. Андреев. Неизвестные труды Ломоносова по географии, этнографии и истории России. — «Ломоносов», I, стр. 298 и сл.

¹⁴⁵ ПСС, т. 6, стр. 361.

¹⁴⁶ Там же, стр. 364. Вольтеру были посланы родословные таблицы Романовых и они сохранились в его фонде (там же, стр. 594).

¹⁴⁷ Там же, стр. 362—363 и 593. Чириков, Алексей Ильич (1703—1748), питомец Морской академии (окончил в 1721 г.), участвовал в Первой и Второй Камчатской экспедициях, являясь помощником Беринга.

¹⁴⁸ Там же, стр. 592.

¹⁴⁹ Там же, стр. 365 и сл.

¹⁵⁰ Там же, т. 10, стр. 581.

К главе IV

¹ Уч. зап. имп. Акад. наук по первому и третьему отделениям, т. III, вып. 5, 1855, стр. 707.

² Б. Л. Модзалевский. Список членов имп. Академии наук, СПб., 1908, стр. 10 и сл.

³ См.: Записка о России Гильома Делиля, первого географа короля, в Академию наук, представленная г-ну Шумахеру, библиотекарю его царского величества (В. Ф. Гнучева, ук. соч. 117 и сл.).

⁴ Материалы, т. IV, стр. 228.

⁵ Гейззиус, Готфрид (1709—1769), в Академию поступил в 1736 г.; из России уехал в 1744 г., оставаясь почетным членом Академии.

⁶ Материалы, т. VIII, стр. 185.

⁷ В определении президента, подписанном также советниками Канцелярии Шумахером и Тепловым 10 ноября 1747 г., указано: «Понеже со-

чинение Российской истории и географии требует того, чтоб Российской империи состояние внутреннее не закрыто было перед тем, кто должен подлинные до истории и географии касающиеся известия описать, того ради подлежит к сему делу употребить природного российского и верноподданного человека, которого определить бы Академии надлежало историографом Российского государства. А понеже профессор Миллер так, как профессор истории, употреблен уже в часть некоторую истории Российской, то есть послан был в Сибирь для собирания всех потребных примечаний и для сочинения Сибирской истории, и там около десяти лет пробыл на двойном жалованьи е. и. в. против своего здешнего оклада, чего ради иному сие дело вверить не надлежит, как ему Миллеру» (Материалы, т. VIII, стр. 595).

⁸ Гришов, Августин-Нафанаил (1726—1760), в Академию поступил в 1751 г. несмотря на молодой возраст, он зарекомендовал себя как выдающийся астроном (до переезда в Петербург служил в Берлинской Академии). К Гришову-ученому Ломоносов относился с большим уважением. Об их отношениях речь будет в главе VI.

⁹ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 151, л. 236.

¹⁰ ПСС, т. 9, стр. 258 и сл.

¹¹ Там же, стр. 258. Об этом Атласе см.: К. И. Шафрановский. «Атлас Российской», изданный Академией наук в 1745 г. — Природа, 1946. № 5, стр. 81 и сл.

¹² ПСС, т. 9, стр. 259.

¹³ Билярский, ук. соч., стр. 368.

¹⁴ См.: М. С. Боднарский. Ломоносов как географ. М., 1912; В. Ф. Гнучева. Ломоносов и Географический департамент Академии наук. — «Ломоносов», I, стр. 244 и сл.; А. И. Андреев. Труды Ломоносова по географии России. — «Ломоносов», II, стр. 130 и сл.

¹⁵ ПСС, т. 6, стр. 417 и сл.

¹⁶ Там же, стр. 499 и сл.

¹⁷ Там же, стр. 507 и сл.

¹⁸ Там же, т. 9, стр. 193—194.

¹⁹ Там же, стр. 195—196.

²⁰ Там же, стр. 201—203.

²¹ Там же, т. 8, стр. 1061.

²² Там же, т. 9, стр. 197—198.

²³ Там же, стр. 205—206.

²⁴ Там же.

²⁵ Котельников, Семен Кириллович (1723—1806), питомец Академической гимназии и Университета; слушал лекции Ломоносова по физике. В 1751 г. был назначен адъюнктом, а в 1756 г. — экстраординарным профессором. С Ломоносовым Котельников близко сошелся, когда тот возглавил учебное дело в Академии, о чем речь будет в следующей главе.

²⁶ Ломоносов имеет в виду следующие строки из действовавшего тогда устава Академии наук: «Государству не может быть инако, яко к пользе и славе, ежели будут такие в нем люди, которые знают течение тел небесных и времени, мореплавание, географию всего света и своего государства; чего ради иметь надлежит первый класс академиков, который состоять должен из астрономов и географов. Польза непосредственно та от них, что мореплаватели будут искуснее в государстве, которые, не токмо описание всех земель подлинные сочинить, но иногда и неизвестные изобретать могут» (ПСЗ, т. XII, № 9425, стр. 731).

²⁷ ПСС, т. 9, стр. 207.

²⁸ Там же, стр. 211 и сл.

- ²⁹ Там же, стр. 211—212.
- ³⁰ Там же, стр. 215.
- ³¹ Там же, стр. 218.
- ³² Красильников, Андрей Дмитриевич (1705—1773), геодезист и астроном; адъюнкт Академии с 1753 г. О нем см.: Н. И. Невская. Первый русский астроном А. Д. Красильников. Историко-астрономические исследования, вып. III. М., 1957, стр. 453 и сл.; Н. В. Соколова М. В. Ломоносов и А. Д. Красильников. «Ломоносов», IV, стр. 126 и сл.
- ³³ Шмидт, Яков-Фридрих (ум. в 1786 г.), адъюнкт по географии с 1757 г.
- ³⁴ ПСС, т. 9, стр. 222.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Биларский, стр. 574—575.
- ³⁷ Там же, стр. 598.
- ³⁸ Там же, стр. 574.
- ³⁹ ПСС, т. 9, стр. 270.
- ⁴⁰ Там же, стр. 270—271.
- ⁴¹ Там же, стр. 269 и 270.
- ⁴² В журнале Канцелярии от 18 мая 1761 г. записано: «Имели рассуждение о выписании из-за моря для географической экспедиции астрономических инструментов, и притом г-н Канцелярии советник Тауберт предложил, что комиссию о выписании оных инструментов он, г-н советник, принимает на себя, чего ради о том приказали для ведения записать в журнал» (Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 531, л. 144). На следующем заседании, состоявшемся через четыре дня, Тауберт под благовидным предлогом отказался от своего обещания.
- ⁴³ ПСС, т. 9, стр. 256.
- ⁴⁴ Ингерманландией, или Ижорской землей, называлась тогда территория, составлявшая впоследствии Петербургскую и другие губернии. При разделении России на губернии Ингерманландией называли вначале Петербургскую губернию.
- ⁴⁵ ПСС, т. 9, стр. 249.
- ⁴⁶ Там же, стр. 271.
- ⁴⁷ Там же, стр. 272.
- ⁴⁸ Там же, стр. 258 и сл.
- ⁴⁹ Трускот, Иван Фомич (1719—1786), адъюнктом по географии состоял с 1745 г.
- ⁵⁰ ПСС, т. 9, стр. 251.
- ⁵¹ Там же, т. 10, стр. 867.
- ⁵² Там же, стр. 565.
- ⁵³ Акад. изд., т. VIII, стр. 262—263.
- ⁵⁴ ПСС, т. 9, стр. 281.
- ⁵⁵ Там же, стр. 284.
- ⁵⁶ Там же, стр. 285.
- ⁵⁷ Там же, стр. 293.
- ⁵⁸ Там же, стр. 294—296.
- ⁵⁹ Там же, стр. 295.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ См.: Мнение о употреблении нынешней ревизии в пользу географии Российской и сочиняющегося нового атласа (Там же, стр. 305).
- ⁶² Там же, стр. 306.
- ⁶³ Там же, стр. 309.
- ⁶⁴ Там же, стр. 310 и сл.
- ⁶⁵ Там же, стр. 317.

К главе V

¹ Биллярский, стр. 368.

² Материалы, т. VIII, стр. 75. Поводом к тому послужила жалоба на Канцелярию, поданная Тредиаковским и Ломоносовым Академическому собранию 19 февраля 1746 г.: «Тредиаковский и Ломоносов, — записано в решении академиков, — ни того жалования чрез Канцелярию академическую получить не могут, которое они заслужили еще до определения их в профессора; чего ради собрание Академии наук, видя такую Канцелярии академической неправдивость и жалостное многих бедных людей состояние, не может оставить, чтоб о сем паки Правительствующему Сенату не предложить и о милостивом на вышеписанные жалобы решении просить» (там же, стр. 32).

³ Вот что мы читаем в жалобе, поданной 24 июля 1745 г.: «Главная причина всем при Академии непорядкам состоит в том, что советник Шумахер, в противность апробованному блаженныя и вечной славы достойныя памяти от императора Петра Великого в Правительствующем Сенате проекту, всякие дела при Академии, как ученые, так и экономические, хочет править один собою, в своей Канцелярии, без общего Академии согласия, а такой власти ни по каким указам прежних и, в., ни нынешней нашей государыни ему не дано, и он такого важного дела снести не может; такожде по его к нам недружбе при всяком случае он нас весьма обижает и общей чести Академии повреждение чинит» (там же, т. VII, стр. 480).

⁴ ПСС, т. 9, стр. 438. Ломоносов имеет в виду указ Сената от 6 марта 1746 г., в котором значится: «Что в той Академии до наук и их принадлежащих вещей касается, то поручить ведать и смотреть и исправлять обще в собрании всем профессорам, и что ж до каждого особо принадлежать будет, со всяким радением, без упущения. И для того и служителям тех наук быть у них же, профессоров, а Канцелярии академической ныне что до наук принадлежит, им, профессорам, не точию какого помешательства, но всякое по их требованиям чинить вспоможение, без продолжения времени» (Материалы, т. VIII, стр. 49).

⁵ Протоколы Конференции, т. II, стр. 128—129.⁶ ПСС, т. 9, стр. 439.⁷ Материалы, т. VII, стр. 133.⁸ Там же, стр. 358.

⁹ L. Ph. Thümmig. Institutiones philosophiae Wolfianae, in usus academicos adornatae. Tomus prior. Francofurti et Lipsiae, 1725.

¹⁰ Тюммиг, Людвиг-Филипп (Thümmig, Ludwig Philipp, 1690—1728), немецкий физик и философ.

¹¹ Ch. Wolf. Experimenta physica oder allerhand nützliche Versuche dadurch zu genauer Erkenntniß der Natur und Kunst der Weg gebähnet wird. Halle, 1721—1723.

¹² ПСС, т. 1, стр. 419.¹³ Там же, стр. 423.¹⁴ Там же.¹⁵ Там же, стр. 424.¹⁶ Там же.¹⁷ Биллярский, стр. 63—64.¹⁸ Протоколы Конференции, т. II, стр. 65.¹⁹ Там же, стр. 85.²⁰ См. Примечание к т. 1 ПСС, стр. 580.²¹ Биллярский, стр. 72.²² Материалы, т. I, стр. 169—170.²³ Там же, стр. 286.

- ²⁴ Биллярский, стр. 85.
- ²⁵ Там же, стр. 100.
- ²⁶ ПСС, т. 9, стр. 439.
- ²⁷ Там же, стр. 440 и 442.
- ²⁸ ПСС, т. 9, стр. 440.
- ²⁹ См.: М. И. Радовский. Антиох Кантемир и Петербургская Академия наук. Изд. АН СССР, 1959, стр. 82 и 112.
- ³⁰ ПСС, т. 10, стр. 460.
- ³¹ Там же, т. 9, стр. 441.
- ³² Поповский, Николай Никитич (1730—1760), до основания Московского университета одно время был проректором (помощником директора) Академической гимназии.
- ³³ ПСС, т. 9, стр. 442.
- ³⁴ Ввиду тяжелых цензурных условий это произведение было издано в 1757 г. с большими искажениями (см.: Б. Е. Райков. Очерки по истории геллоцентрического мировоззрения в России. Из прошлого русского естествознания, 2-е изд. Изд. АН СССР, 1947, стр. 284 и сл.). Перевод Поповского выдержал четыре издания; последнее вышло более чем через сорок лет после его смерти.
- ³⁵ Протоколы Конференции, т. II, стр. 355.
- ³⁶ ПСС, т. 10, стр. 514.
- ³⁷ Там же, т. 9, стр. 443 и сл.
- ³⁸ Там же, т. 10, стр. 481.
- ³⁹ Там же, т. 9, стр. 461.
- ⁴⁰ Там же, стр. 478.
- ⁴¹ Там же, стр. 481—482.
- ⁴² См. Примечания к т. 9 ПСС, стр. 881.
- ⁴³ Там же, стр. 507.
- ⁴⁴ Там же, стр. 508—511.
- ⁴⁵ Там же, стр. 514.
- ⁴⁶ См.: Пекарский, т. I, стр. 215.
- ⁴⁷ См.: Шлецер А., ук. соч., гл. VII (Воспитательный институт Раумовского), стр. 109 и сл.
- ⁴⁸ ПСС, т. 9, стр. 521.
- ⁴⁹ Там же, стр. 523.
- ⁵⁰ Проект Регламента Академической гимназии (там же, стр. 485).
- ⁵¹ Проект штата Гимназии и Университета (там же, стр. 524).
- ⁵² См. Примечания к т. 9 ПСС, стр. 817.
- ⁵³ Там же, стр. 536.
- ⁵⁴ Там же, стр. 882.
- ⁵⁵ ПСЗ, т. XII, № 9425, стр. 736.
- ⁵⁶ См., например, его письмо (октябрь 1748 г.) В. К. Тредиаковскому (ПСС, т. 10, стр. 460).
- ⁵⁷ Там же, стр. 26 и сл.
- ⁵⁸ Там же, стр. 29.
- ⁵⁹ Там же, т. 9, стр. 537 и сл.
- ⁶⁰ Вот что писал один из обскурантов И. Павлов, перечисляя «богопротивные» дела Петра I: «И учинил по еретическим книгам школы мафемагические и академии богомерзких наук, в которых установил от звездочетия погодно печатать зловерующие календари. И по ним и паче привели русский народ в планеты и в прочие знаки, яко в бога, веровати, понеже что в них напечатано, того всяк и смотрит, и впредь тому веруют быти, а на бога имети в том упование свое отложили» (Исторические материалы, собранные Константином Ивановичем Арсеньевым. Сб. Отд. русск. яз. и словесн. имп. Акад. наук, т. IX, СПб., стр. 120).

⁶¹ ПСЗ, т. XII, № 9425, стр. 736.

⁶² ПСС, т. 9, стр. 528.

⁶³ Там же, стр. 543—544.

⁶⁴ См. Примечания к т. 9 ПСС, стр. 889.

⁶⁵ Протоколы Конференции, т. II, стр. 443.

⁶⁶ ПСС, т. 9, стр. 549.

⁶⁷ Там же, стр. 551.

⁶⁸ Там же, стр. 552.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ См. Примечания к т. 9 ПСС, стр. 889.

⁷¹ Билярский, стр. 423.

⁷² ПСС, т. 9, стр. 555.

⁷³ Там же, т. 10, стр. 539.

⁷⁴ Там же, т. 9, стр. 556.

⁷⁵ См.: Протоколы Конференции, т. II, стр. 430—431. Запись сделана на немецком языке; приводим ее здесь в русском переводе, приведенном в Примечаниях к т. 9 ПСС, стр. 892: «1) Чтоб упражняться мне в сем труде, пока я похочу, и всегда б вольно было мне отказаться от оногo, когда я пожелаю. Чтобы труды, собственно до Академии принадлежащие, к которым я обязан, дозволено было, яко важнейшие и мне приятнейшие, предпочитать всегда оным упражнениям. Равномерно было б невозбранно стараться мне притом и о слабом своем здоровье. 2) Дать мне таких студентов, о которых доподлинно известно, что мой труд при наставлении их не тщетен будет. 3) Дано б было мне на волю назначить способное к сим лекциям время и напоследок. 4) чтоб студенты ходили ко мне на дом, ибо невозможно от меня требовать, чтобы я для весьма неприятного мне труда тратил деньги, чтоб я держал для того одного лошадей и коляску или б в ненастную погоду ходил в аудиторию».

⁷⁶ Козицкий, Григорий Васильевич (1724—1775), адъюнктом был назначен в 1759 г., с 1767 г. — почетный член Академии.

⁷⁷ Подробней об этом см.: Е. С. Кулябко. Ломоносов и учебные планы Академического университета. — «Ломоносов», III, стр. 357 и сл.

⁷⁸ ПСС, т. 9, стр. 565.

⁷⁹ Там же, т. 10, стр. 298.

⁸⁰ Там же, т. 9, стр. 564.

⁸¹ См. Примечания к т. 9 ПСС, стр. 894—895.

⁸² В одном из писем к М. И. Воронцову Ломоносов так охарактеризовал положение учащихся: «В Гимназии через тридцать лет было такое бедное состояние, что учащиеся ходили в классы в толь нищенском виде, что стыдно было их показывать честным людям; получая жалованье, на пищу отцам своим отдавали и, будучи голодны и холодны, мало могли об учении думать и сверх сего хождением домой чрез дальнее расстояние и служением дома отцу и матери теряли почти все время, имели случай резвиться и видеть дома худые примеры. Для того же дивно, что с начала Гимназии не произошли не токмо профессеры, или хотя адъюнкты доморощенные, но ниже достойные студенты. Ныне по моему представлению и старанию все гимназисты чисто одеты одинаким зимним и летним платьем, имеют за общим столом довольную пищу, время употребляют на ученье и ведут себя порядочно, и потому были в один уже год несколько в классах произвождений, и восемь человек от профессорского собрания удостоены в студенты по строгом экзамене. Введенными мною российскими классами в Гимназии пользуются не токмо россияне, но и чужестранцы. Таким же образом о Университете крайне стараюсь» (ПСС, т. 10, стр. 535—536).

⁸³ Там же, т. 9, стр. 572.

⁸⁴ ПСС, т. 9, стр. 569. См. еще примечания к этому тому, стр. 901.

⁸⁵ См. Примечания к т. 9 ПСС, стр. 903.

⁸⁶ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 258, л. 28.

⁸⁷ Об этом см. Примечания к т. 9 ПСС, стр. 904.

⁸⁸ Модерах, Карл-Фридрих (1720—1772). с 1749 г. адъюнкт, профессором истории назначен в 1759 г.

⁸⁹ ПСС, т. 9, стр. 593 и сл.

⁹⁰ Лепехин, Иван Иванович (1740—1802), выдающийся русский путешественник и натуралист; в 1768 г. назначен адъюнктом, а в 1771 г. — профессором естественной истории.

⁹¹ См., например, относящееся к 1753 г. «Дело о наказании розгами студента Баркова и двух гравировальных учеников за учиненную им в пьяном виде ссору (Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 183, л. 133) или же «Определение Канцелярии Академии наук о наказании батогами копииста Ивана Баркова за его пьянство и дерзкое поведение» (там же, № 192, л. 264).

⁹² Иноходцев, Петр Борисович (1742—1806), адъюнктом по истории назначен в 1768 г.; с 1779 г. — экстраординарным, а с 1783 г. — ordinary академиком.

⁹³ О нем см.: В. Б. Бобынин. Михаил Евсеевич Головин. Математическое образование, 1912, № 4—6, стр. 178, 217, 278, 313, 369.

⁹⁴ То есть без надзора.

⁹⁵ ПСС, т. 9, стр. 595—596.

⁹⁶ См.: В. И. Смирнов и Е. С. Кулябко. Михаил Софронов — русский математик середины XVII века. Изд. АН СССР, 1954.

⁹⁷ ПСС, т. 9, стр. 597.

К главе VI

¹ См.: М. И. Радовский. Первая вежа в истории русско-китайских научных связей. Вестник АН СССР, 1959, № 9, стр. 95 и сл.

² ПСЗ, т. XII, № 9425, стр. 734.

³ См. Примечания к т. 6 ПСС, стр. 547.

⁴ Г.-В. Рихман. Труды по физике. Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 597.

⁵ Там же, стр. 598.

⁶ ПСС, т. 9, стр. 626.

⁷ Там же, т. 8, стр. 957.

⁸ Там же

⁹ Там же, стр. 235.

¹⁰ Там же, стр. 254—255.

¹¹ См. Примечания к т. 8 ПСС, стр. 956.

¹² Пекарский т. II, стр. 467.

¹³ ПСС т. 2, стр. 345 и сл.

¹⁴ Там же, стр. 349

¹⁵ Там же, стр. 351.

¹⁶ Там же, стр. 353.

¹⁷ Там же, стр. 359.

¹⁸ Основной его труд «Первые основания металлургии или рудных дел» (ПСС, т. 5, стр. 397 и сл.), увидевший свет в 1763 г., начат в 1742 г. (см. Примечания к т. 5, стр. 688), о чем свидетельствует, в частности, его работа «Первые основания горной науки» (там же, стр. 365 и сл.), являющаяся первоначальной редакцией первой части названного труда

¹⁹ О Ломоносове как металлурге см.: М. А. Павлов. 1) М. В. Ломоносов в металлургии. — Советская металлургия, 1936, № 12, стр. 8 и сл.; 2) «Первые основания металлургии, или рудных дел». — Газ. «Техника», 1936, 18 ноября, № 107, стр. 2; И. Н. Плаксин. М. В. Ломоносов — ос-

новоположник металлургии как науки. — В кн.: Русские ученые в цветной металлургии. М., Металлоиздат, 1948, стр. 20 и сл. О значении металлургического производства в экономической и политической жизни страны Ломоносов говорил в посвящении Екатерине II «Первых оснований металлургии», ссылаясь при этом на историческое прошлое: «Земледельство, паства и ловитва суть первые средства, коими довольствовались древние праотцы человеческого рода для своего содержания. Благоустроенных обществ состояние ... не терпит оных тесных пределов. Военное дело, купечество, мореплавание и другие государственные нужные учреждения неотменно требуют металлов, которые до просвещения, от трудов Петровых просявшаго, почти все получаемы были от окрестных народов, так что и военное оружие иногда у самих неприятелей нужда заставляла перекупать через другие руки дорожкою ценою. Его рачению поспешествуя, натура открыла свое обильное недрю и удовольствовало наши тогдашние нужды с некоторым избытком, коим уже пользуются и другие области» (страны; речь идет об отпуске железа за границу, игравшем важную роль в русском экспорте второй половины XVIII в.).

²⁰ ПСС, т. 2, стр. 361—362.

²¹ Там же, стр. 366.

²² Там же, стр. 367.

²³ Там же, т. 3, стр. 15 и сл.

²⁴ Там же, т. 10, стр. 482.

²⁵ Там же.

²⁶ Рихман был ровесником Ломоносова; старшинство в Академии, как уже говорилось ранее, считалось по времени поступления на службу. Рихман был назначен профессором в 1741 г.

²⁷ Биларский, стр. 206.

²⁸ ПСС, т. 10, стр. 482.

²⁹ Там же, стр. 485.

³⁰ Биларский, стр. 223.

³¹ ПСС, т. 10, стр. 487.

³² Пекарский, т. II, стр. 402.

³³ Франклин, Вениамин (Franklin, Benjamin, 1706—1790), американский ученый и государственный деятель. Открытия, сделанные им в области электричества, изложены в письмах к члену Лондонского Королевского общества П. Коллинсону (изданы в 1751 г.).

³⁴ «Ломоносов», I, стр. 81.

³⁵ См.: М. И. Радовский. Вениамин Франклин и его связи с Россией. Изд. АН СССР, 1958.

³⁶ «Ломоносов», I, стр. 100.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, стр. 101.

³⁹ Там же, стр. 85.

⁴⁰ Там же, стр. 107.

⁴¹ «От господина советника и профессора Ломоносова, — писал Разумовский Шумахеру, — представлено мне, якобы делается от Канцелярии затруднение в печатании его речи на латинском и русском языке... Каким образом в том деле поступить согласно с Регламентом академическим, я о том предложил Собранию академическому, а вам рекомендую, дабы Канцелярия не вступалась в сие их дело, кроме того, что от них прислано будет для напечатания, о том только приложить старание без замедления» (Биларский, стр. 237).

⁴² Вот что писал Эйлер Шумахеру: «Сочинения господина Ломоносова об этом предмете я прочел с величайшим удовольствием. Данные им относительно столь внезапного возникновения стужи и происхождения послед-

ней от верхних слоев воздуха в атмосфере объяснения я считаю совершенно основательными. Недавно я сделал подобные же выводы из учения о равновесии атмосферы. Прочие предложения столь же остроумны, сколько и правдоподобны, и свидетельствуют о счастливом даровании господина автора к распространению истинного познания естествознания, чему образцы, впрочем, он и прежде представлял в своих сочинениях. Ныне таковые умы весьма редки, так как большая часть остаются только при опытах, почему и не желают пускаться в рассуждения; другие же впадают в такие нелепые толки, что они в противоречии всем началам здравого естествознания. Поэтому предположения господина Ломоносова тем большую имеют цену, что они удачно задуманы и правдоподобны» (цитируется по переводу, приведенному в статье В. Л. Ченакала «Эйлер и Ломоносов» — Леонард Эйлер. Сборник статей в честь 250-летия со дня рождения, представленных Академии наук СССР. Изд. АН СССР, М., 1958, стр. 438). Почетный член Петербургской Академии наук Г. Гейнзиус, бывший в течение восьми лет (с 1736 по 1744 г.) действительным членом, писал в своем отзыве, что он читал речь Ломоносова с большим удовольствием и обнаружил в ней такие мысли, которые побуждают к дальнейшим изысканиям (Биларский, стр. 252).

⁴³ ПСС, т. 3, стр. 23.

⁴⁴ Там же, стр. 71.

⁴⁵ Этому вопросу посвящены статьи академика Е. К. Федорова: «„Слово о явлениях воздушных, от электрических сил происходящих“ Ломоносова и современные представления об атмосферном электричестве» (Изв. АН СССР, сер. геогр. и геофиз., т. XIV, № 1, 1950, стр. 25—36) и Б. Г. Кузнецова: «Развитие учения об электричестве в русской науке XVIII в.» (Тр. Инст. истор. естеств. и техн., т. 19, Изд. АН СССР, 1958, стр. 313 и сл.).

⁴⁶ ПСС, т. 10, стр. 475.

⁴⁷ Протоколы Конференции, т. II, стр. 301—302.

⁴⁸ ПСС, т. 10, стр. 517.

⁴⁹ См. Примечания к т. 8 ПСС, стр. 1046.

⁵⁰ «Санктпетербургские ведомости», 1755, № 34, от 28 апреля.

⁵¹ См. Примечания к т. 10 ПСС, стр. 680.

⁵² Письма г. Волтера к графу Шувалову и некоторым другим российским вельможам 1757—1773. М., 1808, стр. 39.

⁵³ Готшед, Иоганн-Кристоф (Gotsched, Johann Christoph, 1700—1766), немецкий филолог; по его произведениям Ломоносов, будучи студентом, изучал поэтику и риторику (см. Примечания к т. 8 ПСС, стр. 1048).

⁵⁴ Das Neuste aus der anmuthiger Gelehrsamkeit, 1761, стр. 200—207.

⁵⁵ ПСС, т. 3, стр. 342.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Необходимо отметить, что сам Юнг прекрасно был осведомлен о работе Ломоносова; об этом свидетельствует составленная Юнгом библиография (A Catalogue of works relating to natural philosophy and the mechanical arts). В разделе физической оптики на первом месте значится труд Ломоносова (К. С. Ляликов. Теория цветов Ломоносова. — «Ломоносов», III, стр. 31—32).

⁵⁸ ПСС, т. 3, стр. 317. Работы Ломоносова в области теоретической и прикладной оптики освещены на широком фоне трудов его предшественников в обстоятельном докладе Г. Г. Слюсарева 22 ноября 1960 г. на ежегодном заседании, посвященном дню рождения Ломоносова.

⁵⁹ Там же, стр. 342—343.

⁶⁰ Там же, стр. 342.

⁶¹ С. И. Вавилов в статье «Ломоносов и русская наука» писал: «Ломоносову по необъятности его интересов принадлежит одно из самых видных

мест в культурной истории человечества. Даже Леонардо, Лейбниц, Франклин и Гете более специальными и сосредоточенными. Замечательно при этом, что ни одно дело, начатое Ломоносовым, будь то физико-химические исследования, трагедии и оды, составление грамматики и русской истории, организация и управление фабрикой, географические проекты, политико-экономические вопросы, не делалось им против воли или даже безразлично. Ломоносов был всегда увлечен своим делом до вдохновения и самозабвения — об этом говорит каждая страница его литературного наследства... Разнообразие Ломоносова удивительным образом совмещалось в нем вполне гармонически» (С. И. Вавилов, Собрание сочинений, т. III, Работы по философии и истории естествознания, Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 570).

⁶² Билярский, стр. 334.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Протоколы Конференции, т. II, стр. 388.

⁶⁵ Г.-В. Рихман. Труды по физике, стр. 654.

⁶⁶ ПСС, т. 5, стр. 296.

⁶⁷ Пекарский, т. II, стр. 551.

⁶⁸ *Scientia Navalis seu tractatus de construendis ac dirigendis navibus*, Pars prior, complectens theoriam universam de situ ac motu corporum aquae innatantium, Auctore Leonhardo Eulero, prof. honorario Academiae imper. Scient. et Directore Acad. reg. scient. Borussicae. Petropoli, 1749.

⁶⁹ В. А. Ченакал. Эйлер и Ломоносов (К истории их научных связей). — В кн.: Леонард Эйлер. Сборник статей в честь 250-летия со дня рождения, представленных Академии наук СССР. Изд. АН СССР, М., 1958, стр. 427.

⁷⁰ ПСС, т. 10, стр. 391.

⁷¹ Там же, стр. 393.

⁷² Протоколы конференции, т. II, стр. 418—419.

⁷³ Цитировано по переводу, приведенному А. И. Андреевым в Примечаниях к т. 4 ПСС, стр. 742.

⁷⁴ Там же, стр. 123 и сл.

⁷⁵ Об этой работе Ломоносова см.: В. Я. Билык. Исследования Ломоносовых и Брауном явлений при затвердевании ртути. — «Ломоносов», III, стр. 53 и сл.

⁷⁶ См.: И. А. Браун. О удивительной стуже, искусством произведенной, от которой ртуть замерзла. СПб., 1760.

⁷⁷ Эпинус, Франц-Ульрих-Теодор (Федор Федорович, 1724—1802), приемник Рихмана по кафедре физики (1756). Эпинус известен не только как физик-исследователь (главным образом, в области электричества и магнетизма), но и как деятель народного просвещения. Он принимал активное участие в Комиссии по учреждению народных училищ (1782), разработав «Записку об организации в России низшего и среднего образования». Об этой стороне деятельности Эпинуса см.: Д. А. Толстой. Городские училища в царствование имп. Екатерины II. — Приложения № 1 к Запискам АН, т. 54, СПб., 1887, стр. 7 и сл.; об Эпинусе-физике см.: Я. Г. Дорфман. Эпинус и его трактат о теории электричества и магнетизма. — В кн.: Ф.-У.-Т. Эпинус. Теория электричества и магнетизма. Сер. «Классики науки», Изд. АН СССР, 1951, стр. 461 и сл.

⁷⁸ Цейгер, Иоганн-Эрнест (1720—1784), с 1756 г. занимал кафедру механики; из России уехал в 1764 г., оставаясь почетным членом Петербургской Академии наук.

⁷⁹ ПСС, т. 3, стр. 379.

⁸⁰ «Санктпетербургские ведомости», 1759, № 102 от 21 декабря, стр. 810—811 и № 104 от 28 декабря, стр. 825—826.

⁸¹ См. Примечания к т. 3 ПСС, стр. 560; Т. Н. Кладов. Неизвестный отзыв в иностранной печати о работах Ломоносова по замораживанию

ртути — «Ломоносов», IV, стр. 344 и сл. Кстати исправим вкравшуюся неточность: «Сообщение об искусственном холоде, произведенном в Петербурге» напечатано в органе Лондонского Королевского общества. *Philosophical Transactions*, т. 51, ч. II, 1761, стр. 670 и сл.

⁸² ПСС, т. 3, стр. 413.

⁸³ Там же, т. 10, стр. 391.

⁸⁴ Протоколы Конференции, т. II, стр. 452. Работа была написана кроме того, по-латыни.

⁸⁵ Там же, стр. 452.

⁸⁶ ПСС, т. 2, стр. 185.

⁸⁷ ПСС, т. 10, стр. 244.

⁸⁸ Там же, стр. 679.

⁸⁹ Об этой работе см.: В. В. Шаронов, Ломоносов как организатор наблюдения прохождения Венеры по диску солнца в 1761 г. в России и открытие им атмосферы Венеры. — «Ломоносов», IV, стр. 7 и сл.

К главе VII

¹ ПСЗ, т. XII, № 9425, стр. 734.

² См.: Объявление о награждении, которое от Санктпетербургской императорской Академии наук решителю нижеписанной задачи обещаемо. — В кн.: Торжество Академии наук..., празднованное публичным собранием сентября 6 дня 1749 года. СПб., 1749. Вот что сказано в Объявлении: «Академии наук президент граф Кирила Григорьевич Разумовский, имея неусыпное о приращении наук и художеств старание, за весьма полезный к сему намерению способ рассудить изволил, задавать ученому свету на всякий год по некоторой знатной задаче, от которой бы решения последовала немалая польза и распространение пределов человеческого познания; а для возбуждения в ученых людях всякой нации большей охоты к решению предложенной задачи, тому, кто оную решит, обещать награждение. Чего ради запотребно рассуждено задать ученым людям нижеписанную задачу, и тому кто оную по мнению Академии основательнее решит и яснее истолкует, определить награждение сто червонных наличными деньгами или медаль в такую же цену; а задача оная состоит в следующем.

«Все ли неравности, которые в течении луны примечаются, с Невтоновоу теорию сходны или нет? и буде не все сходны, то которая самая справедливая теория всех оных неравностей, по которым бы место луны можно было определить на всякое заданное время по самой точности?

«Чего ради всех господ астрономов, какой бы земли кто ни был, кроме членов Академии, которым о сочинениях других рассуждать должно будет благосклонно призываем к решению объявленной задачи; и которые решения свои на рассуждение Академии предложить пожелают, те бы, написав оные четким письмом на русском, немецком, французском или латинском языке прежде 1 числа июня будущего 1750 году, изволили прислать к его сиятельству, императорской Академии наук президенту, графу Кириле Григорьевичу Разумовскому, ибо которые диссертации придут после объявленного срока, те рассматриванны не будут.

«При чем господам авторам в диссертациях, которые пришлют имяя своих не должно подписывать, но каждому надлежит оглавить диссертацию свою каким-нибудь важным стишком, под именем которого от секретаря Академии получат расписки с объявлением нумеров под которыми оные записаны, только 6 место, куды расписки переслать объявлено было. Однако ж между тем каждому при своей диссертации должно прислать имяя свое, в запечатанной цидулке а цидулки оные не будут распечатаны, кроме приобщенной к той диссертации, которая удостоится награждения: ибо

тогда по возвращении от автора пересланной к нему расписки, выдадутся ему деньги из Академической суммы.

«А кому Академия наук присудит дать награждение, оное объявлено будет в публичном собрании сентября 6 дня 1750 года».

³ Пекарский, т. I, стр. 269.

⁴ Клеро, Алексис Клод (Clairaut, Alexis Claude, 1713—1765), член Парижской Академии наук; в 1754 г. избран почетным членом Петербургской Академии. Работа Клеро издана по-французски: A. C. Clairaut. *Théorie de la Lune déduite du seul principe de l'attraction réciproquement proportionnelle aux quarrés des distances*. St. Pétersbourg, 1752. Об этой работе см.: Н. И. Идельсон. Закон всемирного тяготения и теория движения луны. — В кн.: Исаак Ньютон. Сб. статей. М.—Л., 1943, стр. 161 и сл.

⁵ Г.-В. Рихман. Труды по физике, стр. 649—657.

⁶ Протоколы Конференции, т. II, стр. 292.

⁷ ПСС, т. 3, стр. 137—141.

⁸ Примером тому может служить объявление в 1745 г. Берлинской Академии наук по инициативе Л. Эйлера конкурса, темой которого была теория электричества. Премию получил Я.-З. Вайтц (См.: P.-F. Mottelay. *Bibliographical history of electricity and magnetism*. London, 1922, p. 170).

⁹ В. Гильберт. О магните, магнитных телах и о большом магните — Земле. Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 95.

¹⁰ Фарадей, Михаил (Faraday, Michael, 1791—1867), английский физик; почетный член Петербургской Академии наук (избран в 1829 г.).

¹¹ М. Фарадей. Избранные работы по электричеству. Гостехиздат, М., 1939, стр. 46.

¹² Бозе, Георг-Маттиас (Bose, Georg Mattias, 1710—1761), профессор физики Виттенбергского университета.

¹³ G.-M. Bose. *Die Electricität nach ihrer Entdeckung und Fortgang mit poetischer Feder entworfen von Georg Mathias Bose*. Wittenberg, 1744. (Перевод Н. И. Бутовой).

¹⁴ Вениамин Франклин. Опыты и наблюдения над электричеством. Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 70—71.

¹⁵ ПСС, т. 3, стр. 137—139.

¹⁶ Там же, стр. 141.

¹⁷ Билярский, стр. 251. В письме к Шумахеру от января 1754 г. Эйлер, сообщая об этом, дал высокую оценку инициативе Ломоносова и вновь отметил его исключительную одаренность, проявившуюся также и в изучении электрических явлений. «Тотчас, — писал Эйлер, — как мне стала известна задача о причинах электрических явлений, которую славнейшая Академия решила публично предложить на ближайший год с премией в 100 золотых, я позаботился об опубликовании ее в наших газетах, откуда она скоро распространится по всей Европе. Эта задача, которая, несомненно, будет с величайшим старанием подвергнута исследованию, безусловно, весьма достойна внимания. Много лет тому назад я уже предлагал такую задачу нашей Академии для решения ее учеными. Однако тогда она осталась нерешенной либо потому, что в то время многие явления еще не были изучены, либо потому, что тогда еще не обладали подлинным умением философски мыслить и проникать в причины явлений природы. Мне кажется, что этот недостаток настолько распространен среди большинства естествоиспытателей и до сих пор, что они считают чуть ли не грехом сойтись с духом и попытаться исследовать причины; и поскольку по моему мнению, такое невежество недостойно философа, то мне крайне понравилась то, что сказал об этом предмете в своей последней речи наш славнейший коллега Ломоносов. Ведь как много истинных причин явлений природы мы теперь знаем и достигли мы их, разумеется, лишь после выдвижения

многих гипотез, и едва ли истина когда-либо позволяла открыть себя внезапно. Итак, поскольку мы были бы лишены этого знания, если бы иногда не допускали гипотез, то от них и в будущем следует ожидать величайшей пользы для развития физики, поэтому ими следует широко пользоваться, однако не взятыми случайно, а созданными постепенно с умом и прежде всего соответствующими законам механики. В электрических явлениях некая тонкая материя обнаруживает себя столь явно, что ее гипотезой даже не следует считать, но того, каково ее строение и от какого толчка она обнаруживает свое действие, мы, разумеется, никогда и не узнали бы, даже поставив бесконечное число опытов, если бы мы не создали предварительно некоторых гипотез и не совершенствовали бы их в дальнейшем, путем сравнения с явлениями. То, что мудрейший Ломоносов разъяснил относительно течения этой тонкой материи в облаках, должно оказать величайшую пользу тем, которые хотят приложить свои силы к решению этой задачи. Прекрасны также его соображения об опускании верхнего воздуха и возникающем вследствие этого сильном холоде. Ведь то, что в высших слоях атмосферы царит сильный холод, достаточно доказано наблюдениями, но каким образом этот холодный воздух понижается к опусканию, мне кажется, можно показать из точнейших принципов гидростатики» (цит. по: В. А. Ченнакал, ук. соч., стр. 439—440).

¹⁸ Протоколы Конференции, т. II, стр. 312.

¹⁹ Подробный разбор основных работ, поступивших на конкурс, дан в статье Б. Г. Кузнецова «Развитие учения об электричестве в русской науке XVIII в.» (Тр. Инст. ист. естеств. и техн., т. 19, Изд. АН СССР, 1958, стр. 313—385).

²⁰ Л. Эйлер. Письма о разных физических и философических материях, писанные к некоторой немецкой принцессе, с французского языка на русский, переведенные Степаном Румовским, тт. I—II. СПб., 1768—1772.

²¹ Официальное присуждение премии состоялось в сентябре 1755 г.

²² С. Я. Лурье. Неопубликованная научная переписка Леонарда Эйлера. — В кн.: Леонард Эйлер. 1707—1783. Сборник статей и материалов к 150-летию со дня смерти, Изд. АН СССР, М.—Л., 1935, стр. 156.

²³ J.-A. Euleri. Disquisitio de causa physica electricitatis ab Academia Scientiarum Imp. Petropolitana praemio coronata. Petropoli, 1755, стр. 3.

²⁴ Там же, стр. 7.

²⁵ Там же, стр. 14.

²⁶ Подробнее об этом см. вышеупомянутую статью Б. Г. Кузнецова.

²⁷ Б. Н. Меншуткин. Труды М. В. Ломоносова по физике и химии, Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 194—209; ПСС, т. 3, стр. 239—263.

²⁸ ПСС, т. 3, стр. 241.

²⁹ Там же.

³⁰ Бачинский, Алексей Иосифович (1877—1944), профессор Московского государственного университета, автор широко известных учебников по физике для средней и высшей школы (о нем см.: М. П. Волярович. Алексей Иосифович Бачинский. — Успехи физических наук, 1947, т. 31, вып. 3, стр. 403 и сл.).

³¹ А. И. Бачинский. Деятельность М. В. Ломоносова и значение его трудов. — В кн.: Временник Общества содействия успехам опытных наук и их практических применений имени Х. С. Леденцова, состоящего при Московском университете и Московском техническом училище, год III, М., 1912, стр. 43—79.

³² Перевозчиков, Дмитрий Матвеевич (1790—1880), с 1852 г. адъюнкт, а с 1855 г. — экстраординарный академик. Перевозчикову принадлежит еще работа: «Труды Ломоносова по физике и физической географии». — Радуга, 1865, кн. IV, стр. 175 и сл.

³³ Д. М. Перевощиков. Рассмотрение Ломоносова рассуждения «О явлениях воздушных, от электрической силы происходящих». — В кн.: Речи, произнесенные в торжественном собрании Московского университета, М., 1831, стр. 63 и сл.; то же, Телескоп, 1831, № 4, стр. 486 и сл.

³⁴ Ф.-У.-Т. Эпинус. Теория электричества и магнетизма. Сер. «Классики науки», Изд. АН СССР, М.—Л., 1951.

³⁵ Ленц, Эмилий Христианович (1804—1865), двадцати четырех лет избран адъюнктом, через два года экстраординарным, а в 1834 г. — ordinary академиком.

³⁶ Якоби, Борис Семенович (1801—1874), с 1839 г. адъюнкт, в 1842 г. — экстраординарный, а с 1847 г. — ordinary академик. В 1865 г., когда в связи с столетием со дня смерти Ломоносова была учреждена премия его имени, Якоби был назначен членом комиссии по присуждению этих премий и, как старший (по избранию), председательствовал в ней.

³⁷ ПСС, т. 3, стр. 13.

³⁸ Там же, стр. 141.

³⁹ Там же, стр. 235.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ См. Примечания к т. 3 ПСС, стр. 544.

⁴² Там же.

⁴³ ПСС, т. 3, стр. 351.

⁴⁴ См.: Протоколы Конференции, т. II, стр. 426—427.

⁴⁵ ПСС, т. 4, стр. 111.

⁴⁶ Подробно об этом см.: С. И. Вавилов. Ночезрительная труба М. В. Ломоносова. — В кн.: «Ломоносов», II, стр. 87 и сл.

⁴⁷ Пекарский, т. II, стр. 600.

⁴⁸ См. Примечания к т. 4 ПСС, стр. 732.

⁴⁹ Там же, стр. 733.

⁵⁰ Там же, стр. 735.

⁵¹ М. И. Радовский. К. М. Бэр об экспедиции на Северный полюс. — Тр. Инст. ист. естеств. и техн., т. 16, 1957, стр. 335 и сл.

⁵² ПСС, т. 10, стр. 533—534. Об этой и других работах Ломоносова по прикладной оптике см. названную статью С. И. Вавилова и Примечания к т. 4, ПСС, стр. 777 и сл.

⁵³ ПСС, т. 3, стр. 375.

⁵⁴ Гомберг, Вильгельм (Homberg, Guillaume, 1652—1715), голландский химик; ему удалось выделить борную кислоту из буры.

⁵⁵ См. Примечания к т. 3 ПСС, стр. 559.

⁵⁶ ПСС, т. 4, стр. 323.

⁵⁷ Там же, т. 10, стр. 534.

⁵⁸ См. Примечания к т. 4 ПСС, стр. 760.

⁵⁹ ПСС, т. 10, стр. 399; об этой работе см. дополнения С. И. Вавилова к труду Б. Н. Меншуткина «Жизнеописание М. В. Ломоносова» (изд. 3-е, АН СССР, 1956, стр. 156).

⁶⁰ ПСС, т. 4, стр. 187 и сл.

⁶¹ Там же, т. 3, стр. 489.

⁶² Протоколы Конференции, т. II, стр. 524.

К главе VIII

¹ Биллярский, стр. 316—317.

² Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 468, л. 87.

³ ПСС, т. 10, стр. 111 и сл.

⁴ Там же, стр. 26 и сл.

35 "Народное наследие России"

⁵ См.: Регламент императорской Академии наук и художеств. — ПСЗ, т. XII, № 9425, стр. 730.

⁶ ПСС, т. 10, стр. 26.

⁷ Там же, стр. 26—27.

⁸ В 1764 г. это учреждение было преобразовано в Российскую имп. Академию художеств (см.: П. Н. Петров. Сборник материалов для истории имп. С.-Петербургской Академии художеств за 100 лет ее существования, ч. 1. СПб., 1864).

⁹ Насколько необходимо и полезно было в 30-х годах распространение самой Академией своих изданий, видно из того, какое впечатление производили в далекой периферии рассылавшиеся Академией каталоги («рописи»). В истории Академической типографии мы читаем: «Когда в 1736 г. такая «ропись» была выслана, по указу Сената, в Астрахань, местный губернатор приказал «оным печатным росписям чрез барабанный бой публиковать», а в Чухломе сделано было распоряжение «ропись» академической лавки «в народ публиковать и в пристойных местах выставить» (Академическая типография 1728—1928. Изд. АН СССР, Л., 1929, стр. 22).

¹⁰ ПСС, т. 10, стр. 27.

¹¹ Там же, стр. 29.

¹² Там же, стр. 27.

¹³ Сам Разумовский понимал, что такая должность крайне необходима, особенно после того как в 1750 г. он был избран гетманом. Отправляясь на Украину, он сознавал, какие осложнения в Академии вызовет его отсутствие и обратился к царице со следующим ходатайством: «По всемилостивейшему и высочайшему е. и. в. соизволению отправляюсь я в Малую Россию и, будучи отселе в таком отдалении, не уповаю, чтоб способно мне было в том же порядке Академию содержать, в каком она при мне находилась. Заведенный же мною в Академии порядок и непрерывная в чужестранных государствах корреспонденция с учеными людьми не могут ни на малое время остаться без главного в Академии командира. Того ради всеподданнейше в. и. в. доношу, не соблаговолено ли будет в Академию определить в. и. в. указом президента иного; а буде в. и. в. угодно будет по-прежнему мне ж президентом остаться, то в таком случае весьма бы полезно было прибавить вице-президента, по изобретению в. и. в., и жалование ему определить из той суммы, которая президенту положена, а я, будучи высокомонаршему в. и. в. милостию паче мер моих награжден, такое президентское достоинство и без жалования нести могу. Оный же вице-президент мог бы в отсутствии моем все дела так, как и президент, равносильно отправлять, а о важнейших учреждениях и делах со мною переписку и сношение иметь, и таким образом ущербу казне в. и. в. никакой не будет и дела академические с наилучшим успехом течение свое непрерывно возымеют» (А. А. Васильчиков. Семейство Разумовских, т. I, СПб., 1880, стр. 147—148). Ходатайство Разумовского осталось без последствий, и академическими делами управлял Шумахер, делегировавший власть в Академии с Тепловым.

¹⁴ См.: А. А. Васильчиков, ук. соч., стр. 191. Насколько широко были известны осведомительные функции Теплова, может служить следующий эпизод. Когда в 1764 г. Разумовский в очередной раз приехал в Петербург и явился в Зимний дворец, там его встретил с распростертыми объятиями Теплов, бывший тогда одним из личных секретарей императрицы; присутствовавший при этом Григорий Орлов воскликнул словами из Евангелия, где рассказывается об Иудиином поцелуе: «И лобза его же предаде» (там же, стр. 318).

¹⁵ Билаский, стр. 367.

¹⁶ Там же, стр. 367—368.

¹⁷ ПСС, т. 10, стр. 32.

¹⁸ Там же, стр. 35—36.

¹⁹ В это время кафедре химии занимал Сальхов, оплата которому была определена в 600 рублей в год.

²⁰ Линней, Карл (Linné, Carl, 1707—1778), шведский ученый, с 1754 г. — почетный член Петербургской Академии наук.

²¹ ПСС, т. 10, стр. 50—51. Отметим, что в течение 25-летнего отсутствия Эйлера Академии не удалось найти достойную кандидатуру на оставленную им кафедру. Правда, Академия и правительство не переставали добиваться возвращения Эйлера в Россию. О принятых Разумовским шагах, как только он стал президентом, речь уже была. К этому добавим, что И. И. Шувалов действовал в том же направлении. Не подлежит сомнению, что именно он побудил Елизавету Петровну добиваться, как мы теперь говорим, через дипломатические каналы, обратного переезда Эйлера в Петербург. Всего лишь через год, после того как Шувалов стал фаворитом царицы, руководивший тогда внешней политикой канцлер А. П. Бестужев-Рюмин (1693—1766) писал президенту Академии наук: «Е. и. в. всемилостивейше соизволила указать вашему сиятельству объявить, чтобы изволили к бывшему в здешней Академии профессору Эйлеру отписать, не похочет ли он паки сюда возвратиться и в здешнюю службу вступить, обнадеживая его особливим е. и. в. высочайшим благоволением и что ему всякие возможные снисхождения и выгоды дозволены будут, ежели он токмо на то вознамерится и уведомит, на каких кондициях он на то поступить хочет. — Все сие имея секретно, наипаче в Берлине, содержано быть, я ваше сиятельство прошу оное письмо в коллегии иностранных дел прислать, дабы оно с отправляющимся вскоре в Берлин курьером к министру (послу, — М. Р.) е. и. в. тамо г. канцелярии советнику Гроссу надежно прислано быть могло. Напротиву чего можете и ваше сиятельство в письме вашем к г. Эйлеру присовокупить, чтоб он свой ответ для отправления сюда ему же Гроссу поручил» (А. А. Васильчиков, ук. соч., стр. 89). Подробнее о связях Эйлера с Академией в Берлинский период его жизни см.: С. Н. Чернов. Леонард Эйлер и Академия наук. — В кн.: Леонард Эйлер. 1707—1783. Сборник статей и материалов к 150-летию со дня смерти. Изд. АН СССР, М.—Л., 1935, стр. 193 и сл.

²² ПСС, т. 10, стр. 50.

²³ Там же.

²⁴ Там же, стр. 47.

²⁵ ПСЗ, т. XII, № 9425, стр. 733.

²⁶ ПСС, т. 10, стр. 57.

²⁷ Там же, стр. 52.

²⁸ Там же, стр. 46.

²⁹ Там же, стр. 59.

³⁰ Там же, стр. 62.

³¹ Там же.

³² Там же, стр. 63.

³³ Там же, стр. 69.

³⁴ Там же, стр. 80 и сл.

³⁵ См. письмо Ломоносова к Эйлеру (там же, стр. 597).

³⁶ Там же, стр. 80.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, стр. 81.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же, стр. 228 и сл.

⁴¹ Пекарский, т. I, стр. 658 и сл.

⁴² Биллярский, стр. 637.

- ⁴³ Русский перевод напечатан почти через два века (ПСС, т. 10, стр. 115 и сл.).
- ⁴⁴ Там же, стр. 85 и сл.
- ⁴⁵ Там же, стр. 116.
- ⁴⁶ См.: Б. Е. Райков и Т. А. Красоткина. Карл Линней и Петербургская Академия наук. — В кн.: Карл Линней. Сборник статей. Изд. АН СССР, М., 1958, стр. 155 и сл.
- ⁴⁷ ПСС, т. 10, стр. 116.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же, стр. 117.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ См.: The World of Learning. 1959/60. Tenth edition. London, стр. 330 и 354.
- ⁵² ПСС, т. 10, стр. 118.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ История АН, т. I, стр. 297.
- ⁵⁵ Вначале Ломоносов приставил: «и даже сами государи», но зачеркнул эти слова.
- ⁵⁶ ПСС, т. 10, стр. 119.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ ПСЗ, т. XII, № 9425, стр. 737.
- ⁵⁹ ПСС, т. 10, стр. 120.
- ⁶⁰ Там же, стр. 121.
- ⁶¹ Там же, стр. 122.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Там же, стр. 122—124.
- ⁶⁴ Там же, стр. 132 и сл.
- ⁶⁵ Там же, стр. 132.
- ⁶⁶ Там же, стр. 138 и сл.
- ⁶⁷ Там же, стр. 138.
- ⁶⁸ Там же, стр. 138—139.
- ⁶⁹ Там же, стр. 140.
- ⁷⁰ Там же, стр. 141.
- ⁷¹ Там же, стр. 142.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Там же, стр. 141.
- ⁷⁴ Там же, стр. 139.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Там же, стр. 142.
- ⁷⁷ Там же, стр. 144.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ См.: Вестник АН СССР, 1956, № 3, стр. 98.
- ⁸⁰ ПСС, т. 10, стр. 154—155.
- ⁸¹ Там же, стр. 157.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ Там же, стр. 158.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ Там же, стр. 159.
- ⁸⁷ Там же, стр. 160.
- ⁸⁸ Там же, стр. 161.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ Там же, стр. 162.
- ⁹¹ Там же, стр. 163.
- ⁹² Там же, стр. 164.

⁹³ Там же, стр. 165.

⁹⁴ Там же, стр. 166—167.

⁹⁵ Экземпляр немецкого издания Ведомостей не отыскан ни в одной библиотеке (см. Примечания к т. 10 ПСС, стр. 670).

⁹⁶ Там же, стр. 225.

⁹⁷ Там же, стр. 226.

⁹⁸ Там же, стр. 668—669.

⁹⁹ Там же, стр. 225.

¹⁰⁰ Там же, стр. 233.

¹⁰¹ Гришов умер за полгода до того, как были написаны эти строчки.

¹⁰² ПСС, т. 10, стр. 234.

¹⁰³ См. статью Эпинуса «Известия о наступающем прохождении Венеры между солнцем и землей» (Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие, 1760, октябрь, стр. 359 и сл.).

¹⁰⁴ Подробней об этом см.: А. И. Андреев. Ломоносов и астрономические экспедиции Академии наук, 1761 г. — «Ломоносов», II, стр. 248 и сл.

¹⁰⁵ См. Примечания к т. 9 ПСС, стр. 794.

¹⁰⁶ См.: Определение Канцелярии АН о снаряжении двух экспедиций в Сибирь для наблюдений прохождения Венеры по диску солнца. Там же, стр. 346 и сл.

¹⁰⁷ Там же, т. 10, стр. 246—247.

¹⁰⁸ Там же, стр. 248.

¹⁰⁹ Вот что писал А. Л. Шлецер, на глазах которого происходили все эти события: «Тауберт принимал большое участие в этом великом деле: в подвалах занимаемого им академического дома ночью печатался манифест, который был издан уже на рассвете» (Общественная и частная жизнь Августа-Людвига Шлецера, им самим написанная. — Сб. Отд. русск. яз. и словесн. имп. Акад. наук, т. 13, СПб., 1875, стр. 98).

¹¹⁰ ПСС, т. 10, стр. 258 и сл.

¹¹¹ О своих расхождениях с Эпинусом по некоторым вопросам прикладной оптики Ломоносов в «Краткой истории о поведении Академической канцелярии» писал: «Профессор Эпинус не токмо слушать не хотел, но и против Ломоносова употребил грубые слова; и вдруг вместо дружбы прежней стал оказывать неприятельские поступки. Все ясно уразумели, что то есть Таубертов промысел по Шумахеровскому примеру, который ученые между профессорами споры, кои бы могли дружелюбно кончиться, употребляя в свою пользу, портя их дружбу. Все ясно сказалось тем, что Эпинус не токмо с Ломоносовым, но и с другими профессорами, ему приятельми, перестал дружить, вступил в Таубертову компанию и вместо прежнего прилежания отдался в гуляние. Тауберт Эпинуса везде стал хвалить и рекомендовать и тем сделал себе два выигрыша: 1) что отвел от наук человека, который бы стал, может быть, ими действовать против него, если бы при науках остался, 2) сыскал себе в помощь недоброжелателя Ломоносову» (ПСС, т. 10, стр. 292).

¹¹² Там же, стр. 258—259.

¹¹³ Там же, стр. 235.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 473, л. 141.

¹¹⁶ ПСС, т. 10, стр. 259.

¹¹⁷ Там же, стр. 563.

¹¹⁸ См. Примечания к т. 10 ПСС, стр. 693.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же, стр. 266.

¹²¹ Там же, стр. 260.

¹²² Там же, стр. 560.

¹²³ Там же, стр. 351.

¹²⁴ Там же, стр. 352.

¹²⁵ См. Примечания к т. 10 ПСС, стр. 864.

¹²⁶ Билярский, т. II, стр. 603.

¹²⁷ Пекарский, т. II, стр. 786. Оригинал хранится в ЦГАДА (см.: «Ломоносов», III, стр. 401).

¹²⁸ Пекарский, т. II, стр. 786.

¹²⁹ См. Примечания к т. 10 ПСС, стр. 762.

¹³⁰ Пекарский, II, стр. 786.

¹³¹ ПСС, т. 10, стр. 353.

¹³² Там же, стр. 354—357.

¹³³ Там же, стр. 568.

¹³⁴ Die Berliner und die Petersburger Akademie der Wissenschaften im Briefwechsel Leonard Eulers. Teil 1. Berlin, 1959, s. 258—259.

¹³⁵ Протоколы Конференции, т. II, стр. 533.

¹³⁶ ПСС, т. 10, стр. 597.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ К у н и к, стр. 403.

К главе IX

¹ Леклерк, Николай Габриэль (Le Clerc, Nicolas-Gabriel, 1726—1798).

в течение многих лет состоял на русской государственной службе, занимая различные посты, в том числе лейб-медика наследника престола Павла Петровича, директора наук в Сухопутном шляхетном корпусе и профессора Академии художеств.

² Он тогда еще не был дворянином и писался Клерк; так он именуется во всех официальных бумагах.

³ M. le Clerc. Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne et moderne, Paris, 1793—1794.

⁴ См., например: И. Н. Болтин. Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, т. I—II, СПб., 1788.

⁵ Об этом переводе см. Примечания к т. 8 ПСС, стр. 1128 и сл.

⁶ Протоколы Конференции, т. II, стр. 536.

⁷ Там же.

⁸ П. Пекарский. О речи в память Ломоносова, произнесенной в Академии наук доктором Ле-Клерком. — Записки АН, т. X, СПб., 1867. Приложения к протоколам, стр. 178 и сл. Список речи Леклерка (Discours prononcé par M. Clerc Docteur en médecine, le jour de la réception à l'académie Impériale des sciences de St. Pétersbourg) хранится в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) — см.: Речь доктора медицины Клерка о Ломоносове и Петре Великом по случаю принятия его членом-корреспондентом Академии наук (ЦГАДА, ф. 17, Госархив, ед. хр. 23, лл. 1—7).

⁹ Протоколы, т. II, стр. 536.

¹⁰ Там же, стр. 537.

¹¹ Билярский, стр. 738; К у н и к, стр. 383.

¹² С. И. Вавилов еще в 1945 г. писал: «Русские современники могли полностью оценить Ломоносова как поэта, создателя языка, историка, творца мозаичных картин, но его наука осталась непонятой. Ломоносова ученого-естествознателя вполне понимали только такие люди, как Леонард Эйлер, называющий его „гениальным человеком, который своими познаниями делает честь настолько же Академии, как и всей науке“. К несчастью, на родине физико-химическое наследие Ломоносова было погребено в нечитавшихся книгах, в ненапечатанных рукописях, в оставленных и разобранных лаборато-

риях. Многочисленные остроумные приборы Ломоносова не только не производились, их не потрудились даже сохранить. Незабываема заслуга покойного профессора Б. Н. Меншуткина, впервые вновь открывшего, уже в нашем веке, Ломоносова, великого физико-химика во всем его многообразии и самобытности» (С. И. Вавилов. 1) Ломоносов и русская наука. — *Большевик*, 1945, № 6; 2) *Собрание сочинений*, т. III, стр. 575—576).

¹³ Орлов, Владимир Григорьевич (1743—1831); как и Разумовский, он получил образование за границей (учился три года в Лейпцигском университете); этого было достаточно, чтобы Екатерина II, подобно Елизавете Петровне, поставила во главе Академии брата своего фаворита. Но Орлов не отличался той скромностью, против которой Разумовский никогда не грешил. Е. Р. Дашкова, занимавшая впоследствии тот же пост директора Академии, писала в своих мемуарах, где речь идет о ее пребывании за границей: «Я познакомилась с младшим Орловым, Владимиром, пустым юношей; все, что он вынес из немецких университетов — это надменную уверенность в своем необыкновенном образовании. Он вступал в споры со мной, как и со всеми своими собеседниками... Кто бы мог тогда подумать, что он будет стоять во главе Академии наук, что после него это место будет занимать такое ничтожество, как Домашнев, креатура Орловых, и преемницей их буду я!» (*Записки княгини Екатерины Дашковой*. СПб., 1859, стр. 101).

¹⁴ Б. Л. Модзалевский. Список членов императорской Академии наук, 1725—1907. СПб., 1908, стр. 3.

¹⁵ *Собрание разных сочинений в стихах и прозе Михаила Ломоносова*. СПб., 1768.

¹⁶ Об этом подробно см.: Г. А. Андреева. Издание собраний сочинений М. В. Ломоносова в XVIII—XX вв. — В сб.: *Книга. Исследования и материалы*, т. III. Изд. Всесоюзной книжной палаты, М., 1960, стр. 203.

¹⁷ Покойного статского советника и профессора Михайлы Васильевича Ломоносова собрание разных сочинений в стихах и прозе. Кн. 1—3. 1778.

¹⁸ Дамаскин (Дмитрий, Семенов-Руднев, 1737—1795), действительный член Российской Академии с года ее основания (1783), питомец Славяно-греко-латинской академии, завершил свое образование в Англии и Германии (о нем см.: М. И. Сухомлинов. *История Российской Академии*, вып. 1. СПб., 1874, стр. 139 и сл.).

¹⁹ Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий собрал Николай Новиков. СПб., 1772, стр. 119—130. Первое жизнеописание принадлежит А. П. Шувалову (1743—1789): «*Ode sur la mort de Monsieur Lomonosof, de l'Académie des Sciences de St. Pétersbourg*» (1765).

²⁰ См., например: Похвальное слово Михайле Васильевичу Ломоносову. Писал лейб-гвардии Измайловского полку каптенармус Михайло Муравьев. СПб., 1774.

²¹ «Санктпетербургские ведомости», 1783, № 22, от 17 марта.

²² Дашкова, Екатерина Романовна (1744—1810), директор Академии наук с 1783 по 1796 г.; основательница и первый президент Российской Академии (в те же годы).

²³ «Санкт-Петербургские ведомости», 1785, № 57, от 18 июля, стр. 590.

²⁴ Д. С. Бабкин. *Биографии М. В. Ломоносова*, составленные его современниками. — «Ломоносов», II, стр. 5 и сл.

²⁵ Веревкин, Михаил Иванович (1732—1795), писатель.

²⁶ До работы А. И. Андреева (см.: «Ломоносов», IV, стр. 392—393) рецензии А. А. Морозова на кн. В. В. Данилевского «Ломоносов на Украине» («Звезда», 1955, № 3, стр. 180 и сл.) в жизнеописаниях Ломоно-

сова неизменно повторялось следующее сообщение, содержащееся в написанной Веревкиным биографии Ломоносова: «Законоспасская библиотека не могла насытить жадности его к наукам, прибегнул к архимандриту с усиленною просьбою, чтоб послал его на один год в Киев учиться философии, физике и математике; но и в Киеве, против чаяния своего, нашел пустые только словопрения Аристотелевой философии: не имея же случаев успеть в физике и математике, пробыл там меньше года, упражняясь больше в чтении древних летописцев и других книг, писанных на Славянском, Греческом и Латинском языках» (Полное собрание сочинений Михайла Ломоносова, с приобщением жизни сочинителя..., ч. I, 1784, стр. VII).

²⁷ Там же, стр. 319 и сл.

²⁸ С 1841 г. Академия наук была разбита на три класса: физико-математический, русского языка и словесности и историко-филологический.

²⁹ Глазуновы — семья известных русских книгопродавцев и издателей; основателями этой старейшей в России фирмы были Матвей Петрович (1757—1830) и его брат Иван (1762—1831).

³⁰ Смирдин, Александр Филиппович (1795—1857), известный издатель классиков русской литературы.

³¹ Кроме упоминавшегося ранее Перевошикова, творчеством Ломоносова занимался профессор Н. А. Любимов (1830—1897), много работавший над вопросами истории Физики. Проф. Любимову принадлежат следующие работы о Ломоносове: «Ломоносов как физик» (в кн.: В воспоминание 12-го января 1855 г. Учено-литературные статьи профессоров и преподавателей Московского университета. М., 1855 (имеется и отд. изд.); «Ломоносов и Петербургская Академия наук» (Русский вестник, т. 56, стр. 401 и сл.); «Жизнь и труды Ломоносова» (М., 1872).

³² П. Н. Берков, Ломоносовский юбилей 1865 г. (Страницы из истории общественной борьбы шестидесятых годов). — «Ломоносов», II, стр. 216

³³ Литке, Федор Петрович (1797—1882), известный русский мореплаватель и географ; президентом был с 1864 г. до конца жизни.

³⁴ Протоколы заседаний Общего собрания императорской Академии наук 1865, § 14.

³⁵ Срезневский, Измаил Иванович (1812—1880), филолог; в Академию избран в 1849 г.

³⁶ Никитенко, Александр Васильевич (1805—1877), филолог, в Академию избран в 1855 г.

³⁷ Грот, Яков Карлович (1812—1893), филолог, в Академию избран в 1855 г.; с 1884 по 1893 г. — председательствующий в Отделении русского языка и словесности; с 1889 по 1893 г. — вице-президент Академии.

³⁸ Билярский, Петр Спиридонович (1815—1867), филолог, в Академию избран в 1860 г. Кроме «Материалов для биографии Ломоносова», издал еще «Опыт словаря к сочинениям Ломоносова» (СПб., 1863). Билярский учился в том же учебном заведении, что и Ломоносов, но оно уже называлось Духовной академией.

³⁹ Пекарский, Петр Петрович (1827—1872), историк, в Академию избран в 1863 г.; автор многих работ по истории русской культуры. Кроме часто цитировавшейся «Истории Академии наук», ему принадлежит также двухтомный труд «Наука и литература в России при Петре Великом. Введение в историю просвещения в России» (СПб., 1862) и много других работ, опубликованных главным образом в академических изданиях. Литературная деятельность Пекарского длилась всего двадцать лет, но он успел написать огромное количество работ, большинство которых используется и теперь, так как в них содержатся ценнейшие документы и материалы. П. Пекарский был близок к передовым русским деятелям, особенно к Н. Г. Чернышевскому, который отзывался о нем, как об «умнейшем и уче-

нейшем из всех тогдашних членов Русского отделения Академии наук. И по уму, и по умению работать для науки он был неизмеримо выше и самого дельного из остальных» (См.: письмо к О. С. Чернышевской, посланное им 10 марта 1883 г. из Вилейской ссылки. — Полн. собр. соч., т. XV. М., 1950, стр. 389). О нем см.: А. Н. Пыпин. Петр Петрович Пекарский. — Вестник Европы, 1872, т. V, стр. 471; Я. К. Грот. Воспоминание о П. П. Пекарском. — Записки АН, т. 22, стр. 277.

⁴⁰ Перевощиков, Дмитрий Матвеевич (1788—1880), астроном и математик, профессор и ректор Московского университета; в Академию избран в 1855 г.

⁴¹ Зинин, Николай Николаевич (1812—1880), химик; в Академию избран в 1855 г.

⁴² Куник, Арист Аристович (1814—1899), историк; в Академию избран в 1844 г. Собранные им документы, часто здесь цитированные, до сих пор являются основным источником для изучения раннего периода жизни Ломоносова.

⁴³ Протоколы заседаний Общего собрания имп. Академии наук, 1865, § 21.

⁴⁴ Бенедиктов, Владимир Григорьевич (1807—1873), в члены-корреспонденты избран в 1855 г.

⁴⁵ Майков, Аполлон Николаевич (1821—1897), филолог; в члены-корреспонденты избран в 1853 г.

⁴⁶ Протоколы заседаний Общего собрания имп. Академии наук, 1865, § 37.

⁴⁷ Записки АН, т. 7, стр. 220—221.

⁴⁸ Архив АН СССР, ф. 187, оп. 1, № 337.

⁴⁹ В Записки АН она не вошла, а была напечатана в ЖМНП (1865, т. 126, май, стр. 436—455) и выпущена отдельным изданием. А. В. Никитенко в своем дневнике отмечал, что речь была неудачна; в одном месте он говорит даже о провале (А. В. Никитенко. Дневник, т. 2. М., 1955, стр. 507 и 520).

⁵⁰ См.: В. И. Межов. Русская историческая библиография за 1865—1876 гг. включительно, т. II, СПб., 1882, стр. 260—267.

⁵¹ Празднование столетней годовщины Ломоносова 4 апреля 1765—1865 г. имп. Московским университетом в торжественном собрании апреля 11 дня, М., 1865; Памяти Ломоносова 6 апреля 1865 г. Харьков, 1865.

⁵² Протоколы заседаний Общего собрания имп. Академии наук, 1865, § 55.

⁵³ Чебышев, Пафнутий Львович (1821—1894), математик; в Академию избран в 1853 г.

⁵⁴ Кокшаров, Николай Иванович (1818—1892), минералог; в Академию избран в 1855 г.

⁵⁵ Протоколы заседаний Общего собрания имп. Академии наук, 1865, § 150.

⁵⁶ Протоколы заседаний Общего собрания имп. Академии наук, 1865, § 163.

⁵⁷ Демидов, Павел Николаевич (1798—1840), правнук Акинфия, который вместе со своим отцом Никитой Демидовым основал на Урале горные заводы; с 1831 г. — почетный член Петербургской Академии наук, а с 1837 г. — почетный член Российской Академии. Начиная с 1831 г. отпускал ежегодно Академии наук двадцать тысяч рублей для выдачи наград за лучшие научные работы, напечатанные на русском языке. После его смерти эту сумму выдавал его брат Анатолий (1812—1870), почетный член Академии с 1841 г.

⁵⁸ "Научное наследие России"

21 М. И. Радовский

⁵⁸ См.: Общий отчет о тридцать четвертом и последнем присуждении Демидовских наград, читанный в публичном заседании Академии 25 июня 1865 г. — Записки АН, т. 8, стр. 7 и сл.

⁵⁹ Там же, стр. 104.

⁶⁰ См.: Дело о первом соискании Ломоносовской премии. Архив АН СССР, ф. 2, оп. 1 (1866), № 3.

⁶¹ Торжественное собрание имп. Академии наук 29 декабря 1866 г. СПб., 1867, стр. 40.

⁶² Горский, Александр Васильевич (1812—1875), ректор Московской духовной академии; член-корреспондент Академии наук по Отделению русского языка и словесности с 1857 г.

⁶³ Невоструев, Капитон Иванович (1815—1872), профессор Московской духовной семинарии, член-корреспондент Петербургской Академии наук по Отделению русского языка и словесности с 1861 г.

⁶⁴ Записки АН, т. 13, стр. 196—197.

⁶⁵ См. Отчеты о присуждении премий М. В. Ломоносова. — В кн.: Роспись отчетам о присуждениях наград и премий имп. Академией наук, присужденных с основания конкурсов при чей по 1908 год. СПб., 1911, стр. 162.

⁶⁶ Даль, Владимир Иванович (1801—1872), диалектолог и этнограф; с 1838 г. — член-корреспондент по разряду литературы славянских народов и истории литературы; с 1863 г. — почетный член Академии наук.

⁶⁷ Потехин, Александр Афанасьевич (1835—1891), член-корреспондент по Отделению русского языка и словесности с 1875 г.

⁶⁸ Записки АН, т. 27, стр. 79.

⁶⁹ Лодыгин, Александр Николаевич (1847—1923), выдающийся русский электротехник.

⁷⁰ Вильд, Генрих Иванович (1833—1902), физик-метеоролог, в Академию избран в 1868 г.

⁷¹ М. А. Шателен. Из истории изобретения ламп накаливания (к десятилетию смерти А. Н. Лодыгина). — Архив истории науки и техники, вып. 4, стр. 307.

⁷² Рождественский, Дмитрий Сергеевич (1876—1940), выдающийся советский физик, основатель Государственного оптического института (ГОИ); в академию избран в 1929 г.; с 1925 г. — член-корреспондент.

⁷³ См.: Д. С. Рождественский. Работы по аномальной дисперсии в парах металлов. Изд. АН СССР, 1951, стр. 15 и сл. (серия «Классики науки»).

⁷⁴ См.: Дело о соискании премии имени М. В. Ломоносова в 1912 г. Архив АН СССР, ф. 2, оп. 1, 1912, № 32.

⁷⁵ Записки АН, т. 7, стр. 260.

⁷⁶ Веселовский, Константин Степанович (1819—1901), экономист, в Академию избран в 1852 г.; непреременный секретарь с 1857 по 1890 г.

⁷⁷ Записки АН, т. 7, стр. 111.

⁷⁸ Там же, стр. 110.

⁷⁹ Там же, стр. 297.

⁸⁰ Там же, т. 5, прилож. 1, стр. 83—84.

⁸¹ Там же, т. 5, стр. 238 и 244; т. 6, стр. 190.

⁸² См. там же, т. 7, стр. 109 и 294.

⁸³ П. Пекарский. Дополнительные известия для биографии Ломоносова. — Приложение № 7 к 8-му тому Записок АН, стр. 1—119.

⁸⁴ Записки АН, т. 15, стр. 146.

⁸⁵ Щербатов, Григорий Алексеевич (1819—1881), князь, попечитель С.-Петербургского учебного округа (1856—1858).

⁸⁶ Галахов, Алексей Дмитриевич (1807—1892), профессор Петербургского историко-филологического института; член-корреспондент по Отделению русского языка и словесности с 1868 г.

⁸⁷ Ламанский, Владимир Иванович (1833—1914), профессор Петербургского университета, в Академию избран в 1900 г.; автор ряда работ о Ломоносове, важнейшая из них сборник документов, освещающих деятельность Ломоносова в Академии наук. Ламанский был одним из инициаторов проведения юбилея 1865 г.

⁸⁸ Семенов-Тяньшанский, Петр Петрович (1827—1914), известный путешественник и географ; с 1873 г. — почетный член Академии наук.

⁸⁹ Ходнев, Алексей Иванович (1818—1883), химик, секретарь Вольного экономического общества и его историк.

⁹⁰ Архив АН СССР, ф. 2, оп. 1, 1868, № 4, лл. 4—5.

⁹¹ Там же, лл. 6—8.

⁹² Там же, л. 9 об.

⁹³ Там же, л. 13.

⁹⁴ Устрялов, Николай Герасимович (1805—1870), с 1837 г. — адъюнкт по истории и древностям русским; в 1844 г. избран ординарным академиком.

⁹⁵ Архив АН СССР, ф. 2, оп. 1, 1868, № 4, л. 12.

⁹⁶ Там же, л. 16.

⁹⁷ Бычков, Афанасий Федорович (1818—1889), в Академию избран в 1866 г.; директор имп. Публичной библиотеки; с 1893 по 1899 г. — председательствующий в Отделении русского языка и словесности.

⁹⁸ Шифнер, Антон Антонович (1817—1879), в 1852 г. избран адъюнктом по тибетскому языку; с 1854 г. экстраординарный академик.

⁹⁹ Веселовский, Александр Николаевич (1838—1906), историк литературы, академик с 1881 г.

¹⁰⁰ Архив АН СССР, ф. 2, оп. 1, 1868, № 4, л. 37—37 об.

¹⁰¹ Бейльштейн, Федор Федорович (1838—1906), с 1886 г. — ординарный академик по кафедре технологии и химии, приспособленной к искусствам и ремеслам.

¹⁰² Бекетов, Николай Николаевич (1827—1911), в Академию избран в 1886 г. по кафедре общей химии.

¹⁰³ Архив АН СССР, ф. 2, оп. 1, 1905, № 20, л. 8—8 об.

¹⁰⁴ Там же, л. 26.

¹⁰⁵ Там же, л. 32. Опубликовано в Правительственном вестнике 1906 г., 9 декабря.

¹⁰⁶ Архив АН СССР, ф. 2, оп. 1, 1905, № 20, л. 48.

¹⁰⁷ Там же, ф. 1, оп. 1а, № 151, § 192.

¹⁰⁸ Там же, № 153, § 138.

¹⁰⁹ Там же, ф. 57, оп. 2, № 15, лл. 1—2.

¹¹⁰ См. Записку М. И. Сухомятинова о предпринимаемом им издании сочинений Ломоносова. — Сб. Отд. русск. яз. и словесн. имп. Акад. наук, т. 42, СПб., 1887, стр. IV и сл.

¹¹¹ Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями академика М. И. Сухомятинова. Издание имп. Академии наук, т. I, 1891; т. II, 1893; т. III, 1895; т. IV, 1898; т. V, 1902.

¹¹² Подробней об этом см.: А. Г. Фомин, ук. соч., стр. 97—98; Г. А. Андреева, ук. соч., стр. 218 и сл.

¹¹³ Князев, Гавриил Михайлович (ум. в 1920 г.), ученик акад. В. И. Ламанского, преподаватель Первого реального училища и имп. Театрального училища в Петербурге.

Акад. изд., т. VIII, стр. 1.

- ¹¹⁵ Модзалевский, Лев Борисович (1902—1948), филолог, сотрудник Архива АН СССР и Института русской литературы (Пушкинский дом).
- ¹¹⁶ Ольденбург, Сергей Федорович (1863—1934), востоковед; в Академию избран в 1900 г.; с 1904 по 1930 г. — неперемный секретарь.
- ¹¹⁷ Голицын, Борис Борисович (1862—1915), физик-сейсмолог, в Академию избран в 1893 г.
- ¹¹⁸ Вернадский, Владимир Иванович (1863—1945), минералог и геохимик; в Академию избран в 1906 г.
- ¹¹⁹ Шахматов, Алексей Александрович (1864—1920), языковед и историк древней русской литературы; в Академию избран в 1894 г.
- ¹²⁰ Соболевский, Алексей Иванович (1856—1929), филолог, в Академию избран в 1900 г.
- ¹²¹ Протоколы заседаний Общего собрания имп. Академии наук 1909, § 98.
- ¹²² См.: Материалы для биографического словаря действительных членов имп. Академии наук. ч. II, 1917, стр. 56.
- ¹²³ Архив АН СССР, ф. 57, оп. 1, № 1, л. 11.
- ¹²⁴ Там же, лл. 166—167.
- ¹²⁵ Там же, л. 11 об.
- ¹²⁶ Там же.
- ¹²⁷ Курилов, Венедикт Викторович (1867—1921), химик, до занятия кафедры в Варшавском университете был проректором (1899—1909) Екатеринбургского высшего горного училища (ныне Днепропетровский горный институт).
- ¹²⁸ В. Курилов. Ломоносовский институт. — «Новое время», 1910, 30 декабря, № 12500, стр. 5.
- ¹²⁹ А. В. Кольцов. Проект Ломоносовского института. Доклад на Ломоносовском заседании 19 ноября 1959 г.
- ¹³⁰ Протоколы заседаний Общего собрания имп. Академии наук, 1911, § 66.
- ¹³¹ Выставка «Ломоносов и елизаветинское время» (Каталоги). Отдел I, СПб., 1912.
- ¹³² Путеводитель по состоящей под высочайшим е. в. государя императора покровительством выставке «Ломоносов и елизаветинское время». СПб., 1912, стр. 3.
- ¹³³ Архив АН СССР, ф. 57, оп. 1, № 10, л. 67.
- ¹³⁴ Там же.
- ¹³⁵ «Санкт-Петербургские ведомости», 1912, 18 апреля.
- ¹³⁶ Архив АН СССР, ф. 57, оп. 1, № 10, л. 67.
- ¹³⁷ См.: Список учреждений и обществ и их представителей, принявших участие в торжественном собрании имп. Академии наук 8 ноября 1911 года в память 200-летия со дня рождения М. В. Ломоносова. СПб., 1911 г.
- ¹³⁸ Вальден, Павел Иванович (1863—1957), химик; в Академию избран в 1910 г.; в то время директор Химической лаборатории Академии наук.
- ¹³⁹ Сиповский, Василий Васильевич (1872—1930), историк русской литературы.
- ¹⁴⁰ Архив АН СССР, ф. 57, оп. 1, № 1, л. 107.
- ¹⁴¹ Ломоносовский сборник. Издание имп. Академии наук, СПб., 1911.
- ¹⁴² Труды Ломоносова в области естественных исторических наук. СПб., 1911 г.
- ¹⁴³ Шокальский, Юлий Михайлович (1856—1940), известный советский географ и океанограф, почетный член Академии наук СССР (избран в 1939 г.).

¹⁴⁴ Иосса, Николай Александрович (1845—1916), металлург, профессор Горного института.

¹⁴⁵ П. И. Вальден. Ломоносов как химик. СПб., 1911; Б. Н. Меншуткин. Ломоносов как естествоиспытатель. СПб., 1911; А. И. Соколовский. Ломоносов в истории русского языка. СПб., 1911; В. В. Сиповский. Литературная деятельность Ломоносова. СПб., 1911.

¹⁴⁶ Михайло Васильевич Ломоносов. Жизнеописание. Составил Б. Н. Меншуткин. СПб., 1911.

¹⁴⁷ Архив АН СССР, ф. 57, оп. 1, № 1, л. 129—129 об.

¹⁴⁸ Второе издание вышло в 1937 г. в связи с 225-летием со дня рождения Ломоносова.

¹⁴⁹ Б. Н. Меншуткин. Жизнеописание Михаила Васильевича Ломоносова. Третье издание с дополнением П. Н. Беркова, С. И. Вавилова и Л. Б. Модзалевского. Изд. АН СССР, 1947, стр. 5.

¹⁵⁰ Собрание сочинений известных русских писателей. Вып. 1. Избранные сочинения Ломоносова, изд. П. М. Перевлесского. М., 1846.

¹⁵¹ Автор этой первой, по существу, библиографии был высоко образованным человеком, составившим свое большое книжное собрание, которое он хотел превратить в общественную библиотеку, назвав ее Ломоносовской. В протоколе Общего собрания Академии наук от 7 июня 1865 г. записано: «Преподаватель Полтавского кадетского корпуса С. И. Пономарев, телеграфной депешей от 6 минувшего апреля, приветствовал Академию по случаю празднования ею столетнего юбилея Ломоносова, при чем изъявил желание пожертвовать после своей смерти 5000 томов различных сочинений с тем, чтобы эта библиотека называлась Ломоносовской и чтобы Академия назначила заведение, в которую завещать оную. Вследствие сего непременный секретарь благодарил г. Пономарева именем Академии за оказанное ей внимание, при чем уведомил его, что Конференция не преминет исполнить его желание относительно жертвуемой им библиотеки, но для сего будет ожидать от него письменного заявления по сему предмету, с приложением каталога упомянутой библиотеки. Ныне г. Пономарев, письмом от 19 мая сего года, вторично заявляет о своем пожертвовании и уведомляет, что в непродолжительном времени будет им доставлен в Академию подробный каталог жертвуемых им сочинений» (Записки АН, т. 7, стр. 278).

¹⁵² Сб. Отд. русск. яз. и словесн. имп. Акад. наук, т. VIII, № 2.

¹⁵³ Фомин. Александр Григорьевич (1887—1939), библиограф и педагог-книговед. О нем см.: П. Н. Берков. А. Г. Фомин. Очерк жизни и научной деятельности. М., 1949.

¹⁵⁴ А. Г. Фомин, ук. соч., стр. 3.

¹⁵⁵ Укажем, что в 1934 г., когда в нашей стране были введены ученые степени, Академия наук присвоила А. Г. Фомину степень доктора без защиты диссертации.

¹⁵⁶ Работа А. Г. Фомина была опубликована через четыре года после юбилея, в т. VII издания «Выставка „Ломоносов и елизаветинское время“» (Пг., 1915). Это издание должно было состоять из восьми томов, но первые три тома из печати не вышли (см.: Е. Б. Рысс. Библиография основной литературы о М. В. Ломоносове за 1911—1916 гг. — «Ломоносов», III, стр. 605—606).

¹⁵⁷ Дукмейер, Фридрих-Эмиль (Dukmeyer, Friedrich Emil, 1864—1930), немецкий публицист и драматург.

¹⁵⁸ Иенсен, Альфред-Антон (Jensen, Alfred Anton, 1859—1921), шведский историк литературы.

¹⁵⁹ Compendium Historiae Litterariae novissimae. Oder erlangische gelehrte Anmerkungen und Nachrichten. Auf das Jahr 1746, 1. Theil, 46. Stück vom 3.

Sept 1746, S. 372. Здесь сообщалось о курсе физики, который Ломоносов начинал читать в Петербурге.

¹⁶⁰ Дилакторский, Прокопий Александрович (1862—1910), библиограф-краевед и этнограф.

¹⁶¹ Кунцевич, Георгий Захарович (1872—1925), историк литературы.

¹⁶² Выставка «Ломоносов и елизаветинское время», т. VI. Библиография изданий сочинений М. В. Ломоносова на русском языке. Составил Г. З. Кунцевич. Пгр., 1918.

¹⁶³ Вавилов, Сергей Иванович (1891—1951), физик и историк науки; с 1945 по год смерти — президент Академии наук. Работы С. И. Вавилова о Ломоносове см. в т. 3 его Собрания сочинений.

¹⁶⁴ Гудзий, Николай Каланинович (р. 1887), советский историк литературы; действительный член Академии наук СССР.

¹⁶⁵ Доклады Н. П. Горбунова, Б. Д. Грекова и С. И. Вавилова (под измененным названием «Оптические воззрения и работы М. В. Ломоносова») напечатаны в Известиях АН СССР, Отд. обществ. наук, 1937, № 1.

¹⁶⁶ Каблуков, Иван Алексеевич (1857—1942), физико-химик; с 1932 г. — почетный член Академии наук СССР.

¹⁶⁷ Вестник АН СССР, 1936, № 11—12, стр. 123—124.

¹⁶⁸ Шмидт, Отто Юльевич (1891—1956), математик и исследователь Арктики; с 1939 по 1942 г. — вице-президент Академии наук СССР.

¹⁶⁹ Вестник АН СССР, 1940, № 4—5, стр. 111.

¹⁷⁰ Там же, стр. 113.

¹⁷¹ Ферсман, Александр Евгеньевич (1883—1945), минералог и популяризатор науки, в Академию избран в 1919 г.

¹⁷² Оствальд, Вильгельм-Фридрих (Ostwald, Wilhelm Friedrich, 1853—1932), немецкий физико-химик; основатель широкоизвестной серии «Классики науки» (Ostwald's Klassiker der exakten Wissenschaften) с 1882 по 1887 г. — профессор Рижского политехнического училища; в 1896 г. избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук.

¹⁷³ Вестник АН СССР, 1940, № 4—5, стр. 120.

¹⁷⁴ См.: Е. Б. Рысс и Г. М. Коровин. Библиография литературы о Ломоносове за 1917—1950 гг. «Ломоносов», III, стр. 519 и сл. Больше всего на эту тему писали И. А. Бурмистренко и Г. С. Васецкий, некоторые из работ были напечатаны еще до доклада Н. К. Луппола.

¹⁷⁵ Вестник АН СССР, 1952, № 1, стр. 121.

¹⁷⁶ Дубинин, Михаил Михайлович (р. 1901 г.), физико-химик; в Академию избран в 1943 г.

¹⁷⁷ Топчиев, Александр Васильевич (р. 1907 г.), химик, в Академию избран в 1949 г.; с 1949 по 1959 г. — главный ученый секретарь, а с 1959 г. — вице-президент Академии наук.

¹⁷⁸ Вестник АН СССР, 1952, № 1, стр. 122.

¹⁷⁹ Фигуровский, Николай Александрович (р. 1901 г.), химик и историк науки; директор Института истории естествознания и техники АН СССР.

¹⁸⁰ Плаксин, Игорь Николаевич (р. 1900 г.), металлург, член-корреспондент Академии наук СССР (избран в 1946 г.).

¹⁸¹ Вестник АН СССР, 1952, № 1, стр. 125.

¹⁸² Качалов, Николай Николаевич (р. 1883 г.), химик-технолог, член-корреспондент АН СССР (избран в 1933 г.).

¹⁸³ Вестник АН СССР, 1952, № 1, стр. 126.

¹⁸⁴ Г. А. Андреева. Изучение научного наследия М. В. Ломоносова (научные заседания, посвященные памяти М. В. Ломоносова с 1944 по 1957 г.). Вестн. ист. мировой культ., 1957, № 6, стр. 151 и сл.; Г. Е. Пав-

- Лова. Ломоносовские заседания Академии наук СССР в Ленинграде, 1947—1956 гг. — «Ломоносов», IV, стр. 377 и сл.
- ¹⁸⁵ О них подробней см. названные в предыдущем примечании статьи.
- ¹⁸⁶ Крачковский, Игнатий Юлианович (1883—1951), востоковед, в Академию избран в 1921 г.
- ¹⁸⁷ «Ломоносов», I, стр. 3.
- ¹⁸⁸ Там же.
- ¹⁸⁹ Морозов, Александр Антонович (р. 1906 г.), писатель, автор ряда работ о Ломоносове; главная из них «Михаил Васильевич Ломоносов» выдержала три издания (1-е — М., 1950; 2-е — Л., 1952; 3-е — М., 1955).
- ¹⁹⁰ Кузнецов, Борис Григорьевич (р. 1903 г.), историк науки, автор труда «Творческий путь Ломоносова» (Гостехиздат, 1956).
- ¹⁹¹ «Ломоносов», т. I, стр. 9 и сл.
- ¹⁹² Там же, стр. 66 и сл.
- ¹⁹³ Идельсон, Наум Ильич (1885—1951), механик, астроном и историк науки. О нем см.: Н. С. Яхонтова, Наум Ильич Идельсон — Историко-астрономические исследования, вып. IV. М., 1960, стр. 387—405; Н. С. Корытников, О работах Н. И. Идельсона по истории астрономии. — Там же, стр. 407—431.
- ¹⁹⁴ Андреев, Александр Игнатьевич (1887—1959), историк.
- ¹⁹⁵ Рукописи Ломоносова в Академии наук СССР. Научное описание. Сост. Л. Б. Модзалевский. Изд. АН СССР, М.—Л., 1937 (Акад. наук, Труды Архива, вып. 3).
- ¹⁹⁶ Князев, Георгий Алексеевич (р. 1887 г.), историк, директор Архива Академии наук СССР.
- ¹⁹⁷ С момента учреждения Комиссии по истории Академии наук СССР в 1938 г. и до самой смерти Вавилов был ее бессменным председателем. См.: С. И. Вавилов. Доклады и выступления на первом пленуме Комиссии по истории Академии наук СССР. — Тр. Инст. ист. естеств. и техн., т. 17, История физ.-мат. наук. М., 1957, стр. 100 и сл.; см. также: П. Н. Корявов, Б. А. Малькевич и Н. М. Раскин. О рукописном наследии академика С. И. Вавилова. — Там же, стр. 154.
- ¹⁹⁸ В. Л. Ченакал. С. И. Вавилов и Музей М. В. Ломоносова. — Советская этнография, 1951, № 2, стр. 198 и сл.
- ¹⁹⁹ Р. И. Каплан-Ингель. Здание Кунсткамеры — колыбель русской науки и Музей М. В. Ломоносова. — Природа, 1949, № 7, стр. 83.
- ²⁰⁰ Р. И. Каплан-Ингель. Мемориальный Музей М. В. Ломоносова при Институте этнографии Академии наук СССР. — Советская этнография, 1949, № 2, стр. 159.
- ²⁰¹ Державин, Николай Севастьянович (1877—1953), академик, славист; в Академию избран в 1931 г.
- ²⁰² Вестник АН СССР, 1949, № 2, стр. 135.
- ²⁰³ Вопросы истории отечественной науки. Общее собрание Академии наук СССР, посвященное истории отечественной науки 5—11 января 1949 г. Изд. АН СССР, 1949 г.
- ²⁰⁴ Там же, стр. 890.
- ²⁰⁵ См., например, статью В. Л. Ченакала, ставшего заведующим Музея после Р. И. Каплан-Ингеля: «Музей М. В. Ломоносова Академии наук СССР и его отделы, посвященные физическим исследованиям великого ученого» (Физика в школе, 1951, № 5, стр. 86 и сл.).

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Акад. изд.	— Сочинения М. В. Ломоносова, тт. I—VIII. СПб.—Л., изд. Академии наук, 1891—1948.
Биллярский	— Материалы для биографии Ломоносова. Собраны экстраординарным академиком П. Биллярским. СПб., 1865.
Записки АН	— Записки имп. Академии наук, тт. 1—75. СПб., 1862—1894.
История АН	— История Академии наук СССР, т. I (1724—1803). Изд. АН СССР, М.—Л., 1958.
Куник	— Сборник материалов для истории имп. Академии наук в XVIII веке, чч. I—II. Издал А. Куник. СПб., 1865.
«Ломоносов»	— Ломоносов. Сборник статей и материалов, тт. I—IV. Изд. АН СССР, М.—Л., 1940—1960.
Материалы	— Материалы для истории имп. Академии наук, тт. I—X. СПб., 1885—1900.
Пекарский	— История имп. Академии наук в Петербурге Петра Пекарского, тт. I—II. СПб., 1870—1873.
Протоколы Конференции	— Протоколы заседаний Конференции имп. Академии наук с 1725 по 1803 г., тт. I—IV. СПб., 1897—1911.
ПСЗ	— Полное собрание законов Российской империи.
ПСС	— М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, тт. 1—10, Изд. АН СССР, М.—Л., 1950—1959.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН¹

- Аврамов, И. В. 137
 Адодуров, В. Е. 5, 29, 274
 Александренко, В. Н. (Alexand-
 renko, V. N.) 272
 Алексеев, М. П. 272
 Алексей Михайлович 93, 273
 Алпатов, М. А. 296
 Амман, И. 16, 31, 32, 34, 278, 279
 Ампер, А.-М. 168
 Андреев, А. И. 268, 272, 275, 276,
 296, 297, 300, 301, 309, 317,
 319, 327
 Андреева, Г. А. 280, 319, 323, 326
 Анна Иоанновна 142, 276
 Арбузов, А. Е. 293
 Арескин, Р. К. 273, 280
 Аристотель 118, 320
 Арнольд Любекский 82, 297
 Арсеньев, А. В. 272, 304
 Бабкин, Д. С. 229, 276, 319
 Байер, Г.-Э.-Т. 77, 296
 Бакмейстер, Г.-Л.-Х. 299
 Бантыш-Каменский, Д. Н. 276
 Баранов, П. А. 278, 281
 Барзаковский, В. П. 288, 289, 292,
 293
 Барков, И. С. 122, 306
 Барсов, А. С. 6
 Батый 88
 Баумгертель, Г. (Baumgärtel, H.)
 276
 Бахрушин, С. В. 293
 Бачинский, А. И. 173, 312
 Безбородов, М. А. 275, 277, 278,
 288, 292, 293
 Бейльштейн, Ф. Ф. 244, 323
 Бекетов, Н. Н. 244, 249, 323
 Белинский, В. Г. 21, 279
 Белов, М. И. 276
 Белокуров, С. А. 274
 Бенедиктов, В. Г. 232, 321
 Берг, Л. С. 275
 Беринг, В. 78, 275, 296, 300
 Берков, П. Н. 278, 284, 320, 325
 Бернулли, Д. 40, 95, 185, 274, 284
 Бернулли, И. 284
 Бернулли, Н. 284
 Бестужев-Рюмин, А. П. 315
 Беттигер, Ф. 62
 /Бильфингер/ см. Бюльфин-
 гер, Г.-Б.
 Билык, В. Я. 309
 Бидярский, П. С. 231, 238, 240,
 242, 250, 281—284, 286, 289,
 291, 298, 301—305, 307—309,
 311, 313—315, 318, 320
 Бирон, Э.-И. 274, 294, 295
 Блох, М. А. 278
 Блюментрост, Л. Л. 273, 280
 Боас, М. (Boas, M.) 283
 Бобынин, В. В. 306
 Боднарский, М. С. 301
 Бозе, Г.-М. 168, 311
 Бойль, Р. 38, 283
 Болтин, И. Н. 318
 Борис Годунов 3, 272
 Боровский, Я. М. 297
 Браун, И.-А. 72, 128, 134, 152,
 163, 295, 309
 Бруно, Дж. 9, 276
 Будилович, А. С. 286

¹ Курсивом обозначены страницы «Примечаний». В косых скобках даны имена в написании Ломоносова, в круглых скобках — имена иностранных авторов, упоминаемых в «Примечаниях».

- Бургае, Г. 31
 Буренин, И. 98
 Бурмистренко, И. А. 326
 Бутлеров, А. М. 68, 292
 Бутова, Н. И. 311
 Буянов, А. 293
 Бычков, А. Ф. 244, 323
 Бычков, И. А. 281
 Бэр, К. М. 313
 Бюльфингер /Бильфингер/, Г.-Б. 95, 273, 278
 Бюргер, М. 284
 Вавилов, С. И. 259, 264—266, 268, 270, 278, 283, 284, 308, 309, 313, 318, 319, 325—327
 Вайтц, Я.-З. 311
 Вальден, П. И. 254, 324, 325
 Васецкий, Г. С. 326
 Васильчиков, А. А. 314, 315
 Веденский, С. И. 86
 Вейссель, М. 82, 297
 Вейтбрехт, И. 20, 35, 279
 Вергилий /Виргилий/, М.-П. 226
 Веревкин, М. И. 229, 319, 320
 Вернадский, В. И. 249, 254, 256, 280, 324
 Веселовский, А. Н. 244, 323
 Веселовский, К. С. 238, 244, 322
 Вильд, Г. И. 236, 322
 Виноградов, Д. И. 6, 8—10, 13, 14, 23, 30, 33, 275
 Виноградов, Я. 6
 Винсгейм, Х.-Н. 50, 75, 97, 98, 120, 287
 Винтер, Э. (Winter, E.) 295
 /Виргилий/ см. Вергилий
 Воларович, М. П. 312
 Волгин, В. П. 299
 Вольнский, А. П. 186
 Вольтер, Ф.-М.-А. 90, 92—94, 156, 299, 300, 308
 Вольф, Х. 9, 10, 12—14, 16—19, 21, 22, 24, 26, 29, 30, 117, 277, 281, 303
 Вольфович, С. И. 283
 Воронцов, М. И. 44, 87, 108, 109, 118, 135, 177, 218, 220, 221, 285, 298, 305
 Галахов, А. Д. 243, 323
 Галилей, Г. 248, 266
 Гассенди, П. 158
 Гебенштрейт, И.-Х. 219
 Гейманус, Г. 96, 97, 287, 300, 308
 Гельмольд /Гельмолд/ 82, 297
 Генкель, И.-Ф. 8, 12, 22—24, 26, 28, 29, 276, 280
 Герман, Ф. Л. 272
 Герье, В. 272
 Гете, И.-Ф. 262, 266, 309
 Гильберт, В. 168, 170, 311
 Гладкий, А. 292
 Глазунов, И. П. 320
 Глазунов, М. П. 230, 320
 Гмелин, И.-Г. 31, 41, 42, 120, 218, 275, 281, 293, 296
 Гнучева, В. Ф. 275, 300, 301
 Голицын, А. М. 94
 Голицын, Б. Б. 249, 324
 Голицын, Н. В. 272, 294—296
 Головин, М. Е. 138, 306
 Головкин, А. Г. 30, 281
 Голубцов, И. И. 6, 80, 297
 Гомберг, В. 313
 Горбунов, Н. П. 259, 326
 Горский, А. В. 236, 322
 Готшед, И.-К. 156, 308
 Гофман, Я.-Г. 286
 Гофман, Ф. 32
 Гребенщиков, И. В. 68, 293
 Греков, Б. Д. 88, 259, 290, 299, 326
 Гришов, А.-Н. 97, 101—103, 150—152, 212, 213, 217, 301, 317
 Гросс, Х.-Ф. 4, 128, 273, 274, 315
 Грот, Я. К. 231—233, 244, 320, 321
 Гудай, Н. К. 259, 326
 Гюйгенс, Х. 158, 248
 Даль, В. И. 236, 322
 Дамаскин 226, 229, 319
 Данилевский, В. В. 319
 Дахриц, К. 64, 290
 Дашкова, Е. Р. 229, 230, 319
 Декарт /Картезий/, Р. 118, 158
 Делиль, Г. 96, 300
 Делиль, Ж.-Н. 40, 74; 75, 95—97, 213, 217, 284, 286, 287
 Делиль, К. 96
 Делиль де ла Кройер /Делякроер/, Л. 275
 Демидов, Ак. Н. 321
 Демидов, Ан. Н. 321
 Демидов, Н. А. 321
 Демидов, П. Н. 233, 321, 322
 Державин, Н. С. 270, 327
 Деркач, Ф. А. 293
 Дилакторский, П. А. 259, 326
 Домашнев, С. Г. 319

- Дондукова-Корсакова, О. М. 272
 Дорфман, Я. Г. 283, 309
 Дубинин, М. М. 262, 326
 Дудин, О. Х. 131
 Дудин, П. О. 131
 Дуйзинг, Ю.-Г. 22, 279
 Дукмейер, Ф.-Э. 258, 325
- Екатерина I 273
 Екатерина II 94, 108—110, 191, 214, 215, 218—220, 224, 287, 290, 299, 307, 309, 319
 Елизавета Петровна 37, 73, 76, 135, 142—144, 191, 214, 226, 253, 274, 283, 286, 290, 297—299, 315, 319, 324—326
 /Епинус/ см. Эпинус, Ф.-У.-Т.
 Ермак Тимофеевич 79, 296
- Жарова, Н. 260
 Жигалова, Л. В. 300
 Жуков, И. И. 293
- Загорский, П. А. 285
 Загорский, Ф. Н. 286
 Захаров, Я. Д. 67, 292
 Зингер, Д.-В. (Singer, D. W.) 276
 Зинин, Н. Н. 68, 231, 233, 321
 Зонара, И. 82, 298
 Зубов, В. П. 279
- Иван III Васильевич 88
 Иван VI Антонович 37
 Ивановский, В. В. 246
 Игорь Рюрикович 85
 Идельсон, Н. И. 268, 311, 327
 Иенсен, А.-А. 258, 325
 Иноходцев, П. Б. 138, 306
 Иордан 82, 297, 298
 Иосса, Н. А. 256, 325
- Каблуков, И. А. 259, 326
 /Кайзерлинг/ см. Кейзерлинг, Г.-К.
 Кантемир, А. Д. 90, 122, 195, 274, 291, 299, 304
 Каплан-Ингель, Р. И. 270, 293, 327
 Капустинский, А. Ф. 288, 292, 293
 Карл XII 90, 92
 /Картезий/ см. Декарт, Р.
 Качалов, Н. Н. 264, 326
 Кейзерлинг /Кайзерлинг/, Г.-К. 29, 30, 274
 Кеневич, В. 299
 Керр, Дж. 173
 Киреевский, И. А. 244
 Кладо, Т. Н. 309
- Клембен /Клемкен/, И.-М. 65
 Клементьев, В. И. 60, 62, 289, 291
 /Клемкен/ см. Клембен, И.-М.
 Клеро, А.-К. 166, 311
 Князев, Г. А. 270, 294, 296, 299, 327
 Князев, Г. М. 248, 323
 Коврин, М. 6
 Козицкий Г. В. 134, 159, 305
 Кокшаров, Н. И. 233, 321
 Коллинсон, П. 307
 Кольцов, А. В. 324
 Комаров, В. А. 275
 Коровин, Г. М. 326
 Корф, И.-А. 5, 6, 8—10, 12—14, 16—19, 21, 23, 24, 274—276, 282
 Корытников, Н. С. 327
 Корявов, П. Н. 327
 Косьминский, Е. А. 299
 Котельников, С. К. 102, 117, 134, 137, 140, 190, 200, 301
 Кравец, Т. П. 37, 264, 283
 /Крамер/ см. Кромер, М.
 Кранц, Г. 82, 297
 Красильников, А. Д. 103, 217, 302
 Красоткина, Т. А. 316
 Крафт, В.-Л. 278
 Крафт, Г.-В. 16, 20, 32, 33, 36, 45, 46, 215, 278, 285, 297
 Крачковский, И. Ю. 264, 327
 Крашенинников, С. П. 42, 47, 57, 79, 143, 145, 275, 293
 Крекшин, П. Н. 73, 74, 77, 295
 Кривецкий, Р. 141
 Кромер /Крамер/, М. 82, 297
 Крузиус, Х. 72, 295
 Крылов, А. Н. 283
 Кузнецов, Б. Г. 266, 280, 308, 312, 327
 Кулябко, Е. С. 289, 305, 306
 Куник, А. А. 231, 238, 240, 242, 244, 276—283, 318, 321
 Кунцевич, Г. З. 259, 326
 Курилов, В. В. 252, 254, 324
- Лаксман, К. Г. 67, 292
 Ламанский, В. И. 243, 248, 249, 282, 323
 Лаппо-Данилевский, А. С. 272
 Лебедев, В. И. 6, 79, 80, 284, 297
 Лебедев, П. Н. 215
 Лев (Леон) Грамматик 82, 298
 Левицкий, Н. Е. 300
 Леденцов, Х. С. 312

- Лейбниц, Г.-В. 4, 272, 277, 309
 Леклерк, Н.-Г. 222, 223, 318
 Леман, И.-Г. 66, 292
 Ленц, Э. Х. 174, 313
 Леонардо да Винчи 262, 266, 309
 Лепехин, И. И. 137, 138, 140, 306
 Леруа, П.-Л. 72, 294
 Либих, Ю. 289
 Линней, К. 186, 192, 281, 315, 316
 Литке, Ф. П. 231, 233, 243, 320
 Лодыгин, А. Н. 236, 322
 Ломоносов, И. М. 280
 Ломоносова, Е. М. 280
 Ломоносова, Е. А. 24, 280
 Лукина, Т. А. 286
 Лукьянов, П. М. 283, 288, 289
 Луппол, И. К. 261, 262, 326
 Лурье, С. Я. 312
 Любимов, Н. А. 320
 Люблинский, В. 299
 Ляликов, К. С. 308
- Майер, Ф.-Х. 4, 273
 Майков, А. Н. 232, 321
 Макаров, В. К. 289, 292
 Малин, М. 272
 Малькевич, Б. А. 327
 Манеке, И. 58, 62
 Манкиев, А. И. 71, 294
 Марковников, В. В. 68, 288, 292
 Мартэн, А. 258
 Межов, В. И. 321
 Мейзель, И.-Г. (Meusel, J. G.) 279
 Менделеев, Д. И. 68, 252
 Меншуткин, Б. Н. 12, 19, 36, 172, 173, 224, 244, 246, 248, 254, 256, 257, 268, 278, 279, 282, 283, 312, 313, 319, 325
 Миллер, Г.-Ф. 4, 31, 36, 63, 64, 69—82, 93, 96—98, 100—104, 106—110, 122, 129, 132, 133, 142, 155, 171, 186, 191, 219, 221, 224, 274, 275, 291, 293—298, 301
 Михаил Федорович 3, 93
 Модерах, К.-Ф. 131, 137, 306
 Модзалевский, Б. Л. 276, 277, 280, 300, 319
 Модзалевский, Л. Б. 248, 268, 278, 324, 325, 327
 Мольер, Ж.-Б. 92
 Морозов, А. А. 266, 278, 293, 319, 327
 Моттлей, П.-Ф. (Mottelay, P.—F.) 311
- Муравьев, М. 319
 Муратори /Мураторий/, Л.-А. 82, 297
 Мушенброк, П. 148
- Нартов, А. К. 47, 220, 286
 Невоструев, К. И. 236, 322
 Невская, Н. И. 302
 /Невтон/ см. Ньютон, И.
 Несмеянов, Я. 6, 8
 Нестор, 82, 297
 Никитиенко, А. В. 231, 233, 320, 321
 Новиков, Н. И. 228, 319
 Ньютон /Невтон/, И. 95, 158, 165, 310, 311
- Олег /Олг/ 85
 Олсуфьев, А. В. 219
 Ольденбург, С. Ф. 249, 324
 Ом, Г.-С. 258
 Орлов, В. Г. 224, 319
 Орлов, Г. Г. 224, 314
 Оствальд, В.-Ф. 261, 326
 Остерман, А. И. 128, 274
 Остерман, И. А. 274
 Остерман, Ф. А. 274
- Павел Диакон 82, 298
 Павел Петрович 318
 Павлов, И. 304
 Павлов, М. А. 306
 Павлова, Г. Е. 326, 327
 Паллас, П.-С. 67, 292
 Пекарский, П. П. 223, 231, 242, 250, 272, 274, 278—285, 287, 290, 291, 294, 304, 306, 307, 309, 311, 313, 315, 318, 320—322
 Перевалесский, П. М. 325
 Перевощиков, Д. М. 173, 231, 232, 240, 312, 313, 320, 321
 Перри, Дж. (Perry, J.) 272
 Петр I Великий 3—5, 73, 90, 92, 93, 96, 144, 155, 156, 214, 222, 226, 260, 272, 273, 276, 280, 281, 286, 295, 299, 300, 303, 304, 307, 318, 320
 Петр III 191
 Петров, А. Н. 292
 Петров, П. Н. 314
 Пипуныров, В. Н. 295
 Плаксин, И. Н. 262, 306, 326
 Платонова, Н. 300
 Погодин, С. А. 278, 288, 289, 292
 Полидорский, И. Д. 108

- Пономарев, С. И. 257, 258, 325
 Поп, А. 123
 Попов, В. 8
 Попов, Н. И. 6, 102, 103, 140, 145, 152, 213, 217, 275
 Поповский, Н. Н. 123, 304
 Постников, П. В. 281
 Потебня, А. А. 236, 322
 Преварский, А. П. 293
 Прейсер, С. 286
 Преторий, М. 82, 297
 Прокопий Кесарийский 82, 298
 Протасов, А. П. 47, 117, 285, 286
 Прянишников, П. 56, 57, 62
 Пыпин, А. Н. 321
 Пюттер, И. 278
- Радовский, М. И. 291, 299, 304, 306, 307, 313
 Раевская, А. М. 238
 Раевский, Н. Н. 238
 Разумовский, А. Г. 51, 274
 Разумовский, К. Г. 51, 52, 56, 58, 74—78, 87, 96, 97, 103, 104, 108, 113, 115, 117, 121, 128, 129, 132—135, 141, 149, 150, 152, 162, 165, 179, 182, 184—186, 189, 191, 200, 213, 214, 216, 217, 219, 222, 224, 282, 287, 288, 290, 291, 304, 307, 310, 314, 315, 319
 Райзер, В. С. 9, 276
 Райзер /Рейзер/, Г.-У. 8—10, 12—14, 21, 23, 33
 Райков, Б. Е. 304, 316
 Расин, Ж.-Б. 92
 Раскин, Н. М. 288, 289, 292, 293, 327
 /Рейзер/ см. Райзер, Г.-У.
 Рихман, Г.-В. 45, 142, 143, 148—150, 152, 154, 160, 162, 166, 173, 215, 285, 306, 307, 309, 311
 Рождественский, Д. С. 236, 322
 Романовичи Ярославские 295
 Романовы 73, 77, 94, 253, 295, 300
 Россохин, Л. К. 303
 Румовский, С. Я. 121, 122, 140, 175, 212, 213, 217, 220, 221, 312
 Рысс, Е. Б. 325, 326
 Рюрик /Рурик/ 85
 Рюриковичи 73
- Семенов-Тяньшанский, П. П. 243, 323
 Сидоров, А. Л. 296
 Сидоров, Н. И. 292
 Сиповский, В. В. 254, 324, 325
 Скржинская, Е. Ч. 298
 Слоан, Г. 31, 278
 Слюсарев, Г. Г. 308
 Смирдин, А. Ф. 230, 257, 320
 Смирнов, В. И. 283, 289, 306
 Смирнов, С. К. 275
 Снегирев /Снигирев/, И. 98
 Соболевский, А. И. 249, 254, 324, 325
 Соболев, С. Л. 289
 Соколов, Н. П. 67, 292
 Соколова, Н. В. 302
 Софронов, М. 60, 140, 289, 306
 Софья Алексеевна 93
 Срезневский, И. И. 231, 233, 236, 244, 320
 Старков, С. 6
 Стеллер /Штеллер/, Г.-В. 79, 293, 296
 Стефан Калиновский 6
 Сухомлинов, М. И. 18, 244, 248, 249, 276, 277, 279, 319, 323
- Татищев, В. Н. 31, 71, 81—83, 88, 294
 Тауберт, И. И. 31, 35, 64—66, 72, 76, 93, 99, 104—110, 131, 178, 179, 188—193, 195, 197, 211—218, 221, 224, 285—287, 291, 302, 317
 Теплоу, Г. Н. 33, 52, 73, 77, 78, 81, 104, 110, 111, 117, 144, 178, 184—186, 189, 219, 282, 287, 288, 297, 300, 314
 Тикотин, М. А. 285
 Тихомиров, М. Н. 296
 Толстой, Д. А. 273, 309
 Топчиев, А. В. 262, 326
 Тредиаковский, В. К. 20, 42, 69, 72, 74, 75, 77, 122, 139, 284, 303, 304
 Трускот, И. Ф. 108, 302
 Туманский, Ф. С. 272
 Тюммиг, Л.-Ф. 117, 303
- Устрялов, Н. Г. 243, 323
- Фаерман, Г. П. 283
 Фандербек, М.-Ш. 273
 Фарадей, М. 168, 173, 311
- Сальков, У. Х. 63—65, 128, 174, 290, 291, 315

- Федор Алексеевич 93
 Федоров, Е. К. 308
 Федоровский, И. Н. 60, 289
 Фенелон, Ф. 20, 279
 Феофан Исповедник 82, 298
 Феофан Прокопович 186, 229, 282
 Ферсман, А. Е. 261, 266, 326
 Фигуровский, Н. А. 262, 288, 293, 326
 Филарет 94
 Фишер, И. Е. 72, 73, 79, 131, 134, 200, 294, 297
 Фомин, А. Г. 257, 258, 323, 325
 Франклин, В. 151, 152, 169, 205, 307, 309, 311
 Фридрих II Великий 90, 92, 145, 253, 299
 Фридрих-Вильгельм I 277
 Хилков, А. Я. 294
 Ходнев, А. И. 243, 292, 323
 Цветаев, Д. 281
 Цейгер, И.-Э. 163, 309
 Цильх, Е. А. см. Ломоносова, Е. А.
 Цицерон, М.-Т. 226
 Чадов, А. 6
 Чебышев, П. Л. 233, 321
 Ченакал, В. Л. 283—285, 308, 309, 312, 327
 Черкасов, И. А. 39, 283
 Чернов, С. Н. 315
 Чернышевская, О. С. 321
 Чернышевский, Н. Г. 320
 Чириков, А. И. 94, 300
 Шаронов, В. В. 310
 Шателен, М. А. 322
 Шафрановский, К. И. 301
 Шахматов, А. А. 249, 324
 Шевырев, С. П. 274
 Шифнер, А. А. 244, 323
 Шишкарев, И. Ф. 108
 Шишкарев, П. 6
 Шлаттер, И. А. 64, 290
 Шлецер, А.-Л. 87, 90, 298, 299, 304, 317
 Шлецер, Х. (Schlötzer, Ch.) 298, 299
 Шмидт, О. Ю. 260, 261, 326
 Шмидт, Я.-Ф. 103, 108, 302
 Шмурло, Е. Ф. 281, 295, 299
 Шокальский, Ю. М. 256, 324
 Штелин, Я. Я. 37, 65—67, 72, 75, 99, 131, 179, 190, 212, 216, 221, 224, 291, 295
 /Штеллер/ см. Стеллер, Г.-В.
 Штрубе де Пирмонт, Ф.-Г. 72—75, 77, 295
 Шувалов, А. П. 319
 Шувалов, И. И. 52, 62, 63, 82—86, 90, 92—94, 123, 124, 133, 136, 137, 148—150, 155, 156, 176, 177, 182, 219, 229, 278, 281, 285, 290, 298—300, 308, 315
 Шувалов, П. И. 290
 Шувалова, М. Е. 290
 Шульман, С. 277
 Шумахер, И. Д. 24, 26, 28—31, 33—36, 40—42, 44, 47, 50—52, 54, 56—58, 62, 74—77, 81, 115, 120, 131, 134, 143—145, 150—152, 162, 178—182, 186—190, 193, 197, 211—213, 220, 221, 280, 282—288, 291, 296, 297, 300, 303, 307, 311, 314, 317
 Щербатов, Г. А. 242, 322
 Эйду, М. 299
 Эйлер, И.-А. 170, 171
 Эйлер, Л. 5, 20, 42, 44, 45, 51, 61, 64, 66, 75, 85, 95, 96, 102, 140, 143, 153, 155, 162—166, 169—172, 175, 176, 185, 192, 213, 220, 221, 248, 274, 278, 284, 287, 291, 307—309, 311, 312, 315, 318
 Эпинус /Епинус/, Ф.-У.-Т. 134, 163, 173—176, 178, 189, 212, 213, 215—217, 309, 313, 317
 Юнг, Т. 158, 308
 Юнкер, Г.-Ф.-В. 23, 26, 35, 37, 39, 280
 Юстиниан I Великий 298
 Юсупов, Б. Г. 286
 Якоби, Б. С. 174, 233, 313
 Ярослав Мудрый 82, 86, 297
 Яхонтова, Н. С. 327

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	IV
Глава I. На пути к профессорскому званию	3
Глава II. Химическая лаборатория	45
Глава III. Историческое собрание	69
Глава IV. Географический департамент	95
Глава V. Учебное дело	115
Глава VI. Публичные ассамблеи	142
Глава VII. Академические конкурсы	165
Глава VIII. Советник Академической канцелярии	179
Глава IX. Памяти М. В. Ломоносова	222
Примечания	272
Список условных сокращений	328
Указатель личных имен	329

Моисей Израилевич Радовский

М. В. ЛОМОНОСОВ
И ПЕТЕРБУРГСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Утверждено к печати
Институтом истории естествознания и техники
Академии наук СССР

Редактор издательства М. В. Медведев
Художник С. Н. Тарасов
Технический редактор М. Е. Земдель
Корректоры Н. Т. Князева и А. Х. Салтанова

Сдано в набор 9/XII 1960 г. Подписано к печати
18/III 1961 г. РИСО АН СССР № 24—115В. Формат
бумаги $60 \times 92^{1/16}$. Бум. л. $10^{5/8}$. Печ. л. $21^{1/4} =$
 $21^{1/4}$ усл. печ. л. $+ 4$ вкл. Уч.-изд. л. $22.36 + 4$ вкл.
(0 19). Изд. № 1437. Тип. зак. № 934. М-37636.
Тираж 2000.

Цена 1 р. 56 к.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12